

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

ООО “БЛИЦ-ИНФО”

2019

УДК 821. 161(470.630)
ББК 83. 3 (2=411.2)6
К 84

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

В сборнике представлены пьесы, написанные в разное время и отражающие происходящие в обществе перемены.

16+

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ
К 94 - Ставрополь: «БЛИЦ-ИНФО», 2019. -

ББК 83. 3 (2=411.2)6

ПРЕДИСЛОВИЕ

Зашел ко мне в офис коллега, известный в крае писатель и издатель Виктор Кустов. На протяжении многих лет, сколько знаю этого человека, он не перестаёт меня удивлять. Во-первых - стабильностью и спокойным упорством, с которым нагло всем бурям и штормам в мире издательского бизнеса он издаёт журналы «Сельское Ставрополье» и «Южная звезда».

Мне кажется, что основа такого положения - не только редакторский и литературный «гений» автора, но и, если так можно выразиться, - возмещенная справедливость, некая награда за умение жить и работать спокойно, достойно, не изменяя себе и не подставляя других.

Что дает ему спокойную уверенность? Пусть меня подвергнут остракизму, но скажу, что думаю. Это ЧИСТОТА ПОМЫСЛОВ. В одном из последних интервью В. Кустов так говорит о своих приоритетах. *«Все мы для чего-то рождаемся на этот свет, у каждого есть своя задача, определяемая по чувству удовлетворения сделанным. Я когда-то пытался «делать много денег». Но, получая деньги, не получал удовлетворения, а ощущал, наоборот, какое-то выхолащивание души. Потом понял: это не мое, это не радует меня. Недаром в Библии сказано, что золото сушит душу, вытягивает энергию. Никакие бонусы не помогут. Должен быть вкус к жизни! Вот я с утра полтора часа провел за чтением новой великолепной рукопи-*

си, присланной автором из Нальчика. Она - из нынешней жизни, вот что важно. Как читатель я получил колоссальное удовольствие и чувствую себя страшно богатым человеком».

Но вернусь к исходному посылу, чем «во-вторых», удивил меня коллега. Вытащив из портфеля увесистую рукопись он попросил её прочесть. Это были пьесы. Задала ему единственный вопрос: «А почему, собственно, пьесы?» Ответил он коротко: «Вдруг «пошло»...».

Доподлинно знаю, само по себе просто так у писателя ничего не «пойдёт». А «идёт» случается лишь тогда, когда, сформировалась тема, вызрела идея и определился канал выхода информации. В наше время популярности гаджетов у народонаселения значительно снизился не только уровень социальной ответственности, но и уровень «читаемости». Из самой читающей страны Россия с космической скоростью опускается до уровня полуграмотной, говорящей на безобразном компьютерном, русско-английском «суржике».

Но вот слушать и смотреть мы пока ещё не разучились. В кино и театры ходим. Так почему бы писателю и не обратить своё внимание в сторону театра. Благо, история литературы знает массу примеров, когда писатели вместо романов создавали пьесы. Тем более, что на современную драматургию в театрах нынче огромный дефицит. Даже если драматурги и берутся говорить что-то «за жизнь», то, как правило, на уровне комикования, когда за гомерическим смехом проблемы и правда жизни уходят на последний план.

Каждая из пьес Кустова раскрывает целые пласты проблем сегодняшнего дня. Политическая ситуация в стране и мире обострила внутренние проблемы людей. И всё больше дает о себе знать то, что нобелевский лауреат и наш земляк А. Солженицын определил как «разрыв культурного пространства». Этот разрыв прошел через семьи («возрастной разрыв» или отчуждение поколений). Конфликт столиц и провинции - географический разрыв. Всё чаще заявляет о

себе историческое беспамятство. Наконец, одна из самых трагических составляющих общего распада России - «мировоззренческий разрыв», который связан с утратой национального самосознания, потерей нравственных ориентиров.

Раньше мы обсуждали эти проблемы «на кухнях» при скоплении друзей и знакомых, под чаёк да легкое вино... Похоже, эту часть социалистического прошлого (как бы восстанавливая традицию общинности) в своих пьесах автор стремится вернуть назад. И таким образом вынести сложные, противоречивые проблемы жизни в разные аудитории.

В личности В.Н. Кустова соединились три главные ипостаси: литератора, журналиста-публициста и организатора. Особенность его пьес в том, что они, скорее литературные, интеллектуальные, чем игровые. Не сюжет играет в них главную роль, а течение мысли автора и её повороты. Через речь героев проявляются характеры и индивидуальность действующих лиц. Так автор ненавязчиво, но упорно и последовательно вовлекает зрителя (читателя) в ход событий.

Пьеса в трех действиях «Время шутов» - детектив. Но - лишь по косвенным признакам. Есть убийца-грабитель, и есть жертва. В дело по расследованию ограбления бывшего собственника дома, у которого домовладение выкупил главный герой пьесы, включаются следственные органы... Но главное не в этом.

С Сергеем Ивановичем Галактионовым мы знакомимся в один из самых благостных моментов его жизни. Вот он входит в дом, осматривается, вот задерживается у камина и представляет себе будущее житьё-бытьё с молодой женой и любимыми книжками. Всё произошло в точности наоборот.

К новому хозяину дома один за другим идут соседи. Познакомиться, «обмыть» ценное «приобретение». Односельчане, как выясняется, люди непростые, в основном отставники - либо из органов, либо из силовых структур; порой

с диаметрально противоположными взглядами на жизнь, они образуют нечто вроде информационного пространства, состоящего из разнозаряженных полей. ...Сталкиваются, искрят, входят в клинч. Это и составляет главный интерес пьесы. Внутренняя политика, обеднение и обольствование народа; любовь и нелюбовь, продажность чувств и преданность; богоприязнь и безбожие...

Поскольку беседы ведут люди, уже прожившие большую часть жизни, спонтанно образованное сообщество напоминает некое земное «чистилище», где обитатели «пригородной кунсткамеры» делают «работу над ошибками», совершенными в жизни. Как бы между делом находится преступник, и детективная сторона сходит на нет как проходная и банальная. Главное - это внутренние открытия, которые в течение максимально сжатого времени делают герои спектакля.

«Время шутов» - это время, когда спадают шутовские колпаки и обнажается суть людей, отношений, ориентиров, действий.

По своим внутренним задачам к этому произведению близка пьеса «На веранде». Хозяин вымышленной «мемориальной усадьбы» приглашает к себе гостей, отдыхающих либо жителей поселка, не знакомых друг с другом. Одному ему известна логика, по которой все собрались в одном месте. За общим столом развязываются языки. Темы все те же: жизнь дорожает, молодежь не может найти работу. Новое поколение агрессивное и непонятное. Испорчены нравы, падает культура. Недовольны все, как относительно обеспеченные и удачливые, так и обойденные жизнью. И всех беспокоит вопрос: зачем они здесь?

Хозяин (то ли карбонарий, то ли провокатор) вызывает людей на откровенность и когда страсти начинают зашкаливать, внезапно «раскрывает карты». Если так всё в нашей стране плохо, готовы ли они объединиться в общее действие, «чтобы не дать стране развалиться». Шокирующий поворот... И в то же время закономерный. Он как бы каждого из нас подталкивает к мысли: а что ты, прежде

всего, ТЫ сделал для того, чтобы не лишиться самого главного в жизни?..

В сущности, все пьесы В. Кустова, собранные в книге, об одном. О том, что жизнь сегодня до крайности обострена, нестабильна. Однако, если человек не обретёт покой внутри себя, он никогда не будет счастлив. И самое время каждому из нас выставлять счета не столько миру, жестокому и несправедливому, сколько самому себе. Для всех нас пришло время работы над ошибками. Собственными. И чем раньше это случится, тем лучше. Никто не придумал ничего более простого и ясного, чем Божьи Заповеди. Просто перечти их и станет ясно, почему два поколения родственников из пьесы «Родные», практически утратив близкие отношения, как к спасению, стремятся к отеческому дому, где никогда не гасла лампадка перед старой иконой. А в самой «театральной» пьесе «Мой командир», пережив ностальгию по прошлой любви, двое взрослых состоявшихся людей возвращаются к тому, что проверено жизнью и временем.

Через раздумья, споры, разногласия героев пьес автор старается напомнить читателям (и хочется верить, возможным зрителям) о важности в жизни каждого из нас духовного начала. Как о главном условии человеческого общежития; о единственном крепком фундаменте жизнеобеспечения общества и государства. Когда цивилизация разрушает систему нравственных, духовных ценностей, она разрушает жизнь. Но мы, каждый из нас, ведь можем ещё хотя бы попытаться сохранить это в себе. Не смотря на огромные сложности и несправедливость жизни.

Как тут не процитировать мысли по поводу самого автора Виктора Кустова. «Вот, например, Патриарха Кирилла я очень хорошо понимаю, когда он говорит, что нужно поднимать духовность, нравственность, нужно обращаться к морали, к совести, а потом уже делать новую экономику, модернизировать производство. Это мне понятно. Когда же говорят: мы будем модернизировать экономику и не говорят о том, что сначала для этого нужно

обучить школьников, студентов, вообще людей, мне это непонятно.

...Выпускница педагогического института говорит: «Я пойду учителем в начальную школу, если хороший бонус будут платить», но не упоминает о том, что пошла бы в школу, потому что она любит детей, - мне это непонятно. Зато я понимаю, что через модернизацию мы не добьемся, чтобы эта девушка любила детей и правильно их учила...

...Одна из форм вернуть России подлинные ценности - жить по совести».

Что значит - по заповедям Божьим.

*Тамара Дружинина,
член Союза театральных деятелей РФ,
Заслуженный работник культуры РФ,
кандидат филологических наук*

МОНОСПЕКТАКЛЬ

Я - КАВКАЗЕЦ

Я - кавказец...

Что, не похож?..

А некоторые говорят, похож...

Когда пацаном с родителями в Сибирь приехал, считали, что похож... Может потому, что нос не курносый... И загар хорошо пристает...

В Сибири в те времена, как и сейчас, кавказцев особо не было. А те, что были, из общей массы не выделялись. Лезгинку если танцевали, то исключительно по праздникам и в помещении. Или когда их чествовали за ударный труд. Как, к примеру, нефтяников, когда те нефть находили. Среди них немало было кавказцев. В остальных профессиях тоже встречались, но нечасто. Единичные особи.

На рынках?.. Да, на рынках не единичные.

Грузины в основном.

С цветами и фруктами...

С усами...

Сейчас вот усы приклею...

Похож?..

Ага, «аэродрома» не хватает.

Вот, надел.

Теперь похож?..

Вот и я говорю...

Не знаю, как сейчас, а во времена моей юности и в Иркутске, и в Красноярске мимозу на Восьмое марта только у них можно было купить.

Вот сейчас вспомню... Да, примерно так:

«Случай, малчык, купи сваей дэвачка... Дэвачка рада будет, пацелуй даст...»

Смелый народ, между прочим. Сибирь, мороз под тридцать, а то и за, а они в осенней одежонке, с «аэродромом» на голове...

А отчего у них «аэродром» в почете?..

В России в советские времена шляпа была в почете, а у них - «аэродром»... А вы представьте: в шляпе и мимозой торговать...

Вот так...

Купите у такого?..

Не купите.

А теперь кепчонку, которую московский мэр времен капиталистической интервенции и оголтелой прихватизации в моду ввел...

Сейчас, под него...

А теперь купите?..

Вот именно...

«Аэродром» - это имиджевый атрибут торговца. Оповестительный знак. Издалека виден. Как световый. Нельзя не заметить.

А шляпа... Ну, шляпа, это скорее фонарь... Который днем выключить забыли, вот и бросается в глаза, хотя совсем не нужен.

А кепочка мэрская - это хотя и не «аэродром», но намекает, что-то у ее обладателя есть на продажу, только надо не во всеуслышание спрашивать, приватно...

Но это я так, к слову... Отступление от темы. Импровизация.

Н-да, сам не ожидал, что к таким выводам приду...

Так о чем я?.. Ах, да, об истории.

Я впервые море увидел, когда студентом был. Каспийское. Есть в Азербайджане такое местечко, где нефтяные вышки из моря не торчат. Тогда не торчали, теперь не знаю. Бузовны называется. Это на электричке от Баку чуть больше часа ехать. Железная дорога вдоль берега идет. По одну сторону насыпи в том месте пляж большой и море. По другую - то, что дачами называлось: домики на песке и кусты виноградные...

Не вру, так было. Сейчас, наверное, виллы стоят, не узнать...

Я там одно лето жил. Отдыхал после сессии. Мой знакомый своего знакомого, бакинца, капитана каботажного плавания, уговорил мне, студенту, прикатившему из холодной Сибири, чтобы отогреться, разрешить на его даче пожить.

Жаркое лето было. Вода в море под тридцать градусов, на суше за тридцать. Медуз мелких... Удобнее всего было без плавков плавать, тогда некуда им забиваться... До обеда в море еще терпимо, а потом свариться можно. И ночью никакой прохлады. В мокрую простыню...

Вот так... То ли римлянин, то ли грек древний... Завернусь, посплю, пока от сухости она не захрустит, и по новой... Так раза три за ночь.

Была у меня там знакомая... Девочка... Зуля. Зульфия. Губы тонкие, злые... Лицо маленькое, смуглое. Да и сама вся маленькая, гибкая... Нет, ничего не позволяла, только целоваться. Времена такие были. Нравственные... Азербайджанка. Но, похоже, с примесью турецкой крови...

А еще был дедушка Хасан. Мы с ним вдвоем на все дачи бездельничали... Нет, вру, бездельничал я. Дед Хасан сторожил дачи. По-русски он знал: «малчык»; «ходы суда»; «ай-яй-яй», «дэвачэк нэлза»... А может, и больше знал, но ленился язык ломать.

И у него была большая палка-посох...

Вот эта...

Нет, конечно, шучу. Я бы ее не сохранил за столько лет. Да и дедушка не отдал бы. Скорее отходил бы этим посохом...

Он вставал раньше меня. Может, даже раньше солнца, потому что, когда я шел к морю, он уже сидел на железнодорожной насыпи. Насыпь была довольно высокой, и с нее хорошо просматривались все дачи.

Он молча отвечал на мое робкое «здрасьте» и провожал пристальным взглядом выцветших глаз из-под кустистых седых бровей, который не скрывал знания всей моей подноготной...

...А вообще азербайджанцы веселые и добрые люди. Только в отличие от грузин не такие шумные. Но также к деньгам, как к мусору, относятся. Относились тогда во всяком случае. Надо тебе что-то купить, давай, что у тебя есть, никто в обиде не будет... В автобусе мелочи сколько загреб, водителю отсыпал, тот мелочиться, пересчитывать не станет. А нечего сыпать, было у меня такое, иди так, с Аллахом...

А город Баку мне понравился. Набережная красивая. По старому городу побродил. Не один. В метро от жары прятался. Не московское, конечно, но под землей...

И национальных мелодий наслушался...

Теперь как услышу эти звуки, чувствую волнение...

Зной в них.

Шуршание песка.

Шелест теплой волны.

И тонкая Зуля...

Сейчас звук добавлю...

А еще. Муслим Магомаев... Полад Бюль-Бюль оглы...

Кого слушаем?..

Давайте Полада, его мало кто сейчас помнит...

...В Тбилиси я только проездом был.

«Мимино» много раз смотрел.

А еще «Не горюй». Очень понравился. Замечательные в этом фильме грузины. Не унывающие, темпераментные, щедрые...

«Боржоми» доставал по блату, когда студенческое питание на желудке отразилось.

Теперь вот покупаю свободно в магазине. Правда, совсем недавно завозить разрешили. Даже «Боржоми» разрешение власти требуется...

И этикетка другая. Произведено уже не в Грузинской Советской Социалистической Республике, а... сейчас посмотрим... в Грузии.

«Бабушку, Илико и Иллариона» читал.

Нодар Думбадзе написал.

Грузин.

Может, кто еще помнит. В одной стране все-таки жили...

Вот эту его книжку я в библиотеке нашел.

Прочту. Чуть-чуть... О грузинской любви.

«Справа от моего села протекает река Губазоули, слева - небольшая речушка Лаше, кишащая крабами, бычками и босоногими мальчишками. Через Губазоули перекинут мостик. Каждой весной взбушевавшаяся река уносит его, оставляя только торчащие из воды сваи. И все же мое село самое красивое и веселое в Гурии. Я люблю его больше всех сел на

свете, потому что нигде не может быть другого села, где жили бы я, бабушка, Илико, Илларион и моя собака Мурада...»

Дальше сами, если захотите, прочтете.

Я думаю, в библиотеках книги Думбадзе еще сохранились. Хотя для многих Грузия сегодня ассоциируется с другой фамилией. И с любовью к другой далекой заморской стране... К другим ценностям.

Эти другие ценности в какой-то мере коснулись и меня.

Один из родственников Думбадзе, я думаю, все-таки из дальних родственников, самых дальних, сильно меня огорчил. Уже когда по разным странам мы разбежались. Немножко, как это сказать по деликатнее, нечестным оказался...

Но я не сомневаюсь, это дальний, очень дальний родственник, хотя и фамилия у него такая же...

А так больше с грузинами дороги не пересекались.

Если, конечно, не считать самого великого грузина, который державу создал, когда меня еще и в помине не было. И в этой державе я потом рос и вырос. И много чего узнал и пережил, пока держава великого грузина не рассыпалась...

А последнее время ни в кино грузин больше не вижу, ни книг не встречаю, и грузинского, такого оптимистичного, мужского многоголосья за щедрым по-южному столом, не слышу...

Жаль, если в памяти других народов только «аэродром» и останется...

В Ереване я тоже коротко был.

В командировке.

Только и успел в знаменитый Сардарапат, музей этнографии, заглянуть. Правда, смутно уже помню,

что там меня поразило. Думаю, прежде всего непостижимость времени.

Ну, а Ереван, как и большинство старых городов, и похож, и не похож на многие другие такие же древние. Я, честно говоря, архитектурным памятникам и музеям предпочитаю движение улиц. Нравится прохожих разглядывать. Выражение лиц...

У армян - контрастные, запоминающиеся.

Отношения наблюдать... Землячеством они крепки. Вероятно, следствие пережитого в двадцатом веке. В начале века - турецкое нашествие, в конце - разрушительное землетрясение в Спитаке...

Характеры... Как у всех народов, разные..

Черты... Наверное, трудолюбие... Во всяком случае, трудолюбивых армян я на своем веку больше встречал, чем ленивых...

Армяне по обе стороны Кавказского хребта живут. Трудно сказать, на какой стороне их больше.

У меня друг был, Леша. По эту сторону хребта.

Отец - русский, мать - армянка. Дед по матери - купец первой гильдии.

Армяне умеют торговать. Когда казаки ставропольскую крепость заложили, без них обойтись не смогли, некому было товар привозить. Пригласили. Офшор гарантировали. Те рынок основали, первые улицы вокруг него под крепостной стеной выстроили...

Так вот, Леша точно знал, что дед его, ростовский купец, где-то в своем саду, который потом вместе с особняком стал территорией советского учреждения, клад зарыл. В то время миноискатели еще свободно не продавались, поэтому, прежде чем нам темной ночью отправиться на поиски спрятанного от реквизиции советской властью Лешиного наследства, надо было этот военный инструмент добыть.

...Нет, не такой... Это уже современный. Теперь клады можно свободно искать.

А мы пару лет искали доступ к военным закромам, думаю, уже на примете у контрразведки были. Но не успели продажного интенданта найти, грянула перестройка, не до кладов было...

Потом Леши не стало... Молодой был, а вот не выдержал перемен...

Другой друг, чистокровный армянин, на той стороне Кавказского хребта детство оставил. Родная страна тоже там. А на этой стороне женился на русской девушке. Дом построил. Сынов вырастил. Родителей уже на этой стороне похоронил...

...В прошлом веке две большие охоты на людей были. Сначала на армян. Потом на евреев...

Армяне вторыми после евреев христианство приняли.

И Арарат, их священная гора, в Турции. Хотя хорошо из Еревана видна.

Вот такая у них история.

А у меня короткая командировка была. К пограничникам. Еще советским. В Октемберянский район. На заставу.

С заставы до Арарата тоже рукой подать... Впечатляет.

Жаркие дни были, середина лета, а тут белоснежный конус перед глазами. Взглянул - и уже не так жарко...

На турецкой стороне за речкой муэдзин периодически на молитву приглашал. В аккурат над мечетью и вздымалась пристань Ноя... Я у погранцов бинокль брал, чтобы разглядеть муэджина. Ну и Арарат, естественно.

...Это уже современный бинокль, у погранцов полевой был...

И вот, как сейчас, все смотрел, смотрел... Но так ковчега или что там от него осталось не разглядел...

Муэдзина?..

Муэдзина разглядел. Старичок. Худенький. С седой бородкой, такой длинной, клинышком...

А может, не увидел ковчега, потому что вглядеться времени не хватало. С утра жизнь пограничную разглядывал, а по вечерам с офицерами предавался застольным беседам. В первый день комсомольские активисты с Октемберяна, ныне Армавир называется, нагрянули. С канистрой коньяка. Прямо с завода, из дубовой бочки.

Коньяк армянский, я вам скажу, самый лучший был в те времена. Тем более, с завода, без обмана. Я думаю, он и сейчас самый лучший, поэтому его и заставили называть арманьяком. Честной конкуренции ведь не бывает, это отмазка, мол, французы первые... Пил я французский, не лучше. А на мой вкус, так хуже... Если только настоящий армянский, а не подделка.

Так вот, канистра стояла возле стола, и лейтенантик, недавно прибывший на заставу, виночерпием был. Разливал по старшинству. Сначала гостям - так закон гостеприимства на Кавказе, потом старшим по возрасту. И только после этого старшим по званию... Ну а ему как шопе, то есть обслуживающему персоналу, пить не позволялось. Так, пригубить...

Н-да, интересные у нас беседы были. Интернациональные...

Ну и пару раз я с дозором границу обошел.

Через контрольную полосу при мне только звери ходили.

А на турецкой стороне, так же, как на нашей, тогда мирно жили.

На этом мои познания о той стороне Большого Кавказского хребта исчерпываются. На той стороне только бывать довелось. Жить - на этой.

Одни горные вершины только с разных сторон видим.

Раньше знали, теперь больше догадываемся, что по обе стороны неплохие люди живут.

По эту сторону, где я живу, государство одно, а народов множество. И у каждого своя история.

Когда попал в эти места, первое время голова закружилась. Потерял ориентацию во времени и пространстве. Так потерял, что мои новые знакомые решили меня привести в чувство традиционным методом. И собрались мы, представители разных национальностей, на даче у молодого в те времена карачаевского писателя Муссы Батчаева на его даче над только что опавшей после паводка Кубанью.

Это сегодня он классик, а тогда был просто талантливый автор.

И дачка у него была по стандартам того времени - маленький, в одну или пару комнат, домик с увитой поздним винным виноградом верандой. На ней за столом мы и сидели. Июньским южным томным вечером.

Зной уже спал.

Наступил час блаженного ничегонеделания.

И душевного отдохновения.

Классик еще не знает, что он классик и ведет себя как простой смертный. Пьет вино и поддерживает разговор.

О чем?

О том, о чем в то время не принято было говорить официально.

О депортации карачаевского народа и возвращении на родину.

Юсуф Созаруков, тогда начинающий карачаевский поэт, пишущий на русском языке, помнящий казахские степи, обиды не скрывал.

Мусса - постарше, помнящий больше и лучше, выдержаннее.

У него уже несколько книг переведены на русский и вышли в Москве.

Я сейчас одну покажу...

Вот она.

А в этом сборнике есть повесть «Аул Кумыш».

Кто бывает в Теберде или Домбае по дороге через Черкесск, его обязательно проезжает. Большой аул. Родина Муссы. Здесь он и похоронен.

«Не приходилось ли тебе когда-нибудь бывать в обычном карачаевском ауле, известном, прямо скажем, лишь тем, что он никому не известен? Почему? Да потому, что такой аул прячется в горах, в укромном месте, в стороне от людских широких дорог. И ты будешь прав, если скажешь, что он, по всей вероятности, непричастен к существованию на земле всех семи больших и семидесяти мелких чудес. Ты прав - к этому он непричастен.

Итак, будь у нас гостем, путник!»

Будь гостем, приглашает карачаевский классик Мусса Батчаев.

Гостю уважение и защита.

Завоевателю - отпор.

Я вот задумался тут, как от толерантности, то есть терпимости, к дружбе вернуться.

Чем можно объединить множество народов, собранных в этих предгорных и горных местах?..

И была ли дружба в державе под названием СССР?

Была.

И русских в Грозном, Махачкале, Нальчике, Черкесске много жило. И не боялись друг друга. Не точили кинжалов. Заводы строили, землю пахали... Национальную интеллигенцию возвращали...

Не элиту. Элита - это у животных. Это когда больше, но не умнее.

У интеллигенции главное богатство не в кормушках да на счетах - в интеллекте. Оттого и понимала интеллигенция национальных меньшинств, какую возможность ей советская власть предоставила: своей маленькой культурой войти в большую, бессмертную... Своей краской, нитью влиться в волшебное большое полотно...

Между прочим, у карачаевцев собственная письменность появилась только в начале прошлого века, уже после Октябрьской революции.

А вообще карачаевцы - потомки половцев. Так ученые считают. Но не все. Половцы были степняки, а карачаевцы живут в ущельях....

А вот калмыки были горцами, а теперь живут в степях. Поэтому Пушкин и выправил «сына степей» на «друг степей калмык»...

Далеко их занесло в свое время от прародины. Но религию собственную не растеряли по дороге.

А в ущельях мир другой...

Довелось мне бывать в карачаевском ауле, выше которого только белые вершины, а верхушки деревьев остаются под подошвами. И услышал я там такую легенду. Жила в этом ауле перед Великим Октябрем воинственная карачаевка, которую даже мужчины уважали и слушали. И когда докатилась сюда молва о том, что творится в долине, решила она закрыть свой аул, свою страну от враждебного мира. Там, где Кубань прорезала самое узкое ущелье, поставила от-

важных джигитов, чтобы те никого не пропускали. Но все-таки прошел как-то отряд то ли красных, то ли белых и забрал то, что хотел, прежде чем перейти в другое ущелье. Тогда она решила завоевать неведомую ей Москву, откуда те пришли. Для этого, она посчитала исходя из численности прошедшего отряда, ей нужно было двести отчаянных джигитов. Молодых, горячих. И велела она собрать всех подростков в одном месте и обучать их воинскому искусству...

У этой легенды не ясен конец. Воспитала ли она подростков в отчаянной любви к родному ущелью и в непримиримой злости к внешнему миру или не успела?..

А может эту легенду придумали уже после возвращения из изгнания аксакалы для укрепления духа.

Но что точно было это - наказ старейшин тем, кто возвращался: на родной земле рожать без устали, чтобы народ множился и занимал свою землю, вытесняя чужаков...

Да, несколько слов о калмыках...

Это ведь тоже Кавказ. Его история, во всяком случае.

У этого народа вера самая древняя и мудрая.

Настолько мудрая, что их не слишком и видно.

А история длиннее многих шумных государств-новорождений.

Такая же длинная история и у ногайцев.

Те тоже спокойные... Словно знают неведомое остальным....

Народы как люди: рождаются, взрослеют, стареют...

Юные народы - драчливые.

Старые народы - мудрые.

У старых народов и летописцы мудрые.

В те времена, когда познакомился с классиком кавказской литературы, я и с классиком ногойской подружился. И был тогда Иса Капаев молод, но уже известен далеко за пределами своей родины. Всей читающей стране. В журнале «Юность» печатался.

Сейчас покажу, как этот журнал в те годы выглядел.

И книжки у него в Москве уже выходили.

Вообще Москва в то время любила кавказцев.

Вот, прочту для затравки, как раньше писали...

«Быстрая езда на грузовике волнует не меньше, чем стремительная скачка на горячем аргамеке. Я стою, опираясь руками о железо кабины, нахлобучив кепку на самые глаза. Встречный ветер, перемешанный с песком и пылью, хлещет в лицо. Впереди необъятная, пахнущая зноем степь. Синий горизонт как бы в одной упряжке с солнцем - не догнать ни на каком скакуне... Белые ковыли, серые полыньники, зеленые разливы люцерны, желтизна пшеничных полей мчатся навстречу. Кажется, все однообразно в этой степи. И вдруг среди седого ковыля, как неожиданная мысль - сверкнет одинокий алый мак...»

Что тут скажешь... Орда. Хан Ногай и его потомки. Немного осталось от этого великого народа.

И черкесов теперь не намного больше.

Черкесы прославились черкеской с блестящими газырями и буркой.

Черкеска - это бальное платье для джигита.

Вот, надел - и я уже джигит.

Бурка - это маленький домик на одного.

Накинул сверху на плечи...

Теперь ветер, дождь, метель не страшны...

А прославлены черкесы Михаилом Юрьевичем Лермонтовым историей о красавице Бэлле...

Это вы знаете.

Еще один народ с историей, разделенный хребтом, - абазины - абхазцы...

Народы-братья...

По разную сторону Кавказского хребта.

В девяностые годы прошлого века мой знакомый абазин Азамат, бывший комсомольский, а затем партийный функционер, немало средств и сил вложил, помогая своим братьям стать свободными... От грузин...

До этого я не сомневался, что эти два народа, грузинский и абхазский, - братья.

Что Нодар Думбадзе и Фазиль Искандер - братья.

Вот у меня томик Искандера. Этот искать, как книгу Думбадзе, не пришлось. Искандер давно уже не был на своей родине. Можно сказать, он по месту проживания - москвич. Но не по прозе...

Вот, прочту, чтобы поняли, что я имею в виду....

«Порывы озонистого воздуха порою трепали его голос, как белье на веревке, иногда слишком сильный порыв ветра, оборвав кусок недослышанной мелодии, уносил его с собой и вышвыривал ее на берег.

Иногда наоборот, как бы заталкивал назад в его поющий рот уже спетую часть песни, но Арменак, напружинившись, вышибал ее из глотки последующим куском мелодии, и в воздухе несколько мгновений дребезжали куски мелодии, заклинившиеся и рвущиеся в разные стороны, как сцепившиеся собаки».

Это из «Сандро из Чегема».

Да, беспокойно стало на Кавказе в конце прошлого века...

Одна война заканчивалась, другая назревала...

Осетины - народ маленький, но гордый.

Впрочем, как все горцы.

Я во Владикавказе на военных сборах был.

Служить в армии не довелось, военная кафедра была, офицерское звание получил.

Лейтенанта...

А военная форма мне идет.

Сейчас оцените...

...Вот как китель сидит...

Живот сразу втянулся, плечи шире стали...

Не понимаю, отчего пацаны от армии косят. Надо же где-то себя мужчиной в полной мере ощутить...

Сейчас вот еще фуражечку...

Вот так...

Теперь другая форма, в ней таким молодым трудно выглядеть...

Так вот о сборах. Для информации: в Советском Союзе офицеров и солдат, вышедших в запас, периодически собирали для повышения военной квалификации. Узнать, что в уставе, тактике, вооружении изменилось, и пострелять на полигоне. Из боевого оружия и из прочей техники, если к ней приписан.

Владикавказ - город с историей.

Через него шла единственная дорога, Военно-Грузинская, на Тифлис-Тбилиси. А там дальше и в турецкий Арзрум, куда Александр Сергеевич Пушкин съездил и путешествие это описал.

Во Владикавказе врач Михаил Булгаков прожил почти целый год. Одна тысяча девятьсот девятнадцатый.

Здесь появился один из первых русских театров на Северном Кавказе.

Это после перестройки Северная Осетия стала основным производителем водки. До этого другие ценности преобладали...

Но в этом городе всегда было много военных.

Мы тоже там на сборах изучали, что еще изобрели люди для убийства друг друга. На полигоне тренировались поражать мишени. Хорошо, что картонные.

У меня получалось.

Я все-таки когда-то охотился.

Пока не понял, как это неправильно - лишать жизни беззащитное существо.

Оправданием может служить только необходимость защититься или выжить.

Спортивная охота - это убийство.

Для кого-то Чечня была спортивной охотой...

А у Льва Толстого кунак был, чеченец Сато. Толстой ему плохонькое ружьишко подарил, а Садо в ответ дорогую шашку. А потом и коня. И от своих воинственных соплеменников защитил... Можно сказать, русскую литературу спас...

Выходит, им война была не нужна.

А кому она нужна?..

Никто не сознается.

Я не везде на Кавказе был.

Но много имен знаю.

Имен, впечатанных в историю.

И это не имена толстосумов или начальников.

Это имена тех, кто ткал общий ковер духовности. Ковер дружбы.

Кайсын Кулиев - балкарец. Алим Кешоков - кабардинец. Разные народы, разные культуры. И человеческая дружба до конца дней. И оба в памяти народной.

Расул Гамзатов - певец, без которого Дагестан безголос.

*«Веками учил ты и всех и меня
Трудиться и жить не шумливо, но смело,
Учил ты, что слово дороже коня,
А горцы коней не седлают без дела.
И все же, вернувшись к тебе из чужих,
Далеких столиц, и болтливых и лживых,
Мне трудно молчать, слыша голос твоих
Поющих потоков и гор горделивых».*

Это Гамзатов о своей родине, о Дагестане.

Тем, что есть, не дорожим... Не дорожили, поэтому и державу разрушили.

Всем так захотелось свободы, самостоятельности...

А ведь неплохо жили на национальных окраинах. Лучше, чем в русской глубинке - на той смоленщине или вологодчине...

И примеряла местечковая власть, уставшая от догмата Москвы, как малыш одежку взрослого, как бы сама распоряжалась... И как тот же подросток, уверена была: знает лучше и больше взрослого... Не подозревая, что заводы, фабрики, колхозы и все, что работало при советской власти, при импортируемом с Запада новом строе полных прилавков не нужны станут.

Думали, что изобилие товаров важнее дружбы.

Не ведали, что Западу своего наработанного, произведенного, выращенного девать некуда и не заводы нужны в большой стране, а большой, голодный, жадный до материального изобилия базар.

Ишак, перед которым так долго маячил клок сена, вдруг понял, что может его достать...

Нет, мы конечно не ишаки. Но иногда бываем не умнее их.

Обижены были чеченцы, карачаевцы и те же калмыки на власть Советов?

Обижены.

Но не более, чем столичные диссиденты.

Вернувшись в родные места после изгнания, они жили бок о бок с русскими.

А мы бок о бок с ними.

Вместе строили, производили, выращивали...

Они женились на русских... И наоборот.

Детей рожали, которые одинаково два родных языка знали...Две культуры.

*Говорят, я не сын
этих гор, этих рек -
Не потрафил строкой
ритмам горского вкуса.
Не услышал стихов
седоглавый Казбек,
Не затеплилась песнь
в изголовье Эльбруса.
Лгут. Бессовестно лгут!
Я метался меж скал.
Шат-гора и Казбек -
тема тайны глубокой,
Ведь не зря же здесь гений
поэта витал,
По ущельям струя
свет души одинокой.
Он терзался и пел.
Я шагнул ему вслед
И с вершин оглядел*

*дорогие просторы,
И, как тысячи стрел,
в сердце скопища бед,
Стон берез и полей
обреченные взоры.
Да, там горе и скорбь!
И я ринулся с гор
В бой за Русь, как солдат,
от родного порога.
Пораженья мои -
дням бесстыдства укор,
Я же пел и пою,
что далось мне от Бога.*

Это стихотворение из вот этого томика «Моя журавлиная Русь» народного поэта Карачаево-Черкесии Михаила Бегера.

Он родился в Черкесске, здесь вырос и стал поэтом.
Настоящим русским поэтом.

Более двух сотен лет пришли сюда казаки. То ли народ, то ли сословие.

Я думаю, все же сословие.

Сословие, занимавшее место между дворянами и разночинцами.

Со своим менталитетом.

Схожим с сибирским.

Почему так думаю? Исхожу из личного опыта. Жена у меня считала себя сибирячкой. Выросла на берегу Байкала. Гордилась этим. Обижалась, если напоминали, что родилась она, правда, в другом месте. А тут вдруг решила своей родословной поинтересоваться. И выяснилось, что оба ее деда, репрессированные в тридцатые годы, казаки. По отцу - донского войска, по матери - кубанского.

Вот и задумалась. Но характер, со стороны виднее, казачий у нее. Другое дело, что не особо разнится он с сибирским. Оба на воле да на преодолении препятствий замешаны.

Нет, не случаен Кавказ в истории России.

Как и Россия в истории Кавказа.

Свободолюбие и искусство политической дипломатии - вот основные уроки, получаемые на Кавказе и по сей день.

И именно Кавказ оплодотворил русскую культуру.

Но не только русская культура вышла оплодотворенной из многонационального горнила и социальных катаклизмов этого исторического соединения места и времени. Общественная мысль, критерии оценки элит, гражданские постулаты общества и отношения человека и государства начали формироваться именно здесь. Военная верхушка и терпеливые солдаты, проповедующие патриотизм, казаки, предпочитающие опасную свободу безопасному прозябанию в крепостничестве, ссыльные вольнодумцы, отчаянно-безрассудные, вышедшие на «декабрьскую площадь», рискованные авантюристы всех мастей и творческие люди - вот кто устремился сюда, на эти просторы, одержимые поиском новизны отношений, чувств, красок, звуков...

Сюда шел отборный люд, уверенный в себе, в своей удаче, фарте...

Все вместе, народы разных национальностей, вер, культур, все мы - кавказцы...

И неважно, что я родился совсем в другом месте России.

Живу на Кавказе.

А значит, кавказец.

ПЬЕСЫ

ДВЕ СУДЬБЫ

Действующие лица:

Марина

Юра

Надя

Сергей

Журавлев

Журавлева

Купов

Синицын

Зотова

Буров

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Картина первая.

Комната в общежитии. Аккуратно заправленные кровати, на столе учебники, свернутые чертежи. На кровати в домашнем халате сидит Марина, довязывает модную шапочку. Вбегает Надя. У нее прекрасное настроение, она возбуждена.

НАДЯ. Мариночка!.. (Подсаживаясь.) Мариночка...

МАРИНА. Подожди, довяжу... Петля... Петля... Собъешь, английская вязка, самая модная.

НАДЯ (вскакивая). Боже, какая проза! Петли, шапочки, покой...

МАРИНА (вертит шапочку, примеряет перед зеркалом). Нормально?

НАДЯ. Да это же скучно, Марина!

МАРИНА. Тебе скучно, мне - нет...

НАДЯ (*обнимая подругу*). Ладно, не обижайся... Просто у меня хорошее настроение.

МАРИНА (*с иронией*). Ты от него без ума. Как Наташа Ростова от Болконского.

НАДЯ. Больше... Он... Я его люблю, понимаешь, люблю...

МАРИНА. Пройдет.

НАДЯ. Как ты можешь?.. Мы любим друг друга, мы не сможем жить один без другого...

МАРИНА. Ну да, Ромео и Джульетта, ах - навсегда, ах - до смерти... Литература... Господи, какая ты глупенькая... Любовь, любовь... Какая там любовь - половой инстинкт. О чем он думает, когда тебя обнимает?.. Только об этом... Все они одинаковы.

НАДЯ (*сердито*). Ну, знаешь... Перестань. Ты сама не веришь в то, что говоришь.

МАРИНА. Мне верить не надо, я знаю. Им одно подавай, а нам - другое. Если разобраться, так вовсе мужики и не нужны. И любви никакой нет, все только притворяются, не сидеть же в девках... Главное, чтобы муж слушался да подчинялся, вот тогда и счастливой будешь... без всякой любви... Мой как шелковый будет.

НАДЯ. С такими мыслями я бы на твоём месте вообще не выходила замуж.

МАРИНА (*вертясь перед зеркалом*). Нельзя, Надь. Во-первых, родители не поймут. Во-вторых, окружающие осуждать, а то еще жалеть станут. В-третьих, две зарплаты все же лучше, чем одна. В-четвертых, гвоздь там забить, полочку сделать, что-нибудь тяжелое перетащить - мужская сила нужна... И детей от кого-то рожать надо.

НАДЯ (*обнимая подругу, с жалостью*). Мариночка, ты правда никогда никого не любила?

МАРИНА. Брось ты, глупости все это, я же говорю. Знаешь ведь сколько у меня парней было, другая позави-

дует. Прогонять надоедало... И на руках носили, и плакали, один даже застрелиться грозился... Смех... Есть оно и ладно, нет - не страшно, не уродина ведь, найду. Какая там любовь... А мальчики были - закачаешься...

НАДЯ. У тебя и Юрка хороший.

МАРИНА. Юрка - теленок. Но мужа я из него сделаю... Надюха, приезжай в гости годика через два, покажу...

НАДЯ. А мой Сережка если б узнал, что я его не люблю, никогда бы со мной ходить не стал.

МАРИНА. Твоего Сережку, если хочешь знать, я бы близко к себе не подпустила. Дурочка ты, Надюха, он тебя обманывает, а ты радуешься. Обожди, вот добьется своего и бросит. С ребенком...

НАДЯ. Перестань.

МАРИНА. Так и будет.

НАДЯ (со слезами). Перестань, я прошу.

МАРИНА. Хорошо, хорошо... Эх, жалко мне тебя...

В окно стучает камешек. Марина выглядывает.

МАРИНА (с иронией). Сереженька твой оттирается...

Надя мечется по комнате, поправляет перед зеркалом прическу, машет в окно.

НАДЯ. Я побежала.

Оставшись одна, Марина еще раз примеряет шапочку, потом бросает, подходит к окну, долго смотрит вслед уходящим Сергею и Наде, вздыхает. Достает из-под кровати чемодан, из него несколько фотографий. Раскладывает как пасьянс и оценивающе разглядывая, по одной откладывает в сторону. Последнюю долго рассматривает, читает надпись на обороте. В дверь кто-то стучит.

МАРИНА. Одну минуту. (*Убирает чемодан, приводит себя в порядок.*) Войдите!

В комнату робко входит Юра.

ЮРА. Мариночка... Мы опаздываем...

МАРИНА (*недовольно*). Иду, иду... Ну что ты стоишь, подожди в коридоре, я оденусь.

Юра послушно выходит.

МАРИНА (*кричит*). Можешь вниз спуститься, не стой как истукан!

Картина вторая

Вечерняя аллея. Бледнеют редкие фонари. Скамеечка. Появляются Сергей и Надя. Сергей идет, засунув руки в карманы пальто. Надя, балуясь, то прикидывается к нему, то отходит, напевая и кружась.

НАДЯ. Сереж, а ты любил кого-нибудь кроме меня?

СЕРГЕЙ. Нет.

НАДЯ. А вот скажи, тебе приятно со мной гулять, приятно?

СЕРГЕЙ. Приятно.

НАДЯ (*останавливаясь*). Почему?

СЕРГЕЙ. Ты красивая.

НАДЯ. И только?

СЕРГЕЙ. Наверное, не только.

НАДЯ (*после паузы*). А тебе нравится выполнять мои желания?

СЕРГЕЙ. Да.

НАДЯ. Правда?.. Тогда поцелуй меня.

Целуются.

НАДЯ. Марина говорит, что любви нет.

СЕРГЕЙ. Она просто дура.

НАДЯ. А мне ее жалко. И Юрку жалко, он ведь ее любит... А что лучше, когда тебя любят, а ты нет, или когда ты любишь, а тебя совсем не любят?

СЕРГЕЙ. Если меня.

НАДЯ. Нет, лучше, когда оба, как мы, а потом, когда ты любишь... А когда тебя, а ты нет, это неприятно, тяжело... Ты меня очень любишь?

СЕРГЕЙ. Да, я тебя очень люблю... Надя, нам нужно серьезно поговорить...

НАДЯ. О чем?

СЕРГЕЙ. Давай посидим. *(Садятся на скамейку.)* Тебе не холодно? Мы уже не маленькие, правда ведь?.. И у каждого была своя жизнь, до нашей встречи, правда?

НАДЯ. Ты меня спрашиваешь?

СЕРГЕЙ. Ты же не будешь спорить, что это не так...

НАДЯ. Я слушаю.

СЕРГЕЙ. Видишь ли, я сегодня получил письмо... *(Достает из кармана мятый конверт.)* Прочти.

НАДЯ. Плохое?.. Не хочу, не надо.

СЕРГЕЙ. Я тебе говорил, что у меня была девушка на практике. Это письмо от нее.

НАДЯ. Я не хочу.

СЕРГЕЙ. Я люблю тебя. *(Обнимает, целует Надю.)* Я рад, что мы встретились, что ты была у меня.

НАДЯ. Была?..

СЕРГЕЙ. Та девушка... Короче, она моя жена, понимаешь, я ее не любил и не люблю, но так все получилось. Я ее просто пожалел и вот письмо... У нее родился ребенок...

НАДЯ. Жена?.. *(Приникая к нему.)* Но ведь ты любишь меня?

СЕРГЕЙ. Конечно, я люблю только тебя. Но у нее родился сын. Она грозит написать в институт. Прочти. *(Протягивает письмо.)*

НАДЯ. Не хочу...

СЕРГЕЙ. Я должен на ней жениться, понимаешь...

НАДЯ. Почему должен?

СЕРГЕЙ. Пойми, Наденька, все так непросто. Ты ведь любишь меня, тебе безразлично, что со мной будет... У меня карьера... А это пятно...

НАДЯ. Но ведь я буду с тобой.

СЕРГЕЙ. Ты... Начнутся разборки... Это скажется на моем имидже... Ты ведь не хочешь быть женой рядного человека?

НАДЯ. Мне все равно, кем ты будешь. Я люблю тебя, я всегда буду любить.

СЕРГЕЙ. Надя, ты не думаешь обо мне. А как же я, мои мечты, мои планы?..

НАДЯ. Сережа...

СЕРГЕЙ *(обнимая)*. Хочешь, мы будем вместе, снимем квартиру и будем жить вместе, а там... а там с ней все будет формально, на бумаге...

НАДЯ *(отстраняясь)*. Ты хочешь, чтобы я была твоей любовницей?

СЕРГЕЙ. Потом, когда все уладится, я оформлю развод и нам никто не помешает, никогда, всю жизнь, Наденька...

НАДЯ. Счастья через несчастье не бывает.

СЕРГЕЙ. Бывает, бывает! Посмотри, вокруг все так живут, это же жизнь, а не учебник! В ней все есть, Наденька, и наше счастье зависит только от нас. Ты согласна?

НАДЯ. Нет. *(Поднимаясь.)* Нет! *(Бежит по полутемной аллее.)*

СЕРГЕЙ. Надя! Надя! *(Делает несколько шагов, останавливается и, засунув руки в карманы, медленно идет в другую сторону.)*

Картина третья

Институтский коридор. Группками проходят студенты. Слышатся отрывистые фразы.

- Ну как?
- Остаюсь.
- Ты куда?
- На Сахалин.
- Сам выбрал...
- Сам, на край света...

Появляется Сергей

- Серега, о'кей.
- СЕРГЕЙ (вяло). О'кей, о'кей.
- Везет человеку, такое предложение...
- Серега, не зазнавайся, большим человеком станешь...
- СЕРГЕЙ. Иди, иди.

Все уходят, он остается один. Появляется Надя. Она чуть не налетает на Сергея, и увидев, замирает.

СЕРГЕЙ. Извини.

Надя молча проходит мимо. Опять появляется группа возбужденных ребят.

СЕРГЕЙ (зло). В Сибирь надо ехать, или на Дальний Восток. Там сейчас такие дела, деньги, перспективы, слава, почет...

- Что же ты не поехал?
- Мама его не отпустила.
- Он в политики пойдет, там его научат...
- Мужики, а ну его, пошли...

Уходят. Сергей бредет следом.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Картина первая

Прошло три года...

Большая квартира, обставленная с мещанской роскошью, с претензией на вкус. Развесистый фикус и несколько декоративных кактусов отделяют уютный уголок, куда любят отходить парочки. Обстановка создает ощущение лицемерной доброжелательности. В комнате Журавлев, Журавлева, Купов, Синицын, Надя. Появляется Зотова.

ЗОТОВА. Товарищи, ну что это такое, какая серая, скучная обстановка... Мужчины, почему позволяете скучать женщинам...

КУПОВ (*откладывая книгу, которую он бездумно листал*). Верочка, без вас все желтеет и вянет, без вас мы - это тело без души. (*Лениво целует Зотовой руку.*)

ЗОТОВА. Что ты, Славик... (*Заметив Надю.*) Кстати, вы уже познакомились?.. Ай-яй-яй, не узнаю, не узнаю... Надя, не прячьтесь за фикусом, робость - в наш век качество сугубо мужское. Идите сюда. (*Купову.*) Это милая Надя, будущее научное светило.

КУПОВ. О... (*Целует Наде руку.*) Вы действительно светило?.. (*С иронией.*) Восходящее... Нет, я в это верю, я верю в милую Надю...

ЗОТОВА. Надюша, не смущайтесь. И не робейте. А еще не верьте, у Вячеслава такая работа, много говорить и тут же забывать, о чем сказал.

КУПОВ. Вера Федоровна...

ЖУРАВЛЕВ. Надя... Надежда, значит... Вы работаете с нашей милой хозяйкой? (*Пожимает руку.*)

НАДЯ. Да.

ЖУРАВЛЕВА. Надюша, оставьте мужчин, давайте сколотим свое женское общество, на кухне...

КУПОВ. Нет, Машенька, оставьте нам Наденьку. Какой вам прок от еще одной женщины... Женщины для мужчин - мужчины для женщин.

ЖУРАВЛЕВА. Боже, у вас симптомы, вам надо скорее влюбиться.

КУПОВ. Симптомы? Очень интересно. Чего же? Уж не маразма ли?

ЖУРАВЛЕВА. Хронического холостяка. (*Уходит.*)

КУПОВ (*наигранно вздыхая*). Влюблялся... Безнадежно... Каждый год с первого класса.

СИНИЦЫН (*словно проснувшись*). Простите, а вы не знаете, что можно купить за шестьдесят три советских копейки?

НАДЯ (*удивленно*). Купить? Я не знаю, что хотите...

СИНИЦЫН. Нет, вы не поняли меня, что в единичном измерении имело эту стоимость, шестьдесят три копейки...

КУПОВ. Наденька, он одержимый, ответьте ему, можете что угодно назвать.

НАДЯ. Но я действительно не знаю... И не понимаю...

СИНИЦЫН. Все очень элементарно. Я хочу составить таблицу и определить номинальную стоимость копейки в СССР. А для этого мне необходимо определить последовательно возрастание ее в разовом выражении.

ЗОТОВА (*входя с тарелками*). Не обращайтесь внимания. Надя, Алик - кандидат наук, это его хобби, гимнастика для ума.

НАДЯ Кандидат каких наук?

ЗОТОВА. Алик у нас большой специалист по японской литературе.

СИНИЦЫН. Так вы не знаете?.. Жаль... А вы любите искусство, поэзию?

НАДЯ. А это очень важно?

КУПОВ. Любить поэзию?.. Вы обижаете Алика...

НАДЯ. Нет, знать, что можно было купить за шестьдесят три копейки.

ЖУРАВЛЕВ. Счет открыт...

КУПОВ (*целуя Наде руку*). Я восхищен.

СЕНИЦЫН. *Нежданно*

*Подходят ко мне,
Жмут руку мою,
И так же неожиданно
Уходят люди.*

КУПОВ. Каждый молится богу на собственный лад.

Всем нам хочется в рай и не хочется в ад.

Лишь мудрец, постигающий замысел божий,

Адских мук не страшится и раю не рад.

ЖУРАВЛЕВ. Начинается поэтический турнир...

До чего же скучные люди, Надюша. Убожество собственных мыслей прикрывают заимствованными у других...

СЕНИЦЫН (*не обращая внимания*).

Словно дождь зашумел

На вершинах леса

Пронеслись обезьяны.

До чего же они

На людей похожи!

ЖУРАВЛЕВ. Видите... Иезуитские манеры. Нет чтобы оскорбить по-человечески, все стараются иносказательно, стихами... А отчего это, Наденька, происходит? От ума, эрудиции? Нет, ошибаетесь. Это все от слабости, от бессилия, от пустоты мыслей и дел.

ЖУРАВЛЕВА (*входя*). Журавлев, успокойся. Твоя проза Надю не обольстит...

ЖУРАВЛЕВ. Машенька, перед моей прозой не устояла даже ты...

КУПОВ (*Журавлеву*). Скажи не мудрствуя, что читать тебе некогда, завертелся в делах, это будет вполне правдиво и не стыдно. (*Поворачиваясь к Синицыну.*)

Много мыслей в моей голове, но увы:

Если выскажу их - не сносить головы!

Только эта бумага достойна доверья,

(Указывает на Надю.)

О, друзья, недостойны доверия вы!

ЗОТОВА (*расставляя на столе*). Наденька, не теряйтесь, остановите этот рыцарский турнир... Нравится вам у нас?

НАДЯ. Да.

ЖУРАВЛЕВ. Наденька в том возрасте, когда нравится все и все.

ЖУРАВЛЕВА (*Зотовой*). Господи, мой милый опять играет в старичка.

ЗОТОВА. Ему это идет... Пойдемте, Наденька, можете мне... (*Уходят на кухню.*)

СИНИЦЫН. Возраст не играет никакой роли. Главное - состояние души...

КУПОВ. Душа бессмертна и, значит, для нее не существует понятия времени. Не так ли, мой ученый друг?

ЖУРАВЛЕВ. Интеллектуалы вы мои, только не надо мистики, довольно с меня моей жены...

КУПОВ. Твердо стоящий на земле...

СИНИЦЫН. Люди никогда не поймут друг друга и рая на земле не будет.

ЖУРАВЛЕВ (*разворачивая газету*). Устами младенца... Нет, я совершенно серьезно... Вот, пожалуйста, еще один очаг опасности... Очаг, очаг, прямо пожарище, а не мир. (*Складывает газету.*) И самое непостижимое, что я не могучий смертный, очагов этих не хочу. А судя по СМИ, большая часть человечества их тоже не хочет, а они появляются и все. И плевать им на мое отношение.

КУПОВ. Объективные условия.

ЖУРАВЛЕВ. Чепуха. Субъективные состязания. История всегда замешивается единицами, только всходит массой. Не надо забывать о многозначительности оскала политики...

СИНИЦЫН.

Постичь себя, узнаю свою душу

И ничего более.

Лишь потому, что цветы

Облетают,

Милей они вдвое...

В суетном мире

Что может быть долгим!

КУПОВ (*Журавлеву*). Ты преувеличиваешь роль личности в истории и недооцениваешь экономические причины. На земле всегда чего-то не хватает, и тем, у кого почти все есть, и тем, кому нечего есть. И все хотят только хорошо жить. А чтобы хорошо жить - надо отнять у другого. В мире, в обществе - везде этот закон - главный, отнять.

ЖУРАВЛЕВ. Ты отнимаешь?

КУПОВ. Если хочешь, да... Не в буквальном смысле, конечно. Я не способен выйти на дорогу и чистить карманы, но все-таки и ты, и я, и они, мы все у кого-то что-то берем. У нас тоже, так что пусть тебя не мучают угрызения совести. К тому же, ты ведь и отдаешь всем, в общественном продукте...

ЖУРАВЛЕВ. А я не хочу этого знать, я не хочу ни отбирать, ни отдавать. Лишь одного, чтобы мои сыновья будут жить. И мои внуки, и правнуки... Ты этого не хочешь?

КУПОВ. У меня их пока нет... И от твоего хочу - не хочу, в мире ничего не изменится. Он сотрет тебя и пойдет дальше. Растрепанная импровизация истории - жестокая особа, и не пытайся с ней спорить.

ЖУРАВЛЕВ. А не кажется тебе порой, что твоя отстраненность - это не сила, а слабость... Лучше заводи скорее детей, потом мои слова вспомнишь...

Входят женщины.

ЖУРАВЛЕВА. Вы не скучаете? Похоже, что вы прекрасно обходитесь без нас.

КУПОВ (вяло). Иллюзия... Мы задыхаемся от скуки...

СИНИЦЫН (во время спора он стоял в уютном уголке за кактусом).

*Сумерками дня
Летнего, который
Не хочет так темнеть,
С тоской гляжу я, и невольно
Грустно мне...*

ЗОТОВА. Алик, это Такубоку?

СИНИЦЫН. Нет, это я...

ЗОТОВА. Ваши стихи?

СИНИЦЫН. Мое настроение.

КУПОВ. Я знаю, почему ему грустно...

ЖУРАВЛЕВ. Ясно, как Божий день. Это намек на то, что нам пора к столу.

ЗОТОВА. Конечно. Все к столу, будем пить чай.

ЖУРАВЛЕВ. И кое-что еще, посущественнее. (Разливает коньяк.) По глотку живительной влаги и мир станет прекрасным.

ЖУРАВЛЕВА. Теперь он играет в алкоголика...

ЖУРАВЛЕВ. Машенька, жизнь - это игра. Это ведь одна из твоих заповедей.

КУПОВ. *Стоит царства китайского чарка вина,
Стоит берега райского чарка вина,
Горек вкус у налитого в чарку рубина -
Эта горечь всей сладости мира равна.*

ЗОТОВА. Дайте немножко отдохнуть Надюше, не забывайте, что женщина любит не только умные речи.

ЖУРАВЛЕВА. Ах, Верочка, разве это мужчины...

КУПОВ. Я обижен. (*Выпивает коньяк.*) За всю сильную половину человечества. Я чертовски обижен и больше ни одной прекрасной строки, только серая проза. Нет, я всегда говорил, что женщине не все дано понять. Не нужно обольщаться. следует признать, что женщина - это прежде всего предмет комфорта для мужчины. И не надо ее заставлять подняться выше этого...

ЗОТОВА. Вот как?

ЖУРАВЛЕВА. Комплимент, достойный моего мужа... Наденька, не стесняйтесь, говорите, спорьте с ними, это они только кажутся на первый взгляд умными.

НАДЯ. Я с удовольствием слушаю.

ЖУРАВЛЕВ. Нет, это не совсем верно. Предметом комфорта сможет стать далеко не каждая женщина. Женщина - это прежде всего источник наслаждения для мужчины.

КУПОВ. В здоровом теле и дух здоров...

НАДЯ. А мужчина для женщины?

ЖУРАВЛЕВА (*опережая мужа*). Источник неприятностей.

КУПОВ (*Журавлеву*). Тебя не настораживает этот симптом у твоей жены?

ЖУРАВЛЕВ. Она неискренна... Я вам отвечу, Наденька. Мужчина для женщины - это бог, свет в окошке, суть ее жизни, наконец, ее властелин и ее забота. Иногда даже кормилец... В определенные времена.

ЖУРАВЛЕВА. Забота - несомненно, все остальное, Надюша, сказано для зрителей.

СЕНИЦЫН. Мы все вышли из женского чрева и оно же манит нас. Природа целесообразна, избрав способом продолжения жизни слияние двух полов, а не

отделение одного от другого. Она замкнула круг: мы появляемся из чрева, а уходим в землю. Природа и женщина - не единство ли?

Пауза.

КУПОВ. Алик, мы поражены... Я знаю, что можно было купить за шестьдесят три копейки... Шестьдесят три коробка спичек.

СИНИЦЫН. *Оконное стекло*

Задымлено

Дождем и пылью...

Я тоже стал таким,

Какая грусть!

КУПОВ (*нарочито недовольно*). С тобой невозможно разговаривать. Каково будет тем, кто доживет до того часа, когда ты станешь академиком...

ЖУРАВЛЕВА (*Наде*). Он тоже играет. (*Кивает на Синицына.*) В юродивого. Здесь все, Надечка, играют. Вы еще не почувствовали приступ тоски?

НАДЯ. Нет... Чьи это стихи?

ЖУРАВЛЕВА. Не знаю... Меня это никогда не интересовало. Вы закончили химический факультет?

НАДЯ. Да.

ЖУРАВЛЕВ. Надя, вы так и не рассказали нам, в чем заключается ваша работа?

НАДЯ. Это гораздо скучнее, чем вы предполагаете. Право, мне не хотелось бы говорить о ней.

КУПОВ. Вот как? Современные молодые женщины обожают рассказывать о своей работе. Это признак эмансипации.

НАДЯ. Значит я не отношусь к современным.

КУПОВ. Смелое заявление.

ЗОТОВА. Надя очень способный химик, а быть не современной опять становится модно.

КУПОВ. Мы это поняли... (*Вставая, Наде*). Уделите старому, не модному холостяку пару минут. Это будет в стиле ретро... К тому же я когда-то мечтал стать химиком...

(*Купов и Надя отходят к фикусу.*)

ЖУРАВЛЕВА. Давайте послушаем музыку. Верочка, поставь, пожалуйста, что-нибудь, тоже в стиле ретро...

Журавлева пересаживается на диван, рядом опускается Журавлев. Зотова включает магнитофон.

КУПОВ. Надюша, вам действительно нравится здесь?

НАДЯ. А почему бы нет?

КУПОВ. Здесь так приторно, надумано...

НАДЯ. Но и вы ведь здесь.

КУПОВ. Во-первых, я уже привык, адаптировался и даже пристрастился к этой разлагающей атмосфере. Во-вторых, я старый холостяк, ни на что не способен. Мне ничего не остается, как заниматься словесным блудом... А вы человек совершенно иного круга, иного настроения... Давайте уйдем отсюда?

НАДЯ (*после паузы*). Вдвоем?.. Нет, не хочу. Мне нравится компания.

СЕНИЦЫН (*незаметно подошедший к ним*). Принцесса была груба, как все нынешние принцессы. В детстве тайком от родителей она покуривала...

КУПОВ. Алик, это слишком... (*Уходит.*)

НАДЯ. Алик, снимите маску.

СЕНИЦЫН. С удовольствием. Помогите?

НАДЯ. Я хочу дать вам совет, по поводу хобби... Обратитесь в комитет цен...

СИНИЦЫН. Тогда исчезнет весь смысл моего увлечения и, к тому же, (*Тихо.*) нужно будет искать новый клоунский колпак...

НАДЯ. Неужели он вам так необходим?

СИНИЦЫН. Позвольте уклониться от ответа... Вы интересуетесь философией?

НАДЯ. Увы, в этой области я совершенный дилетант.

СИНИЦЫН. Это прекрасно. Значит я могу говорить все, что взбредет в голову...

НАДЯ. Попробуйте.

СИНИЦЫН. Вы знаете, Восток за много столетий до просвещенной Европы сделал великое открытие: жизнь - это мгновение и не надо строить планов, не нужно ждать чего-то впереди. Это глупо, надо просто жить каждое мгновение. Не будущим, не прошлым - настоящим мигом. Я падаю ниц перед древними мудрецами, ниц - за то, что позволили прозреть, за то, что научили чувствовать жизнь. И я падаю ниц пред вами, ниц - за то, что вы есть на свете...

НАДЯ. Вот как? Это объяснение?

СИНИЦЫН. Вы умны. Умны и приятны - это редкость.

НАДЯ. А вы торопливы.

СИНИЦЫН. Дзен-буддисты, которые были намного мудрее нас с вами, подарили мне закон спонтанного бытия. Говорить то, что думаю; чувствовать, не пытаться предвидеть и не контролировать сердце мозгом... Сейчас я чувствую, что вы принесете мне счастье...

НАДЯ. Надолго?

СИНИЦЫН. Разве это важно?

*Если б любила меня ты,
Легли б мы с тобой в шалаше,
Повитом плющом.
И подстилкой нам
Рукава наши были б...*

Прекрасный старинный обычай: в часы любовного ложа, сняв одежды, подстилать их под себя...

НАДЯ. Простите, Алик, я еще не прониклась дзен-буддизмом. (*Уходит.*)

СИНИЦЫН. Я подожду...

Трезвонит звонок.

ЗОТОВА. Кто бы это мог быть? (*Идет открывать.*)

КУПОВ (*Наде, мимоходом*). Поразил?

НАДЯ. А вы как думаете?

КУПОВ. Эх, Надечка. Не все то золото, что блестит...

НАДЯ. И все-таки, Алик неотразим...

КУПОВ. Бедняга Купов, ему не везет ни в чем, даже в любви...

ЖУРАВЛЕВА. Новое действующее лицо...

ЖУРАВЛЕВ. Машенька, а не пойти ли нам баиньки?

ЖУРАВЛЕВА. А если это женщина?

ЖУРАВЛЕВ. Мне достаточно тебя... (*Обнимает.*)
Разве можно кого сравнить с тобой...

Входит Зотова, следом Буров. Он только что с поля, бородат, в штормовке, болотных сапогах и с рюкзаком.

ЗОТОВА. Сергей Петрович, Боже мой, вы все молодеете... Я теперь понимаю, почему вы ходите в тайгу...

БУРОВ. Исключительно за этим... Мне бы ключ, Вера Васильевна. Ни о чем не мечтаю, только о ванне - полдня отмокать буду.

ЗОТОВА. Одну минуточку, Сергей Петрович... А впрочем, нет, посидите с нами, поужинайте. У вас ведь теперь будет большой отпуск... (*Замечая нерешит-*

тельность Бурова.) Товарищи, познакомьтесь, это мой сосед - Сергей Петрович Буров, геолог, из последних романтиков... *(Бурову.)* Проходите, Сергей Петрович, садитесь, а то по-соседски обижусь... *(Буров машет рукой и садится.)* Тем более, у вас там холостяцкая пустота...

БУРОВ. Честно признаться, я действительно голоден. И к тому же, такой стол... И ни баночки говядины тушеной...

Зотова подает ему тарелку и он начинает накладывать закуски.

ЗОТОВА *(опускаясь напротив)*. Вы похудели, стали похожи на Дон Кихота...

БУРОВ. Скорее, на поджарого гончего пса.

ЗОТОВА. Кушайте, кушайте... *(Наливает коньяку.)*

БУРОВ. Угу... *(Смотрит на остальных.)* А что же это я один?

ЖУРАВЛЕВА. Ничего, не стесняйтесь, мы уже... *(Поднимается.)* Верочка, мы прощаемся.

ЗОТОВА. Уже?

ЖУРАВЛЕВА. Пора. Моему муженьку завтра рано вставать.

ЖУРАВЛЕВ *(хлопая Бурова по плечу)*. Насыщайся, Сергей Петрович. Романтика - дело хорошее, но романтикой сыт не будешь...

БУРОВ. Спасибо.

Журавлевы уходят, Зотова их провожает.

БУРОВ *(все еще держа рюмку, Купову)*. А вы?

КУПОВ. Я, пожалуй, откланяюсь. Дела... Печень...

БУРОВ *(понимающе)*. А-а... Да.

Купов уходит.

БУРОВ. Как хотите. *(Собирается выпить.)*

НАДЯ. А мне не предлагаете?

СИНИЦЫН *(появляясь из-за фикуса)*. И мне тоже.

БУРОВ. Ах, извините, растерялся от многолюдья...
Отвык... С удовольствием. *(Наливает рюмки.)*

Рассаживаются Синицын и Надя, появляется Зотова.

ЗОТОВА. Сергей Петрович, вы чем-то напугали моих гостей...

НАДЯ. Борода, сапожищи...

БУРОВ. А чего же они такие пугливые. На вид вроде крепкие, здоровые.

ЗОТОВА. Я пошутила, они действительно уже собирались уходить. Жаль, что вы не появились раньше, когда у нас в разгаре была беседа...

БУРОВ. Вера Васильевна, мне кажется иногда, что вы научились останавливать время... Я приезжаю, уезжаю, а у вас по-прежнему, незыблемо.

ЗОТОВА. Это плохо?

БУРОВ. Моя профессия учит не делать поспешных выводов...

Пауза.

ЗОТОВА. Алик, вы не спешите?.. Проводите Наденьку...

НАДЯ. Нет, что вы, меня не нужно провожать, я сама доберусь... *(Поднимает рюмку.)* За знакомство с романтизмом *(чокается с Буровым)* и с дзен-буддизмом *(с Синицыным. Зотовой.)* Спасибо за вечер, мне было очень интересно.

Надя встает, поднимается и Синицын.

БУРОВ. Всего хорошего... Хотя, постойте. *(Идет к рюкзаку.)* Тут у меня кое-какие геологические сувенирчики... *(Достает несколько камней.)* Это вам. *(Подает Синицыну.)* Это вам от меня, простите, не запомнил вашего имени. *(Подает Наде.)*

НАДЯ. А вы и не могли запомнить, нас не знакомили. Представили только вас, как соседа... Надежда.

БУРОВ. Очень приятно... А это хозяйке *(Подает камень Зотовой.)*

ЗОТОВА. Какая прелесть...

НАДЯ. Халькопирит, пирит и... что же это? *(Разглядывает камень.)*

БУРОВ. Вы разбираетесь в камнях?

НАДЯ. Увлекалась... Вы ищете медь?

БУРОВ *(оживленно)*. Руды... Полиметаллы... Я поисковик... Слушайте, это ведь замечательно, нет, я вас так не отпущу. Черт с ней, с ванной... Вам действительно нравятся камни?

НАДЯ. Когда-то я их собирала. У меня даже есть маленькая коллекция...

БУРОВ. Вера Васильевна, дайте-ка мне ключ... *(Наде.)* Я сейчас вам покажу свою коллекцию.

ЗОТОВА *(недовольно, подавая ключ)*. Пожалуйста... Может вы еще покушайте, Сергей Петрович? Коллекцию можно показать в другой раз, Надя зайдет ко мне...

БУРОВ. Спасибо... нет, на другой раз откладывать не будем, у меня командировки. Потом, нельзя откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. *(Наде.)* Идемте, Надежда...

Выходят. Синицын и Зотова молча смотрят вслед.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Картина первая

Прошел год.

Квартира Бурова. Одна комната, в которой два шкафа. Один занимают книги, второй - камни. Диван-кровать, горка чемоданов, шифоньер. Щелкает ключ и в комнату входит Надя. Раздевается, достает из шифоньера халат.

НАДЯ. Сережа! (Тишина.) Сережа! (Идет на кухню. Возвращается с запиской в руке, вздыхая, садится на диван.) Опять уехал... Совещания, командировки, поле... (Раздраженно отбрасывает записку и халат.)

Звонок в дверь.

НАДЯ (радостно). Сережа!

Входит Зотова.

ЗОТОВА. Надюша, здравствуй... Одна?

НАДЯ. Улетел в Новосибирск на какое-то совещание...

ЗОТОВА. А я за вами. Сидели сейчас, вспомнили, что ровно год назад вы познакомились. Купов говорит, давайте устроим молодоженам праздник... У нас там новый знакомый, художник, обаятельный, умница, абстракционист... У него такие работы... Идем к нам, Надюша.

НАДЯ. Одной неудобно.

ЗОТОВА. Глупости. Живем рядом, а совсем не заходишь.

НАДЯ. Ты же знаешь, Сергей против интеллектуальных извращений.

ЗОТОВА. Он совсем одичал в своей тайге... Надя, возьмишь за него. Мы, женщины, если захотим, можем с мужчинами делать все, что угодно... Надо же, интеллектуальные извращения... Что ж, только работой жить, а искусство, а общение?.. Нет, твой Буров неправ... А ведь он мне нравился... Да-да, Надюша, представь себе, когда-то он мне нравился, этаким неотесанный, сильный, грубый, брутальный, ни на кого из знакомых непохожий... Он, конечно, интересный мужчина, но мы так далеки друг от друг. *(Подходит к шкафу с камнями.)* Это романтично, конечно, но мне кажется, совсем не вписывается в интерьер... Знаешь, Купов сделал мне предложение. Мы решили пока не спешить, проверить характеры... Ну, приходи, Наденька, мы тебя ждем.

НАДЯ. Хорошо, я сейчас.

Зотова уходит.

НАДЯ *(одна, перед зеркалом)*. Вот возьму и изменю... *(Садится.)* Боже мой, два раза в кино вместе сходили, один раз цветы подарил... *(Подходит к шкафу с камнями.)* Все эти камни, камни... А я хочу вместе гулять по улицам, ездить за город, ходить в гости к друзьям. Я хочу доченьку... *(Возвращается к зеркалу.)* А годы идут, я становлюсь совсем старой. Буров, а ты совсем меня не хочешь понять... Нет, Буров, я так больше не могу.

Одевается и выходит.

Картина вторая

Ярко освещенный уголок аэропорта. На одной из скамеек сидит Буров. У ног неизменный рюкзак. Голос из громкоговорителя: "Объявляется посадка на рейс 3034, вылетающий в Новосибирск. Просим вас пройти к выходу номер пять на посадку". Буров поднимется, вскидывает рюкзак. Появляется Надя.

БУРОВ. Надюша?! Что случилось!

НАДЯ. Случилось. Ты улетаешь?

БУРОВ. Да.

НАДЯ. Надолго?

БУРОВ. Недельки на две.

НАДЯ. А потом?

БУРОВ. Потом мне нужно будет слетать в Иркутск, в институт.

НАДЯ. А потом?..

БУРОВ. Будет видно... Что случилось, Наденька?

НАДЯ. Я не могу больше так, слышишь, Буров, не могу... *(Бьет ему в грудь кулаками.)* Я не могу, понимаю...словно зеленый остров среди пустыни... Исканет источник и он тоже превратится в пустыню...

БУРОВ. Успокойся... И если можно, скажи проще...

НАДЯ. Я хочу, чтобы ты никуда не уезжал. Хотя бы сегодня. Ты знаешь, какой сегодня день?

БУРОВ. Конечно, вторник...

НАДЯ. Сегодня год нашей семейной жизни, Буров, ровно год. Вспомни.

БУРОВ *(после паузы)*. Действительно. Я сейчас...

НАДЯ. Не надо цветов, не надо, Сереженька... Мне нужен сегодня ты. И завтра, и послезавтра...

Голос из громкоговорителя: «У выхода номер пять заканчивается посадка на рейс 3034, вылетающий в Новосибирск».

БУРОВ. Надюша, завтра в девять начало совещания... Мне нужно обязательно там быть...

НАДЯ. Ты полетишь?

БУРОВ. Да.

НАДЯ (*равнодушно*). Ну что ж, лети... Источник иссякает...

БУРОВ. Оставь этот Эзопов язык... Через две недели я буду дома... Нет, даже раньше, я постараюсь раньше. Надюха, слышишь...

НАДЯ (*тихо*). Не успеешь, Буров, не успеешь...

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Картина первая

Прошел еще год.

Дачный поселок. Небольшой домик с распахнутыми дверью и окнами. Душный вечер. Полумрак. Стол, на котором букетик и ваза с яблоками. За столом Марина и Надя.

МАРИНА. Ну и духотища... Две недели парит и парит... Юрка замучился воду таскать, с утра до ночи поливаем... Но зато загорела, скажи... Лучше, чем на море. *(Откидывает плечико сарафана.)*

НАДЯ. Ты прекрасно выглядишь.

МАРИНА. Стараюсь. Хотя знаешь, как непросто замужней бабе красивой быть. Юрка, Лешка, не доглядишь за ними, что-нибудь обязательно натворят. Приготовить, постирать... Юрка, правда, помогает... А, что там и говорить, красивые женщины только в кино бывают...

НАДЯ. Но ты действительно очень хорошо выглядишь.

МАРИНА. Если б мои мужики соки не тянули, я б вообще была... А так все-таки рожала, вон бедра, не то что у тебя. И талия... *(Машет рукой.)* По улице иду, один-два оглянется и все, а раньше сколько их было... Так и живем... Ну, а ты-то как? Одна? *(Надя кивает.)* И совсем-совсем никого? Богатенького папика нашла какого б. Или есть?

НАДЯ. Нет, Мариша, одна.

МАРИНА. Да-а... А этот, твой, Сергей?..

НАДЯ. В поле. Он каждое лето в поле.

МАРИНА. Ты его любишь?

НАДЯ. Наверное.

МАРИНА. Ну и чего же, жила бы с ним, деньги зарабатывает, квартира есть, что тебе надо... Не пойму я, Надь. Если для постели мужик нужен, так этого добра хватает, завела бы любовника, пока он разъезжает.

НАДЯ. Не хочу.

МАРИНА (*кричит*). Юрка!.. Ты где?... (*Тихо.*) А у меня был один... Иисусик... (*Смеется.*) Каждый вечер подарки дарил... Старенький уже, но еще в силе, полюбит и отдышаться не может, смех... И все повторял, ах, Мариночка, ты моя жизнь, ты моя радость... Инфаркт и все... Так, кое-что осталось из подарков... Я то одно, то другое достану - Юрке говорю, на работе подарили или подкопила, купила...

НАДЯ. А сын-то где?

МАРИНА. Лешка у стариков, у Юркиных. Пять лет уже, взрослый... И так два года людей не видела, сидела, а годы-то идут. Юрка против, а я говорю, пусть там живет, хочешь, чтобы я старухой скорее стала... Да, Надюха, я твоего первого Сергея тут видела, о тебе спрашивал...

НАДЯ. Как он?

МАРИНА. Защитился. В институте остался, в политике что-то не получилось, заведует кафедрой. Солидный стал, раздался, двое детей нарожала ему жена, а сама-то худенькая, щуплая... Не сравнить с тобой. Ни рожи, ни кожи... Зря ты тогда выдумала любовь, надо было клещами в него вцепиться...

НАДЯ. Нет, не хочу я так, без любви...

МАРИНА. Куда тебя занесло?.. Брось ты, это все для девочек, им не стыдно дискуссию разводить, какая любовь... Что я без Юрки не проживу? Запросто. Что он есть, что нет, мне все равно, в командировку уедет, так даже лучше. Отосплюсь одна, куда хочу, туда

схожу, с кем хочу - погуляю... И забот меньше. Только что для всяких дел мужика нужно. Вот дачу построил, машину скоро купим, водить я буду, Юрка даже на курсы не ходит, мы договорились - ему дача, мне - машина... (*Кричит.*) Юрка! (*Появляется Юра.*) Кричу, кричу... Ты нас утомил.

ЮРА. Грядки прополол, заросли.

МАРИНА. Сделай что-нибудь на ужин. Вино-то у нас есть?

ЮРА. Бутылочка была.

МАРИНА. В холодильнике что-ли? Соседка заходила, выпили мы ее. Сбегай к Крынкиным, у них должно быть, займи.

НАДЯ. Да зачем же Юре бегать, чаю попьем...

МАРИНА (*Юре*). Иди, иди... Не слушай бабьих разговоров. (*Юра уходит.*) Теленок... Как он у меня, а?

НАДЯ. А он не обижается?

МАРИНА. Пусть попробует. Я ему сразу: вот Бог - вот порог... Что с ним цацкаться. Уйдет, другого найду. Квартиру себе оставлю, машину тоже, дачу ему отдам, пусть живет.

НАДЯ. Я бы не смогла так.

МАРИНА. Ерунда... Поэтому и одна. Скоро тридцать нам, Надюша, кончается бабья радость, а ты все чего-то ждешь... (*Обнимает за плечи.*) Подруженька ты моя несчастенькая... Так скажи, кого-нибудь ты любила?

НАДЯ. Любила.

МАРИНА. Кого?

НАДЯ. Сережу.

МАРИНА. Первого или второго?

НАДЯ. Бурова,

МАРИНА. Ну и как это, что ты чувствовала?

НАДЯ. Что чувствовала?... А вот если бы с ним что-нибудь случилось, я отравилась бы...

МАРИНА (*отстраняясь*). Да-а... Не дай Бог... Моего Юрку тут хулиганы избили, вздумал за кого-то там заступиться. Сколько раз ему говорила: не лезь, куда не надо. Без сознания лежал, я поначалу испугалась, наревелась, а потом думаю: умрет, так умрет. Деньги есть, Лешку выращу, мужиков хватает... И ничего...

НАДЯ. И тебе не бывает страшно от таких мыслей?

МАРИНА. Брось ты. Жизнь тебя учит-учит... Я вот... Ты Серегу-то первого уже не любишь?

НАДЯ. Нет. Я, наверное, и не любила его.

МАРИНА. Тогда можно сказать. Он тут мне цветочки подарил, потом в ресторане посидели, целовались в подъезде, как в молодости... Названивает, приглашает на недельку на море... Ты ничего?

НАДЯ. Мне все равно.

МАРИНА (*мечтательно*). Юрку оставлю здесь, пусть за свой счет возьмет, а то сгорит все, да махну с ним. Море, солнце, фрукты... Там уже есть, наверное, фрукты...

НАДЯ. А у вас тут что растет?

МАРИНА. Да все, что хочешь: помидоры, огурцы, капусту садим, лук... Юрка занимается, я даже не помню, что тут... Духота... Тебе нравится?

НАДЯ. Очень. Хвоей пахнет. Тихо...

МАРИНА. Ничего... Поговорила, хоть легче стало, а то не с кем пооткровенничать, одни сплетницы в отделе.

НАДЯ. Сын не болеет?

МАРИНА. Лешка?... Да нет вроде. Юрка все с ним возится... Погостишь у меня?

НАДЯ. Нет, завтра уеду.

МАРИНА. Так у тебя же отпуск?

НАДЯ. У меня путевка, это я на денек заглянула.

МАРИНА. Ну и молодец, что заехала... Ты там, отдыхай, да не теряйся, найди себе мужика... Там богатеньких много бывает.

НАДЯ. Где же Юра?

МАРИНА. Придет, никуда не денется. Вино ищет, пока не найдет - не вернется, знает мой характер.

НАДЯ. Душно что-то... (*Поднимается.*) Пойду прогуляюсь пока.

МАРИНА. Ну, иди... Эх, ну и талия у тебя, сразу видно - не рожала. Мне бы такую...

Надя уходит.

МАРИНА (*одна*). Что бабе надо? Высохла в своей науке, так и жизни не узнает. (*Вздыхает. Потягивается, лениво надкусывает яблоко.*)

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Картина первая

Прошло еще три года.

Квартира Зотовой. Здесь все так же, как и прежде: фикус, кактусы... В рубашке, по-хозяйски, расположился на диване Купов. Рядом листает журнал мод Зотова

КУПОВ. Опять припрутся эти интеллектуалы...

ЗОТОВА. У тебя портится характер.

КУПОВ. На ладан дышат, а все еще мальчики.

ЗОТОВА (*укоризненно*). Вячеслав...

КУПОВ. Если не нравится, могу уйти.

ЗОТОВА. Завел любовницу?

КУПОВ. Я никогда не был прелюбодеем.

ЗОТОВА. Ну да, женщина - это предмет комфорта, необходимого мужчине.

КУПОВ. Хотя бы сегодня... (*Подходит к накрытому столу, морщась выпивает коньяку.*) Алкоголиком станешь с этими гостями... Салон мадам Зотовой...

ЗОТОВА. Куповой...

КУПОВ. Ах, да... Хоть бы родила мне кого...

ЗОТОВА. Зачем? Пеленки, крик, запах... Ты же не хочешь этого?

КУПОВ. Не хочу. Душу родственную хочу.

ЗОТОВА. Минуя пеленки... А я возьму и рожу.

КУПОВ. Рожай. У меня есть, куда уйти.

ЗОТОВА (*поднимаясь*). Боже мой, хоть бы уходил скорее...

Звонок.

КУПОВ. Открой. Публика салона мадам Зотовой начинает прибывать...

Входит Журавлев.

ЖУРАВЛЕВ. Добрый вечер. *(Ставит на стол бутылку водки. Купову.)* Ты все интеллигентствуешь... Давай, по водочке. *(Открывает бутылку, наливает и, не ожидая Купова, выпивает.)* Семейная идиллия. *(Поднимает журнал.)* Подбираете костюм на серебряную свадьбу?

КУПОВ. Опять напьешься?

ЖУРАВЛЕВ. А ты будешь выпроваживать?.. Между прочим, у тебя есть талант вышибалы.

КУПОВ. Пить можно и в другом месте.

ЖУРАВЛЕВ. Там нет знакомых физиономий.

Звонок.

ЗОТОВА *(появляясь)*. Вячеслав, открой, у меня руки...

КУПОВ *(недовольно)*. Думаешь, они оценят твои салаты... *(Идет открывать.)*

Входит Сеницын.

ЖУРАВЛЕВ. Кандидату - салам. *(Наливает в рюмки.)* Дернешь?

СЕНИЦЫН.

Пью не ради запретной любви к питию,

И не ради веселья душевного пью,

Пью вино потому, что хочу позабыться,

Мир забыть и несчастную долю свою.

ЖУРАВЛЕВ *(в сторону)*. Он бессмертен.

СЕНИЦЫН. Кто, Омар Хайям?

ЖУРАВЛЕВ. Естественно, не ты.

КУПОВ (*отбирая бутылку у Журавлева, Синицыну*). Он сегодня не в духе.

СИНИЦЫН. С рогами...

ЖУРАВЛЕВ (*угрожающе*). Что, в морду захотел?

ЗОТОВА (*входя*). Прекратите... Ты, Алик, тоже. Разве так шутят?

СИНИЦЫН. Мир. (*Протягивает руку. Журавлев неохотно пожимает.*)

Добровольно сюда не явился бы я.

И отсюда уйти не стремился бы я.

Я бы в жизни, будь воля моя, не стремился

Никуда. Никогда. Не родился бы я.

ЖУРАВЛЕВ. Надоело. Не нервируй.

СИНИЦЫН. О'кей. Но все же хочу поделиться: охотники на слонов в Восточной Африке верят, что если жены изменяют им в их отсутствие, слон нападет на них и они погибнут. Если охотника племени вагого...

КУПОВ. Какого племени?

ЖУРАВЛЕВ. Не слышишь, нагого...

СИНИЦЫН. ...племени вагого постигает неудача или на него нападает лев, он приписывает это дурному поведению жены. Индеец племени мохос убежден, что если во время его отсутствия жена окажется ему неверна, то его на охоте укусит змея или съест ягуар... Алеут, если охота бывает неудачной, уверен, что жена ему изменила...

КУПОВ. А мохос, это откуда?

СИНИЦЫН. Племя в Боливии.

ЖУРАВЛЕВ. Нет, нам ближе алеуты... Ты что, переспециализировался?.. Давно пора, тут хоть жизнью пахнет, не то что в твоих виршах...

СИНИЦЫН. Дикари... Только дикарю была присуща такая мифическая зависимость от женщины.

КУПОВ. А я все ломал голову, отчего это все религии так жестоки с женщиной...

СИНИЦЫН. От чрезмерного возвеличивания до чрезмерного принижения...

ЖУРАВЛЕВ. Ты вот что, лучше занимайся своей поэзией...

СИНИЦЫН. Благодарю.

ЗОТОВА (*входя*). Опять ругаетесь?.. Ну-ка, мальчики, помолчите.

КУПОВ. Все в сборе, начнем пьянку.

СИНИЦЫН. По поводу?

КУПОВ. У моей половины доклад.

ЗОТОВА. Славик, что с тобой? (*Улыбаясь*.) Сегодня исполнилось два года нашей счастливой супружеской жизни.

КУПОВ. Дружно поднимем локти.

СИНИЦЫН. За нее... И за Верочку. (*Целует Зотовой руку*.)

ЖУРАВЛЕВ (*мрачно*). За любовь.

Звонок.

КУПОВ. Нежданный гость...

ЗОТОВА (*кричит*). Иду! (*Уходит и возвращается с Надей. Надя протягивает цветы, целует Зотову в щеку*.)

НАДЯ. Вера, я желаю всего-всего...

ЗОТОВА (*растроганно*). Спасибо, Надюша. Спасибо. (*Ставит цветы в вазу*.)

ЖУРАВЛЕВ. Луч света...

СИНИЦЫН. В том поле, где так много

Лягушек, каждый вечер

Плачет,

Вода все прибывает,

Хоть и нет дождя...

ЖУРАВЛЕВ (*морицась*). Помолчи, я же просил.

КУПОВ. Наденька, вы нас совсем забыли... Поцелуйте же и меня, я ведь тоже причастен к этому торжеству, в какой-то мере...

Надя целует его в щеку.

СЕНИЦЫН. А ведь претендовать на поцелуй Надежды имею право только я...

ЖУРАВЛЕВ (*в сторону*). Глупцы.

КУПОВ (*Журавлеву, вполголоса*). Мне это надоело.

ЖУРАВЛЕВ. Хорошо, я выпью и уйду.

КУПОВ. Держи себя в руках... Верочка!

ЗОТОВА. Иду, иду. (*Приносит еще один прибор.*)

Так, мы пьем за любовь, Надюша.

НАДЯ. С удовольствием.

Все выпивают.

ЖУРАВЛЕВ. Как живете, Надя? Давно мы вас не видели.

НАДЯ (*с улыбкой*). Живу.

ЗОТОВА. О, вы не знаете. У нашей Надюши скоро защита диссертации.

КУПОВ. Еще один знакомый кандидат...

ЖУРАВЛЕВ (*Наде*). Мне надо уходить, а так хотелось поговорить с вами...

СЕНИЦЫН (*Наде*). Бойтесь его...

ЖУРАВЛЕВ. Перестань. Честное слово, мне надоело твое шутство.

ЗОТОВА. Нет, сначала я с ней поговорю. Мы так давно не виделись... Идемте, Надюша.

Отходят.

ЗОТОВА. Вы все еще его любите?

НАДЯ. Не знаю. Мы столько уже не видели друг друга. Он дома?

ЗОТОВА. Уехал. Вчера. У меня есть ключ.

НАДЯ. Все так же один?

ЗОТОВА. Мне кажется, он очень тоскует о тебе...

И ключ вот оставил...

НАДЯ. Наверное, уже поздно... Да и не могу я так. Мне хотелось бы увидеть его...

КУПОВ (*кричит*). Ну довольно секретничать!

ЗОТОВА. Идем, идем. (*Наде.*) И все-таки мне кажется, что он ждет тебя, Наденька, ждет...

Возвращаются к столу.

СИНИЦЫН. Надя, а какая у вас тема?

НАДЯ. О, это нечто неудобоваримое, название вам ничего не скажет.

СИНИЦЫН. И все-таки?

ЖУРАВЛЕВ (*выпивая водки*). Не будь так назойлив.

КУПОВ. Жорж, остановись.

ЖУРАВЛЕВ. Ты же знаешь, от твоих мензурок я не опьянею.

КУПОВ (*Наде*). Вместо него извинюсь я. У Жоржа неприятности.

НАДЯ. Я знаю.

ЖУРАВЛЕВ. Все все знают. Все обо всех знают, какая-то массовая телепатия, психоз, театр, в котором всем розданы приличные роли, только я ползаю по помосткам и цепляю всех за ноги... И никак не пройти, обязательно надо или пожалеть, или плюнуть в этого ползающего... Как мы любим ворошить чужое дерьмо, как мы возбуждаемся от запаха чужих подмышек...

КУПОВ. Это уж слишком.

СИНИЦЫН. Он пьян, оставьте.

КУПОВ (*отбирая у Журавлева бутылку*). Довольно.

ЖУРАВЛЕВ. На посошок... Есть хороший русский обычай... Или ты забыл, кто ты, какая кровь в тебе течет... Да есть ли она в тебе, новом виде хомо сапиенс, холоднокровных...

КУПОВ (*зло*). Хватит, не забывайся.

СИНИЦЫН (*решительно*). Да, он не в себе. Это слишком.

Журавлев смотрит на них и вдруг начинает хохотать. Купов и Синицын медленно идут к нему, Зотова удивленно глядит, подняв руки к груди. Вот-вот они схватят Журавлева и тут между ними встает Надя.

НАДЯ. Георгий?.. Вы идете домой? Проводите меня, нам ведь по пути...

ЖУРАВЛЕВ (*пьяно*). Вас?.. Вас... и только вас, и больше никого, ни за что. (*Покачиваясь выходит.*)

НАДЯ. До свидания.

ЗОТОВА. Наденька, вы, пожалуйста, доведите его, он совсем пьян.

НАДЯ. Хорошо...

Выходит.

Синицын и Купов, не глядя друг на друга садятся за стол. Чокаются, молча выпивают.

Зотова, сидя на диване, наблюдает за ними.

Картина вторая

Осенняя улица. Дождь. Журавлев и Надя.

ЖУРАВЛЕВ (*устало*). Дождь... Он все смое... Если забыть о возможной радиации - прекрасный дождь. В детстве я не думал об этом, а теперь думаю. Гуляю по траве - думаю о колючках и ядовитых рас-

тениях, под дождем - о радиоактивности, от солнца прячусь в тень, думая о солнечном ударе, протуберанцах, еще черт знает о чем... Целую женщину - думаю об измене... Страшно жить, Надя.

НАДЯ. Она вернется.

ЖУРАВЛЕВ. Она? Эта доморощенная актриса?.. Никогда. Она знает, что я убью ее, я задушу ее, вот так задушу. *(Поднимает руки, Надя опускает их своими ладонями.)*

НАДЯ. Георгий, не надо.

ЖУРАВЛЕВ. Вы удивительная женщина. Я жалею, что не встретил вас раньше. И боюсь, что вы станете такой, как она... Когда-нибудь вы все равно станете, все похожи, хотя и делают вид, и стараются не походить друг на друга.

НАДЯ. Мне казалось, что вы ничего не боитесь, что вы стоите на земле крепче их всех...

ЖУРАВЛЕВ. Этих? *(Оборачивается.)* Этих, крепче, они - налет, они - плесень, функционеры, бездари, разыгрывающие бездарную пьесу. Как они сегодня на меня... Такой я им уже не подхожу... Нет, такой я их раздражаю. Они могли бы меня убить... Нет, не могли. Но они бы меня избили, до крови... Вы видели их глаза, а? Глаза самцов, которым помешали получить наслаждение... *(Вяло.)* Но я без них не смог. Я прирос к ним, мы - сиамские близнецы... Это все я говорю и о себе...

НАДЯ. Георгий, не пейте больше, ладно?

ЖУРАВЛЕВ. Она не показывает мне моих пацанов. Ну хорошо, если ты такая тварь, уходи к своему очередному любовнику, но почему я не могу видеть своих, своих детей!

НАДЯ. Все изменится... Хотите, я поговорю с ней?

ЖУРАВЛЕВ. А впрочем, я ее и не любил. Это так, обида, мужское самолюбие, мы прекрасно сыграли свой раут любви... А ведь она его сейчас обнимает, так же

как меня... И говорит так же, и гладит... Скажи, ведь ты женщина, поясни мне - она сейчас помнит обо мне?

НАДЯ. Помнит... Мучается. И, наверное, жалеет, если любила...

ЖУРАВЛЕВ. Глупо. Но тяжело. Я или сопьюсь, или сойду с ума... Пойдем на мост. Надежда, я покажу как манит вода... черная, гладкая... Другой мир. Мне кажется, она гипнотизирует... Вам не хотелось туда когда-нибудь... Там ведь что-то должно быть... *(Натянуто смеется.)* Там ничего. Глупости плету, плету... *(Вытирает ладонями лицо.)* Дождь... Что-то не так я говорю... Я пьян, все-таки пьян, хотя Купов подставил эти мензурки, жмот... Вот так, Надюша, сейчас я возьму себя в руки. *(Выпрямляется.)* Мне еще вполне можно жениться, как вы считаете, я ведь не так стар... Пойдемте обратно, там Купов, он сейчас мне все растолкует, он умеет. Там этот шут, а без него скучно. Там тепло, есть что выпить...

НАДЯ. Георгий вам надо отдохнуть, побыть одному. Почему вы так боитесь одиночества? Это только кажется, что страшно быть одному, но если пересилить первый испуг, все пройдет. Георгий, одиночество лечит и оно делает сильным...словно ты одна в мире, совсем одна и так и должно быть, и никто не вступится в защиту, никто не пожалеет, надо просто научиться защищаться и жалеть самой... Это не страшно, уверяю.

ЖУРАВЛЕВ *(трезвея, смотрит на нее)*. Надя, я глупец... Вы ведь тоже одна и вам труднее, а я распустил нюни, я крепкий здоровый мужик, который еще все может, он еще может носить на руках, защищать... Он еще ведь кому-то нужен... Я вам нужен? *(Долго смотрит на нее, проводит рукой по щеке.)* Дождь - это тоже слезы. Всех нас... Мы с вами потерпели кораблекрушение... На одном плоту... Мы так нужны друг другу...

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

Картина первая

Прошел год.

Квартира Журавлева. Журавлев за журнальным столиком просматривает журналы. Надя смотрит телевизор.

ЖУРАВЛЕВ. Надь, ты знаешь, я вчера встретил Купова. Тебе Вера ничего не говорила?

НАДЯ (*не отрываясь от телевизора*). Я ее уже давно не видела. Она больна?

ЖУРАВЛЕВ. Не то, что больна, просто Купов вынуждает ее сделать аборт, а она не хочет.

НАДЯ. Ты же говорил, что он хотел ребенка?

ЖУРАВЛЕВ. Его трудно понять... К тому же, насколько мне известно, он влюбился в какую-то студентку, жить без нее не может. Так говорит, во всяком случае. Вот и собирается уходить от Веры. А тут ребенок, сама понимаешь, ему это ни к чему.

НАДЯ. Мне казалось, что он любит Веру.

ЖУРАВЛЕВ. Купов? (*Садится рядом в кресло.*)
Что ты смотришь эту ерунду?

НАДЯ. Я не смотрю, я отдыхаю.

ЖУРАВЛЕВ. Ты совсем его не знаешь... Да и вообще, мне кажется, ты плохо разбираешься в людях. Он любит только себя, полноценная личность.

НАДЯ. Ты это серьезно?

ЖУРАВЛЕВ. Нет, конечно, но с оттенком уважения.

НАДЯ (*после паузы*). Когда я первый раз вас всех увидела, знаешь, кто больше всех мне понравился?

ЖУРАВЛЕВ. Догадываюсь, Купов.

НАДЯ (*с интересом*) Почему?

ЖУРАВЛЕВ. Все очень просто: я был с женой и отпадал само собой, Синицын - шут, а какая женщина пожелает стать женой шута, пусть даже умного. А Купов сочетал в себе и ум, и мужественность, и красоту. Уверен, интеллигентен... Если бы не тот бородатый романтик, ты не устояла бы перед ним.

НАДЯ. Ты плохо знаешь женщин, Георгий. Хотя прав, именно Купов меня заинтересовал тогда, но себя напрасно исключаешь. Мне неважно было, женат ты или нет, ты просто ничем меня не поразил.

ЖУРАВЛЕВ. Ты забываешь, что я не был в этом заинтересован, в отличие от остальных...

НАДЯ. Ах, ну да... Но все-таки я никогда не смогла бы в него влюбиться, хотя, вполне возможно, не отказалась бы от его ухаживаний.

ЖУРАВЛЕВ. А меня смогла бы тогда полюбить?

НАДЯ (*уклончиво*). Ты же сам сказал...

ЖУРАВЛЕВ. Но ведь ты не согласилась?

НАДЯ. Ты был слишком сильным... А самым слабым среди вас был Синицын... Алик...

ЖУРАВЛЕВ. Обычно женщинам нравится сила.

НАДЯ. Я отношусь к меньшинству женщин.

ЖУРАВЛЕВ. Нам надо было лучше куда-нибудь сходить сегодня...

НАДЯ. Когда-то мы должны пережить первую ссору, почему бы не сегодня?

ЖУРАВЛЕВ (*подходит к ней, обнимает*). Ну что ты, какая ссора, Надюша... Знаешь, самое противное для мужчины, это когда его не любят, а жалеют... Слушай, давай сделаем маленький праздник, я схожу за вином, ты что-нибудь приготовишь и посидим вдвоем...

Звонок.

НАДЯ. Открой, кто-то пришел.

ЖУРАВЛЕВ. Ну надо же... Вот так всегда. *(Уходит. Возвращается вместе с Журавлевой. Она пьяна.)*

ЖУРАВЛЕВА *(делая вид, что не замечает Надю)*. Не ждал? А я вот зашла, шла по улице и зашла. Окна горят, думаю, чем мой бывший муженек-актер занимается. Как поживаешь?

ЖУРАВЛЕВ. Как видишь, неплохо.

ЖУРАВЛЕВА *(останавливаясь перед Надей)*. О, новая героиня. Молода, умна, изящна на супружеском ложе...

ЖУРАВЛЕВ. Не говори пошлостей.

НАДЯ. Может хотите кофе или чаю, я приготовлю?

ЖУРАВЛЕВА. Спасибо, деточка. Не думаю, что ты готовишь его лучше меня... Мой бывший муженек еще не говорит, что он смахивает на помои?

ЖУРАВЛЕВ. Ты стала еще злее.

ЖУРАВЛЕВА *(пройдя по комнате)*. Я все та же. О, у новой героини все по-новому... Она не угождает твоему вкусу... Хочешь меня выгнать? Не спеши, я ведь по делу... *(Останавливается перед Журавлевым.)* Я с Мишей уезжаю в санаторий. С Михаилом Александровичем, моим мужем, я бы хотела оставить тебе на это время мальчиков...

ЖУРАВЛЕВ. Сыновей?.. Конечно... Черт, мне не дадут сейчас отпуск...

НАДЯ. Ничего, я возьму отпуск, Георгий, побуду с ними...

ЖУРАВЛЕВА *(зло)*. А вас, милочка, не спрашивают... Прежде надо родить...

ЖУРАВЛЕВ *(вдруг хохочет)*. Ты потерпела фиаско! Машенька, твой Кузьмин тебя бросил!

ЖУРАВЛЕВА *(истерично)*. Ерунда! Он любит меня, как ты никогда не сможешь любить!.. Ты, ты

мелкий пакостник, ты баба!.. (*Всхлипывает.*) У тебя всегда был пакостливый, бабий характер!

ЖУРАВЛЕВ. Но теперь тебе не приходится терпеть меня.

ЖУРАВЛЕВА. Да, я ожила. Наконец-то я живу так, как хочу.

ЖУРАВЛЕВ. Ходишь на панель?

ЖУРАВЛЕВА. Это ты был сексуальным маньяком...

ЖУРАВЛЕВ. Надюша, скажи моей бывшей жене, что я нормальный, здоровый, уравновешенный мужчина...

ЖУРАВЛЕВА. Она просто еще мало живет с тобой.

НАДЯ. Мне лучше пойти погулять...

ЖУРАВЛЕВ. Нет, останься. Я тоже не хочу оставаться с этой истеричкой.

НАДЯ. Я не заслужила оскорблений.

ЖУРАВЛЕВА. Она не заслужила... Да ты просто... Просто шлюха... Ты его любишь? Может быть, ты любила Бурова? Может, ты любишь каждого, с кем ложишься в постель?..

НАДЯ. Это вас не касается. Я прошу вас, уйдите.

ЖУРАВЛЕВА. Это моя квартира, скажи спасибо, что я оставила ее Георгию, а теперь ты гонишь меня из моего дома?

ЖУРАВЛЕВ. Довольно!.. Устроили базар. (*Журавлевой.*) Ты все сказала?

ЖУРАВЛЕВА. Ты меня тоже гонишь? Ты уже пляшешь под ее дудку... (*Злорадно.*) Ну хорошо же, сыновей своих больше ты никогда не увидишь.

ЖУРАВЛЕВ. У нас будут дети.

ЖУРАВЛЕВА. Будут? (*Смеется.*) С ней?.. У нее никогда не будет детей!

НАДЯ. Уходите!

ЖУРАВЛЕВА (*уходя*). Никогда! Она не может рожать!

Журавлев выталкивает ее.

ЖУРАВЛЕВ (*возвращаясь*). Алкоголичка...

НАДЯ (*плача*). Георгий, за что она меня так...

ЖУРАВЛЕВ (*обнимая*). Не обращай внимания. Пьяная женщина, у нее всегда был такой характер. Наговорит, а потом начинает каяться, плакать. Вот увидишь, она попросит у тебя прощения.

НАДЯ. Она тебя любит.

ЖУРАВЛЕВ. Что ты, мы терпеть не можем друг друга.

НАДЯ. Ты ее жалеешь?

ЖУРАВЛЕВ (*после паузы*). Да.

НАДЯ. Она действительно испортит твоих сыновей.

ЖУРАВЛЕВ. Ничего, мы родим своих. Родим, правда? (*Целует.*)

НАДЯ (*отстраняясь*). Давай не будем об этом?..

ЖУРАВЛЕВ. Хорошо, хорошо... Моя Надежда, мое золотце... Мое спасение... (*Обнимает ее.*)

Картина вторая

Квартира Журавлева. За столом, заложенным книгами, работает Надя. Свет настольной лампы падает на нее и листы бумаги. Все остальное в полумраке. Неслышно входит Журавлев стоит у стены, смотрит на нее, потом кашляет.

НАДЯ (*оборачиваясь*). Там на кухне ужин. Наверное, остыл, - подогрей...

ЖУРАВЛЕВ (*сидя на диван*). Не хочу есть... (*После паузы.*) Почему ты не спрашиваешь, где я так долго был?

НАДЯ. Я думаю, что скажешь сам.

ЖУРАВЛЕВ. Холодно.

Надя все так же листает книги.

ЖУРАВЛЕВ. Тебе не холодно?

НАДЯ. Мне - нет.

Пауза.

ЖУРАВЛЕВ. Ты стала холодна со мной.

НАДЯ (*прибирая на столе*). Давай спать.

ЖУРАВЛЕВ. Словно чужие.

НАДЯ (*отходя к окну, смотрит на улицу*). И ви-
нишь в этом ты меня...

ЖУРАВЛЕВ. Я сегодня гулял со своими пацана-
ми... Тебе неинтересно?

НАДЯ. Георгий, мне кажется, мы не нужны друг
другу. Нас подбирают разные корабли...

ЖУРАВЛЕВ. Вот как? У тебя кто-то появился?

НАДЯ. Мужчине всегда нужен повод для того, что-
бы уйти?

ЖУРАВЛЕВ (*после паузы*). Иначе его будет му-
чить совесть...

Пауза.

НАДЯ. Я уйду завтра.

ЖУРАВЛЕВ. Ты меня совсем не любишь.

НАДЯ. Это еще одно оправдание.

ЖУРАВЛЕВ (*решительно, вставая*). Я действи-
тельно подонок, прости меня, Надя. Я должен прямо
и честно сказать, а не юлить, как нашкодивший юнец.
И не искать себе оправдания: Маша хочет ко мне вер-
нуться... Она бросила Кузьмина, уже давно бросила.
Сегодня я был у нее.

НАДЯ. Я догадалась.

ЖУРАВЛЕВ (*подходит к ней, хочет дотронуться,
но останавливается*). Чувствую себя подонком... По-

чему? Я люблю Саньку с Вадимом, люблю Машу, ты не смогла мне их заменить... Ведь будет лучше и тебе, если мы расстанемся... Скажи откровенно - ты ведь не любишь меня?

НАДЯ (*поворачиваясь, после паузы*). Нет.

ЖУРАВЛЕВ. А любила?

НАДЯ. Нет. (*Усмехаясь*.) Успокойся, пусть не мучает тебя совесть... Я нисколько не жалею, что ухожу...

ЖУРАВЛЕВ. Я, конечно, эгоист... Но все-таки мне хотелось бы, чтобы ты меня любила... Хоть чуть-чуть...

НАДЯ. Я не знаю такой любви: чуть-чуть... Нет, Журавлев, я тебя просто жалела.

ЖУРАВЛЕВ. Просто жалела. (*Походит к столу, перекладывает книги, идет к выходу, нерешительно останавливается*.) Я пойду?

НАДЯ. Иди.

ЖУРАВЛЕВ. Может я не приду завтра.

НАДЯ. Как хочешь.

Журавлев уходит. Надя медленно идет к дивану, опускается на него и, уткнувшись в спинку, негромко плачет.

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

Картина первая

Квартира Юры. Какое-то странное ощущение неуютта и печали. На телевизоре портрет улыбающейся Марины. Длинный стол, ничем не прикрытый. За столом напротив друг друга Надя и Юра. Он в черном строгом костюме, она в черном платье.

НАДЯ. Ну вот, теперь ты знаешь обо мне все... А как все случилось? Мы с тобой тогда совсем и не говорили...

ЮРА. Она была пьяна, за рулем. На повороте, на обгоне, машина врезалась в грузовик...

Пауза.

НАДЯ. Одна?

ЮРА. Водитель грузовика не пострадал. А Сергей... С ней был Сергей, отделался ушибами.

НАДЯ. Прости, я не знала...

ЮРА. Не думай, что мне больно говорить об этом... Последнее время мы уже только делали вид, что живем вместе. Она все время куда-то раскатывала на машине... У нее были любовники... У нее всегда были любовники... Ты ведь знаешь.

НАДЯ. Нет.

ЮРА. Кажется, самое серьезное у него - сломанная ключица... Тебе это интересно?

НАДЯ. Нет. Я его не любила. Обидно, что поняла это тогда, когда ничего уже не изменишь... Я любила

тебя, только почему-то не могла этого понять. Думала, что жалею...

ЮРА. А я понимал, но ничего не мог сделать. Опьянение юности, что ли. Ты уходила к Сергею, а Марина крепко держала меня. И как по инерции, как во сне - вся жизнь, до вот этого нашего разговора...

НАДЯ. Почти десять лет мы не могли разглядеть друг друга. Какая-то жестокая нелепость.

ЮРА. Да, Лешке уже восемь.

НАДЯ. Хороший мальчишка, и похож на Марину...

Пауза.

ЮРА. Ты была в институте?

НАДЯ. Да. Меня берут. Через неделю я приеду совсем.

ЮРА. Я думал, что никогда уже не буду счастлив.

НАДЯ. Я тоже.

ЮРА. А теперь у нас почти взрослый сын.

НАДЯ. Только пусть он живет с нами... *(Пауза.)*
Он еще долго будет звать меня тетей...

ЮРА. Ничего, он скоро поймет, что ты самая добрая...

НАДЯ. Я не хочу, чтобы он забывал свою мать.

ЮРА. Я тоже этого не хочу. Пусть у него будут две мамы.

НАДЯ. Спасибо...

Пауза.

НАДЯ. Да. Вспомнила почему-то знакомых...

ЮРА. А хочешь, я угадаю, что с ними стало?

НАДЯ. Попробуй.

ЮРА. Журавлевы живут вместе. Иногда ругаются. Он частенько выпивает и тогда она устраивает ему скандал и вспоминает тебя...

НАДЯ. Пожалуй, ты прав.

ЮРА. Купов живет один.

НАДЯ. А его увлечение студенткой? Его любовь?

ЮРА. Я думаю, она ушла от него. Женщины любят, чтобы их любили... А он также ходит в какой-нибудь салон, но уже не бравирует тем, что он старый холостяк.

НАДЯ. Может быть... А ты - психолог.

ЮРА. Просто ты очень хорошо обо всех рассказала... Я думаю, что Зотова живет сейчас с Синицыным.

НАДЯ. Почему?

ЮРА. Они подходят друг другу. Оба любят играть, оба увлечены желанием обмануть жизнь, себя и окружающих, их вполне устроит светское сожитительство без обязательств. Думаю, что салон мадам Зотовой процветает, в нем новые люди, но старые традиции...

НАДЯ. Мне жалко Веру... А Купов, конечно, негодяй. Она сделала аборт и неудачно...

ЮРА. Почему ты их жалеешь?

НАДЯ (*после паузы*). Не знаю... Может потому, что они тоже страдают...

ЮРА. Ты совсем не похожа на них... Ты - добрая. И несчастная.

НАДЯ. Была.

ЮРА. Да, была. (*Гладит ее руку.*) Как и я.

НАДЯ. Только не говори так... Это мне что-то напоминает... Плохое...

Пауза.

ЮРА. А Буров женился?

НАДЯ. Нет.

ЮРА. Наверное, он все еще любит тебя...

НАДЯ. Юра, давай не будем о нем...

ЮРА. Прости, это действительно жестоко.

Пауза.

ЮРА. Нам пора, ты опоздаешь на самолет.

НАДЯ. Хочешь, чтобы я поскорее ушла?

ЮРА. Я хочу, чтобы ты поскорее вернулась и уже никогда никуда не уезжала.

НАДЯ. Я тоже.

Пауза.

ЮРА. Все-таки мы нашли друг друга.

НАДЯ. А ты не жалеешь, что это не случилось десять лет назад?

ЮРА (*после паузы*). В жизни все подчиняется каким-то законам. Наверное, это было невозможно.

НАДЯ. Пора. (*Встает.*)

ЮРА. Да, время.

НАДЯ. Не провожай.

ЮРА. Нет. Я буду тебя всегда встречать и провожать. А еще я буду...

НАДЯ (*закрывая ему ладошкой рот*). Помолчи...
Уходят.

МОЙ КОМАНДИР

пьеса на два голоса

Сцена разделена на две половины. С одной стороны - уютная, по-женски обставленная комната, в которой необычно смотрится только открытый ноут-бук на туалетном столике. Другая скорее кабинет, чем жилое помещение. На столе помимо стопки книг, папок, письменного прибора, предмета больше декоративного, чем функционального, - монитор.

Задняя часть сцены - экраны, на которые во время действия проецируются кино и фотосюжеты.

Она

В комнату входит женщина. Она в халатике, тапочках. На вид ей около пятидесяти. Садится перед зеркалом, разглядывает свое отражение и привычно пододвигает ноут-бук. Все так же продолжая изучать свое лицо, включает его, настраивает, иногда поглядывая на экран, и вдруг замирает, подвигает ноут-бук ближе, что-то быстро набирает... И замирает, пристально глядя на экран. Шепчет.

- Нашла... Я все-таки тебя нашла...

Смотрит в зеркало, словно оценивая себя, потом опять торопливо набивает, но, перечитав, стирает и снова набивает...

- Спокойно, дурочка, спокойно... На что ты надеешься?.. Он, конечно, женат и счастлив, не то что ты...

Смотрится в зеркало.

- Ну и что?.. За женой как за каменной стеной?.. Так сейчас каменных не строят, бетон или в один кирпич, не больше, не себе, на продажу...

Быстро стучит по клавишам.

На большом экране проецируется весь процесс, буквы складываются в слова, которые она, набирая, негромко произносит.

- Привет, Командир... Ты еще помнишь меня?.. Только посмей сказать, что не помнишь!

Перестает набирать.

- Стой, красавица... Убавь пыл... Давай сначала посмотрим, кто он и что у него...

Набирает. Ждет, не скрывая нетерпения. Наконец на экране появляется фотография седовласого мужчины. Снимок официальный, сделан в кабинете.

- Командир...

Пристально вглядывается.

- Ты уже седой... Но такой же... загадочный... И не мой...

Продолжает манипуляции с ноут-буком, и на большом экране появляется портрет женщины.

- Значит, ты женат, как и следовало ожидать... Интересно, первая?.. Вторая?.. Нет, скорее третья, явно моложе...

Смотрится в зеркало.

- А может это дочь?..

Набивает. На экране - портрет смеющейся девушки.

- Не будь душой, дочь - вот эта... И, кстати, похожа... на него... И на нее...

На экране меняются фотографии мужчины, женщины, девушки. Порознь и вместе, в разных местах и ситуациях. Затем чередуются фотографии девочек. Маленькой, побольше...

- А это внучка... Значит, ты уже дед... Всего одна?.. Негусто мы с тобой посеяли...

Встает, выходит из комнаты и тут же возвращается с телефоном в руке. Начинает набирать номер. Спыхватывается.

- Что я, дура, делаю... Второй час ночи... Да и не интересно это ему. Ну, нашла, мать, ты свою первую любовь, а ему от этого ни холодно, ни жарко... А так хочется поделиться с кем-нибудь...

Устало садится.

- А то еще и приревнует... Я ему все уши прожужжала: «учись, как Командир»; «относись к девуш-

кам, как Командир»... Одним словом, будь похож на моего Командира... Только не на отца... Хотя глупо ревновать к прошлому...

Смотрится в зеркало. Потом оглядывает комнату, о чем-то раздумывая. Наконец решительно подвигает ноут-бук и начинает быстро набирать. Появляющиеся на экране буквы складываются в слова:

«Привет! Я тебя нашла! Как ты?.. Не забыл меня?..»

Он

В кабинет входит мужчина. Включает компьютер. Начинает просматривать папки. Что-то откладывает, что-то подписывает. Наконец, отодвигает их в сторону и смотрит на экран. Удивленно оглядывается по сторонам, словно желая что-то у кого-то уточнить или чем-то поделиться, потом касается клавиатуры.

На экране - Ее портрет.

- Да это же...

Увеличивает снимок. Разочарованно.

- Н-да, что с нами делает возраст...

Откидывается в кресле.

- Она ведь меня младше лет на... Нет, не намного, кажется, на четыре... или пять... Я был на пятом курсе, она - на первом...

Всматривается в портрет.

- Изменилась... Потяжелела... А глаза - те же...
И улыбка.

*Звучит мелодия «Yesterday». Он подносит к уху
мобильник.*

- Да, дорогая... Нет, я успел... Хорошо... Слушай,
я тут зашел в «Одноклассники»... Вот знакомая из
юности объявилась... Ну та, с которой до тебя роман
был... После лавины. Да чего уж ревновать, что было,
то прошло... Нет, она очень изменилась... А что, с воз-
растом кто-то меняется в лучшую сторону?.. Кроме
тебя, конечно... Да нет, это чистая правда... Ладно,
перестань... Сама посмотришь. Пока.

Кладет телефон перед собой. Смотрит на экран.

- Сколько лет прошло... Любопытно, как у нее
жизнь сложилась.

Пододвигает клавиатуру.

*На экране поочередно появляются фотографии.
Она в саду. На фоне гор (явно не южных). На улице
с надписями на каком-то языке. На знойном пляже,
но на этой фотографии она еще стройная, молодая.
Строгая и тоже молодая - с мальчиком. Уже сегод-
няшняя, улыбающаяся, рядом с высоким юношей, по-
хожим на нее.*

- Сын... «Мы с сыном»... А где же муж?

*Теперь фотографии мелькают быстрее, но на них
Она или одна, или в компании.*

- Муж, судя по всему, обьелся груш...

Начинает набирать, и на экране появляется текст.

«Привет. Я рад, что ты нашлась. Как живешь?.. У меня все нормально: жена, дочь, внучка. Работа. Ты уже пенсионерка?..»

Она

В комнату, продолжая на ходу говорить по сотовому телефону, входит женщина. Она в деловом костюме, только пришла с работы.

- Сынок, ты эгоистичен... Может твоя мать иметь если не платоническую любовь, то хотя бы виртуальное увлечение?.. Тем более со своим сверстником... Я же не пристаю, как некоторые старушки, к юнцам... И совсем не хочу быть злобной, хронически неудовлетворенной феминисткой... Да, если хочешь, я к нему отношусь, как Петрарка к Лауре, кстати, которого ты так и не осилил, поэтому не знаешь, какие у них были отношения... Да, в моей жизни немало всего и кого было, вот поэтому не стоит за меня беспокоиться...

Глубоко вздыхает, слушая.

- Ну да, ты талантливый программист, у тебя хорошая голова, но вашему поколению не дано чувствовать... Вы любите железки, головоломки и исключительно себя... А мы в твоём возрасте любили друг друга... Мужчины - женщин, женщины - мужчин... Не надо опошлять, я не имею в виду сексуальные извращения. Это сейчас эти отношения стали обыденной мерзостью... Да у нас не было вашего примитивного физиологического секса с кем попало, у нас была

настоящая любовь... Вот ты сразу подумал о непристойном, а мы, как и положено нормальным людям, любили противоположный пол... Да, не отрицаю, я нетерпима, не толерантна по отношению к геям, бисексуалам и прочим извращенцам, называй их как хочешь, потому что я нормальная, настоящая, хоть уже и немолодая женщина...

Слушает. С раздражением.

- Вот доживешь до моих лет, может быть, начнешь понимать, в чем разница... Все, помолчи, иначе поссоримся...

Слушает.

- Нет, отец твой мне не звонил. И дай бог, чтобы никогда не позвонил.

С раздражением выключает телефон.

- Отчего родные дети так эгоистичны?... Живешь для них, пластаешься, жилы рвешь - воспринимают как должное. Только для себя захочешь пожить, пусть самую малость, - сразу в штыки...

Раздевается и останавливается перед зеркалом в одном белье. Разглядывает себя.

- Грудь, конечно, великовата...

Приподымает ладонями.

- Хотя сейчас это модно... И мужикам нравится... Вон как Маркович заглядывает, через стол перегиба-

ется... Того и гляди, клюнет своим длинным носом и не разогнется...

Вдыхает.

- И оценить некому...

Проводит ладонью по животу, стараясь его вытянуть.

- Та-ак, спортом, миленькая, надо заниматься, а не пирожки трескать в обеденный перерыв... Или в тренажерный зал топать... Хотя чего я там не видела?.. Потные, озабоченные самки, верящие, что формами можно заманить счастье... Ну да, а ты совсем не озабочена?.. Да... была, во всяком случае...

Крутится перед зеркалом, разглядывая себя.

- Ладно, сойдет для виртуального общения.

Накидывает халат.

- Ну что, дорогой, откликнулся?

Включает ноут-бук.

На экране появляется портрет мужчины и текст.

- Откликнулся... А куда бы ты делся, мой милый...

Пауза.

- Хотя ведь вот делся... На сколько лет?.. Сыночку уже тридцать. И еще не женат, эгоист...

Вздыхает.

- Поколение пепси, поколение икс... Продвинуто-потерянные... Тридцать лет... Мне двадцать было, когда замуж выскочила... Два года я прожила с его отцом... Год до рождения и год после... Еще годы, пока я тобой переболела... мой Командир... Какая я была тогда романтическая... Отчего же, совсем не дура, просто романтическая первокурсница. А ты - пятикурсник. Умный, так много знающий того, о чем я даже не слышала... И о Петрарке и Лауре я тогда тоже ничего не знала, ты просветил... Ладно, что тебе сегодня написать?

Звонит домашний телефон. Она выходит и возвращается с трубкой.

- Ну, что ты хотел?.. Зачем?.. Нет, я тебя видеть не хочу... Что сын?.. И вообще, какое мне дело, что ты думаешь по этому поводу? Что ты вмешиваешься в нашу с ним жизнь?.. Ну да, теперь он для тебя сын. Когда стоит на своих ногах. А что же ты раньше о нем не думал? Знаешь что, я о тебе еще помню только потому, что он об этом попросил. Все! И не звони больше!

Бросает трубку.

Садится напротив ноут-бука.

- Неужели каждая баба носит в себе такую тяжесть...

Начинает набивать текст, который появляется на экране.

«Привет, дорогой Командир...»

Останавливается. Уходит и возвращается с альбомом фотографий. Садится, неторопливо перебира-

ет, подолгу рассматривая. На экране появляются фотографии молодой девушки, чаще всего смеющейся, с гитарой. Потом снимок туристов, среди которых Он и Она. Потом Он в штормовке и с ледорубом на перевес на снежном склоне. И еще одна - застывшая сошедшая лавина... Откладывает фотографии, касается клавиш.

«Здравствуй! Я рада, что у тебя все сложилось, что ты живешь. Я только что пришла с работы, уже темно, сейчас попью чаю и лягу спать... Нет, перед сном обязательно разыщу старый альбом и старые фотографии из того похода... А потом уже лягу спать. Одна. Сын живет отдельно, в моей квартире, а я - в квартире родителей... Ты ее помнишь?.. Когда ты приезжал знакомиться с ними, ты спал на раскладушке, которая стояла рядом с моей кроватью, и мы держались за руки, пока не уснули...»

Стирает последнее предложение.

«Внуков у меня нет, мой сын никак не найдет свою половинку. Наверное, наследственное...»

Стирает последнее предложение.

«Работа у меня секретная, поэтому писать о ней ничего не буду. Расскажи о себе... И заметь, я внесла тебя в список моих друзей... Помнишь себя такого, Командир?»

На экране крупно снимок: он на снежной вершине, смотрит на горы перед ним.

Он

Мужчина включает компьютер, читает текст. Потом долго всматривается в фотографию, на которой он так не похож на себя сегодняшнего.

Набирает номер телефона. Долго не отвечают, и он кладет трубку. Потом звонит по мобильному.

- Ты уже в дороге?... Да так, уточняю... Тут, между прочим, моя знакомая из юности выставила мою фотографию... На которой я перед лавиной. Не знаешь, где у нас старый альбом?... Нет, конечно, это не срочно... Не нужно, я сам поищу... Целую, моя родная... До встречи.

Начинает набивать текст, который появляется на экране.

«Мужчины стараются помнить то, что им приятно...»

Задумывается. Стирает текст. Набивает.

«Женщины стараются помнить то, что им приятно».

Вновь задумывается и вновь стирает. Решительно бьет по клавиатуре.

«О себе я все изложил на собственном сайте. Даже если и не все, то главное. А так, все обычно, как у всех. Живем в заботах. Чем занимаюсь? Зарабатываю на проживание и в свободное время читаю Библию. В молодости был атеистом, теперь понимаю, что не по убеждению, а по незнанию и младоглупости. И, конечно, вследствие воспитания. И огорчаюсь, нет бы эту книгу прочесть раньше, на самую длинную жизнь загадок бы хватило... Не тратил бы время на разные глупости...»

Вот, к примеру, читаем; «Если жена не осквернилась и была чиста, то останется невреждимою и будет оплодотворяема семенем». Отсюда следует, что бесплодие, которого у нас сегодня немало - это грех измены, может быть, даже свершенный ранее, ведь в четвертом колене аukaется... Или вот еще; «И будете приносить жертву Господу, всесожжение или жертву закалаемую, от волов и овец, во исполнение обета или по усердию, или в праздники ваши, дабы

сделать приятное благоухание Господу». Почему столь необходима жертва? Может быть, это освобождающаяся душа, очищенная таким образом?.. И что понимать под «приятным благоуханием», ведь запах горящей плоти неприятен? Или это не осязаемое нами благоухание души?.. Ладно, не буду утомлять, думаю, у тебя иных забот хватает...»

Перечитывает. Задумывается. Убирает последний абзац. Дописывает.

«Но это урывками, а в основном все обыденно: утром - на работу, вечером - домой... В отличие от твоей, у меня работа совсем не секретная. И даже наоборот, делюсь своими секретами со всеми жаждущими и страждущими. Оттого и на сайт приглашаю. Зайди».

Она

Входит Она, явно навеселе. Мимоходом включает ноут-бук, напевая:

- Командир, командир, улыбнитесь.
Ведь улыбка - это флаг корабля...

Скидывает туфли, ложится в платье на кровать. Глядя в потолок, раздельно произносит:

- Не провести ли нам совместно оставшиеся годы... Ха-ха... Фу, как звучит... А если я намерена еще лет тридцать-сорок радоваться этому миру? И все эти годы созерцать эту потную гладкую лысину?.. Рядом?.. На одной подушке?.. И этот красный нос... А запах чеснока?.. Ну уж, господин Маркович, фиг вам... Или вигвам, как говорил в детстве сын...

Садится перед ноут-буком.

- Ну что, Командир, заинтересовала я тебя?..

Читает текст.

- Конечно, узнаю брата Колю... Ты все еще считаешь меня, как и тогда, глупенькой, хотя и смазливой... Заметь, смазливенькой (поднимает указательный палец) первокурсницей... Ну да, я только что вырвалась из-под маминой опеки, а тут вы, умный, начитанный, философствующий, загадочный... Да, я была послушная домашняя девочка, ты ведь познакомился с моими родителями, они были строгими и целомудренными... И они мне всегда верили. Поэтому я не позвала тебя в ту ночь с раскладушки к себе в постель... И тебе они поверили, когда ты пришел брать ответственность за меня перед походом... Ты считал, что я прирожденная скалолазка. А я ведь и в секцию пришла, потому что ты там был. И в поход из-за тебя пошла... А ведь ты тогда, в лавине, испугался за меня... И потом так меня любил...

Встает и, расхаживая по комнате, продолжает:

- Ты вот пишешь о душе, а ведь наши души тогда познали друг друга... Они были вместе. Они были едины тогда! А ты этого не понял... Хотя, может быть, я обольщаюсь, и только моя душа пережила это...

Вновь садится за компьютер. На экране появляется:

«Привет, Командир. Ты все так же скуп на слова и все так же пытаешься найти ответы на вечные вопросы?.. Глупо...»

Подумав, последнее слово стирает.

«Может, так и надо, но я не могу долго думать. У меня начинает болеть голова...»

Пауза.

«Правда, сегодня она болит еще и потому, что один мой...»

Пауза.

«...любовник...»

Думает. Вставляет слово и продолжает:

«потенциальный любовник предложил скрепить наш союз».

Стирает три последних слова и набивает:

«расписаться. Это смешно. Как хорошо я вас»

Стирает «вас»

«знаю мужчин...»

Пауза.

«...такого типа. Так что вместо ответа махнула рюмку коньяка и убежала домой бай-бай... И тебе бай-бай.. И твоей жене, а она у тебя вовсе еще не старушка».

Стирает последние четыре слова, подумав, добавляет:

«красивая...»

Решительно выключает ноут-бук.

Встает, потягивается... Разглядывает на руке браслет.

- А что, Маркович мужчина надежный. К тому же денежный, вон какие подарки делает... Говорят, правда, импотент... Ну, наберет сил пару раз в год, как-нибудь перетерплю... Сколько нас таких сейчас... Они все думают, что мы без этого не можем, а нам просто тепла не хватает... Внимания... Слова доброго... А может, ты, Командир, и прав, за грехи наши платим... Только какие у меня грехи?.. Да и что ты обо мне знаешь?..

Садится на кровать и задумывается, глядя перед собой...

Он

В кабинет входит мужчина.

Достает из портфеля диск, вставляет в компьютер, и на экране появляется видеоряд. Судя по качеству, он смонтирован из старых любительских киноплёнок. Без звука мелькают кадры студенческих буден: праздничная демонстрация, то ли осенняя, то ли весенняя, улыбающиеся молодые лица, живо реагирующие на камеру; вечеринка или танцы в студенческом общежитии и пара, отмахивающаяся от оператора. Толпа туристов, навьюченных рюкзаками, идущих к автобусу и Она крупным планом с гитарой. Что-то играет. Звуча нет, но видно, что-то задорное...

Мужчина останавливает киноряд. Настраивает колонки, вновь включает, и звучит не очень четко, не совсем подходящее для женского голоса: «Лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал...»

Он убирает звук.

Дальше киноряд сменяется снимками.

Вершины. Горная панорама. Вереница туристов на снежном склоне, сгибающихся под огромными рюкзаками. Она - смеющаяся, скатывающаяся на пятой точке по склону. Взбитая, как сливки, снежная гора сошедшей лавины... Застолье, за которым те же лица, но не столь веселые, и в центре - Она с гитарой...

И снова кино. Город, зацветающая сирень, под ней на скамеечке Он и Она машут оператору руками. Камера начинает к ним приближаться, они прижимаются друг к другу и, улыбаясь, смотрят в объектив.

Потом он поднимается навстречу оператору, мелькает его рука, сирень, небо - и все заканчивается.

Мужчина достает диск.

Вертит в руках, явно не зная, как поступить.

- Ну, и что прикажете делать?.. Да, мы были такими... На той лавочке, чтобы никто не видел, тогда этого не делали напоказ, нам нравилось целоваться... Когда мы вышли из-под лавины, я понял, что должны чувствовать люди, вместе пережившие смертельную опасность. Мы стали братьями и сестрами. И мы, такие разные, любили друг друга. Просто любили, ничего не требуя взамен... Интересно, где сейчас остальные... наши лавинные родственники. Вот ты нашла меня... Ты и я - там, в прошлом, на пленке и в памяти... И мы сегодня... Совсем другие...

Она

Нарядно одетая женщина рассказывает перед объективом ноут-бука.

- Ты хочешь знать, как я жила?.. Без тебя... Как тобой переболела, ненаглядный мой... Хорошо, что ты так стремительно исчез. Естественно, в секцию я больше не ходила. Мы с подружкой пошли на балльные танцы... Это была ее инициатива. Большинство юных девушек, а она относится к большинству, считают, что принца можно встретить на балу. И хотя мне дороже был принц в штормовке, я не стала сопротивляться. Согласись, это все-таки лучше, чем предаваться тоске и самоедству.

...Ты знаешь, я вот смотрю на нынешних наших детей, у них как-то все просто, облегченно, безвкусно... По-животному... Вот мой сын уже несколько

подружек сменил. Сойдется с очередной, спрашиваю: любишь? А он в ответ: брось мам, при чем здесь любовь, мне нужен секс, ей нужен секс... Чистая физиология... Поживем, пока не надоест... И у девиц этих не он первый... Вот и не знаю, дождусь ли внуков...

Ладно, вернемся в наше прошлое... Подруга легкая, гибкая... была. У нее сразу появился партнер, а мне не досталось, мальчиков тогда меньше было. Помнишь, на десять девчонок - девять ребят... А ее выбрал очень даже симпатичный мальчик с машиностроительного факультета. Можно сказать, красавчик. У них - роман, а я сбоку припеку. Они целуются, а я тебя вспоминаю... Как мы подолгу друг друга провожали... Не могли расстаться... Зато на учебу навалилась, сразу в отличники выбилась, в научное общество вступила, исследовательский диплом стала делать. Одним словом, к пятому курсу уже в числе лучших в институте значилась. Ты в это время, насколько я знаю, где-то в сибирских просторах обитал... В итоге - красный диплом и распределение по желанию. Может быть, и поехала бы к тебе, если бы знала, куда, а так осталась дома... И, кстати, я уже была замужем. Сразу после защиты диплома выскочила... За того красивенького танцора... И зря подруга со мной тогда поссорилась, совсем я не хотела его отбивать, лучше учиться на чужих ошибках... Но я тогда об этом еще не знала...

Он, между прочим, за мной больше года увивался, а я по-честному все подругу ему сватала, хотя было уже видно, что ничего у них не получится. Между прочим, его, как и тебя, зовут, может, поэтому и уступила. Только ты для меня всегда был и остаешься Командиром...

...Ну что тебе о нем рассказать?.. Он закончил на год раньше, работал на заводе инженером. Пока я беременная ходила, жили неплохо. Он обходительный,

внимательный был... Не все в нем мне нравилось. Сначала с насильником сравнивала, так не хотелось его ласк. Но терпела, представляла, что это не он, а ты... Имена-то у вас одинаковые... Но со временем сгладилось: отец твоего ребенка плохим быть не может... Вам, мужчинам, этого не понять... Вот отсюда и стерпится - слюбится. Только это верно в том случае, если жена рождает одного за другим, а мужа потом начинает через своих детей любить. Вот только сколько надо нарожать, чтобы слюбилось, никто не знает. Но один ребенок, точно, не поможет. Мне надо было, наверное, с десятков...

А потом я вышла после декретного на работу. Коллектив у нас в лаборатории в то время был сугубо мужским, интеллектуальным, эрудированным, ты бы в нем своим был. И я среди моих лобастеньких - одна-единственная женщина. Причем очень даже симпатичная... Ты же согласен, я была не красавицей, но интересной... Не стану скрывать, вниманием не была обделена, более половины из умненьких были женаты на науке, а оттого юридически свободны и внимательны. Я для них стала олицетворением любимой во плоти... И отец моего сына это почувствовал, начал меня ревновать. Я, дурочка, в свое время ему о тебе много рассказала, думала, не должно быть от своей половинки тайн... А тут и тебя начал недобрым словом вспоминать, и коллег в любовники поголовно произвел. Обидно было до того, что хотелось порой рога ему наставить, тем более, было с кем, но воспитание сдерживало. И его жалела. У него на работе ничего не ладилось, все с начальством конфликтовал. Считал себя обиженным, не оцененным. А если честно, не умел он работать. Дома если гвоздь забивал, обязательно по пальцу попадал. Я долго терпела, но когда он меня ударил, выставила...

Сыну два года было...

Вот такая у меня арифметика семейной жизни: два года хоть и не душа в душу, но ровно прожили, год терпела и жалела, а потом еще год разводилась...

Ладно, на сегодня довольно, ложусь спать. Попробую тебя увидеть...

До этой картины герои появлялись порознь перед нами. Теперь постоянно видны две половины сцены, кабинет и комната, и пока один из героев говорит, второй живет своими повседневными заботами. И монологи, по сути, превращаются в диалог.

Он

Мужчина только что прочитал письмо. Видно, что-то его зацепило в нем, и он, расхаживая по кабинету, отвечает.

- Ты права, нынешнее поколение двадцатилетних отличается от нас, какими мы были в их возрасте... Мы жили чувствами, а они - глазами. У нас было множество запретов, у них практически никаких. Нас опекали и воспитывали с малых лет в садике, школе, институте... Да и потом... Только другими методами... И за непослушание - наказывали... Они же росли сами по себе, как сорная трава, пока мы, взрослые, совсем забыв о них, были одержимы желанием разбогатеть...

В нашу молодость все вокруг было стабильно и застойно, отчего мы жили большими и дальними планами и верой в лучшее будущее. У них - перемены каждый день до полной дезориентации. Будущее туманно и неопределенно настолько, что планы строить нелепо. У нас, в прошлом, было все незыблемо и прочно. У них, в настоящем, шатко и переменчиво. Малой

части общества перемены пошли на пользу, я не имею в виду обогатившихся казнокрадов, от богатства материального как раз никакой пользы душе. Я имею в виду ту малую часть, которая получила более ценное, чем деньги, - доступ к ранее закрытой информации. Той, что возвращает наше общество из тупика безоглядного служения одной идее к постижению логики развития всего человечества.

Поэтому не буду спорить, да, мы жили в резервации, называемой социализмом, до отупения штудировали марксизм-ленинизм исключительно по критическим статьям прирежимных идеологов, которых учеными, естественно, назвать нельзя, тайно изучали чуждые нам философии. Но это вытаскивание истины из-под напластований изошренной лжи развивало в нас интуицию, заставляло достраивать логические цепочки, учило независимо мыслить. Литература, искусство этого периода, называемые социалистическим реализмом, достигли истинно творческих высот. Я не беру во внимание графоманию и псевдохудожественное ремесленничество партийного прославления, как правило, заурядных, но обласканных властью конъюнктурщиков. И взаимоотношения мужчины и женщины, как тема, обложенная запретами менее всего, была изучена искусством более всего. Запрет, конечно, был и здесь. Например, запрет опускаться в творчестве ниже пояса. Но ведь это как раз и возвышало, идеализировало отношения полов! Именно это и поднимало подростка на уровень постижения главенства в любви духовной близости, когда астральная энергия двух людей соединяется, когда Он и Она становятся действительно нераздельными половинками, из которых Бог создает единое целое! Физическая близость вторична, и она, чудо физического единения, слияния, есть следствие духовного слияния, реализация Божьего промысла...

Отсюда уважение друг к другу, возвышенность отношений. Это Божий дар влюбленным- возможность постичь тонкие материи бытия в высшую точку чувственной любви...

У нас в общежитии был один-единственный сокурсник, который называл девушек телками и видел в них исключительно источник удовлетворения физиологических потребностей... Фактически он тем самым принизил себя до животного, до быка-производителя... И мы его терпели, но не понимали...

Более всего мне не хотелось бы верить в фатальную неизбежность конфликта поколений. Как-то не лежит к этому душа. И я не скажу, что наши дети хуже нас. Они просто на иных тренажерах накачали другие мускулы... Мы - многообразие чувственного восприятия мира. Они - визуально-виртуальную эрудированность... Конфликт поколений заключается в избирательном освоении информации и жизненного опыта. А еще в разновеликом временном резерве понимания жизни.... Погоня за материальными удовольствиями этот резерв уменьшает... Во всем остальном человек неизменен со дня творения, как бы ни нравилась многим нелепая гипотеза Дарвина... Отсюда следует, что информация столь же материальна, как те же электрическое или магнитное поля, которые мы так же не видим. А время жизни каждого - это способность осмыслить определенный, только ему доступный объем информации. В этом, кстати, истинная индивидуальность каждого, а не в стремлении отличиться внешне. Вот только не знаю, информации усваиваемой или же выдаваемой в ноосферу ... По-видимому, важно и то, и другое в равной степени... И измерять ее следует в килобайтах, мегабайтах или в чем-то другом... Впрочем, я не силен в этих терминах, тебе они понятнее...

Мы с нашим чувственным восприятием противоположного пола и окружающего мира, с нашим жизнелюбием, им, нашим детям с очевидным прагматичным и порой циничным подходом даже к непреложным ценностям (кстати, сформированным невниманием с нашей стороны), им, пережившим духовную деформацию, даже деградацию, порожденную девятым валом негативной информации, непонятны. Это больно, но это надо признать.

Мой недавний шапочный знакомый, столичный издатель, выпускающий жвачное и развращающее чтиво, не имеющее никакого отношения к истинной литературе, осознавая это, сохраняет собственное духовное здоровье следующим образом: утром и вечером, на сон грядущий, как противоядие, прочитывает по несколько страниц классики. Я все хочу спросить лицемерного отравителя: он верит, что богатство, нажитое подобной деятельностью, сделает его самого, его детей, внуков счастливыми?... Он что же, забыл об обязательной расплате вплоть до четвертого колена?

Мне нравится версия о том, почему в Раю Адаму запрещено было вкусить плод дерева Познания, в которой запрет обосновывается духовной неготовностью первого человека правильно распорядиться полученным знанием. Мне кажется, нынешнему поколению молодых подкинули плод новых знаний, не подготовив их духовно. И в том, как они поняли вкус отведенного, не их вина... В этом их крест, и очень не легкий. Вот отчего я не тороплюсь их обвинять, хотя проще всего пойти по привычному пути восхваления собственной юности, а значит, и своего поколения, и себя, это ведь придает силы... Мы ведь черпаем жизненную энергию как из будущего бессмертия, так и из прошлого жизненного опыта... А еще хаять приходящих тебе на смену - это вполне естественно и объясни-

мо: кому хочется покидать лучший мир, а из худшего не жалко и уходить...

...Извини, если мудрено. Выплеснулось. Последнее время много думаю об окружающей бездуховности, завышенных претензиях бездарей, гламурной мишуры, накрывшей все таким толстым слоем, что истинного уже почти не видно. Но, может, так и должно быть. Господь ведь любит каждого человека, а значит все, что происходит с нами плохого, как нам кажется, сегодня, обязательно обернется лучшим в будущем. Моя бабушка говорила, все что делается, - к лучшему. Она была верующей, а я пионером-атеистом. Не соглашался. Спорил. А теперь вот признаю, она была права...

Конечно, приятно и комфортно, когда в стране есть миллионы людей, читающих толстые журналы или любящих, понимающих искусство и его значение, как это было в огромной стране Советов. Но так ли уж плохо, если их тысячи?..

Нет, конечно плохо... Атмосфера удушливая... Хочется свежести, очищающей грозы...

Но это другая тема...

В твоем альбоме я не увидел фотографии твоего мужа. Я не говорю об отце твоего сына... Я сам тоже не праведник, и знаю, что такое ревность, но унижить любимого человека словом и тем более насильем - значит уничтожить все отношения... Думаю, ты была права, что ушла. И наверное, ты его не любила... Но с тех пор столько лет прошло... Твоему сыну уже под тридцать?

Она

Все это время женщина, лежа на постели, читала толстую книгу, порой пролистывая страницы, забегая вперед и возвращаясь обратно, порой задумы-

ваясь, откладывая в сторону, иногда недовольно морщась, пытаюсь понять прочитанное.

Наконец закрывает книгу, поднимается, выходит из комнаты. Возвращается одетая в строгий костюм, явно собираясь уходить. В это время звонит телефон. Снимает трубку.

- Привет, подруга! Хорошо, что позвонила... Как живу? Замечательно!.. Слушай, у меня уже несколько дней праздник.. Какой?.. Я свою любовь нашла!.. Да нет же, я не о старичке каком-нибудь, не радуйся... И при чем здесь Маркович? Он никогда мне не нравился... Ну и что, что прежде иначе говорила, это я аутотренингом занималась, настраивала себя, чтобы в первую ночь с кровати его не столкнуть... Зачем?.. Не задавай глупых вопросов. Ты не знаешь, каково с любимым любовью заниматься. Скажи спасибо, что я тебя в свое время уберегла, для Гаврика сохранила. Он тебя всю жизнь на руках носит, да еще и собственную карьеру умудрился сделать. А вышла бы тогда за моего красавца, сейчас созерцала бы неудачника...

Ладно, закроем тему, действительно. Но это из Гаврика тебе удалось вылепить, что хотела, а из моего ревнивца замучилась бы... Да, живет один, последняя его тоже выгнала. А может, сам сбежал, не уточняла. Давай лучше не будем о нем, иначе мы с тобой разругаемся...

Слушает долгий монолог. Наконец, не без раздражения, перебивает.

- Так, подруга, или ты меня слушаешь, или я умолкаю... Да, наконец-то ты угадала, я нашла своего Командира...

Ну, вот видишь, сколько сразу вопросов. Где живет, пока не знаю, но, судя по всему, в России. Выгля-

дит просто замечательно. Да, седовласый, немолодой, конечно. Но очень импозантный... Сама сходи в Сеть, посмотри...

Олечка, я не хожу по сайтам голых мальчиков. Меня глупые носители одного-единственного мужского достоинства, писюна, не возбуждают. В отличие от тебя. Мы с тобой эту тему уже обсуждали. Я люблю настоящих мужиков или мудрецов. Седина и тем, и другим идет... Именно поэтому я в свое время Игоря Иосифовича и приняла, ты совершенно права... И, между прочим, с ним мы прожили хоть и недолго, но счастливо. В отличие от твоего расхваленного Томазика... Ну хорошо, не твоего, не твоего... Нет, я не виню вас с Гавриком, вы, конечно, от всего сердца добра желали, я просто констатирую факт по прошествии времени... Опять мы ушли с тобой от главного...

Как от чего? От моей любви...

Да, женат. Ну и что?.. Естественно, отозвался, мы с ним переписываемся...

Ты знаешь, мне что-то расхотелось с тобой делиться. Ты звонишь по делу или просто так?..

Когда в столице буду, пока не знаю, шеф командировку отложил... Сын вот собирается... Я его отговариваю, но он у меня, сама знаешь, упрямый, настроился покорять столицу... Ты за ним там посматривай, хоть он и большой вымахал, но ребенок...

Слушай, я уже совсем опаздываю... Целую, подружка. И Гаврика за меня чмокни. Пока, пока.

Кладет трубку и выходит.

Он

Все это время мужчина в своей комнате, обложенный книгами, что-то читал, делал пометки, запи-

сывал. От этого занятия его отвлекает телефон. Он медлит, потом все же снимает трубку.

- Да, родная... Уже так поздно?... Заработался... Муза гостит... Она ведь приходит не тогда, когда хочешь, а когда снизойдет. Вот заглянула, я все дела в сторону и внимаю...

Ладно, не ревнуй. Подобная измена позволительна и ни капельки не обидна ни для кого... Нет, я не голоден... Чувствую себя замечательно. Ты знаешь, я все более убеждаюсь; когда человек чем-то увлечен, он здоровеет. И когда у него много желаний. Я думаю, женщины живут дольше мужчин потому, что у них изначально гораздо больше желаний. Одежда, украшения, дети, дом, путешествия... Это самый короткий список того, чего желает женщина. Кроме мужчины, естественно. Хотя вы не заиклены на мужчинах, как мужчины на женщинах.

А у мужчин всего два желания - женщины и хобби. Правда, иногда хобби - это тоже женщины. И когда они, то есть мы, перестаем ощущать в себе позы-вы самца, никаких желаний больше не остается... И смысла жить тоже...

Нет, я не о себе, ты же знаешь, у меня желания не пропали...

Да, согласен, все болячки от безделья и от грехов. Но эта тема нам неинтересна, мы еще не в том возрасте...

Я вот недавно пришел к выводу, что поэзия - это отнюдь не пища эстетов, она имеет свое сугубо прагматичное предназначение. Она является тем самым реактивом или адсорбентом, который очищает словесную атмосферу, информационное поле, ноосферу... Нет, не фильтр, а именно реактив, который уничтожает скверну, выбрасываемую людьми в духовное поле. Помнишь, как в Библии: «Не то, что входит в

уста оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека». Поэзия, только настоящая, не графомания, которой особенно много в интернете, - это противоядие пошлости, той, что сегодня правит бал... И я читаю поэзию молодых и начинаю верить... Они преодолеют это искушение падения...

Да, конечно, не по телефону. Это я по инерции, пока муза...

Да, скоро закончу... К ужину буду... Пока, родная...

Кладет трубку и тут же набирает номер.

- Привет... Прочитал твою статью в Сети... Да, да, получил истинное удовольствие. С первой строки все аргументированно, логично, интересно... Недосыгаемая планка для нынешних самозванцев, умеющих более-менее связно изложить на бумаге только то, что перед глазами...

Нет, я не утрирую. Я делаю выводы из ежедневно-го наблюдения за моими студентами...

Да, согласен, сегодня они уже начинают кое-что понимать, не сравнить, какие приходили и уходили неучами с дипломами лет пять назад. Сейчас уже многие понимают, что диплом без знаний может пригодиться разве что в чиновничьем кабинете. Вот по этой причине такая огромная очередь в эти самые кабинеты и выстроилась...

Да, я тоже не завидую государству, в котором подобные недоучки будут исполнять властные функции...

Нет, я не жалею власть, ты знаешь, я никогда с ней не дружил, а она меня не привечала ни прежде, ни сейчас...

Да, бездарная... Но каков народ, таков и правитель... Ты же знаешь, я принципиально против барри-

кад. Любая революция выносит наверх не лучших. Я думаю, революция - это не прогрессивное деяние, а инструмент реализации тщеславия, жадности, зависти... Это когда неприглядная изнанка становится лицом.

А в чем, по-твоему, роль личности?.. Это миф! С моей точки зрения, роль любой великой или, как нынче принято говорить, харизматичной личности - это всего лишь функция дирижера, и не более того. Пьеса уже написана, рано или поздно оркестр и сам сыграет данную свыше музыку, дирижер лишь представляет акценты... Да, это тоже имеет значение, но в принципе содержания не меняет...

Хорошо, не будем дискутировать. Я, собственно, звоню, чтобы сказать, что твоя статья очень приплась. И к месту, и ко времени. Наверное, не я один позвонил... Вот видишь... Все-таки думающие в обществе еще остались... Да, надо бы встретиться, посидеть... Будет свободное время, звони...

Кладет трубку. И тут же раздается звонок.

- Слушаю... Хорошо, сделай скидку. Но не более двадцати процентов. Если фирма надежная - поставь оплату по факту.

Отодвигает телефон на край стола, кладет перед собой раскрытую толстую книгу, начинает читать, держа карандаш наготове.

Она

Во время его монолога она то заходила в комнату, то уходила, занятая своими делами. Теперь уже в домашнем халате, садится перед ноут-буком.

- Да, не буду скрывать, флиртвала пару раз... Ну, может быть, три-четыре... Разве не имеет права молодая и симпатичная женщина позволить себе эмоциональную встряску?... Тем более, после почти двухгодового сидения дома, когда в твоём мире только муж, к которому ещё толком и привыкнуть не успела, ожидание ребенка и ребенок... Бессонные ночи, пеленки, изменившееся тело, с которым уже не рискуешь идти в горы... Два года заточения в четырех стенах, череда однообразных забот - и вдруг новые лица, внимание, которым ты была обделена, потому что этого внимания требовали от тебя... Это то же самое, что выйти из тюрьмы...

В конце концов, безобидный роман - это восстановление, реабилитация чувств... Почему мужчины считают собственные измены неизбежным спутником семейной жизни, а женщинам в этом праве отказывают?..

К тому же флирт - это никакая не измена. Даже если и поцелует кто-нибудь пару раз или в порыве страсти залезет под юбку... Зачем мы это позволяем?... Потому что женщине приятно, когда она желанна. Даже если мужчина ей не очень нравится... Женщина может многое позволить, но близости нежеланному никогда не разрешит. Рога женщина наставляет, если совсем перестает уважать мужа, а флиртует, если ревнует или добивается того, что ей хочется получить от мужа. Но ей нужно, чтобы муж сам догадался о ее желаниях. И, между прочим, умные мужчины об этом догадываются... Если действительно любят свою жену, а не себя и свои желания... Почему мы не торопимся своих любовников переводить в ранг мужей?... Все по той же причине. Пока он не узаконил свое право на сексуальную собственность, он желания женщины чувствует. А потом только свои.

Нет, ты не думай, что я грешна, поэтому оправдываюсь. Ничего у меня с коллегами не было. Кроме поцелуйчиков и обжиманий после корпоративных застолий. Но мой красавец все дулся и дулся, обиду лелеял. Вечно недовольный... Только сын и выручал. С работы заскочу в садик, расцелую моего краснощекого, он мне свои новости пролопочет, я ему - свои, даже самые сокровенные, все равно ведь не понимает, и не торопимся к его отцу. В хорошую погоду шли по городу гулять, в плохую заходили в кафе или магазин «Детский мир»... И даже в этом случае мой благоверный умудрялся ревновать, кричал, что я прикрываюсь ребенком... Ты знаешь, как противно слащав он был, когда расспрашивал сына, с каким дяденькой я встречалась. Мне в эти минуты так хотелось его удариť...

Нет, не хочу даже вспоминать...

Я лучше дальше полистаю страницы моей ненаписанной книги... Черная полоса ведь обязательно сменяется белой, как в той песне, из нашей юности... Про зебру... Помнишь?.. И я не помню. Нам с тобой нравилась тогда другая.

Уходит и возвращается с гитарой. Садится на кровать, настраивает и негромко поет.

*- Призрачно все в этом мире бушующем.
 Есть только миг, за него и держись.
 Есть только миг между прошлым и будущим.
 Именно он называется жизнь.
 Вечный покой сердце вряд ли обрадует,
 Вечный покой для седых пирамид,
 А для звезды, что сорвалась и падает,
 Есть только миг, ослепительный миг...*

Откладывает гитару, возвращается к ноутбуку.

- После того как развелись, он еще долго меня преследовал. То у конторы или подъезда поджидает, то возле садика... Сначала трезвый, а потом все чаще пьяный. Даже, представляешь, пытался изнасиловать в подъезде... Пришлось писать заявление в милицию, в партком... После этого надолго исчез, уезжал на Север.

А к нам новый заведующий лабораторией пришел. Старого на заслуженный отдых проводили. А Игорь, Игорь Иосифович... мужчина в самом соку, сорок пять лет, умница, интеллигент в третьем колене. Ни на тебя, ни на бывшего мужа совсем не похож. Не философ, не красавец, но обаятельный и внимательный. Естественно, женат, двое уже почти взрослых детей...

Ладно, не буду идеализировать, не красотой силен мужчина. Был он маленький, лысенький, деликатный до абсурда, стеснительный, как мальчик. Жене своей за все совместно прожитые годы ни разу не изменил... Она у него единственная женщина и была. До меня.

Да, инициатива была моя.

Знаешь, Командир, порой женщине надоедает, когда ею командуют, хочется самой покомандовать...

Я его в кабинете соблазнила. И не скрою, сама тогда получила удовольствие. Наверное, от новизны ощущений...

Мой бывший, как правило, особо не мудрствовал, сам быстренько страсть свою удовлетворял и засыпал. Даже не интересовался, хорошо мне или нет. А тут полная противоположность: раздевает, а в глазах вопрос: хочу ли? Обнимает и интересуется, не больно ли... И все говорит, говорит, какая я красивая во всех местах

и умная. Умная, естественно, только в одном месте...
Как он меня любит, как без меня жить не может...

Берет гитару, напевает.

*- Есть только миг
между прошлым и будущим.
И этот миг
Называется жизнь...*

Откладывает гитару.

- Мы с ним так, душа в душу, пять лет прожили. Сначала по вторникам и пятницам, потом совсем ко мне переехал, на развод подал. Только все налаживаться стало, сын с ним подружился, мой бывший успокоился, с Севера жену себе привез, а он возьми да и скончайся в одночасье... Можно сказать, на моих руках. В райком партии вызвали, пришел расстроенный, все валидол сосал... Не помогло. До больницы не довезли...

Вот так моя светлая полоса и закончилась...

Вспомнилось, взгрустнулось...

Ты знаешь, Командир, он меня научил уважать не только мужчин, но и себя. Если быть честной до конца, то после развода я почти стала мужененавистницей. Если бы не Игорь Иосифович, сейчас бы ярой феминисткой была. В первых рядах нашего отечественного, а то и мирового, бабьего сумасшествия... Хотя нет, не была бы, я категорически против однополых браков. Вот таких извращений не понимаю... Ну, нет у тебя мужичка, некрасивая ты, уродина даже, так найди какого-нибудь завалящего, их нынче пруд пруди, за бутылку на все согласны. А деньги есть, так любого отборного самца найти не проблема, найди и

оплодотворись... И свою бабью функцию исполнишь, будет у тебя забота до конца жизни... Можно, конечно, и искусственно осемениться, но лучше все же от живого мужичка... Так естественнее...

Сейчас среди молодежи в ходу прозвище: «ботаник». Не слышал?.. Я от моего сына в свое время услышала. Оказывается, нынче признавать естественные отношения между мужчиной и женщиной это значит быть «ботаником», или натуралом. И это не модно... Представляешь, как обрабатывается сегодня молодежь, чтобы утратить способность любить?.. Хорошо, сын у меня стопроцентный мужик, а вот у одной знакомой сын, моему ровесник, в платяя маминны переодевался, на каблуках учился ходить. Пока маленький был, смеялись. А вырос, геєм стал. А он у них единственный. Продолжатель рода, фамилии. Мать и отец в трансе. Не выдержали общественного давления, уехали куда-то все трое...

Ладно, не хочу больше о грустном.

Пока, Командир.

Он

- В языческой юности я идеализировал женщин. Это диктовал сублимационный возраст, половое влечение. Но не только оно. Все же мы, мужчины и женщины, разные хомо сапиенс, в этом я, уже находясь в зрелом возрасте, не сомневаюсь. Вероятнее всего, мы антиподы, плюс и минус, если исходить из теории полярности всего сущего. Для нас вечная и нераскрытая тайна - женская душа, для вас - мужская. И вот это неведомое и отличное от собственного «я» и тянет нас друг к другу...

Нет, пожалуй, я не прав, юность не языческая... В юности мы все близки к Богу, как никогда. Бли-

же, чем даже в пору рассудочного понимания его реальности. Это период, когда мы неудержимо творим энергию любви, единственное, что Ему нужно от нас. Любовь в эти годы столь сильна, что ее хватает на все вокруг: на мир, созданный Им, на себя и себе подобных. И даже на не очень похожих. И совсем не похожих... А Он взамен дарит нам неосознанное понимание нашего бессмертия... Которое мы потом размениваем на рассудочные измышления, лжеоткрытия и раздувание собственного тщеславия...

Впрочем, я отвлекся...

Вернемся к роли женщины в нашем подлунном мире. Мое преклонение перед ней все еще в силе лишь по одной-единственной причине. Потому что любая женщина для кого-то является матерью... Не мужчина зачал, но женщина родила Иисуса, Богочеловека...

Но порой рожденный ею склонен унижать и даже ненавидеть сосуд, в котором обрел нынешние очертания... В юности мне как-то не пришелся Шопенгауэр, а тут недавно наткнулся на книжечку, рассчитанную, как я понимаю, на любознательную молодежь. Там есть такие строки.

Он читает из книги, а на экране возникает прочитанный текст.

- ...коренным недостатком женского характера является несправедливость. Она проистекает ближайшим образом от указанного выше недостатка в разумности и сообразительности, но к тому же поддерживается еще тем обстоятельством, что они, как слабейшие существа, одарены от природы не силою, а хитростью: отсюда их инстинктивное лукавство и непреодолимая склонность ко лжи... Поэтому при творство в ней есть врожденное качество и свойствен-

но почти в той же мере как умной, так и глупой женщине...»

Нет, Шопенгауэра после прочитанного я не уважал и согласиться с этим выводом не могу, но «наклонность ко лжи» у современных женщин, мне кажется, в какой-то мере присутствует. Особенно это заметно в нынешнем обществе, когда рекомендации, как обмануть окружающих посредством пластических операций и прочих достижений косметики, мы видим и слышим ежедневно. Но, поверь мне, мужчины совсем не хочется знать обратной стороны женской красоты или очарования, и раскрывая ему всю подноготную этой науки обольщения, творцы подобных телесюжетов формируют не восторг созерцания и уважения, а неверие, неискренность в отношениях, желание выяснить еще вечером, что он увидит рядом с собой утром... Сама того не желая, приукрашивая и изменяя себя, женщина стимулирует потребительское к себе отношение. Такое же, как к любому товару, вещи, от которой при ненадобности или же когда надоест можно легко избавиться. Вот отчего общество потребления, я в этом убежден, не освобождает женщину от мужчины, не добавляет ей независимости, а делает ее рабыней. И интуитивно понимая это, не получая от мужчины желаемого внимания и обожания, она предпочитает общаться в кругу себе подобных, где макияжное равенство создает иллюзию самодовольного благополучия. Отсюда, кстати, и подпитывается феминистская философия самодостаточности существования в границах одного пола.

Впрочем, хочу привести еще одну цитату того же Шопенгауэра.

«Так как женщины существуют единственно только для распространения человеческого рода и этим исчерпывается их назначение, то они постоянно и

живут более в роде, чем в индивидуумах, и дело рода принимают серьезнее к сердцу, чем индивидуальные. Это придает всему их существу и поступкам известное легкомыслие и вообще в корне отличное от мужчины направление, которое и обуславливает столь частый и почти нормальный разлад в браках»

Примечательное положение, новотвывод несколько неожиданен. Я более склонен думать, что назначение жить делами рода свидетельствует о способности женщины исполнять социумное предназначение. К тому же подобная склонность свидетельствует о предпочтении женщинами монархического или единоличного правления, будь то род или страна. И, может быть, мы находимся в начале того процесса, когда именно женщины заменят мужчин в управлении государствами. Пока это единичные примеры, но они уже есть.

Впрочем, можно согласиться и с выводом Шопенгауэра. Действительно, когда расхождение в устремлениях столь велики, как сегодня, когда мужчина озабочен карьерой, богатством и развлечениями более, чем сооружением семейного очага, а женщина все же тяготеет к созданию семьи, укреплению родственных связей и даже в какой-то мере самоизоляции рода от опасностей общества, браки распадаются в пугающих размерах. И именно сегодня мы это хорошо видим в нашем обществе...

Она

- Ты хочешь, чтобы я обозвала этого женоненавистника болваном, ничего не понимающим в женской душе?.. Господи, отчего все мужчины так похожи на павлинов!? Командир, я тебя в виду не имею... И Шопенгауэра твоего обзывать не стану, пусть продолжает смущать умы других... А вот с тобой соглашусь, ты ведь всегда был

умнее меня... Действительно, в юности мы все хотим и умеем любить. Но и не только в юности. Во всяком случае, мы, женщины, служим любви всю жизнь. Любовь - это суть женщины. Нам обязательно нужно, чтобы любили нас и мы кого-то любили. Родителей, мужчину, ребенка, собачку, кошечку, птичку... И, если уж любить не получается, то можно жалеть... Я долго своего бывшего жалела... И на работе его не ценят, и ничего по дому не умеет, яичница, и та у него обязательно пригорела... Жалела до последнего. А когда осталась вдвоем с сыном, поняла, что напрасно... А выла я по ночам, когда не стало Игоря Иосифовича... Знаешь, как воют одинокие бабы?.. Наверное, я бы выла и когда ты ушел, но я тогда еще не умела этого делать...

Ты только сегодняшних женщин, особенно молодых, не вини. Не они ведь себя в товар превратили, общество из них этот товар вылепило... Общество, в котором правят именно мужчины...

Дурак этот философ, ему не дано было понять женщину. Не было бы у меня о ком заботиться, может и отправилась следом за Игорем Иосифовичем... Хотя нет, не стану лукавить, хоть и любила его сильно, но я все-таки виталистка. «Ботаник» я, все естественное вокруг люблю, жизнь люблю... Да тут еще время перемен наступило...

Как ты пережил его?..

Лабораторию нашу прикрыли, нас всех, включая гениев, вышвырнули на улицу. Без денег, но с ваучерами. Помнишь этот глобальный обман всякими... Вот уж, действительно, хитрыми да лживыми... даже мужиками их называть не хочется... Лысыми, рыжими, сладкоречивыми прохиндеями... Думаю, неподъемный на них груз проклятий наших лежит. Аукнется он рано или поздно, если не на них самих, то на детях, внуках...

И пошла я, кандидат наук и женщина в полном расцвете сил, между прочим, тогда по всяческому кооперативам посуду да полы мыть... Через одного эти новые хозяева жизни предлагали на содержание перейти. И среди них были не только воры социалистической собственности, легализовавшие наворованное, да бывшие уголовники, общак наработывающие, были и отборные экземпляры умных и умеющих дело делать, вполне приличные. Но подруга правильно диагноз поставила: у меня к ним врожденная классовая ненависть. Так что немало мест поменяла, кое-кого чем под руку попадало приводить в чувство пришлось. А сын подрос. Жить надо было, зарабатывать. В «челноки» подалась.

Не пришлось тебе эту профессию осваивать?.. Догадываюсь, что нет... А я, между прочим, могла бы докторскую написать. Причем на любое звание: экономических, юридических, философских, психологических наук... Это, Командир, отдельная песня моей жизни... И чего только в ней не было... Хотя одного точно не было - ни под кого я не ложилась. Надрывалась, материлась, курить научилась, пить не только шампанское, мерзла, перегревалась, в мегеру превращалась, в бабу-ягу... Когда очнулась через пару лет, скопив кое-что, разглядела себя в зеркале, не поверила, что кандидат наук, что когда-то платья да юбки носила, в театры, на концерты ходила... И вдруг поняла, что еще немного и доживу до амнезии, совсем забуду свое прошлое, продолжу изучать мир по бараклу, которое человечество научилось производить себе в тягость. Но главное, сына потеряю. А он уже у меня парнем стал, оценки безжалостно всем взрослым, и прежде всего родне, выставлял. Бабушка с дедом, на которых я его оставляла, уже для него не авторитет. Да и старенькие стали, куда с оболтусом под потолок

ростом справиться... Ну, а мать-челночница, с которой покурить можно да стопарь на равных опрокинуть, тем более не авторитет. И никаким примером для подражания быть не может. Ни как личность, ни как женщина... А отец вроде и рядом, в одном городе проживает, только он и в лучшие времена сыном не интересовался, а теперь сам с трудом выживает, волчье время наступило...

Я тогда за все годы челночества, и даже вперед, все слезы, какие отпущены были, выплакала. Поэтому сейчас только смеюсь...

Долго мы с ним чужими были, пока не вспомнила я себя прошлую. Помогло, что нефтяники продавать страну начали. Компьютеризация грянула, специалисты понадобились. Кое-кто из моих бывших коллег быстро сориентировался. И обо мне вспомнили. Пришлось идеологию подальше запрятать, да и податься прислуживать олигархам-космополитам без роду-племени...

Но это уже, как принято нынче говорить, совсем другая история...

Он

- Я думаю, что нам повезло.

Не будь этого самого времени перемен, о чем было бы вспоминать в конце жизни?..

О том, что исправно служили партии, ведущей страну неведь куда?..

Делились бы опытом рабского послушания с подрастающими поколениями?

Или же исходили желчью по поводу нереализованных желаний и невостребованных талантов?..

Впрочем, скорее всего, такой спокойной старости, с раздачей воспоминаний, у нас не было бы, потому что экономика гигантской страны в восьмидесятые

уже дышала на ладан. Ты ведь не забыла пустые магазины и тотальный дефицит на все, что необходимо человеку?

Я более склонен верить тем, кто предрекал полное раздробление не только огромной империи, но и России, и жестокую драку за ту же жратву на ее территории... И, может, на это как раз и надеялись те, кто заботился о будущем золотого миллиарда, кому просторы России виделись всего лишь огромной кладовой с немногочисленным обслуживающим персоналом...

Но я не сторонник клевать падший социализм, как и не склонен петь панегирики обществу массового жевания, в котором мы сегодня очутились. На мой взгляд, нам нужно вернуться и взять ту культуру и человеческие отношения, которые были в Советском Союзе, и к ним добавить то материальное изобилие, на которое мы в свое время, польстившись, их разменяли.

Но изобилие без всяких излишеств.

И без обожествления денег.

Без деградации, которая сопутствует этому миру поклонения вещам... Идеология бездумных прожигателей жизни или тщеславных денежных ослов нам не нужна.

Ты права, тем, кто нынче кичится наворованными богатствами и упоает на недостижимость, отзовутся проклятия народа. Они, ослепленные тщеславием, не понимают, какой крест несут здесь и понесут там... Но, я догадываюсь, ты все равно не склонна их жалеть. И тебе все равно, что будет с ними или их потомками в будущем, ты хочешь справедливости сейчас. Я бы тоже хотел, чтобы опять страна стала культурной, читающей, думающей, здоровой, а не бравирующей набором матерных слов и накачивающейся пивом. К сожалению, из одной крайности мы бросились

в другую. При социализме мы были зашоренные рабы идеологии, нынче - обескультуренные рабы вещей и развлечений...

Я тоже не люблю олигархов и тех, кто сегодня спрятался за охрану и стены особняков, полагая, что тем самым спасут себя. И никто, кроме них, не оспаривает тот факт, что они украли у народа его собственность. Тем более, что эти скороспелые миллионеры уже продемонстрировали свою бездарность, свою способность создавать видимость умения управлять делом. И я их тоже ненавижу. Но не столько за воровство, воры всегда были, сколько за многолетний пример для подражания. В сочетании с купленной властью...

У нас в городе долгое время правил мэр-вор. Довольно молодой, но быстро научившийся добиваться власти и отхватывать от общего бюджетного пирога. И главная беда не в том, что он отщипывал из наших карманов, беда в том, что за годы правления он собрал вокруг себя способных учеников, сумел закрепить в народе неверие в законы, власть, справедливость и разнес по городу вирус лицемерия и позволенного безнаказанного наглого воровства. Потом он кинулся в бега, спрятался где-то за границей, кажется, его там поймали, но мало кто верит, что его привезут в город на публичную казнь. Больше в то, что где-то в непрозрачных коридорах столицы обернут как липку похожие на него и, если он владеет опасной для них информацией, нейтрализуют, как принято нынче выражаться, а если нет, пристроят по специальности, но уже в роли чьего-либо раба...

И, тем не менее, не могу с тобой согласиться, что тебя и тех, кто когда-то, начав с кооперативного кафе или цеха, собственной газеты или киоска, а сегодня имеет собственное, созданное действительно талантом, трудом и потом дело, разделяет классовая ненависть, через которую не перешагнуть. Согласись, в революционные

годы перемен немало было и тех, кто благодаря именно падению партийного диктата начал реализовывать давно выношенные собственные идеи, которые социализмом, увы, не были востребованы. Был все-таки период настоящей свободы, ничем и никем не ограниченного творчества, возможности реализовать себя! Вдруг оказалось, что помимо магистральной идеи построения коммунизма в постоянно отдаляющемся будущем у каждого, а если не у каждого, то у многих, есть своя заветная идея. У кого-то - вкусно кормить людей. У кого-то - шить хорошие костюмы. У кого-то - внедрить свои изобретения. У кого-то - выпускать газеты и книги... Другое дело, что очень скоро это многообразие целей и желаний подменилось одной - единственной целью, на смену идее коммунизма для всех граждан отдельно взятой страны, пришла идея материального богатства для отдельно взятого человека.

По сути та же самая идея рая на земле, только выхолащенная до абсурда...

Да, сегодня очевидно, большинству выстроенное нынче не нравится. Но и возврата к старому нет. Нам предстоит взять лучшее из прошлого и настоящего. И скрепить все это любовью. И здесь первые роли - женщинам...

...Кстати, о Шопенгауэре. Похоже, наши телепродюсеры прошли выучку у верных последователей этого философа, признающего зло категорией позитивной, ибо неукоснительно и с особым рвением воплощают его положение о том, что «самое действенное утешение в каждом несчастье и во всяком страдании заключается в созерцании людей, которые еще несчастнее, чем мы...»

К счастью, я не отношусь к его приверженцам и стараюсь не смотреть телевизор и радоваться жизни, какой бы она ни казалась...

Она

С этой картины действие вновь происходит поочередно на разных половинах сцены.

...На полу комнаты - раскрытый чемодан. Она стремительно перемещается по комнатам, заполняя этот чемодан и одновременно разговаривая по телефону.

- Да, не говори, вот так, с бухты-барахты... Вызвал, срочно лети, дорогуша, ты незаменимый человек... Используй свое обаяние и недюжинный интеллект...

Ну, хорошо, недюжинный он не говорил, это и так понятно...

Я ношусь здесь как угорелая, через два часа самолет, а ты меня по всяким пустякам отвлекаешь. Я звоню исключительно предупредить, чтобы вы не скрылись куда-нибудь...

Гаврик не работает? Что, сократили?.. А... временно, фирма прикрылась... Ну и что же в другую не пошел, он у тебя такой специалист... Ну да, терять бонус никто не хочет, тем более такой... А что Командир?.. У него все в порядке... Да я не спрашивала, чем он занимается, мне это зачем... Ладно, подруга, скоро поговорим обстоятельно... До встречи.

Тут же набирает номер.

- Сынок, привет. Слушай и не перебивай. Я сейчас улетаю в столицу, в командировку, недели на две. Тетя Оля уже ждет. Если ты за это время закончишь свои дела, я тебя там встречу. С Ольгой все обговорю...

Я понимаю, что ты не хочешь жить у нее, но на гостинице разоришься... И, между прочим, Гаврик у нее

остался без работы, фирма прикрылась, а ты знаешь, какой он специалист... Нет, пока не ищет, в отпуске без содержания на неопределенное время... А что, ты к нему хотел?.. Ну, откуда я могла знать, ты ведь теперь с матерью своими секретами не делишься!.. Наташка еще не беременна?.. Разбежались?..

Перестает укладывать чемодан, продолжает, с трудом сдерживая обиду.

- За что ты меня так наказываешь?.. Как?.. Тебе уже тридцать, а мне за пятьдесят, я уже с маленькими нянчиться хочу. Ты знаешь, что бабушки с внуками переживают свою молодость?.. Ну да, откуда тебе знать. А я могу вовсе не узнать по твоей вине... От Ирины ты сбежал через полгода, а она мне, между прочим, нравилась. Со своей второй сожительницей даже не познакомил... А с Наташей все же два года прожили...

Повышая голос.

- Я не давлению и от первой встречной мне внука не надо, я с невесткой дружить хочу... Ну, все настроение испортил...

Садится на кровать, продолжает просительно.

- Ты без меня тут заходи хоть через день. Мало ли, домушник приглядит или кран какой пробьет, придется за всякие евроремонты платить... не знаешь, что хуже... И я тебе обязательно позвоню, может не стоит пока и ехать... Уволился уже?.. А что, обратно не возьмут?.. Ну конечно, ты гордый... Действительно, чего уж теперь кулаками махать... Хорошо. Пока.

Кладет трубку. Открывает ноут-бук, медлит, потом опять закрывает.

- А вот и не стану ничего сообщать. Посмотрим, Командир, на твою реакцию...

Он

Мужчина наводит порядок на столе, раскладывая книги, папки, бумаги аккуратными стопочками. Пододвигает клавиатуру, но ничего не набирает. Звонит телефон. Снимает трубку.

- Привет, привет... Да нет, не суечусь, наоборот, неспешно собираюсь в командировку... В столицу, как всегда... Нет, не очень, за пару недель, думаю, справлюсь. Слушаю тебя... Да, получил... Нет, ты знаешь, подписывать это я не стану... Почему?.. Мы как-то уже на эту тему с тобой говорили...

Да, можно сказать, мы вышли с тобой из одной шинели, в застойные годы одинаково мечтали о свободе, в девяностые были по одну сторону баррикад. И даже активно участвовали в смене строя. Не скрывал и никогда не буду скрывать, в то время я совершенно искренне пьянел от свободы, безумно желал демократии, как заждавшийся ласки мужик может желать сводящую с ума женщину. И в конечном итоге она, эта возжеленная заграница, с ее кажущимся счастливым обществом, действительно многих свела с ума... Не обижайся, но и тебя тоже. Поэтому, несмотря на наше общее прошлое, не все, что ты пишешь, совпадает с моим пониманием сегодняшнего дня, и не все, что делаешь, я хочу поддерживать... Большая часть жизни у нас позади, делать новые ошибки нет времени, хватило бы его, чтобы исправить старые...

Да, не спору, культ, застой и все, что с ними связано, было, но это вполне закономерное движение от единоначалия к тирании, а от тирании, как одной крайности, к коллективной безответственности, как другой. Как столь же естественно движение от нынешней импортированной демократии, которая по незнанию в годы застоя казалась нам золотым ключиком от тайной двери в страну счастья, к распаду страны и, в конечном итоге, хаосу... А хаос, в свою очередь, приведет к новому единоначалию, которое, опять же закономерно, закончится тиранией... Нет, это не я, это придумал Макиавелли... И хаос неизбежен. Если, конечно, мы не вернемся к Богу... Или не построим нечто вроде христианского социализма. Поэтому я против копирования чужого опыта...

Да, вот такие мысли меня посещают последнее время. Не хочется больше с ветряными мельницами воевать. Хотя от руководящей и направляющей роли коммунистической партии я пострадал не меньше твоего, ты это знаешь. Я и сейчас готов повторить, что коммунисты наше поколение, да и не только наше, обокрали, не дав возможность в самые активные годы узнавать то, что знал остальной мир... Но обвинять их теперь, по прошествии времени, во всех грехах я не хочу...

Да, сегодня я больше державник, чем демократ. Мне не нужна общая похлебка глобализации, даже если это неизбежное будущее, и, насколько могу, я буду от нее отмахиваться. И свобода вседозволенности и неуважения, нелюбви к себе подобному не нужны. И демократия, которая стимулирует эгоизм, лицемерие, обман, деградацию, безнравственность и бездуховность - это не та демократия, к которой когда-то я так стремился...

Действительно, не будем дискутировать, слава Богу, во всем остальном мы понимаем друг друга. И я весь

ма демократично не отговариваю тебя от задуманной акции. Хотя не согласен, что гомосексуалистов надо уважать и разрешить им пропагандировать свой образ жизни. На мой взгляд, это даже не абсурд, который я не могу постичь, это грех, которого надо стыдиться, замаливать, а не кичиться им. Я, как просветила меня одна знакомая, по нынешним меркам «ботаник», натурал. И мимикрировать не собираюсь...

Довольно долго слушает монолог собеседника.

- Ну, не обижайся, я тебя в виду и не имел. Понимаю, политика изначально безнравственное дело, а это твой электорат, причем активный, который к тому же имеет тенденцию к увеличению... Впрочем, как раз изначально, от Творца, политика, как наука управления людьми, обществом, как раз была нравственнее всего остального. Но человек оказался более слаб перед искушениями, чем, наверное, мыслилось и Ему, и часто идет не по той дороге...

Да, не будем... Как твои домашние?..

Внуков добавилось?..

Это замечательно. Ну, вот видишь, твои дочери, как и положено им по Божьему промыслу, рожают будущих граждан...

Это же прекрасно, что их политика совсем не интересует. Пусть наслаждаются собственной жизнью, это гораздо интереснее, чем пытаться учить жить других... Вот это, на мой взгляд, и есть истинная демократия...

И тебе осуществления желаний...

Кладет трубку.

Некоторое время задумчиво сидит, глядя перед собой, словно оценивая только что услышанное, потом

выключает компьютер, бросает в портфель пару папок со стола, оглядывает кабинет и выходит.

Она

Женщина входит в комнату, ставит у двери чемодан, садится за туалетный столик. Отодвинув в сторону ноут-бук, смотрится в зеркало.

- Вот мы и дома... Что ни говори, а хоть в гостях и хорошо, без забот, дома все равно лучше... Надо бы позвонить... Нет, прежде умыться, придти в себя...

Открывает чемодан, достает оттуда яркий домашний халат, подумав, бросает его обратно, выходит и возвращается в махровом купальном халате.

Набирает номер.

- Я уже дома... Да, долетели по расписанию. У вас все в порядке?.. Гаврик на меня не обижается?.. Ну и правильно... Ты там с моим наследником построже, поняла, какой ветер у него в голове гуляет?.. Ладно тебе, москвичку... Да еще с квартирой и приличную... Не фантазируй! Таких всех, даже самых неказистых, еще в детском садике свои же разбирают... В вашей Москве на виду нынче все приезжие да ушлые... Кто, кто?.. Наша подруга, боевая провинциалка. Вот какая-нибудь залетная из тьму-тарахани за столичного посчитает и поймает на бабье счастье... Да, мы с тобой этого не делали, потому что мы с тобой, подруга моя дорогая, при другом строе воспитывались... Мы с тобой верили, что с милым для счастья и шалашика хватит. И за ним можно хоть на край света топать... Ты что, забыла?..

А что, вот вы с Гавриком пошли на край света, рискнули Первопрестольную освоить, сколько лет-то

по чужим углам мыкались, а теперь шалашик у вас вполне приличный... Я вот тоже побежала бы за Командиром в любую сторону... А нынешним сразу все подавай. Можно и без любви...

Ладно, завязываем... Это я расслабилась оттого, что никто не встретил. Раньше хоть сын радовал... Ты его там, смотри, не разбалуй... А Гаврик пусть не обижается, когда его фирма вновь заработает - неизвестно, у него хоть бонус впереди маячит, а у моего малыша ничего. Пусть устраивается куда-нибудь, не бездельничает... Все, подруга, целую. Если что, звони.

Кладет трубку. Включает ноут-бук. Пока тот загружается, внимательно разглядывает свое лицо в зеркале. Щелкает мышью.

- Ах, Командир, Командир... Не любишь ты меня. Ни словечка... Вот возьму и обижусь... Только чего обижаться? У тебя - своя жизнь, у меня - своя. Вместе мы были один миг, порознь - жизнь... Я не гордая, напишу... Вон как по столичным кабинетам расстилалась, про годы забыла, обаянием очаровывала... Хорошо, мужчинки пошли сегодня преимущественно импотентные да замотанные, только и способны комплименты выслушивать да деньги брать... Это же надо, до чего дожили, баба мужикам комплименты раздает... Господи, и откуда столько альфонсов развелось! Бабы пашут, а они кое-чем машут... Вопрос, конечно, риторический, наша же сестра их и плодит... Нет, не буквально. Мамамы плодят, как правило, хорошеньких маленьких мальчиков, а противными мужчинками их делают всякие там бизнес-бабы. Они ведь тоже всю энергию тратят на невесть что, все на деньги меряют. Им некогда по-настоящему ни полюбить, ни суженого поискать, а за деньги хоть с ряженым,

с куклой живой поиграть... Как подумаю, что могла такой же бизнесменшей стать, страшно становится...

Ладно, это их крест, может и за меня его тащат.

Чем же мне моего Командира порадовать?

Начинает набирать, и на экране появляется текст.

- Привет, Командир. Опять ты куда-то пропал. А может и заходил, но меня дома не было. Вот только вернулась из столицы. Устала... Что-то все меньше ездить туда хочется. Помнишь фильм нашей юности «Я шагаю по Москве»?.. Это уже для нынешнего поколения вымысел, как для нас штурм Зимнего в семнадцатом. Они убеждены, что его в декорациях снимали, Москвы такой не было, да и отношений тоже. А как поверишь, если Москва сегодня - это стада машин, людской муравейник, бесстыдство рекламы и алчность везде - на улицах, в каждом здании, кабинете... И живут они, бедные, словно роботы, ничего больше не видя, кроме офиса и собственной норы. И снуют туда-сюда, туда-сюда... От отпуска до отпуска... Какие тут могут быть отношения?.. Вот сын туда поехал, мол, перспективы, в провинции профессионально не вырастешь, денег не заработаешь. Я ему говорю, как бы в погоне за деньгами и карьерой главное не пропустил... А он не понимает... А я ведь не дура и до маляра еще не дожидаясь, стараюсь их, детей наших, молодежь нынешнюю, понять. Внушаю себе, мол, сами в их годы такими же были. И одевались не так, как родителям хотелось, и музыку не ту слушали, взрослых, само собой, не слушались... Пытаюсь и не могу... У нас с родителями все же похожие были ценности. Мама считала, что дочь не может себе позволить до свадьбы жить с парнем, и я с ней соглашалась. А теперь вокруг сплошь граждан-

ские браки... Прямо пандемия... Нам твердили, что главное - не деньги зарабатывать и развлекаться, а делать что-то нужное, полезное людям. И мы в это верили и действительно для других жили... Радовались успехам других... А теперь все только о деньгах и думают. И завидуют друг другу...

Останавливается, некоторое время смотрит на себя в зеркало, потом продолжает.

- Это я такая вредная, потому что с дороги. Смена часовых поясов, обстановки, климата... Но имей в виду, такой занудой я бываю очень и очень редко. А так я всегда веселая и ласковая... Гаврик (это муж подруги, не забыл, а то подумаешь невесть что) говорит, что я расточительно щедра на бесплатный оптимизм... Может, поэтому Томазик и не может меня забыть... Кто это такой? Потом как-нибудь расскажу...

Все, иду бай-бай...

На новом месте приснится жених невесте...

А тебе, Командир, что снится?

Он

Все это время комната и кабинет без хозяев пустовали, но теперь вновь мы видим одновременно и мужчину и женщину. Женщина занята домашними хлопотами.

На другой половине сцены появляется мужчина. По его поведению видно, что он давно не был здесь. Обходит вокруг стола, садится, привыкая, переключает книги и папки. Пододвигает клавиатуру. Потом читает сообщение.

Звонит телефон.

- Слушаю... Привет... Спасибо, неплохо... Ты же знаешь Москву, планируешь одно, а получаешь другое... Нет, московский чиновник лучше не становится. Только запросы растут сообразно инфляции... Ну, что касается сомнений нашей власти, то оно уже необъятно...

Вот тут я с тобой соглашусь, сам все больше прихожу к выводу, что сегодня чиновник, как прежде партийный функционер, считает себя самым умным и всезнающим. Посвященным в нечто неведомое простому, да и непростому, люду. Оттого никаких идей со стороны и не приемлет. Причем даже не задумываясь, органически, вот что страшно. Если бы хоть желание было вникнуть, подумать, обсудить...

Нет, это не снобизм, это гораздо хуже...

Да, вернулся я больше пессимистом, чем оптимистом, ты прав... Нет, свои вопросы я решил. За будущее страны страшно стало... И поверишь, в этих кабинетах дышать трудно, я физически это почувствовал. Выскочу на улицу, воздух глотаю, глотаю, чтобы в себя прийти... У них в этих кабинетах атмосфера другая, мир другой... Параллельный. Мы никогда не пойдем друг друга.

Я бы не ездил, не ходил, но сегодня, как и прежде, все на Москве завязано, ты же знаешь. Все монополисты, как и раньше, там сидят. Все кубышки с деньгами если не за границей, то там... Знаешь, я пришел к выводу, что самые свободные, по-настоящему демократичные годы - это начало девяностых. Пока вверху драка за власть шла, народ мог инициативу проявить... Сколько тогда интересных идей было, желания воплотить их, энтузиазма... А ведь мало кто сумел реализоваться в новой стране. Прежде одна система давила, теперь другая. Прежде власть боялась народа и теперь боится. Прежде, свое получив, насытившись, тормози-

ла развитие и теперь тоже. Прав Макиавелли, каждый новый правитель хуже предыдущего...

Нет, не сожалею. Ты же знаешь, я считаю, что все идет по не нами написанному сценарию и во всем прежде всего ценен опыт прожитого. А что касается каждого человека, то Господь каждого любит и ведет его к лучшему, вот только нам, в силу своей невозможности знать будущее, кажется, что это не так. Но по прошествии времени приходит понимание...

Да, не телефонный разговор, надо бы встретиться, пообщаться неспешно...

Хорошо, давай созвонимся. Я теперь долго никуда выезжать не планирую.

Кладет трубку, вновь читает текст. Начинает набивать.

- Привет. Оказывается, мы оба отсутствовали в разных местах и одновременно присутствовали в одном месте. Совпали место, время, но не обстоятельства, поэтому встретиться не довелось. Хотя порой случается и совпадение всех трех координат... И это порождает действие...

Когда-то я очень любил Москву. Питер мне не приглянулся. Может, из-за того, что своим белым ночам, как и долгим полярным, я наудивлялся, когда жил на Таймыре, а туманы и слякоть не люблю. Хотя питерцы, несомненно, интереснее и культурнее москвичей. В России - двуглавый орел в гербе, два начала года, Новый и Старый, две столицы... Одна - бежит, торопится в завтра, другая никак не хочет уходить из вчера...

Впрочем, коренных москвичей мы, по сути, и не видим... Москва и раньше была Меккой для тщеславных провинциалов, а сегодня уж и вовсе... И оседают

в ней, надо признать, сильные, умные, наглые, тщеславные, способные отодвинуть столичных снобов, прорваться сквозь редуты родства и связей... Так что столица сегодня - это толстый слой взбитых амбиций провинции, наложенный на почти такой же толщины пласт местечковых традиций...

Так, во всяком случае, я ее ощущаю...

Я любил Москву восьмидесятых. У меня был знакомый, москвич в невесть каком поколении, он показал мне Москву, которую я не знал. Мы до рассвета бродили по центру, там, где тогда было полно старых домов, тихих дворики, еще жил мещанский уют, по пути заходили в напоминающие ему юность забега-ловки, пили пиво, заворачивали в только ему ведомые кустики или закоулки, я тогда впервые и единожды ощутил возвратность времени: надо же, ведь сто, две-сти, пятьсот лет назад вот здесь так же колобродили такие, как мы, жили, думали...

Москва хороша своей энергетикой. Я всегда уста-вал и устаю от нее физически, особенно от постоянно-го шума, но эмоционально заряжаюсь.

Провинция в России, за исключением мегаполисов, и то не всех, - это неспешно-мудрый Восток, а столица - амбициозно-энергичный Запад. Сегодня это очевидно как никогда. Европейский образ жизни - это следствие замкнутости в пространстве и тесноты, отторжения человека от природы, звездного неба, Бога, вечности... Человек здесь рождается в бетонных стенах и умирает в них же, лишь изредка выезжая на свидания к огром-ному миру... Восток и Россия - это необъятные про-странства, которые не позволяют человеку глупо воз-гордиться, вообразить, что он всемогущ, ибо все, что он создает, без исключения, не идет ни в какое сравнение с уже созданным Богом. И мегаполисы - это всего лишь муравьиные кучи в огромном и многообразном мире...

Мегаполис - это цивилизация самоуничтожения, вымирания, деградации. В этой цивилизации не может родиться мыслитель, философ, творец. В ней предначертано функционировать исключительно производителю и потребителю. Здесь человек не способен прожить один, он становится слаб и зависим от других. В чистом поле он и дом построит, и воду и еду найдет, и город заложит. Даже в одиночестве. В этой же цивилизации его умение творить, выживать атрофируется.

Здесь замечательно усваивается и реализуется придуманное другими, но не возникает собственных идей.

Здесь оттачивается мастерство обмана, урывания, оттапливания, мастерство присвоения чужого.

Коренное население мегаполисов постепенно превращается в некую аморфную массу, служащую лишь благодатной основой для новой агрессивной поросли тщеславных варягов, еще не забывших, не растративших энергию просторов и звезд... Вернись сегодня все провинциалы, заселившие столицы или мегаполисы, обратно, и ты увидишь, как быстро те придут в упадок...

Она

- Командир, ты стал еще умнее. Я вновь почувствовала себя глупенькой первокурсницей, хотя и кандидат наук да еще заместитель директора секретного центра... Правда, у меня техническое образование, но ведь и ты не гуманитарий... Или за эти годы ты еще что-то закончил?.. Нет, я должна окончательно разочаровать всех феминисток мира, мужики умнее нас. Это бесспорно... Если, конечно, они похожи на тебя...

Вот видишь, и тебе раздаю комплименты, все еще сказывается инерция столичной суеты... Но тебе - совершенно искренне и заслуженно...

Признаться, мне никогда и в голову не приходило так взглянуть на столицу и мегаполисы. Хотя соб-

ственный опыт заставляет с тобой согласиться: припомнила всех талантливых и энергичных, кого знала, и все они выходцы из провинции. Все Ломоносовы... И это относится не только к столицам. У нас хоть город и не очень большой, но потолок таких, как я, коренных, - разве что докторская диссертация да руководящее кресло. Усваивать знания других мы можем, и довольно успешно, а вот родить что-то свое, оригинальное... Это бывает очень редко. С другой стороны, история мегаполисов не так длинна, для серьезных выводов явно не хватает наблюдений...

Нет, такие размышления не по мне...

Хотя ты прав в том, что городская жизнь сужает мир, атрофирует душу. И мы это чувствуем. Как животные ищут травку, чтобы избавиться от хвори, так и мы в выходные, в отпуска убегаем из города. В выходные - на дачу, маленький кусочек земли под открытым небом, куда манит совсем не меркантильная забота о пропитании, тем более таких, как я, с приличным достатком. В отпуск - куда подальше, хотя бы в относительное, но безлюдье.... Вот у меня есть свое тайное место в предгорье. Там всего с десяток домов, один магазин, множество собак, быстрая холодная речка, крепко, но не хронически пьющие мужики, число которых, к сожалению, каждый год уменьшается, привыкшие к одиночеству и надежде исключительно на себя - бабы, единственная цель их жизни - рожать детей, которые, чуть повзрослев, забывают отчий, а точнее материнский, дом. Но они рожают одного за другим, пока мужики в силе, пока живы, не помня себя, не заботясь о том, как выглядят... Они проживают и доживают свой век, если смотреть со стороны, скучно, а если вдуматься, - в гармонии с миром, как те же деревья, скалы...

Понесло же меня... Просто я там отдыхаю лучше, чем во всяких санаториях или на морях. Заряжаюсь,

как старенький, но еще исправно работающий аккумулятор...

Выходит из комнаты и возвращается с гитарой.

- Давай, Командир, я лучше спою. Эта песня тебе раньше нравилась...

Негромко поет.

*- Проходит жизнь,
проходит жизнь,
как ветерок
над полем ржи.*

*Проходит день,
проходит ночь,
проходит явь,
проходит сон,
любовь проходит -
проходит все...*

*И жизнь пройдет,
мелькнет мечта,
как белый парус
вдалеке...*

*Лишь пустота,
лишь пустота -
в твоём зажатом
кулаке...*

*Но я люблю,
я люблю,
я люблю!..*

Откладывает гитару. Возвращается к ноутбуку.

- Что-то погрузить захотелось.
Пока, Командир.

Он

На этот раз мужчина отвечает не сразу. Перелистывает старый альбом, оставляет на экране ее фото с гитарой и прослушивает песню. Потом быстро набивает.

- Ты так и недосказала мне свою историю жизни?

Подумав, стирает последнее слово.

Она

Появляется женщина, подходит к ноут-буку. Потом выходит и возвращается. Садится и, словно что-то окончательно решив, начинает набирать.

- Извини, долго не отвечала. На работе запарка, с сыном проблемы, как я и предполагала. Хотя и вымахал с пожарную каланчу, а особо не поумнел... Свои дела разгрести, им дистанционно поуправляла... У нас, у баб, ведь как: сначала дела-заботы, а потом уже удовольствие... Сначала для других, а потом для себя...

А тебе что, не надоело читать конспект моей жизни?.. В ней ведь ничего особенного и не было... Но если хочешь, слушай дальше...

На чем мы остановились?.. Ах да, на том, что я вернулась к своим лобастеньким коллегам. Так вот, замечательное время было, интересная работа, хорошая зарплата, жизнь стала налаживаться. Зарплата при капитализме оказалась даже лучше, чем прежде. Правда, и цены, соответственно, подросли, но, тем не

менее, надо признать, при этом режиме хороших специалистов кормят лучше...

Я - работала, сын - мужал, бывший не тревожил, ухажеры не доставали, а сама на мужиков не глядела. Может, во мне была тому причина, не помолодела ведь, да к тому же за годы челночества прошла хороший тренинг самозащиты от посягательств на честь и достоинство... А может, причина в том, что мужиков перемены оглоушили и поплыли они по жизни кверху брюхом, как мальки, которых мой маленький сын проволочным прутом глушил: ударит по стайке, несколько штук обязательно всплывут, вроде и жизнь теплится, а уже ни на что не способны...

Так и жила бы себе спокойно, да только разве от завистливых языков нынче спрячешься... Как же, возраст бабы-ягодки. А нам только дай повод соучастие проявить. Со всех сторон и начали клевать, надо бы, мол, кого-то пригреть да самой прислониться... Логика понятна, давай, мол, становись такой, как все, чтоб обидно нам не было... А тут к Гаврику партнер из Италии прикатил, я как раз у них гостила. Не скрою, Томазик мне сразу понравился: аккуратненький, учтивый, улыбчивый... И так при разговоре жестикулировал смешно...

Год мы перезванивались. Конечно, он звонил. Каждый звонок в евро на огромное букетище тянул, а цветы, даже виртуальные, женщине получать всегда приятно... И уболтал, поехала я к нему в отпуск.

Кокетничать не стану, не девочка, в постель с ним в первую ночь легла. Он такой душистый и быстрый оказался...

Это я к слову...

А если правду говорить, то он и лысый, и с животом, и старше лет на десять... Но вот что быстрый - это правда, без прикрас...

А еще завтрак в постель он почти неделю мне подавал. И я поняла, что это садистская традиция. Не знаю, отчего это считается жестом внимания и заботы, для меня это самой настоящей пыткой было. Самой невоготу сходить, куда все люди с утра ходят, а ты должна обжигаться кофе, который я, кстати, не люблю, давиться булочками, что никак не способствует сохранению фигуры, да еще изображать любовь и искреннюю благодарность...

Но клин клином вышибают...

Завтрак он перестал подавать, когда начал ревновать меня к своему двоюродному брату. Который, надо признать, был и моложе, и симпатичнее... Мы с ним часто болтали по-итальянски, он взялся меня учить, и у него неплохо получалось...

«Tu - donna per quale io pronto assassinare dei nostri...» Знаешь, как это переводится?.. «Ты женщина, из-за которой я готов убить своего брата»...

Одним словом, мафия...

Томазик от меня был без ума, выбил у меня все-таки согласие, решила, что все равно уже сплю с ним, уступлю и в этом и смоюсь, будем жить на расстоянии. Начал хлопотать о свадьбе. Ты даже не представляешь, с какой вереницей его родственников мне пришлось знакомиться... И чем ближе приближался этот день, тем все больше он ревновал. Забрал паспорт, запретил выходить одной на улицу. А если заставал с кузеном, начинал так кричать, ну, и естественно, тот тоже в ответ, что я ни одного слова не понимала. Думаю, это был их местный мат, которому я не успела научиться... Но смотреть, как они жестикулируют, было любопытно...

И вот я как-то проснулась утром, когда в постель завтрак уже не подавали, все разложила по полочкам. С одной стороны, заманчиво стать героиней современной драмы, на этом при капитализме можно было бы

даже заработать. Представляешь заголовок: «Два брата вступили в смертельную схватку из-за русской женщины». Но у меня советское воспитание все еще не выветрилось, решила, пусть лучше мирно живут без меня... А паспорт Томазик не отдает и даже, уходя из дому, стал меня запирает. Я думаю, не столько боялся, что сбегу, сколько ревновал ко всему, что двигалось. Почему-то все мои мужчины очень ревнивы были...

Ладно, проехали...

Так вот, я кузену напела, что собралась с ним сбежать на какой-нибудь безымянный остров, и если не женой, то любовницей его точно буду... Он и паспорт у Томазика стащил, и меня выпустил... Я сделала вид, что по магазинам соскучилась, а сама на вокзал. А лир у меня этих ну сущие копейки, не догадалась, дура, кузена, раскошелить. Так и поехала на электричках по странам. А границу переехать уже лир и не хватило. Хорошо, мир не без добрых людей, мужик машину перегонял, поверил, посадил. Такой спокойный, рассудительный, обрусевший армянин. Как я поняла, ему машину родственник, который в Германии жил, подарил... Я ему так долг и не отдала, в Киеве разъехались, он мне билет до Москвы взял, ну, а там уж Ольга выручила...

А я бумажку с адресом потеряла... И все из головы напрочь вылетело, даже города не помню... Или деревня была... Не помню и все... Обещала ведь долг вернуть, а теперь вот мучаюсь... Между прочим, он из ваших краев, я еще спрашивала, знает ли тебя, хотя, конечно, это было бы так же невероятно, как наша встреча в столице...

Вот такой у меня был заграничный роман...

А ты как жил?.. У тебя тоже, наверное, были приключения?

Он

Мужчина очень занят. Он что-то увлеченно пишет. Появившееся сообщение на мониторе его раздражает. Он быстро прочитывает, тут же набивает ответ и возвращается к отложенным бумагам.

- Поездить по стране пришлось немало, всяческие перипетии были. И предательства, и дружба. Но ничего выдающегося. Из социализма в капитализм я сам перешел, никто не выгонял. Наше предприятие еще дышало, а я открыл кооператив. Обучал, издавал газеты, книги... И чем только еще не занимался... Даже одно время политикой, входил в местный теневой кабинет, правда, быстро понял, как это мерзко... Сейчас тоже от государства не завишу. Разве что от всяческих фискальных органов, которые специализируются на поборах. Но и те особо не надоедают, не злачное у меня дело.

Собственно, рассказывать-то нечего. Как говорят, колебался вместе со всей страной. Скорее даже не колебался, шарahalся из стороны в сторону...

А вот тебе действительно немало довелось пережить. Впору роман писать. Но теперь-то, я понимаю, все устроилось как нельзя лучше. Я имею в виду материальную сторону, о прочем не говорю.

Теперь они просто разговаривают друг с другом.

Она

- Я где-то в Сети читала, что у тебя проблемы были с советской властью, в диссидентах ходил?

Он

- Это она меня за что-то невзлюбила в свое время... Но я не в обиде. Да и об ушедших плохо не говорят...

Она

- А что же у тебя за дело?

Он

- Совсем маленькое... Пишу, издаю, учу уму-разуму молодых...

Она

- Ладно, расслабься, я тебя пытать не буду. Счастлив?... Я имею в виду личную жизнь?

Он

- Да, в этом мне очень повезло. Я действительно встретил свою половинку. А знаешь, что имеется в виду в этой притче о разделенных половинках целого? Это не банальное слияние плоти, это объединение двух центров космической энергии. Вот отчего в любви человек силен бывает... Вот отчего Господь призывает нас любить, ибо любовь - это ключ к космической силе.

Она

- Это слишком сложно для меня...Хотя, мне кажется, я тоже в свое время любила...

Вновь садится за ноут-бук, и снова сцена разделяется стеной.

И что, собственно, я перед тобой расписалась?... И богат ты, и в любви живешь... А я, дура, свою песню пою, ничего не слышу... Вот баба-дура...

Стирает три последних предложения.

- Я нашла в интернете твои статьи... Честно скажу, не все поняла в твоей философии, это еще один аргумент против феминизации... Хотя знаешь, прав

Шопенгауэр, женщина действительно является хранительницей рода. И наверное, в будущем, может даже недалеко, без любви к мужикам обходиться сможет... В физиологическом смысле это уже и сегодня не проблема. Вопрос только в том, кому тогда нашу бабью любовь отдавать?..

Он

Набивает текст.

У тебя же какие-то отношения с Марковичем? Кстати, это фамилия или отчество?

Она

Появляется в комнате явно навеселе. Привычно открывает ноут-бук и, переодеваясь, поглядывает на экран. Потом садится и долго вчитывается в появившийся текст.

Маркович, Маркович...

Берет гитару, поет.

- Если друг оказался вдруг
и не друг и не враг, а так...

Откладывает гитару. Набирает.

Выхожу замуж за Марковича... А что?.. Сын вон какую-то москвичку себе нашел, отрезанный ломоть... А у меня дача... Одной куковать, что ли, век бабий?.. А так, глядишь, вместе теплее, будет кому если не завтрак, то воды подать...

Тяжело вздыхает. Кладет подбородок на руки и, глядя в зеркало, говорит.

- А то уеду в свою деревню... Буду с пропащими мужиками самогон пить, с простыми бабами на лавочке сидеть, восходами-закатами любоваться... Если разобратся, человеку так мало нужно в этом мире. Только любви и больше ни-че-го... А спросить себя, была ли любовь, страшно... И Командиру я не верю... Он совсем чужой стал... Из этих, приспособившихся... А я вот не хочу приспособливаться. Потому что раньше было лучше... Все было лучше... И не говори мне, что лучше, потому что мы были моложе... Не спорь со мной... Просто было лучше... Потому что была надежда... А ты ее забрал...

Женщина выключает ноут-бук и уходит.

Ее нет, но на экране появляется текст.

«Ты не прав, Командир. Я счастлива, хотя и не нашла свою половинку. Я счастлива, потому что щедро одаривала своей любовью каждого, кто в ней нуждался. Счастлива, потому что у меня есть сын и я его очень люблю. И обязательно будут внуки, которым я тоже буду отдавать свою любовь. И я буду любить, пока у меня хватит сил, пока буду жить в этом мире...»

Он выключает компьютер и выходит .

На экране появляется текст.

«Стоит ли возвращаться в прошлое?.. Надо ли соединять разорванное временем?.. Воспоминания гораздо ценнее реальности, являющейся спустя жизнь. В воспоминаниях минувшее очищается, неважное забывается, проявляется истинное. Связывая времена, мы вновь поднимаем муть... Можно, конечно, удовлетворить любопытство, но за это придется расплатиться разочарованием... И пониманием, что у каждого свой, указанный только ему путь...»

«Я презрел житейские дела, но не честь»

М. Сервантес. «Дон Кихот»

ВАМ НУЖЕН ДОН КИХОТ?

пьеса в двух действиях с прологом и эпилогом

Действующие лица:

Греков

Сергей - сын Грекова

Ирина - дочь Грекова

Бывшая жена Грекова

Элеонора

Игорь - жених Ирины

Коллекционер

Старушка

Александр Иванович - бич

Митя - бомж

Женщина

ПРОЛОГ

На сцене две скамейки, какие обычно стоят в парках. Они приставлены спиной друг к другу. Одна из них смотрит в зал, другая - в глубину сцены. На ней спиной к зрителям сидит женщина. Появляется Греков. Сначала он идёт быстро, потом всё медленнее и наконец замирает у скамьи, глядя на женщину.

ГРЕКОВ (робко). Здравствуйте...

ЖЕНЩИНА. Добрый день.

Пауза.

ГРЕКОВ. Я вот пришёл... Вы...

ЖЕНЩИНА. Это вы мне звонили?

ГРЕКОВ. Да... Вы знаете... *(Делает шаг вперёд, но тут же стеснительно замирает и присаживается на краешек скамьи, глядящей в зал)*. Я, собственно, ещё не совсем решил, что это необходимо, но решил всё же прийти...

ЖЕНЩИНА *(перебивает)*. Боюсь, мы не подойдём друг другу.

ГРЕКОВ. Почему?

Женщина молчит.

ГРЕКОВ. Вы... Ваши данные меня вполне устраивают... И мои, вроде бы, как вы давали в объявлении... Я... мне кажется, вроде подхожу...

ЖЕНЩИНА. Я ведь не могла написать всё... Но, кстати, там сказано, что мне нужен спутник жизни решительный, уверенный в себе, способный вести за собой женщину. А вы, похоже, не такой...

ГРЕКОВ. Почему же?..

ЖЕНЩИНА. Как вам сказать... Вот даже сейчас... Вы могли бы сесть со мной рядом...

ГРЕКОВ. Мог бы... Но у меня просто сегодня день такой, я немножко выбит из колеи...

ЖЕНЩИНА. Вот видите, вы несёте окружающим негатив... А такие мужчины, поверьте, сегодня никому не нужны. Хотя вы мне симпатичны. *(Греков встаёт)*. Нет, сидите уж там...

ГРЕКОВ. Я уже слышал нечто подобное...

ЖЕНЩИНА. От кого же?

ГРЕКОВ. От бывшей жены... Но мы уже давно не живём вместе, поэтому я стал другим. Просто сегодня всё наложилось... Но это совсем неважно, поверьте, я бываю другим, позитивным...

Пауза.

ЖЕНЩИНА. Вы мне даже чем-то симпатичны... Но, чтобы связать свою судьбу с вашей, я должна быть уверена в вас, а у меня нет такой уверенности...

ГРЕКОВ. А вы мне понравились... Внешне.

ЖЕНЩИНА. Я не могу сказать того же о вас.

ГРЕКОВ (*поднимаясь*). Да, зря я всё это затеял...

ЖЕНЩИНА. А вы попробуйте с кем-то ещё...

ГРЕКОВ. С кем-то не хочется, нужна родственная душа. Мне кажется, мы с вами такие родственные души. У нас одни ценности, увлечения, похожие профессии, а значит общие интересы...

ЖЕНЩИНА. Может быть. Но мне нужен мужчина с другим характером.

ГРЕКОВ. Поверьте, у меня твёрдый характер.

ЖЕНЩИНА. Может быть. Но я этого не увидела.

ГРЕКОВ. Я просто не умею его демонстрировать. Когда вы меня лучше узнаете...

ЖЕНЩИНА (*перебивая, встаёт*). Научитесь.

ГРЕКОВ. В моём-то возрасте?

ЖЕНЩИНА. Почему бы нет?.. Сейчас все переделывают себя... В вас мне очень импонируют ваши доброта и скромность, но этого недостаточно. Попробуйте стать другим, может у вас получится....

Греков нерешительно кивает. Женщина поднимает руку на прощанье и, не оглядываясь, уходит.

Греков медленно идёт следом.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Квартира в обычном многоэтажном доме, в которой всё как у всех: гарнитур, стеллажи с книгами в ярких, собранных по цвету обложках, телевизор, диван... Непривычны в этом уютном уголке высокая голенастая «учрежденческая» вешалка посреди комнаты, отодвинутый в сторону стол. На диване лежит старое демисезонное пальто давно ушедших лет, эпохи юности Грекова. К вешалке прислонена лыжная палка. Греков, сидя на диване, смотрит телевизор.

Хлопает дверь. Греков срывается с места, выключает телевизор, набрасывает пальто на вешалку и, подхватив палку, как копье, сосредоточенно тычет им в пальто, словно новобранец на тренажёре.

Входит Ирина, следом Сергей.

ИРИНА. Развлекаешься. *(Проходит на кухню, слышно, как там гремят кастрюли).*

СЕРГЕЙ *(падая на диван)*. Лучше пылесосом на балконе...

Греков молча продолжает своё занятие.

ИРИНА. Па, есть что-нибудь поесть?

Греков молчит.

ИРИНА *(после паузы)*. Шаром покати... Да хватит тебе пылить! *(Забирает палку, уносит вешалку с пальто).*

ГРЕКОВ. Я не пылю. *(Садится рядом с Сергеем).*

ИРИНА (*возвращаясь*). Ты же весь день дома, мог бы что-нибудь приготовить.

ГРЕКОВ. Спагетти...

ИРИНА. Спагетти?.. (*Идёт на кухню, слышен её голос*). Я ничего не вижу!

ГРЕКОВ. В холодильнике, на верхней полке... Страница двести восемьдесят шестая о вкусной и здоровой пище...

Пауза.

СЕРГЕЙ. Ты чего чистишь эту рухлядь?

ГРЕКОВ. Чищу?.. Ты так считаешь?

СЕРГЕЙ. Ну, не воюешь же.

ГРЕКОВ. А ты знаешь, воюю... С мельницами... Ветряными...

ИРИНА (*входя, Грекову, с обидой*). У нас что, кризис взаимопонимания?

СЕРГЕЙ. Ветряные мельницы.

ИРИНА. Я серьёзно.

СЕРГЕЙ. И я не шучу.

ИРИНА. А тебя не спрашивают.

СЕРГЕЙ. А надо бы, сестричка, я уже вырос. (*Уходит*).

ИРИНА (*садится рядом с Грековым*). Пап, что случилось?

ГРЕКОВ. Ничего...

ИРИНА. Но я же вижу...

ГРЕКОВ. Всё продолжается... Сначала ненужны никому стали мои принципы. Потом моя наука и кандидатская. Потом я стал не нужен твоей маме. И наконец, я не нужен никому...

ИРИНА. Ты сам ушёл из института...

ГРЕКОВ. Мне надоело штамповать бездарных юристов и экономистов.

ИРИНА. Но другие это делают, а не устраиваются охранниками.

ГРЕКОВ. В охранники таких как я не берут... Таких никто не берёт...

СЕРГЕЙ (*возвращаясь*). Что, действительно, ничего нет поесть?

ГРЕКОВ. Хватит, деточки, пора уже вам меня кормить. С сегодняшнего дня и до конца дней моих. Так природой положено. Сначала родители детей, потом дети родителей.

ИРИНА (*вставая, Сергею*). Его не взяли в охранники. (*Уходит*).

СЕРГЕЙ. Что и не требовалось доказывать... Там нужны бицепсы и низкий айкью. А у нашего отца айкью для другого века.

ГРЕКОВ. Не ёрничай.

СЕРГЕЙ. Признайся, что ты просто решил протестировать наше общество...

ГРЕКОВ (*негромко*). На то была другая причина...

СЕРГЕЙ. Открой свой кабинет психопомощи, если так надоели недоросли... И лечи себе на здоровье всяких дуриков... Их сегодня развелось немало...

ГРЕКОВ. Я социальный психолог, а не шарлатан.

СЕРГЕЙ. А почему ты не хочешь в политтехнологии податься? Выборы регулярно случаются... А там и бабки поднять можно и никакой ответственности...

ГРЕКОВ. Я аналитик, а не манипулятор.

СЕРГЕЙ (*вздыхая*). Придётся у маман денег просить...

Слышен голос Ирины.

«Серёга! Уши оборву! Зачем молоко выпил? Только собралась омлет сделать. Иди сюда!»

Сергей уходит на кухню.

Голос Ирины. «Поросёнок, не лезь! Не мешай мне!»

ИРИНА (*появляясь*). Пап, а ты ел?

ГРЕКОВ. Да, ел.

ИРИНА. Что?

ГРЕКОВ. Спагетти.

ИРИНА. Я серьёзно.

ГРЕКОВ. Не хочу.

Выходит Сергей, на ходу дожёвывая, плюхается на диван рядом с Грековым.

СЕРГЕЙ. Она говорит, что ты чокнулся.

ГРЕКОВ. А ты тоже так считаешь?

СЕРГЕЙ. Я?.. Нет.

ГРЕКОВ. Ну, слава Богу.

ИРИНА. А чего тогда ты вздумал старьё чистить?

СЕРГЕЙ. Он не чистил, он сражался...

ИРИНА. Это я уже слышала. И тебя не спрашивают.

СЕРГЕЙ. А я объясняю - сражался с мельницами. Подтверди, па?!

ИРИНА. Сегодня что, первое апреля? Вроде нет.

СЕРГЕЙ. Святая простота...

ГРЕКОВ. Я вам не мешаю?

ИРИНА (*после паузы*). Ты чего, пап, не в настроении?

ГРЕКОВ. Да так, ничего...

ИРИНА. Всё шутишь. (*Обиженно уходит на кухню*).

СЕРГЕЙ. Это ты ловко придумал, со спагетти.

ГРЕКОВ. Да уж как смог.

СЕРГЕЙ. И с вешалкой тоже...

ГРЕКОВ. И всё?

СЕРГЕЙ. Пока всё.

ГРЕКОВ. Больше ты ничего не хочешь мне сказать?

СЕРГЕЙ. Нет.

ГРЕКОВ (*кричит*). А ты, дочь?

ИРИНА (*входя*). Что я?

ГРЕКОВ. Сказать ничего мне не хочешь?

ИРИНА. О чём... Ах да, я сейчас уйду, вернусь поздно, не волнуйся... Папуля, пожарь себе на ужин картошки... Там должно хватить.

ГРЕКОВ. И всё?

ИРИНА. Кажется, всё...

ГРЕКОВ (*поднимаясь с дивана*). Ну ладно, тогда я пошёл.

ИРИНА. Куда?

ГРЕКОВ. Пошёл прошвырнуться... Может, кого подцеплю...

ИРИНА. Что?

ГРЕКОВ. Чао, детки... (*Насвистывая, уходит*).

ИРИНА (*после паузы*). Слушай, братец, из-за чего это он? Не из-за того же, что в охранники не взяли.

СЕРГЕЙ. Я знаю ровно столько, сколько ты... Вероятно сопоставил свои физические данные, возраст, претензии и возможности, вот тебе и психологический шок... (*Со вздохом*). Ты представляешь, что тебя, сестрёнка, со временем ждёт...

ИРИНА. А тебя нет... Лучше бы неуды исправил.

СЕРГЕЙ. Отстань.

ИРИНА. Доберусь я до тебя.

СЕРГЕЙ. Сестрица, не смейся. И между прочим, возвращаясь к твоему вопросу, уж если виноват кто перед ним, так это ты.

ИРИНА. Я?... Как тебе не стыдно.

СЕРГЕЙ (*резко встаёт*). С тобой невозможно разговаривать.

ИРИНА. Куда?... И даже есть не будешь?

СЕРГЕЙ. У мамочки поужинаю.

ИРИНА. Подлиза.

СЕРГЕЙ. Знаешь что, не была бы ты женщиной...

ИРИНА. Ну, договаривай...

СЕРГЕЙ. Я отбываю... Да, кстати, можешь прийти и ты. Её муж велел передать, что привёз подарки.

ИРИНА. То-то я смотрю, ты к нему неравнодушен.

СЕРГЕЙ (*выходя*). Хочешь жить, сестрёнка, крути задом...

ИРИНА. Ну ты, грубиян... Вот скажу отцу... (*Оставшись одна*). Что с этими мужиками стало... Женихи все, один к одному, двух слов связать не могут без мата, так и братец грубить научился... Только требуют все нежности да красоты... (*Крутится перед зеркалом, собирает сумочку и выходит*).

Картина вторая

Та же комната. Вечер. Щёлкает ключ, входит Греков. Не включая свет, на цыпочках обходит квартиру, потом включает.

ГРЕКОВ (*шёпотом в сторону двери*). Входи...

Входит Элеонора. Она ровесница Сергея, одета модно, но не броско.

ЭЛЕОНОРА. А почему шёпотом?

ГРЕКОВ. А... Так, привычка, в это время дети спят обычно, вот я и привык... Чтобы не разбудить...

ЭЛЕОНОРА (*удивлённо*). Маленькие?

ГРЕКОВ. Нет... Были маленькие... Давно. А вот привык... Располагайся. Будь как дома. (*Идёт на кухню, слышится его голос: «У меня тут где-то была заначка, если сыночек не добрался... Нет, в сохранности...» Входит с наполовину пустой бутылкой вина*). Извини, это всё...

ЭЛЕОНОРА. Нам вполне хватит.

ГРЕКОВ. Я сейчас... (*Приносит из прихожей пакет, раскладывает на столе закуски, баночку икры, шоколад*). Поужинаем вдвоём.

ЭЛЕОНОРА. Поужинаем, а дальше?

ГРЕКОВ. Девочка, мы же договорились... Людям нужно верить.

ЭЛЕОНОРА. Мне это всё не нравится. Вы ведь просили меня только помочь.

ГРЕКОВ. Я клянусь. (*Прикладывает руку в сердце*). Приступим. (*Разливает вино*). За встречу, знакомство, за понимание...

Выпивают. Греков ест с удовольствием, Элеонора отламывает кусочек шоколада, оглядывает комнату.

ЭЛЕОНОРА. И всё же, я не совсем поняла...

ГРЕКОВ (*жуя*). А что понимать... Сейчас поужинаем и ляжем спать.

ЭЛЕОНОРА (*поднимаясь*). Но...

ГРЕКОВ (*торопливо*). Это быстро... Час-два и вы уже будете в своей кровати...

ЭЛЕОНОРА. И в этом заключается моя помощь?

ГРЕКОВ. Да...

ЭЛЕОНОРА. А на вид не скажешь... (*Порывается уйти*).

ГРЕКОВ (*встаёт перед ней*). Нет, не совсем... И даже совсем не в этом... Просто нужно будет вот здесь, на этом диване. Я сейчас тут сплю... Впрочем, и раньше тоже на этом диване, можно сказать, диван-дедушка... На свадьбу нам подарили, прежде крепкие делали, на века.

ЭЛЕОНОРА. Простите, а у вас с головой всё хорошо?..

ГРЕКОВ. Я похож на ненормального?

ЭЛЕОНОРА. Причём здесь ваш дедушка и диван?..

ГРЕКОВ *(устало)*. Действительно, совершенно не причём... Это я просто, к слову. День такой...

ЭЛЕОНОРА *(с раздражением)*. Терпеть не могу апелляций к внешним обстоятельствам...

ГРЕКОВ. Прости, девочка, годы... Действительно, внешние обстоятельства - это всего лишь оправдание. Правда, когда эти обстоятельства противоречат выстроенной человеком комфортной для него социальной модели...

ЭЛЕОНОРА *(перебивая)*. Так вот на дедушке-диване я спать не собираюсь... И вообще спать с вами нигде не собираюсь... И не ожидала, что вы способны на такое лицемерие...

ГРЕКОВ *(прислушиваясь)*. Идут... Быстро, Элеонора, быстро! *(Суетливо бежит по комнате, находит простыню, подушку, бросает всё на диван, толкает к дивану Элеонору)*. Я очень прошу, это не взаправду, но так надо. Раздевайся! *(Начинает снимать рубашку)*.

ЭЛЕОНОРА. Как раздеваться?

ГРЕКОВ. Можно только сверху. До пояса...

ЭЛЕОНОРА. Мне кажется, это...

ГРЕКОВ. Ну это же мелочи по нынешним временам! Не могли же мы всё обговорить. Я прошу вас... Ложись.

Снимает с неё кофточку и Элеонора, стыдливо прикрываясь простыней, нерешительно ложится. Греков выключает свет, ложится рядом.

Тишина. Наконец слышится звук открываемой двери. Входит Ирина, за ней Игорь.

ИРИНА. Т-с-с... Предок уже спит...

Игорь идёт на цыпочках и задевает за стол.

ИГОРЬ. О, чёрт!

ИРИНА. Ну что ты?

ИГОРЬ (*замирая*). Пахнет вкусно...

ИРИНА. Что там? Книга о вкусной и здоровой пище? (*Прыскает*). Ой, что сегодня было, спектакль. Только бесплатно.

ИГОРЬ. Ты извини, я голоден, а у нас в общаге покати шаром, так что...

ИРИНА. Я, между прочим, тоже... (*Подходит к столу*). Смотри-ка... Роскошный стол! В честь чего бы...

Начинают есть.

Греков громко зевает.

ИРИНА. Ой... (*Тихо*). Пап, ты не спишь?

ГРЕКОВ. Вы чего в темноте... Зажги свет, да поешьте по-человечески.

ИРИНА. А мы тебе не помешаем?

ГРЕКОВ. Нет, вы нам уже не мешаете.

Ирина включает свет. Садится спиной к Грекову, ест.

ИРИНА. Как вкусно... (*Игорю*). Да ты не стесняйся, такой пир, а я тебя кашей хотела накормить...

ИГОРЬ. Угу...

ИРИНА (*не оборачиваясь*). Папуля, ты молодец. Это не то, что спагетти с какой-то там страницы.

ГРЕКОВ. Это мы с Элеонорой ужинали.

ИРИНА (*замирая*). С кем ужинали? (*Оборачивается*).

ГРЕКОВ. Да вот с ней...

ИРИНА. Это кто?

ГРЕКОВ. Чувиха... Или как там по-вашему нынче... Тёлка...

ЭЛЕОНОРА (*пытаясь встать*). Это уж слишком...

ГРЕКОВ. Лежи, девочка.

ИРИНА. Отец, как это понимать?

ГРЕКОВ. Если ты хочешь поговорить, то, может быть, вы позволите нам одеться?

ИРИНА. Что?.. Игорь!.. (*Бросает в пакет закуски со стола*). Держи! Идём... (*Толкая в спину жующего Игора, уводит его*).

ГРЕКОВ (*одеваясь*). Вот и всё, видишь, ничего страшного. Возьми. (*Протягивает деньги*).

ЭЛЕОНОРА (*с иронией*). И всё?

ГРЕКОВ. Ну, милочка, я ведь до тебя даже не дотронулся... (*Добавляет ещё купюру*). Признаться, я был о тебе лучшего мнения...

ЭЛЕОНОРА. А я о вас. (*Берёт деньги и кладёт их на стол*). Сколько мы с вами знакомы?

ГРЕКОВ. Чтобы делать выводы, вполне достаточно... Как говорят мои дети, под венец нынче модно идти на втором часу знакомства. На первом идут авангардисты, на третьем - консерваторы... Я беру пример с первых.

ЭЛЕОНОРА (*неожиданно смеётся*). А вы любопытный человек...

ГРЕКОВ. Слышал. Правда, обычно синонимы выбирают попроще. Моя бывшая жена, к примеру, любила называть меня оригиналом... С эпитетом безголовый... Так что, девочка, на будущее советую взять на вооружение, пригодится в семейной жизни.

ЭЛЕОНОРА. Мне этот эпитет не понадобится.

ГРЕКОВ. Как знать. Я тоже когда-то думал, что не буду удостоен этого звания.

ЭЛЕОНОРА. И всё же, мне бы хотелось спросить вас...

Вбегает Ирина.

ИРИНА (*Грекову*). Что это всё значит?

ГРЕКОВ. Ты проводила своего поклонника?

ИРИНА. Это не поклонник, это Игорь.

ГРЕКОВ. А кто же он?

ИРИНА. Студент... Голодный студент. (*Глядя на Элеонору*). Что это за женщина? Почему она здесь?

ГРЕКОВ. Странные вопросы...

ИРИНА. Странные?.. А это что? (*Показывает на стол*). Я не потерплю, чтобы в доме, в нашем доме ели, спали какие-то шлюхи...

ЭЛЕОНОРА. Но-но, девочка, выбирай выражения.

ИРИНА (*не обращая на неё внимания, Грекову*). Как ты мог? Ты - мой отец, какой пример ты подаёшь своим детям?

Входит Сергей и, незамеченный, останавливается в дверях.

ИРИНА. Ты хочешь, чтобы я, Серёжа пошла по твоим стопам?.. О, я понимаю маму, она права... А я не верила, что она говорила о тебе. Теперь вижу как она была права... Ей надо было давно тебя бросить!

СЕРГЕЙ. Ну да, ещё до замужества, тогда бы нас не было на этом свете. И никаких проблем...

ИРИНА. Ты знаешь, что здесь произошло?

СЕРГЕЙ. Судя по твоему виду, нечто не укладывающееся в твою картину представления о мире...

ИРИНА. Демагог!.. Твой отец привёл проститутку в дом!.. В наш дом!

ЭЛЬВИРА. Не унижайся, девочка. Пытаясь оскорбить других, ты оскорбляешь прежде всего себя...

Элеонора идёт к выходу. Сергей преграждает ей путь, откровенно оглядывает.

СЕРГЕЙ. Между прочим, у тебя неплохой вкус, отец...

ИРИНА. А ты, ты... Вместо того, чтобы... Ты... ты не мужчина... *(Уходит на кухню)*.

СЕРГЕЙ *(глядя на Элеонору)*. Разве?... А мне казалось, что я вполне соответствую этому званию... Разве чуть не хватает брутальности...

ЭЛЕОНОРА. Вам не хватает хороших манер... Отойдите.

СЕРГЕЙ. Вот как?... Готов учиться. *(Неохотно отступает в сторону и Элеонора выходит)*.

ГРЕКОВ. А деньги? *(Берёт со стола деньги)*. Элеонора! *(Выходит следом)*.

Сергей проходит к столу.

СЕРГЕЙ. О, какой калорийный ужин, вполне соответствует ситуации...

ИРИНА *(входя, истерично)*. Прекрати!

СЕРГЕЙ *(начиная есть)*. Если ты воспитываешь меня, напрасно тратишь время. А если папеньку, то он уже отплыл...

ИРИНА. Куда?... *(Бежит в прихожую, возвращается)*. А ты куда смотрел? Или ты ему не сын? Твой отец морально разлагается, а ты...

СЕРГЕЙ. Твой тоже...

ИРИНА. Перестань жевать!

СЕРГЕЙ. Сестричка, успокойся... Во-первых, яйца курицу не учат. Во-вторых, это его дело, в конце концов, он - мужчина в расцвете сил и природа берёт своё... А в-третьих, она весьма недурна...

ИРИНА. Пошляк.

СЕРГЕЙ. Не надо так громко. Соседи спят...

ИРИНА. Пусть просыпаются. Пусть все знают о нравственном падении Грекова! Пусть, тогда наконец-то они перестанут осуждать нашу с тобой мать.

СЕРГЕЙ. Боже, как ты мне надоела. Все надоели...

ИРИНА. А ты... У тебя нет никакого сыновьего чувства. Твою мать оскорбляют и ты это позволяешь...

СЕРГЕЙ. Замолчи... Твоя мать не ангел.

ИРИНА. Это и твоя мать.

СЕРГЕЙ. Да, и моя... Но иногда надо забывать о родственных чувствах и быть честным хотя бы, самим с собой.

ИРИНА. За что ты её так... ненавидишь.

СЕРГЕЙ. Почему же, я её люблю... Я ненавижу депотизм.

ИРИНА. Сколько она для тебя сделала.

СЕРГЕЙ. К сожалению, очень много... Отстань, я хочу спать. И мой тебе совет, принимай всё проще, без условностей.

ИРИНА (*опускаясь на стул*). Сумасшедший дом... Мне надо было давно уйти от вас.

СЕРГЕЙ. Куда?.. Ха-ха... Если мы кому и нужны, так это нашему Дон Кихоту...

Входят Греков и Элеонора.

ГРЕКОВ. Проходи, Эля. Я думаю, они уже насытились и сейчас разойдутся по своим комнатам.

ИРИНА. Ты опять привёл её?

ГРЕКОВ. Позвольте мне поступать так, как я считаю нужным... И оставьте нас одних...

СЕРГЕЙ. Понятно... С вашего позволения, я сооружу ещё один бутербродик, дабы не скучать в одиночестве... (*Уходит*).

ИРИНА. А я привыкла ужинать здесь.

ГРЕКОВ. Хорошо. *(Садится на диван)*. Эля, иди сюда.

ЭЛЕОНОРА. Мы ведь шли, чтобы всё объяснить?

ИРИНА. А объяснять ничего не надо... Всё и так понятно. Решили ещё подзаработать?.. Нашли щедрого дурочка?

ЭЛЬВИРА. Ты уверена в этом?

ГРЕКОВ. Как ты похожа на свою мать.

ИРИНА. Да, папа, я похожа и этим горжусь. И она была права, что ушла от тебя, потому что, потому что...

ГРЕКОВ. Ира, я тебя не понимаю...

ИРИНА. Я тебя тоже.

ГРЕКОВ. Ты всегда одобряла поиски личного счастья, ставя это превыше всего и ты давно говорила, что мне нужна женщина ...

ИРИНА. Но не эта же...

ЭЛЕОНОРА. Что ты обо мне знаешь?

ИРИНА. И не хочу знать.

ЭЛЕОНОРА. А может всё-таки выслушаешь своего отца?

ИРИНА. Не хочу... *(Встает и указывает на выход)*. Я хочу, чтобы вы убрались из моего дома.

ГРЕКОВ. Это ещё и мой дом и Элеонора здесь останется.

ИРИНА. Тогда... Тогда... Я погашу свет... *(Выключает)*. Но к себе не пойду. Я останусь здесь. *(Садится на диван рядом с Грековым)*.

ГРЕКОВ. Уже поздно, надо спать.

ИРИНА. Спите.

ГРЕКОВ. Сидя?

ИРИНА. Конечно, не лёжа.

ЭЛЕОНОРА. Послушайте, Ирина...

ИРИНА. Вас я слушать не хочу... И, между прочим, он не олигарх, не научное светило, не политик,

не актёр, и даже не богатенький мужичок... У него ничего нет, мадам...

ЭЛЕОНОРА. Я это знаю.

ИРИНА. Да?

ГРЕКОВ (*вздыхая*). Да, она знает.

ИРИНА. А что ты знаешь о ней?

ГРЕКОВ. Гм-м... Достаточно...

ИРИНА. Достаточно для чего?

ГРЕКОВ. Для того, чтобы уважать...

ИРИНА. Даже так?

ГРЕКОВ. Она, как ты видишь, красива, отзывчива... Думаю, добра. И, несомненно, умна.

ИРИНА. И всё?

ГРЕКОВ. А разве для того, чтобы уважать, обязательно знать биографию?

ИРИНА. Биографию необязательно, но знать человека нужно.

ГРЕКОВ. Согласен. Но согласишься и ты со мной... Это был просто тест... И Элеонора не проститутка, это точно.

ИРИНА. А кто же?

ЭЛЕОНОРА. Знакомая.

ИРИНА. Что-то я вас не видела прежде.

ЭЛЕОНОРА. Мы недавно познакомились.

Пауза.

ИРИНА (*Грекову*). Ну, хорошо, мы что-то сделали не так, извини меня и Сергея. Скажи нам об этом прямо, но зачем же так... К тому же, ты обманываешь свою знакомую...

ЭЛЕОНОРА. Он меня не обманывает.

ГРЕКОВ. Может быть я и не прав... И вообще, вся эта затея...

ИРИНА (*примирительно*). Пусть она уйдёт.

ЭЛЕОНОРА. Понимаешь, Ирина...

ИРИНА. Мне не нужно никаких ваших объяснений.

ЭЛЕОНОРА (*глядя на Грекова*). Ну что же..

ГРЕКОВ. Да, идите, Эля. Извините меня и за всё это, и за предыдущее... Заходите в гости...

ИРИНА. Пусть попробует.

Греков провожает Элеонору и возвращается.

ГРЕКОВ. Неудобно всё получилось, но кто знал, что она... (*Машет рукой*).

ИРИНА. Дай мне слово, что она не вернётся?

ГРЕКОВ. Сегодня?... Даю слово.

ИРИНА. Сегодня?

ГРЕКОВ. Мы потом поговорим с тобой. Утро вечера мудренее. Иди спать.

Ирина проходит в прихожую, возвращается.

ИРИНА. Я забрала ключ.

ГРЕКОВ. Но у тебя же есть свой.

ИРИНА. Завтра утром отдам.

Уходит.

Оставшись один, Греков снимает пиджак.

ГРЕКОВ. Как всё нехорошо... (*Выключает свет и ложится*).

Картина третья

Утро. В комнате никого. Постель с дивана уже убрана. Греков в старых джинсах и батнике, явно тесных ему, вносит кофейник. Разливает по чашкам, включает на полную громкость магнитофон,

начинает танцевать, как танцуют не умеющие, но стремящиеся выглядеть модными, юнцы. Появляется Сергей.

СЕРГЕЙ (*зевая*). Привет, батя.

ГРЕКОВ. Здорово, сын. Присоединяйся, подрываемся...

СЕРГЕЙ. С утра?

ГРЕКОВ. Клёвая... разминка...

СЕРГЕЙ. Ну, даёшь... А ты чего дома?

ГРЕКОВ. Я же безработный, некуда торопиться...

СЕРГЕЙ. Так ты собирался поискать работу.

ГРЕКОВ. А сегодня суббота. К тому же вчера сговорились, кореша обещали сегодня зайти...

СЕРГЕЙ (*с неожиданным любопытством*). И эта самая...

ГРЕКОВ. Ну её...

СЕРГЕЙ. Ну, ты даёшь... (*Уходит в ванную*).

Голос Ирины:

«Серёга, сделай потише!»

ГРЕКОВ. Это не Сергей, это я!

Пауза.

Появляется Ирина, заспанная, в халатике. Некоторое время молча наблюдает за Грековым, выключает магнитофон.

ГРЕКОВ (*пританцовывая, проходит к столу*). Садись, позавтракаем, да идите гулять, ко мне кореша придут.

ИРИНА. Какие кореша?

ГРЕКОВ. Да так, парняги... Свои в доску...

ИРИНА. Отец, что с тобой? (*Садится напротив*).

ГРЕКОВ. Ничего.

ИРИНА. Пал Палыч придёт?

ГРЕКОВ. Куда ему от внуков.

ИРИНА (*ласково*). Папуля, ну скажи мне, в чём дело?

Входит Сергей.

ГРЕКОВ. Сын, объясни сестре зачем приходят кореша.

СЕРГЕЙ. А что объяснять, всё ясно.

ИРИНА (*вспыльчиво*). Тебе ясно!.. Тебе всегда всё ясно... Остолоп, дылда! (*Убегает*).

СЕРГЕЙ (*усаживаясь за стол*). Сколько у нас времени?

ГРЕКОВ. Смотря для чего.

СЕРГЕЙ. До явления твоих корешей?

ГРЕКОВ (*смотрит на часы*). Ещё время есть, можешь особо не торопиться. Жуй хорошо.

Молча едят.

СЕРГЕЙ. Между прочим, я вчера был у маман.

ГРЕКОВ. Жаловалась?

СЕРГЕЙ. Жалела.

ГРЕКОВ. Вот как? Это что-то новое...

СЕРГЕЙ. У неё убедительная гипотеза.

ГРЕКОВ. Всё та же?

СЕРГЕЙ. А ты знаешь?

ГРЕКОВ. В юности жизнь кажется бесконечной, ясной. Наверное потому, что видится она гладкой солнечной дорогой, без рытвин и колдобин. Когда поженились, мы даже не мыслили о трудностях. Не понимали, как могут пожилые люди разводиться, даже ненавидеть друг друга. Мы многого не понимали и не

могли даже вообразить, что нас ждёт... Мы неплохо начинали. Исправно тянули повозку: я - коренным, она - пристяжной... Но дорога слишком долго шла в гору...

СЕРГЕЙ (*прыская*). Ну и монолог... Надо будет записать... Маман это тронет..., если, конечно, поменять вас местами, её - коренной, а тебя...

ГРЕКОВ (*перебивая, с обидой*). Я всё не дождусь, когда ты станешь взрослым, чтобы с тобой поговорить как и положено мужчинам...

СЕРГЕЙ (*серьёзно*). Похоже ты уже опоздал.

ГРЕКОВ. Нет, сынок, я не опоздал, это ты никак не дорастёшь...

СЕРГЕЙ. Ты же никогда не был занудой... Но конфликт поколений, оказывается, неизбежная реальность.

ГРЕКОВ. Чуть.

СЕРГЕЙ. И это говоришь ты, социальный психолог.

ГРЕКОВ. Бывший... Но конфликт - это чуть. Есть лишь разное прочтение информации о прошлом и настоящем и, как следствие, разное проецирование будущего.

СЕРГЕЙ. Так что же это по-твоему, если не конфликт?

ГРЕКОВ. Процесс формирования симбиоза взглядов. Процесс сложный, противоречивый, но не конфликт.

СЕРГЕЙ. Это слишком умно для нашего поколения. У нас клиповое мышление, мы привыкли только угадывать... Или выгадывать... Неужели ты не согласен с большинством?

ГРЕКОВ. Ваше поколение не хуже нашего. Но вы сами этого ещё не осознали. Вам хочется проявить себя, утвердиться, а не на чем... Мы ещё застали громкие стройки, тот же БАМ, гидростанции... Там мож-

но было ощутить причастность к большому делу...
А у вас в почёте бармен...

СЕРГЕЙ. Вот и ты как все о нашем поколении...

ГРЕКОВ. Я не в укор. В этом мы виноваты.

СЕРГЕЙ. Первый раз подобное слышу.

ГРЕКОВ. Ты многого ещё не слышал, что тебе следует услышать.

СЕРГЕЙ. Но не сейчас, ладно?..

Входит Ирина. Она одета в какой-то странный костюм, скорее напоминающий пляжный времен нэпа, чем верхнюю одежду.

ГРЕКОВ. Ириша... (*Поднимается от удивления*).
Да, пожалуй, моя просьба будет неуместна...

СЕРГЕЙ (*свистит*). Ну, ты даёшь, сестрёнка...

Ирина стоя, осторожно, чтобы не пролить, молча выпивает кофе и медленно уходит.

ГРЕКОВ. Ты куда?

Хлопает дверь.

СЕРГЕЙ. Она к маман.

ГРЕКОВ. Откуда знаешь? (*Выглядывает в окно*).
И это моя дочь? Бог ты мой... В понедельник вызовут меня кое-куда и поинтересуются доходами...

СЕРГЕЙ. Презент родственника... Маман от него без ума.

ГРЕКОВ. От этого...

СЕРГЕЙ. Нет, скорее от барахла, которое он ей привозит.

ГРЕКОВ. Мне не нравится, как ты это говоришь...

СЕРГЕЙ. Ну, я тоже двинул.

ГРЕКОВ. Давай, сынок, двигай...

Греков остаётся один. Начинает прибирать на столе, но, передумав, садится на диван. Сейчас он такой, каким бывает всегда: спокойный, пожилой мужчина, от которого веет уверенностью и, в то же время, редкой для его возраста молодостью. Проходит к книжной полке, достаёт сверху альбом с фотографиями, перелистывает.

Звонок.

ГРЕКОВ. Входите, не заперто!

Входит Александр Иванович, из-за его плеча выглядывает Митя.

Александр Иванович - старше Грекова, видно что он пьющий. Заношенная одежда сохранила ещё опрятность, словно напоминая о былом вкусе хозяина. Митя моложе, но одет неряшливо.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ (*настороженно оглядываясь*). Зачем звал?

МИТЯ. Один, что ли?

ГРЕКОВ. Проходите, садитесь... Я вас жду...

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. Разговаривать будешь? На путь истинный направлять? Или паспорт нужен?

МИТЯ. Так мы ещё того, не готовы... Магазины... (*Разводит руками*).

ГРЕКОВ. А паспорт мне для чего?

МИТЯ (*Александру Ивановичу*). Во даёт... (*Грекову*). Ты за кого нас держишь?

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. Ты не финти. Говори прямо, чего надо...

ГРЕКОВ. А у вас паспорта-то есть?

МИТЯ. А ты думал, ты позвал, мы тут и побежали сразу... Нет, батя, прозондировали почву, кто ты есть...

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. *(Мите)*. погоди, не суетись. *(Грекову)*. Ну, есть паспорта... Кредит брать хочешь, чтобы не вернуть?..

ГРЕКОВ. В мыслях не было...

МИТЯ. А нас, значит, на сухую? *(Садится)*.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. Под кредит не дадим. *(Мите)*. Вставай, не дома... *(Идёт к выходу)*.

ГРЕКОВ. Вы куда?.. А зачем звал, неинтересно разве узнать?

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. Болтунов не уважаем, их в телевизоре с избытком на любой вкус.

ГРЕКОВ. Ну, тогда... *(выходит на кухню и возвращается с бутылкой водки)*. Тогда один посижу.

МИТЯ. Вот это по-нашему. *(Александру Ивановичу)*. Садись... Если человек от чистого сердца. *(Тянет к бутылке)*.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. От чистого ли...

ГРЕКОВ. Э, нет, я хозяин. *(Забирает бутылку)*. Будем, как в лучших домах: сначала маленький ланч - закусон, а потом перейдём к питию.

МИТЯ. Мы так непривычны... Ну, ладно, чем закусывать-то?..

ГРЕКОВ. Сейчас принесу.

Уходит и возвращается с блюдом с отварной картошкой. Берёт из серванта тарелки, расставляет перед каждым, рядом ставит по рюмке.

МИТЯ *(накладывая на тарелку себе и другу)*. А я думал, Федька брешет. Говорит, чудик этот мужик, накормит, а потом выпить даст и моралий не читает.

ГРЕКОВ. А вы что вместе живёте?

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. Тебе-то что?.. Квартира нужна?.. Не получишь. Ни паспорта, ни квартиры, выдали мы таких... (*Поднимается*). Митька, пошли...

МИТЯ. Иваныч, погоди... А может и вправду человек без задних мыслей, по-людски... Как при коммунизме, когда человек-человеку друг...

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. Это при коммунизме было.

МИТЯ. Но вот ты же меня приютил... Хотя уже и оскал этого, капитализма...

ГРЕКОВ. Да ничего мне от вас ненужно. Просто за компанию... Я тоже хочу как при коммунизме...

МИТЯ. (*Александр Ивановичу*). Ну вот... (*Поднимает рюмку Грекову*.) Только посуда у тебя какая-то нерусская, часто поднимать руку заморишь... А нет ничего привычнее?

ГРЕКОВ. Стопок гранёных нет.

МИТЯ. Да, нынче это дефицит. Эксклюзив...

ГРЕКОВ. Чашки чайные подойдут?

МИТЯ. Это лучше.

Греков приносит чашки, сливает из рюмок разлитое и доливает.

МИТЯ. Ну, подняли. Чокнуться надо, не на поминках. И тост сказать. Александр Иванович... слово...

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. Чтoб не последняя. (*выпивает*)

МИТЯ. И то верно. (*Выпивает*).

Греков пригубливает и ставит чашку.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. (*Грекову*) И все таки, чего звал-то, если паспорт не нужен...

ГРЕКОВ. Познакомиться захотел.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. Не темни.

МИТЯ. Да, не темни.

ГРЕКОВ. А я не темню.

МИТЯ. Тогда мы пошли. *(Хочет забрать бутылку, но Греков опережает)*.

ГРЕКОВ. Еще по одной?

МИТЯ *(Александр Ивановичу)*. Как ты считаешь?

Тот кивает.

МИТЯ. А ты не того, не в органах работаешь?

ГРЕКОВ. Не в органах.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. Он нас за ханыг держит.

ГРЕКОВ. За ханыг не за ханыг *(разливает водку)*, а возле магазина частенько вижу, так что, конечно, на трезвенников вы не тянете.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. Не темни, зачем звал? Нотаций читать без тебя охотников хватает.

МИТЯ. Только учти, на дела не ходим.

ГРЕКОВ *(хохочет)*. Так выходит... Ха-ха... Неужели похож?.. *(Подходит к зеркалу)*. А что? Вполне. Приятная наружность, открытое лицо, острые глаза - вполне сойду за лидера какой-нибудь ОПГ...

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. Ладно, давай к делу.

ГРЕКОВ. К делу? Хорошо. *(Садится)*. Дети есть?

МИТЯ. Дети?.. У меня есть. Сын. У него нету. А дети-то причём?

ГРЕКОВ. Ну и как сын твой? Сколько ему?

МИТЯ. Тебе-то что....

ГРЕКОВ. Хочу тост за детей предложить.

МИТЯ *(отодвигая чашку)*. За паскуд пить не стану...

ГРЕКОВ. Мы же за детей.

МИТЯ. За паскуду пить не стану.

ГРЕКОВ (*Александру Ивановичу*). Я что-то не то сказал?

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. Митя - бомж.

ГРЕКОВ. Ну и что?

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. А я бич. (*Выпивает, никого не ожидая*). Он - без определённого места жительства, а я - бывший интеллигентный человек. Улавливаешь разницу?

МИТЯ. За паскуду не пью, за тебя Александр Иванович. (*Выпивает и занюхивает рукавом*).

ГРЕКОВ. Ну и какая разница...

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. Бомж - это порождение капитализма, а бич - это диссидент в стране Советов.

МИТЯ. У Иваныча высшее образование. Поплавок... институтский...

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. Это уже неважно. И поплавок я уже давно пропил.

МИТЯ. Да, пропил... Когда в диссидентах разочаровался, которые страну сдали не за понюх табака...

ГРЕКОВ. Так это давно было.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. Давно... Но было...

ГРЕКОВ. А профессия? Может мы коллеги?

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. Из редких нынче. Инженер я...

ГРЕКОВ. А специальность?

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. Самолёты строил...

ГРЕКОВ. Самолёты?

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ (*Мите*). И этот не верит... (*Грекову, пододвигая чашку*). Наливай всё, что осталось...

ГРЕКОВ. Погоди. Я верю. Только вот...

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. Не похож на интеллигентного человека?.. Так я бывший... Но не забывший,

как такую страну распродавали за понюшку табака... Так в новую жизнь, капиталистическую хотели вписаться, так неслись, что с голым задом остались... А я вписываться не стал... Потому что я страну уважаю... Я свою профессию уважаю... Я и пионером, и комсомольцем был не как некоторые, а по-настоящему... Работу любил, жену, всё... всё забрали...

МИТЯ. Иваныч, ты успокойся... Он же всё понимает... Он ещё не заражён бациллой (*с трудом выговаривает*) человеконенавистничества. (*Грекову*). Не заражён же, нет?

ГРЕКОВ. Не заражён.

МИТЯ. И капитализм он не любит... (*Грекову*). Не любишь же?

ГРЕКОВ. А за что его любить?

МИТЯ (*Александру Ивановичу*). Вот видишь, он свой...

ГРЕКОВ. Да, я свой...

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ (*распрямляясь, бодро*). Но ещё настанет день и у нас будет праздник... Всё вернётся, всё...

ГРЕКОВ. А доживём?

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. Если ты не собрался до ста лет дотянуть, то не доживёшь.

ГРЕКОВ. А ты?

МИТЯ. А он собрался. И доживёт.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. Доживу... Хочу своими глазами увидеть торжество справедливости. И пока не увижу, помирать не стану.

МИТЯ. И я хочу увидеть и тоже не стану...

ГРЕКОВ (*Мите*). А ты что хочешь увидеть?.. Тоже торжество справедливости?

МИТЯ. Чтобы Венька мой сгинул. С моей квартирой вместе...

ГРЕКОВ. Какой Венька?

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. Сын это его... Который отца на улицу выкинул.

МИТЯ. Иваныч, а я ведь всё равно его люблю... Он мне сказал: «Я тебя, батя, уважал. Я твои шкафы до сих пор вижу и как деревом запахнет, детство вспоминаю, как учил меня... А потом ты другим стал и такого я знать не хочу...» Он у меня с металлом дружит... Не хватило его на дерево, с металлом оно легче, металл без души. *(Грекову)*. Он, сын мой, Венька, прав, ничего не страшно потерять, себя страшно потерять...

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. Замолчи! *(Бьёт кулаком по столу)*. Всепрощенец... Из-за таких как ты весь бардак.

ГРЕКОВ *(отодвигая чашки к центру)*. Ещё не хватало, чтобы вы тут сцепились.

МИТЯ. Мы?.. Да никогда... Просто больно ему, а так он пальцем никого... В детстве и то, наверное, драться не умел... Не умел ведь, Иваныч?.. *(Грекову)*. Он ведь обиженный...

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. Не распинайся.

МИТЯ. Когда люди встречаются, говорить положено. *(Грекову)*. Так вот, он - инженерище!.. Талант!.. А потом раз, и никому не нужен... И самолёты не нужны... И мы все не нужны стали... Правда, я ещё тогда молодым был, не понимал этого... Я Иваныча когда впервой увидел, в дрожь бросило. Сидит один, угрюмый, как алкаш не опохмелённый, и глушит стаканами её, целительницу нашу...

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. Ты про себя лучше...

МИТЯ. А у меня что, у меня дело обычное. Я - столяр... Эх, было времечко, умели руки. *(Вытягивает руки перед собой, сжимает кулаки)*. Женился, а ей то одно, то другое, то третье... И всё надо, надо... Вкалывал... А тут перемены, деньги-бумажки, пол-литрами брал... Можно сказать, инвалид по причине смены

формации... А теперь ни бабы, ни денег, ни дома. Как в раю. Вот только сын...

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. Какой он тебе сын, забудь.

МИТЯ. Какой-никакой...

ГРЕКОВ. На что же вы живёте?

МИТЯ. А у него квартира большая, квартирантов пускает... А я по погрузке-разгрузке помогаю, на рынке...

ГРЕКОВ. Ты же столяр?

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. Хороший, я знаю.

МИТЯ. А кому это сегодня надо?.. Вот для Иваныча кое-что сделал...

ГРЕКОВ. А я всё хочу бюро такое, как в старину были, чтобы с ящичками удобненькими... Сможешь?

МИТЯ. А чего ж, можно... Ты как-нибудь запри меня дня на три, я тебе такой сварганю...

ГРЕКОВ. Ну ладно, соловья баснями не кормят, пора и... *(Разливает остатки)*.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ *(с усмешкой)*. А ты что же, исповедоваться не будешь? Неблагодарно получается...

ГРЕКОВ. О себе рассказать?.. Отчего же, могу... Выучился на социального психолога, как раз к концу перестройки диссертацию защитил. Потом учить стал будущую смену... До недавнего времени... Жена ушла, теперь вот с детьми живу... Тихо, спокойно...

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. Ты побасёнки-то брось...

ГРЕКОВ. Как ни странно, всё так и есть...

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. Я тебя насквозь вижу: ты в штопор вошёл... Гляди, врежешься.

МИТЯ *(Грекову)*. Он всё наперёд знает. Ты ему верь...

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ *(Грекову)*. А ты штурвал-то на себя тяни. Пусть жилы рвутся, а ты не

сдавайся, тyani, пока дышать можешь... У меня вот духу не хватило, а ты тyani....

МИТЯ (*Грекову*). Ты его слушай...

ГРЕКОВ (*Александр Ивановичу*). Так и ты соберись с духом.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. Поздно мне.

ГРЕКОВ. Так ведь ты хочешь до ста лет дожить, чтобы торжество справедливости увидеть.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. Хочу. Только это торжество уже для других будет... Может вот для детей твоих...

МИТЯ. А я не хочу... Не надо справедливости, пусть Венька живёт как живёт, а я перебьюсь. Пока Александр Иванович не выгоняет. А выгонит, найду себе угол...

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. Живи, не выгоню... (*Грекову*). Так, значит, жена тебя бросила... А есть кого любишь?

ГРЕКОВ. Отчего спрашиваешь?

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. Вдвоём легче штурвал тянуть.

ГРЕКОВ. Хорошего много было. Устала она от меня... А вот теперь женщину встретил, но характер мой ей не нравится...

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. Вдвоём сподручнее...

МИТЯ. Бросьте вы, баб жалеть не надо. Баба жалость не любит, ей силу подавай. Чем больше за ней ходишь, тем больше она от тебя нос воротит.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ (*Грекову*). А ведь не всё ты сказал, не всё... Ну, не хочешь, не надо.

МИТЯ. Мы чужое мнение уважаем.

Входят Ирина, Сергей, бывшая жена Грекова. Она модно одета, и по всему видно, довольна собой. Останавливаются на пороге, разглядывая компанию с откровенной брезгливостью.

ИРИНА. Вот, что я говорила...

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ (*присвистнув, иронично*). Мадам, вы ошиблись - это не Париж, и даже не Булонский лес. (*Разводит руки*). Я бросил всё к твоим ногам, ты отшвырнула всё обратно...

МИТЯ. За всех присутствующих. (*Торопливо выпивает*).

БЫВШАЯ ЖЕНА. Анатолий Тихонович, как это понимать?.. Я оставила вам квартиру для того, чтобы мои дети могли спокойно в ней жить и не допущу, чтобы вы превратили её в притон, и чтобы здесь бывали всякие...

ГРЕКОВ. Это моя бывшая жена. Знакомьтесь.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ (*делая шаг к Ирине*). Вашу ручку, мадам.

ИРИНА. А ножку не хочешь?

МИТЯ. Я бы не отказался...

СЕРГЕЙ. Но-но, вали отсюда...

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. Вежливости не учили.

БЫВШАЯ ЖЕНА (*наступая на него*). В кэпэз давно не был?!. В тюрьме не сидел?!. Я тебя устрою, ты у меня быстро всё получишь...

ГРЕКОВ (*вставая перед ней*). А собственно, кто вас просил?.. Кто дал вам право оскорблять моих гостей?

МИТЯ. Вот именно, кто дал?

СЕРГЕЙ. А ну-ка, заткнись, и катись отсюда.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. Не груби старшим, мальчик. Это плохо кончается...

ИРИНА. Давай, давай. (*Выталкивает*). Не пугай пуганых.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. Оно и видно. (*Тихо*). Как я в вас ошибся...

ИРИНА. Давай, давай...

Бывшая жена Грекова в это время проходит по комнатам, оглядывает, всё ли на месте.

БЫВШАЯ ЖЕНА. Чеши, алкаши!.. Чтоб не пошло вам не пользу выпитое!..

ГРЕКОВ. Зачем ты так, люди же. *(Кричит)*. Александр Иванович, Митя, обождите, я с вами.

БЫВШАЯ ЖЕНА *(преграждая путь)*. Ты куда?

ГРЕКОВ. Гостей провожу.

БЫВШАЯ ЖЕНА. Доползут куда надо и без тебя.

ГРЕКОВ *(отстраняя её)*. Ну, вот что - это уже решать мне самому. *(Уходит)*.

ИРИНА. Ты видишь, что с ним происходит?

СЕРГЕЙ. Сегодня и мне он показался странным.

БЫВШАЯ ЖЕНА. Станным? Он всегда такой был. Таким и остался. А сколько раз я подобные компании разгоняла. *(Вздыхает)*. Мне горько об этом говорить, но вы сами видите. Вы уже взрослые. Ваш отец - порочный человек...

ИРИНА. Зачем ты так? Раньше он приводил для социальных замеров... Это его работа. С ним что-то происходит именно в последнее время. Может, он заболел?

БЫВШАЯ ЖЕНА. Он? *(Смеётся)*. Да он здоров как бык.

ИРИНА. Я имею в виду другое.

БЫВШАЯ ЖЕНА. А я имею в виду всё. Ваш отец здоров. А это всё - спектакль, и не более. Сколько таких спектаклей я перевидала в своё время... Чуть что не по его, и начинается...

ИРИНА. Так это...

БЫВШАЯ ЖЕНА. Ваш отец - изверг, лицедей, неудачник... Для всех он хорош, все его жалеют, для всех я плохая. *(Подносит к глазам платочек)*. Но вот вы сами убедились. За что только он вас мучает.

За что? (*Расхаживая по комнате*). Ира, а где вазочка была, хрустальная, в серебре?

ИРИНА. Вазочка?.. У меня в комнате.

БЫВШАЯ ЖЕНА. Вы выросли, вы не знали всего этого. А теперь... (*Останавливается*). Мне кажется, это я ему не покупала?

ИРИНА. Это папа недавно купил.

СЕРГЕЙ (*Ирине*). Сними ты этот костюм, в глазах рябит.

БЫВШАЯ ЖЕНА. Да-да, Ирочка, сними. Дорогие вещи надо беречь. Он вас этому не научит.

Ирина уходит.

СЕРГЕЙ. Ну, так что ты предлагаешь?

БЫВШАЯ ЖЕНА. Ты знаешь, твой отчим всё может...

СЕРГЕЙ. Я знаю. Только этого делать не надо. Быть сыном сумасшедшего ничуть не лучше, чем бандита.

БЫВШАЯ ЖЕНА. Да, может ты и прав...

СЕРГЕЙ. Скажи, у тебя что-нибудь осталось к нему?

БЫВШАЯ ЖЕНА. Что ты имеешь в виду?

СЕРГЕЙ. Ну, чувство... Уважение, что ли?

БЫВШАЯ ЖЕНА. Ах, сыночек... Когда ты женишься, пусть даже по любви, а потом проживёшь пятнадцать, пусть даже пятнадцать лет, ты не знаешь, как это много... И все эти годы ты будешь жить не для себя, а для кого-то, всё время чем-то обязанным... А годы идут. Их не вернёшь. И хочется просвета, хочется, наконец-то, отдохнуть, пожить как люди. А он вечно всем был доволен. Заработком, квартирой, одеждой... Всё его устраивало. А что касается меня, моих желаний, то он их просто не замечал.

СЕРГЕЙ. Я понял, можешь не продолжать.

БЫВШАЯ ЖЕНА. Ничего ты не понял.

ИРИНА (*появляясь*). Ну, что решили?

БЫВШАЯ ЖЕНА. А что решать, рецепт один...

Появляется Греков Все умолкают, настороженно глядят на него. Он обходит всех и опускается на диван.

ГРЕКОВ. Семейство в сборе... Совет, как обратиться на путь праведный рехнувшегося предка и бывшего супруга. Ах, какая забота о ближнем...

ИРИНА. Папа, зачем тебе это всё?

ГРЕКОВ. Что всё?

ИРИНА. Эта проститутка... Эти опустившиеся люди...

ГРЕКОВ. Эльвира не проститутка, а эти люди несправедливо обижены... Жертвы социального излома...

СЕРГЕЙ. Ну да, бомжи...

ГРЕКОВ. Один, действительно, бомж, а второй - бич.

СЕРГЕЙ. А это что за птица?

ГРЕКОВ. Бывший интеллигентный человек... Он, между прочим, самолёты строил. А бомжа родной сын из квартиры выгнал

БЫВШАЯ ЖЕНА. Ну и зачем ты их привёл?

ГРЕКОВ. Ты действительно хочешь знать зачем?.. Хотел примерить их социальную роль на себя... Работы у меня уже нет...

ИРИНА. Это бессовестно...

БЫВШАЯ ЖЕНА. Ирочка, не взывай к тому, чего нет.

ГРЕКОВ. Да-да, твоя мама никогда не видела во мне добродетелей.

БЫВШАЯ ЖЕНА. И была права. Дети теперь тоже в этом убедились. Они всё видят...

ГРЕКОВ. Видят? Это хорошо. Это правильно, они должны всё видеть, на то у них и глаза.

Идёт в прихожую. Возвращается с вешалкой, ставит её посреди комнаты, приносит лыжную палку. Оглядывается, начинает снимать с бывшей жены пальто.

ГРЕКОВ. Снимай, снимай, хватит мне со старьём воевать, пора уж с тем, что помоднее...

БЫВШАЯ ЖЕНА. Прекрати!.. Оставь свои глупые шутки!

Греков падает на диван, хохочет, по-мальчишески задирая ноги.

БЫВШАЯ ЖЕНА. Я никогда его таким не видела, Боже мой...

Медленно отступает в прихожую.

ИРИНА. Папа?!

СЕРГЕЙ. Цирк...

Все медленно выходят, оставляя хохочущего Грекова.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая

Утро. Посреди комнаты стоит вешалка. Греков лежит на диване с книгой в руках. Откладывает книгу, садится. Встаёт. Останавливается напротив вешалки.

ГРЕКОВ. Ну что, старушка, отвоевались?.. Не поздновато ли начинать... (*Заглядывает в комнаты детей*). Никого... Голова болит... Как с похмелья. Может, напрасно я так... (*Звонок в дверь*). О, кто-то появился. (*Идёт открывать*).

Слышен голос. «Здравствуйте, я по объявлению».

В комнату входят Греков и Коллекционер, молодой, модно одетый парень в тёмных очках.

ГРЕКОВ. Простите, я не совсем понимаю... По какому объявлению?

КОЛЛЕКЦИОНЕР (*останавливаясь напротив вешалки*). Антиквариат? Продаёте?

ГРЕКОВ. Нет, не продаю, дорога как реликвия. (*Уносит вешалку в прихожую*). Так чем, собственно, я обязан?

КОЛЛЕКЦИОНЕР (*подходя к книжному шкафу*). О, недурно, недурно...

ГРЕКОВ. Вы, кажется, забыли представиться?

КОЛЛЕКЦИОНЕР. Ах да, простите, Никотин. Арсен Никотин, любитель и хранитель древностей.

ГРЕКОВ. Почти приятно... А я - Греков, Анатолий Тихонович. А хранитель - это что, новая профессия?

КОЛЛЕКЦИОНЕР. Прекрасно, отличная фамилия. Из варяг в греки... И наоборот. А у меня, сами понимаете, не то, курение вредит вашему здоровью. Минздрав предупреждает... А хранитель - это высокое призвание, этому обучить нельзя.

ГРЕКОВ (*догадливо*). Коллекционер значит.

КОЛЛЕКЦИОНЕР. Ну, не совсем точно, но привычно... А что у вас есть хоро... Я, видите ли, специализируюсь на недорогой литературе, откуда сегодня деньги у истинного почитателя книги... Мне бы этак лет на сто назад или чуть ближе, золотой век русского возрождения...

ГРЕКОВ. Чего нет, того нет.

КОЛЛЕКЦИОНЕР (*разглядывая книги*). Недурная библиотечка. Невелика, но вкус чувствуется...

ГРЕКОВ. Собирал... Когда-то это было важно...

КОЛЛЕКЦИОНЕР. Я не помню, мал был, но говорят даже очереди в книжных магазинах были и многих авторов не достать, хотя тиражи огромные, не в пример нынешним... И из-под полы торговали... Я читал об этом... А ведь здорово звучит «из-под полы»... Великий и могучий язык наш... как сказал классик...

ГРЕКОВ (*с гордостью*). Самая читающая страна... в прошлом...

КОЛЛЕКЦИОНЕР. Да, да, я вас понимаю... Так что вы хотите? Нет, прежде покажите, что у вас?

ГРЕКОВ. Что у меня?

КОЛЛЕКЦИОНЕР. Меня не проведёте, я ведь чувствую, у вас есть уникальное издание.

ГРЕКОВ (*начиная догадываться*). Так... Это вас Сергей прислал?

КОЛЛЕКЦИОНЕР. Сергей?... Будем считать, что он. Я, видите ли, коллекционирую уникальные изда-

ния. Моё хобби - древняя классика. Я меняю честно... Вот, я вам принёс... *(Раскрывает портфель, но, так и не показав содержимое, закрывает)*. Нет, сначала вы.

ГРЕКОВ. Что я?

КОЛЛЕКЦИОНЕР. Показывайте... *(Догадливо)*. Понял... Вы - продаёте. *(Хихикает)*. Оригинально... Отлично! Кодовое название - Дон-Кихот... Всё продаёте или выборочно?

ГРЕКОВ. Я, однако, перебрал вчера, память вышибло напрочь. Напомните, что я там... насочинял?

КОЛЛЕКЦИОНЕР. Понимаю, понимаю... Сейчас... *(Достаёт мобильник)*. Вот, пожалуйста... Меняем Дон-Кихота на что-нибудь современное. Обращаться...

ГРЕКОВ. И адрес?

КОЛЛЕКЦИОНЕР. Индустриальная шестнадцать, восемьдесят три.

ГРЕКОВ. Всё верно... Совсем забыл, вот что значит спьяну принимать решения... Наверное, на бутылку не хватало, вот и сочинил... Ну уж раз обещал, мы вот что сделаем... Что у вас там? *(Кивает на портфель)*. Впрочем, это неважно: забирайте всё, что хотите и сколько унесёте.

КОЛЛЕКЦИОНЕР. Ну это... По договорной цене?

ГРЕКОВ. Бесплатно. Дарю.

КОЛЛЕКЦИОНЕР. Шутите?

ГРЕКОВ. Я всё равно это уже прочитал, а вы, вижу, разбираетесь...

КОЛЛЕКЦИОНЕР. Так вы серьёзно?

ГРЕКОВ. Молодой человек, я не люблю шутить. Вы тут без меня, а я по делам отлучусь. И не стесняйтесь, для хорошего человека ничего не жалко. *(Выходит)*.

Коллекционер, оставшись один, начинает вталкивать книги в портфель, но входит мало и он реши-

тельно достаёт из портфеля свою макулатуру, ставит её на полку. Наконец, портфель набит, заняты руки. С сожалением оглядываясь, он торопливо идёт к двери. Уходит.

Возвращается Греков, оглядывает опустевшие полки.

ГРЕКОВ. Губа не дура... Жалко, а выхода нет... (Звонок в дверь). Иду! (Возвращается, поддерживая под руку дряхлую старушку. Судя по всему, она плохо слышит и плохо видит). Осторожненько... Проходите вот сюда... Смелее, это диван...

СТАРУШКА (кричит). Спасибо, миленький! Спасибо, внучек!

ГРЕКОВ. Пожалуйста, бабушка. На здоровье. Так вы ко мне, значит, а по какому делу?

СТАРУШКА. Не слышу, внучек, о чём ты? Туга я...

ГРЕКОВ (кричит). Дело у вас какое, спрашиваю?!

СТАРУШКА. Ах да, по делу я, по нему самому, милый, известию...

ГРЕКОВ. По объявлению?!

СТАРУШКА. Чего?

ГРЕКОВ. По объявлению?!

СТАРУШКА. Чего? Ну да, за ним я... Дусенька моя совсем заскучала... Не кушает ничего. Лежит и скучает... Время ей семьёй обзаводиться, а приличных рядом нет... Были прежде, разъехались все, по новым местам. А где стоящего взять, из самой аж Испании муж покойный привёз...

ГРЕКОВ. Ничего не понимаю. (Кричит). Кого привёз-то муж?!

СТАРУШКА. Дусеньку и привёз. В командировку ездил и мне в подарок. Кого же ещё, говорит, из Испании привезти можно, кроме Дульсиinei...

ГРЕКОВ. Бабушка, вы по объявлению?

СТАРУШКА. Ну да, внучек... Я и говорю, сосед мне прочитал, я ведь слепая. Иди говорит, Серапионовна, это, однако, пара для твоей Дуськи, тоже видать заграничный.

ГРЕКОВ. А Дуська, кто это?

СТАРУШКА. Дульсинея?..Как кто? Она и есть Дуся...

ГРЕКОВ. Какая Дуся?..

СТАРУШКА. Собачка моя...

ГРЕКОВ. Слава Богу, а то чёрт-те что подумал...
(Кричит). Так значит, собачка вам нужна?

СТАРУШКА. Пёсик, пёсик...

ГРЕКОВ. Так ведь не держим, бабушка, не держим!..

СТАРУШКА. Как? Не разобрала...

ГРЕКОВ. Ошибочка вышла, ошибочка! (*Помогает старушке подняться*). Давайте я вас провожу.

СТАРУШКА (*стоя*). Ах, горе какое... Значит пёсика нет... (*Достает платок, трёт глаза*). Значит, помер уже... Дусенька моя горемычная... Неужто и вековать ей одной... А сосед говорит, сходи, имя, мол, испанское. не иначе кобелёк должен быть...

ГРЕКОВ. Бабуля, постой, я сейчас! (*Идёт в дружную комнату и возвращается с ружьём*).

СТАРУШКА (*всплёскивая руками, испуганно*). Что ты, внучек?

ГРЕКОВ. Это вам с Дусей подарок... Оно хоть и старенькое, но если почистить, можно и на охоту... А у вас собачка... А у меня всё равно без нужды за шкафом стоит. Бери, бабушка.

СТАРУШКА. Да куда ж мне на охоту? (*Машет руками, потом осторожно берёт*). Не тяжёлое?.. Ничего, сумки тяжелее...

ГРЕКОВ. Бабуля, от чистого сердца...

СТАРУШКА. Куда мне, рази что для Дуси... Она с покойником-то хаживала, приносила... А мужнее-то я продала, продала...

ГРЕКОВ. Да, вот ещё... (Уходит и возвращается с вазой). А это подарок лично от меня несравненной Дульцинее... Королевский ночной горшок. Ружьё теперь на плечо (*помогает перекинуть ремень*), а горшок в руку...

СТАРУШКА. Спасибо, внучек, спасибо. (*Идёт к выходу*).

ГРЕКОВ (*проводя*). Счастливо, бабуля, кобелька тебе испанского, да щенят поскорей... (*Возвращается*). Ну, посмотрим, кто кого...

Потирая руки, проходит по комнате, ложится на диван. Замечает, что нет книги, которую он читал.

ГРЕКОВ. Ай да коллекционер, и эту спёр... (*Отворачивается к стене, кладёт на ухо подушку*).

Картина вторая

Греков спит на диване. Щёлкает ключ и входят Ирина и Сергей. На улице они переругивались и теперь продолжают разговор.

ИРИНА. Чья бы корова мычала...

СЕРГЕЙ. Но-но, сестрица... Давай уж честно, я хоть не пытаюсь играть в двое ворот.

ИРИНА. Ну да, ты не играешь, ты выгадываешь. И там, и здесь. Нигде не прогадаешь.

СЕРГЕЙ. А чего ты добила? Что нас без завтрака выставили за дверь?

ИРИНА. Вот что, братик младшенький, если у тебя нет хребта и ты можешь выслушивать как оскорбляют твоего отца, я этого не потерплю.

СЕРГЕЙ. Да, ты с хребтом... Только пару дней назад я слышал от тебя другое. Ты - честная...

ИРИНА. Да! И не я, ты начал рассыпаться перед ним: ах, вы такой, а вот мой предок...

СЕРГЕЙ. А ты не продаёшься и не покупаешься?

ИРИНА. В отличие от тебя...

СЕРГЕЙ. Что же ты тогда не вернула ему его подарки, и даже не забыла их прихватить?

ИРИНА. Подарки?.. Я должна была помнить о всякой мелочи, когда речь шла о твоём отце...

СЕРГЕЙ. Великое дело - девичья память. На неё всё списать можно.

ИРИНА. Если хочешь знать, твой ... этот ... отцу в подмётки не годится.

СЕРГЕЙ. Он такой же мой, как и твой... (*Уходит на кухню, слышится его голос*). В этом доме, как всегда, нечего жрать!

ИРИНА. Иди, попроси у мамочки, тебе не привыкать!

Греков ворочается, встаёт с дивана.

ГРЕКОВ (*сонно*). А, детки... Который час?

СЕРГЕЙ (*появляясь*). Время обедать.

ИРИНА. Скоро два.

ГРЕКОВ. Действительно, пора уже спать, а мы ещё не ели... Поторопился я, надо было взять чего-нибудь натурой... Ну что, кому пал жребий готовить?

ИРИНА. Да ладно, жребий. Я сделаю чего-нибудь. (*Уходит*).

ГРЕКОВ. Вы где ночевали? У матери?

СЕРГЕЙ. Угу.

ГРЕКОВ. Надо было там и пообедать...

СЕРГЕЙ. Гордыня не позволила.

ГРЕКОВ. Вот как?.. Жаль, что не гордость.

СЕРГЕЙ. Одинаково паршиво. (*Разваливается на диване*). Тут книжка была, я читал.

ГРЕКОВ. Я тоже. Но её твой друг забрал.

СЕРГЕЙ. Н-да... Хотел вздремнуть перед обедом. А кто приходил из ребят?

ГРЕКОВ. Из ребят? Никто.

СЕРГЕЙ. Ну, ты говоришь, книжку отдал.

ГРЕКОВ. А-а?... Книжку?

Входит Ирина. В её руках туго набитая большая сумка.

ИРИНА (Сергею). Вот это всё ты сейчас отнесёшь им. И скажешь, что я ни в чём не нуждаюсь. (*Уходит*).

СЕРГЕЙ (раскрывает сумку, достаёт костюм, который был вчера на Ирине). Чокнулась.

ГРЕКОВ. Развод по-итальянски?

СЕРГЕЙ. Вроде того.

ГРЕКОВ. Что вы там натворили?

СЕРГЕЙ. Да, в оценках не сошлись.

ГРЕКОВ. А что оценивали?

ИРИНА (*появляясь*). Пап, ты не видел вазу у меня в комнате, которую мать подарила?

ГРЕКОВ. Вазу?... А, ночной горшок для Дульциней?... Так я его отдал в придачу к ружью.

Пауза.

ИРИНА. Какое ружьё? Какая Дульцинея?

СЕРГЕЙ. Дульцинея - это тёлка Дон Кихота.

ИРИНА. Может быть хватит загадок?... (*Грекову*). Кому и что ты отдал?

ГРЕКОВ. Кому и что? Вам лучше знать... Первым пришёл молодой и симпатичный, из современных, спекулянт, то есть бизнесмен от искусства... Нет, хранитель древности, так он представился. А фамилия... что-то с дымом... (*Сергею*). Но неважно, по-видимому, твой товарищ... Потом бабуля была... Тоже симпатичная, культурная старушка... Где-то я её видел, а вот где - не помню... Может быть из знакомых вашей матери...

ИРИНА. Какая бабуля? Какой хранитель древностей?! Ты можешь объяснить всё толком?

Сергей проходит к книжной полке.

СЕРГЕЙ. Н-да... Похоже, что этот хранитель тягелоатлет. Мне бы за три раза не унести. (*Открывает оставленную Коллекционером книгу*). Дерьмо же он тебе оставил взамен, надо сказать...

ИРИНА. Да объясните наконец!

СЕРГЕЙ. Что объяснять? Объявление сработало, только весьма неожиданным образом.

ИРИНА. Что?.. (*Грекову*). Ты отдал?.. Что ты отдал?

ГРЕКОВ. Хранителю - книги, сколько смог унести. Старушке - ружьё и горшок, то есть - вазу.

ИРИНА. Вазу? Мамину вазу?

СЕРГЕЙ. А книги, между прочим, он забрал самые дорогие.

ИРИНА. Что ещё?

ГРЕКОВ. А больше пока никто не приходил.

ИРИНА (*Сергею*). Это всё ты, ты виноват!

СЕРГЕЙ. Заткнись, сестричка. Ты тоже проголосовала за эту дурацкую идею родственничка.

ГРЕКОВ. Разве не от вас ходоки были?

ИРИНА. Что же делать, что делать?.. Хрусталь, серебро, книги... Такие деньги первому встречному просто так...

СЕРГЕЙ (*иронично*). Звони в полицию.

ИРИНА. И позвоню! (*Убегает*).

СЕРГЕЙ. Ну, батя, ты даёшь... Что ты, не понял, о каком Дон Кихоте шла речь в объявлении?

ГРЕКОВ. Понял, сынок, понял. Только не кажется тебе, что этот номер отдаёт чем-то неприличным, мягко говоря...

СЕРГЕЙ. Мне тоже не совсем это понравилось, но за солидарность пришлось проголосовать.

ГРЕКОВ. Не слишком ли часто ты страдаешь за солидарность? За солидарность не вмешался, когда твои друзья избивали одного. За неё же промолчал, когда твоего знакомого за дело хотели отчислить из института, а ты знал, что он подонок, но промолчал. За солидарность, чтобы не отличаться от большинства, учишься на тройки. И свою серость, свою беспринципность ты прикрываешь этим красивым словом...

СЕРГЕЙ (*с обидой*). Неужели я так плох?.. Вспомни что-нибудь хорошее.

ГРЕКОВ. Хорошее?.. Ты знаешь, не припомню что-то... Может, ты не рассказывал мне? У нас ведь у каждого своя жизнь, не твой ли это тезис?.. Вы приходите сюда ночевать и есть. Это берлога и не больше. Тебе уже двадцать, а ты всё играешь в мальчика. И бравируешь тем, что не знаешь, как растёт хлеб, и морщишься, слыша, что от коров пахнет не туалетной водой. Может быть, ты вспомнишь и скажешь мне сейчас, когда принимал решение сам, как и положено мужчине?.. Я слушаю.

СЕРГЕЙ. Я тебя слушаю.

ГРЕКОВ. Не можешь вспомнить?

СЕРГЕЙ. Мне нечего вспоминать.

ГРЕКОВ. Жаль... Я думал, в тебе найду опору, тебе передам то, что понял в этой жизни сам, с тобой поделюсь выводами, ты ведь мой сын, моя кровь... Но оказывается, ты давно уже стыдишься меня и даже для твоих новых друзей я всего лишь хозяин квартиры... Ты же так им сказал позавчера?

СЕРГЕЙ. Позавчера?

ГРЕКОВ. Вспомни, сынок... Ну да, я несовременен, не умею делать деньги, у меня нет связей, я не крутой бизнесмен... Я вымирающий тип хомо сапиенс, но я ведь учил тебя уважать людей не за костюм и должность или кошелёк. Откуда же в тебе это? Отку-

да?.. Мой отец был мотористом, от него вечно пахло мазутом, а одежда и руки, большие, жилистые, были в мазуте и масле, а мать - медсестрой и её белый халат был для нас, детей, идеалом чистоты... Это твой дед с бабкой, надеюсь, ты их ещё помнишь?.. Или они уже превратились для твоих друзей в дворян, в белую кость?.. У твоей матери родители всю жизнь прожили в деревне. Мой дед, твой прадед был крестьянином. У него руки пахли навозом, да - навозом, а не туалетной водицей...

СЕРГЕЙ. Мать говорила, что они из обедневших...

ГРЕКОВ. Не трогай мать! Это её дело, она... Откажаться от родителей - это тоже самое, что предать родину. Неужели ты не понимаешь этого? (*Пристально смотрит на Сергея*). Подумай, сын... (*Уходит в другую комнату*).

Сергей садится за стол, смотрит перед собой. Он очевидно расстроен.

Быстро входит бывшая жена Грекова, за ней Ирина.

БЫВШАЯ ЖЕНА. Где он?.. Где этот выживший из ума?

СЕРГЕЙ. Не ори. Без тебя тошно. (*Уходит*).

БЫВШАЯ ЖЕНА (*оторопело*). Ты как говоришь с матерью?! Это он тебя научил?! (*Ирине*). Твой брат - грубиян.

ИРИНА. Для меня это не новость.

БЫВШАЯ ЖЕНА. И ты молчала? Это ведь его воспитание, он научил.

ИРИНА. Не волнуйся, этому Серёжа научился сам.

БЫВШАЯ ЖЕНА. Не спорь со мной... Ты всё проверила, больше ничего не пропало?..

ИРИНА. Вроде бы нет...

БЫВШАЯ ЖЕНА. Я всегда говорила, он плохо кончит. Да разве это нормально: взять и отдать незнакомому человеку дорогую вещь... Я не удивлюсь, если в один прекрасный день вы не найдёте в этом доме ничего. Бедные мои дети, как вам не повезло с отцом...

ИРИНА. Мы сами виноваты, не нужно было давать это дурацкое объявление.

БЫВШАЯ ЖЕНА. Мы виноваты?.. Не говори глупостей. И не выгораживай его, он просто ненормальный.

Входит Греков, он слышит последние слова.

ГРЕКОВ. Да, я ненормальный. Я - псих! (*Кричит*). Где моя мельница!? Где копьё!? Где мой оруженосец!? Где мои верные друзья!? (*Мечется по комнате, наконец, останавливается напротив жены*). Ты - мельница... (*Поворачивается к Ирине*). И ты... (*Вытягивает руку в зал*). И ты... И ты... Мельницы... Вы не живёте, вы ждёте ветра. Задует ветер и задёргаются загребушие руки: к себе, к себе... Великое счастье, не думать, не действовать, ждать и молоть, молоть дни, месяцы, годы... всё... в труху мелочных желаний... И ничего не хотеть больше...

БЫВШАЯ ЖЕНА (*прикрываясь руками*). Врача!.. Скорую!

ИРИНА. Папа!

Звонок в дверь. Пауза, во время которой все застыли в застигнутых позах.

ГРЕКОВ (*спокойно*). Я открою... А вы приведите себя в порядок.

Выходит и возвращается с Элеонорой.

Элеонору трудно узнать, она в строгом брючном костюме, тёмных очках, широкополой шляпе. Снисходительно оглядывает бывшую жену и Ирину, проходит по комнате.

ЭЛЕОНОРА. Простите, если помешала вашей беседе... Я, собственно, по объявлению.

ГРЕКОВ. Это не ко мне. *(Садится на диван, показывая, что дальнейшее его не интересует).*

БЫВШАЯ ЖЕНА. По объявлению?.. Видите ли... *(Смотрит на Грекова).* Ах да, хорошо. *(Садится за стол).* Прошу вас, присаживайтесь... Ирочка, доченька, сделай нам чего-нибудь выпить. *(Элеоноре).* Кофе, чай?

ЭЛЕОНОРА. Водички. Но не сейчас.

БЫВШАЯ ЖЕНА. А мне кофе...

Ирина уходит.

ГРЕКОВ *(поднимаясь с дивана)*. Надеюсь, я вам не нужен?

БЫВШАЯ ЖЕНА. Да-да, побудь пока в другой комнате.

Греков уходит.

БЫВШАЯ ЖЕНА. У вас чудная шляпка.

ЭЛЕОНОРА. Вы находите?

БЫВШАЯ ЖЕНА. Поверьте мне...

ЭЛЕОНОРА. Спасибо... Не этот ли мужчина - Дон Кихот?

БЫВШАЯ ЖЕНА. Дон Кихот?.. Ах, да-да, это он.

ЭЛЕОНОРА. Ну что ж, внешне вполне прилично... Благороден?

БЫВШАЯ ЖЕНА *(вздыхая)*. Да.

ЭЛЕОНОРА. Честен? Справедлив? Не гонится за личным благополучием?

БЫВШАЯ ЖЕНА. Совершенно верно, никакой практичности... Простите, вы действительно пришли по объявлению?

ЭЛЕОНОРА. А почему вы не верите? Вам кажется это странным? Но ведь и вы дали странное объявление?

БЫВШАЯ ЖЕНА. Ну, у нас как раз никакой странности, всё ясно. Видите ли, это мой бывший муж...

ЭЛЕОНОРА. У меня тоже ничего странного. Мы с мужем - практичные и очень занятые люди, нам необходимо на ком-то разряжаться. Вот мы и пришли к выводу, что нам необходимо пожить порознь, таким образом мы по достоинству оценим качества друг друга.

БЫВШАЯ ЖЕНА. А ваш муж, значит, в курсе...

ЭЛЕОНОРА. Мой муж - очень современный человек. Знает кому угодить, где подстелить, а где взять... Он ни с кем никогда не воюет. Ни за кого не вступается и не даёт в долг. Если это выгодно, может отказаться и от собственных слов и от собственной жены. Но наш дом - полная чаша. Я с ним забот не знала. Но это было так скучно...

БЫВШАЯ ЖЕНА (*настороженно*). А как его фамилия?

ЭЛЕОНОРА. Ну зачем же... Он уважаемый человек.

БЫВШАЯ ЖЕНА. И вы давно с ним живёте?

ЭЛЕОНОРА. Вы хотите спросить, давно ли я не живу с ним?... Уже прилично. Женщину, устраивающую его, он нашёл очень быстро, а я вот всё перебираю, никак не могу найти подходящего... Вы приглашите, пожалуйста, вашего...

БЫВШАЯ ЖЕНА. Бывшего мужа... Анатолия Тихоновича... Сейчас... А вы не знаете, на ком женат ваш бывший муж?

ЭЛЕОНОРА. Нет. Мне это безразлично.

БЫВШАЯ ЖЕНА. Извините. Я сейчас его позову.
(Уходит).

В это время звонят в дверь. Ирина идёт открывать и возвращается с бабушкой. За плечами старушки ружьё, в руках - ваза.

СТАРУШКА. А внучок-то где?

ИРИНА. Внучок?.. А... Сейчас подойдёт. (Кричит!) Отец, к тебе!

Появляется Греков, за ним Бывшая жена.

СТАРУШКА. А вот и он, внучек... Ты вот, что, милый, забери-ка всё это. Какая с меня охотница, я сгоряча-то не разобралась, думала, игрушка для правнучка, а оно ведь взаправдашнее... А горшок Дусенька моя не признала. Побрезговала.

БЫВШАЯ ЖЕНА. Господи, моя ваза!

ГРЕКОВ. Ничего, бабуля, не расстраивайся. Это неплохо, что ты передумала. Похоже, ружьё мне самому ещё пригодится... И Дуська у тебя умная, на гламур не повелась...

СТАРУШКА. О чём это ты, туговата я на ухо?

ГРЕКОВ. Спасибо, говорю, бабушка!

СТАРУШКА. На здоровье, внучек, на здоровье... (Остальным). Жалость-то какая, никак не могу Дусеньке друга найти, пёсики все пошли нынче какие-то никудышные, избалованные. Тьфу... (Ирине). Проводи внученька. а то заблужусь в ваших коридорах...

Ирина со старушкой уходят...

БЫВШАЯ ЖЕНА. Анатолий Тихонович, вот эта женщина проявляет к вам интерес.

ГРЕКОВ (*присматриваясь к Элеоноре*). Ко мне? В каком смысле?

ЭЛЕОНОРА. Мне ваша бывшая жена рассказала о вас очень много хорошего. И я убеждена, что именно такой спутник жизни мне нужен. Вы знаете, познакомиться с хорошим человеком сегодня так нелегко. В Сети так все заманчиво выглядят, а в натуре сплошное разочарование...

ГРЕКОВ. Вполне понятно, там изъянов не видно... Но встречаются и вполне приличные, с таким, знаете, таинственным флёром...

Все удивлённо смотрят на него.

ЭЛЕОНОРА (*с улыбкой*). Меня, знаете, флёр как-то не интересует... Мне больше импонирует брутальность... Или же некий налёт романтизма прошлого века, как у вас...

БЫВШАЯ ЖЕНА (*неуверенно*). Да, да, он всегда был романтиком...

Входит Ирина, ставит перед Элеонорой фужер с водой.

ИРИНА (*Бывшей жене*). Кофе готов.

БЫВШАЯ ЖЕНА. Давайте присядем, в ногах правды нет... (*Садится за стол*). Анатолий Тихонович, присаживайтесь рядом с гостьей. Я разрешаю вам поухаживать.

ГРЕКОВ. Разрешаешь?.. Первое разрешение за всю жизнь.

ИРИНА. Кто-нибудь будет кофе?

БЫВШАЯ ЖЕНА. Ты же видишь, никто не хочет. Присядь тоже.

Все рассаживаются.

Элеонора неторопливо отпивает из фужера, ставит его перед собой. Ирина поглядывает то на отца, то на мать, то на неё.

БЫВШАЯ ЖЕНА (Элеоноре). Ну вот, если вас устраивает, родственники не возражают.

ЭЛЕОНОРА. А Анатолий... Тихонович, согласен?

ГРЕКОВ. На что я должен дать согласие? Введите в курс. А то получается, без меня меня женили...

Стремительно входит Сергей. Молча проходит к Грекову и кладёт перед ним документы.

ГРЕКОВ. Что это?

СЕРГЕЙ. Документы. Я ушёл из института.

ГРЕКОВ. Что?

БЫВШАЯ ЖЕНА. Нам сейчас не до твоих шуток.

Ирина просматривает документы.

ИРИНА. Ты что, ополоумел?

СЕРГЕЙ. Могу я хоть раз в жизни поступить так как хочу, как мужчина, в конце концов? (Грекову). Как ты считаешь, справедливо ли, что я учусь той профессии, которая мне совсем неинтересна?

ИРИНА. Постой, сегодня воскресенье...

СЕРГЕЙ. Я забрал их ещё в пятницу, просто не решился вам об этом сказать. Оттягивал скандал.

БЫВШАЯ ЖЕНА (пододвигает к себе документы, складывает в стопочку). Серёжа, сынок... это нестрашно. Мы всё завтра уладим. Тебе осталось всего два года, а потом мой муж, твой отчим, устроит тебя на хорошее место...

СЕРГЕЙ. Я ты спросила, хочу ли я устраиваться на это место?.. Почему ты думаешь, что лучше меня зна-

ешь, что я должен делать, как жить, с кем дружить, кого любить... Я уже вырос, мама!

БЫВШАЯ ЖЕНА. Ну хорошо, успокойся, поговорим об этом завтра...

СЕРГЕЙ. Надеешься, что я передумаю? Не надейся. *(Забирает документы)*. И не надо мне больше ничего советовать.

БЫВШАЯ ЖЕНА *(Грекову)*. Это ты, ты во всём виноват! Ты сделал несчастной меня, но тебе этого мало, ты хочешь искалечить жизнь своим детям! Что тебе не нравится в них?

ГРЕКОВ *(устало)*. Что мне не нравится?.. Ты, действительно, хочешь это знать?.. И вы хотите? *(Обводит взглядом Сергея и Ирину)*... Может, правда, хотите... *(Поворачивается к бывшей жене)*. Когда мы с тобой начинали жить, мы радовались всему вокруг, друг другу, нашим детям, наблюдая, как они подрастают, и поддерживали друг друга во всём. А потом... что произошло потом? Почему для тебя главной ценностью стала не наша любовь, а материальное благополучие, а мерилом «умение жить», когда главное - деньги... Да, я не «умею жить», не умею брать взятки, ничего не приватизировал, не пошёл торговать... Все эти годы я пытался учить других не «умению жить», а умению делать своё дело хорошо... И мы перестали поддерживать друг друга. Мы перестали любить... А без этого нельзя жить... *(Поворачивается к Ирине)*. И вот наша дочь выросла, какая она деятельная была в детстве... Ты называла её хозяйшкой... Теперь она другая. Она живёт какими-то тряпками, шопингами, жалобами на нашу нищету и стесняется, что у неё такой отец... Она разучилась мечтать... Что же касается сына *(поворачивается к Сергею)*, мне не нравится, что он никак не может определиться, чего хочет в этой жизни... Может быть сейчас определился?

СЕРГЕЙ. Может быть...

БЫВШАЯ ЖЕНА (*Грекову*). Ну вот что, по-твоему не будет... Потому что ты, действительно, не способен «уметь жить». По-твоему, прозябать в нищете, перебиваться от получки до получки - это хорошо. А теперь и этого пособия не будет. Кто тебя гнал из института, какая разница кого ты учишь, сидел бы там до пенсии, если не способен ни на что другое. И не надо оправдываться, прикрываться любовью, сейчас не то время, надо устраиваться в жизни...

ИРИНА. И не такая уж я и пустая...

ГРЕКОВ. Я вижу, что напрасно всё это вам сказал... И всё дальше будет у вас замечательно... Как и прежде. (*Садится на диван*). Все остались при своём мнении и все довольны...

ЭЛЕОНОРА. Простите, конечно, что должна вмешаться в ваши семейные разборки, но я вынуждена напомнить о себе... (*Бывшей жене*). Я понимаю, что вы только укрепились в своём решении?

БЫВШАЯ ЖЕНА. Да, вы правы. И думаю, что на моём месте поступили бы точно также.

ЭЛЕОНОРА. Вероятно, я хочу сама определить-ся, похожи ли мы с вами... Я, пожалуй, возьму его... Действительно, уникальный экземпляр для нашего прагматичного времени... Нам, по-видимому, надо это как-то документально оформить.

БЫВШАЯ ЖЕНА. Нет, ничего не нужно... Забирайте и всё... (*Достает платочек и подносит к глазам. Грекову*). Не ожидала я от тебя, детей бы постыдился...

ГРЕКОВ. Сам не ожидал. Наверное, решил стать другим, под стать времени и отношениям...

БЫВШАЯ ЖЕНА (*Ирине*). Пойдём, дочка. Проводи меня, мне нужно с тобой поговорить.

(*Уходят*).

ЭЛЕОНОРА. Ну что, Анатолий Тихонович, идёмте.

ГРЕКОВ. Позвольте узнать, куда?

ЭЛЕОНОРА. А вы разве ещё не поняли?

СЕРГЕЙ (*Грекову*). Вот и тебе принимать решение... Всё продаётся и покупается... Вот видишь, и по тебе сторговались... (*Элеоноре*). Мадам... или мадемуазель, так зачем вам этот, - извини, батя, - не первой свежести господин, нужен?.. На папика он не тянет, сами понимаете, мощной...

ГРЕКОВ. Я не старый, мне только пятьдесят...

СЕРГЕЙ. Ну да, самый расцвет...

ЭЛЕОНОРА. А вы знаете, юноша... или, может быть, мужичок?.. Ваш, как я понимаю, отец, прав, у него сейчас самый привлекательный возраст... Для женщин, которые понимают толк в мужчинах, а не западают на самцов...

СЕРГЕЙ. Как интересно... И познавательно... Вы знаете, я готов у вас брать частные уроки.

ЭЛЕОНОРА. А я их вам давать не буду.

СЕРГЕЙ. Жаль, очень жаль...

ГРЕКОВ (*Элеоноре*). Где-то я вас уже видел?

ЭЛЕОНОРА. Вряд ли... Мы из разных социальных слоёв... Я как раз из тех, кто умеет жить...

СЕРГЕЙ. Я всё больше хочу у вас брать уроки... (*Грекову*). Батя, а как ты смотришь на то, если я стану вечным студентом?

ГРЕКОВ. Корми себя сам...

СЕРГЕЙ (*Элеоноре*). Вот видите как сложно с предками. Буквально днями этот господин грозил нам с сестрой, что сядет на наше иждивение... А теперь утверждает, что всё наоборот... Кстати, давайте наконец познакомимся... Меня зовут Сергей... Или Сергей Анатольевич, как вам удобнее.

ЭЛЕОНОРА (*не обращая внимания, Грекову*). Собирайтесь, я вас забираю...

ГРЕКОВ. Как это забираю... Куда? (*Сергею*). Ещё один ваш проект?

СЕРГЕЙ. Клянусь, не в курсе...

ГРЕКОВ (*Элеоноре*). А ты откуда, милая, взялась?

ЭЛЕОНОРА. Вот и замечательно, меня давно никто не называл милой... Идёмте, идёмте, мы с вашей бывшей всё уладили...

ГРЕКОВ (*оглядывает Элеонору, потом смотрит на Сергея*). А почему бы и нет?.. Я ещё молод... И свободен... Идём, дамочка...

Картина третья.

Квартира Грекова. В ней всё без перемен. Входит Греков. Его не узнать: модное пальто, шляпа, перчатки... На вид - преуспевающий бизнесмен. Не раздеваясь, он обходит комнату, как это делает человек после долгого отсутствия.

ГРЕКОВ. Удивительно, полный порядок... Похоже, Ирина стала хозяйкой... И брата приучила...

Звонок в дверь.

ГРЕКОВ. Не заперто!

Входит Элеонора. В отличие от Грекова она одета не столь эффектно, но со вкусом...

ЭЛЕОНОРА. Ну, есть перемены?

ГРЕКОВ. Думаю, да...

ЭЛЕОНОРА. Может быть ещё рано?

ГРЕКОВ. Почему же?.. Если Сергей тебе нравится... А то смотри, найдёт другую. Или кто охомутает, сейчас девчата выбирают, до драк дело доходит...

ЭЛЕОНОРА. Страх не выполнить главную функцию женщины... Ну, я уже не в том возрасте, хотя, признаюсь, от этого страха не избавилась...

ГРЕКОВ. Тебе давно уже рожать надо. Иначе страх неисполнения функции сменится страхом одиночества.

ЭЛЕОНОРА. И тогда рожу от первого встречного и буду растить одна...

ГРЕКОВ. Ты же знаешь, чем это чревато...

ЭЛЕОНОРА. А я изменю своё эго, стану брутально-женственной. Два в одном... Это сейчас тренд...

ГРЕКОВ. Мне кажется, вы отличная пара... Он, в принципе, у меня, не дурак...

ЭЛЕОНОРА. Это понятно, не в кого...

ГРЕКОВ. И с дипломатической жилкой... С маман и со мной ладит...

ЭЛЕОНОРА. С тобой вроде не очень.

ГРЕКОВ. Это мы больше на словах пикируемся...

Слышится голос Сергея.

«Ир, ты уже дома?»

Входит Сергей. Он в испачканной спецовке, какие носят авторемонтники.

СЕРГЕЙ. О, у нас гости... Не ожидал...

ГРЕКОВ. Кого?

СЕРГЕЙ. Обоих... Но тебя меньше, всё-таки позванивал... *(С интересом осматривает Грекова)*. Хотя в этом прикиде не ожидал... *(Глядя на Элеонору)*. А вас совсем не надеялся увидеть. Удивлён, но приятно.

ЭЛЕОНОРА. И я рада вас видеть.

ГРЕКОВ. Ты же вроде мастер, а в спецовке...

СЕРГЕЙ. А кто будет подчинённым показывать собственным примером отношение к труду?.. Ты сам этому учил...

ГРЕКОВ. Ну да, учил... И как ваш бизнес?

СЕРГЕЙ. Как у всех, с трудом, но выживаем...

ГРЕКОВ. А ты почему на второй курс не пошёл?

СЕРГЕЙ. Кто меня с тремя моими юридическими курсами возьмёт на механический?.. Всё по новой начинаю... С чистого листа.

ГРЕКОВ. Доволен?

СЕРГЕЙ. Впервые в жизни.

ГРЕКОВ. Я рад за тебя.

ЭЛЕОНОРА. Мне тоже приятно, что вы, Сергей, нашли себя...

СЕРГЕЙ (*многозначительно, глядя на нее*). Как всё интригующе интересно... Ладно, пошёл умываться и переодеваться. (*Слышны голоса*). Вот и сестрица уже пришла, не заскучаете... (*Уходит*).

Входят Ирина и Игорь.

ГРЕКОВ. Привет, дочь...

ИРИНА. Здравствуй, пап.

С нескрываемым интересом осматривает Грекова, но ничего не говорит.

ЭЛЕОНОРА. Здравствуйте, Ирина...

ИРИНА (*Игорю*). Пошли в мою комнату...

ГРЕКОВ. Может я датой ошибся?

ИРИНА. Нет, всё правильно... Сейчас мама подойдёт...

ГРЕКОВ. А с молодым человеком я могу поговорить?

ИРИНА. Он мне сейчас нужен.

Уходят.

ГРЕКОВ. Всё ещё обижается.

ЭЛЕОНОРА. Тебе нужно с ней объясниться.

ГРЕКОВ. Да, нужно, конечно ... Только в чём-то я, всё-таки, был прав, как ты считаешь?

ЭЛЕОНОРА. Об этом можно было сказать иначе.

ГРЕКОВ. Согласен, но как уж получилось.

ЭЛЕОНОРА. Ты же сам советуешь разрешать конфликты в зародыше.

ГРЕКОВ. Другим советовать легче.

Появляется Сергей. Он уже в чистой одежде.

СЕРГЕЙ (*Элеоноре*). Если вы пришли, значит знаете по какому поводу... А исходя из того, что это событие семейное, маман даже своего мужа не берёт, вас с моим отцом что-то связывает...

ЭЛЕОНОРА (*с улыбкой*). Несомненно.

СЕРГЕЙ. То есть, я вас могу называть мачехой?

ЭЛЕОНОРА. Ну... если хотите, но стоит ли торопиться...

ГРЕКОВ. Я бы лучше не торопился.

СЕРГЕЙ. Вот как?.. Да, конечно, не совсем удобно накладывать два таких семейных события...

ГРЕКОВ. Кстати, о событии. Ты этого... её Игоря, хорошо знаешь?

СЕРГЕЙ. Относительно...

ГРЕКОВ. Ну и как, достоин?

СЕРГЕЙ. Спроси у Ирины...

ГРЕКОВ. А я хочу твоё мнение знать. Как брата.

СЕРГЕЙ. А мне с ним не жить... И с ней теперь тоже. Наконец-то отдохну от нравоучений.

ГРЕКОВ. Затоскуешь без неё. Жениться тебе надо.

СЕРГЕЙ (*глядя на Элеонору*). Всё на взаимную любовь надеюсь.

ГРЕКОВ. А у них-то, любовь?.. Или по расчёту? Откуда он взялся?

Появляется Ирина, следом Игорь.

ИРИНА. Мамы ещё нет?

Входит бывшая жена Грекова.

ГРЕКОВ. Легка на помине...

ИРИНА. Ну вот, теперь все в сборе... И даже есть лишние...

БЫВШАЯ ЖЕНА. Здравствуйте... (*Оглядывается Элеонору*). Где это я вас видела?... Вы подруга Ирины?

ИРИНА. Мама, ты что забыла?

БЫВШАЯ ЖЕНА. Что-то припоминаю...

ЭЛЕОНОРА. Мы уже встречались...

БЫВШАЯ ЖЕНА (*Ирине*). Но ты говорила будут только свои...

ГРЕКОВ. Элеонора не чужой мне человек, так что лишних здесь нет, все свои. Правда, я Игоря пока не могу считать своим...

ИРИНА. Это неважно. Игорь - мой будущий супруг...

ГРЕКОВ. Дочь, ты меня прости, если я тебя обидел... Может быть, в том, чего нет у тебя, больше моя вина, а не твоя...

ИРИНА. Это ты о моей цели в жизни?..

ГРЕКОВ. Я сам не разобрался... Вы росли, когда мы были больше заняты собой... (*Глядя на Бывшую Жену, продолжает*). Мы ведь старались выжить в новой формации, о которой знали только по критике, не представляя, что она несёт помимо изобилия в магазинах. Мы хотели сохранить наши ценности, которые этой формацией отвергались. И многие не выдержали прессинга власти денег, сломались, открестились от того, что было дорого... До вас ли было... В этом наша вина и это нам наказание...

ИРИНА. Давай об этом как-нибудь потом... (*Бывшей жене*). Мама, это Игорь, познакомься.

БЫВШАЯ ЖЕНА (*внимательно осматривая Игоря*). Я несколько иначе представляла твоего будущего мужа...

СЕРГЕЙ. Это естественно...

БЫВШАЯ ЖЕНА. А ты помолчи... (*Обходит Игоря кругом*). А этот юноша, твой Игорь, работает?

ИРИНА. Не беспокойся, мы сможем себя содержать...

ИГОРЬ. Может быть я уже сам за себя вступлюсь... (*Бывшей жене*). Уважаемая тёща, прежде всего скажу, чтобы никто не сомневался, что я Иру очень-очень люблю и знаю, что она меня также любит... Я уже закончил институт, тружусь в солидной фирме на приличном окладе. В настоящее время оформляю ипотеку и мы с Ирочкой сразу начнём жить в своей квартире...

СЕРГЕЙ. Вот как всё замечательно...

БЫВШАЯ ЖЕНА. Ну что же, это похвально, молодой человек. (*Ещё раз обходит Игоря*). Зятёк... Квартиру сразу оформим на Ирочку, она будет создавать уют.

ИГОРЬ. Я не возражаю.

БЫВШАЯ ЖЕНА (*Сергею*). Бери пример... (*Игорю*). А твои родители как относятся к свадьбе? Они сегодня будут? Мы же должны всё обговорить.

ИГОРЬ. Они не смогут. На свадьбу постараются.

БЫВШАЯ ЖЕНА. Они не здесь живут?

ИГОРЬ. В Ханты-Мансийске...

БЫВШАЯ ЖЕНА. А ну да... Тогда понятно...

ИГОРЬ. Да, это они мне помогли с первоначальным взносом.

СЕРГЕЙ (*бывшей жене*). А ларчик, оказывается, просто открывается...

ИГОРЬ. Но моей зарплаты вполне хватит, чтобы оплачивать кредит. И потом, у меня перспектива повышения...

БЫВШАЯ ЖЕНА. Конечно, конечно. Если что, родители помогут, мы всегда детям помогаем... Правда, у нас более скромные возможности...

ГРЕКОВ. А ты, дочь, где трудиться будешь?

ИРИНА. Я ещё не закончила институт...

ГРЕКОВ. Я помню... Но, всё-таки, если вам выплачивать ипотеку, а молодым много чего хочется. И в отпуск съездить, и обстановка в квартиру нужна будет...

ИГОРЬ. Ирина будет заниматься исключительно воспитанием детей...

БЫВШАЯ ЖЕНА. Каких детей?

ИГОРЬ. Наших.

БЫВШАЯ ЖЕНА. Ну, надеюсь, до этого скоро дело не дойдёт...

ИРИНА. Мама, я не буду беречься... И не буду делать аборты... Мы с Игорем так решили... Пусть у нас будет много детей... (*Грекову*). Ты упрекал меня в том, что у меня нет цели?.. А она у меня есть, я хочу иметь много детей...

СЕРГЕЙ. Ну ты даёшь, сестрёнка... В наше-то время...

ИРИНА. А что, мы можем выбрать другое время и в том другом жить так, как хочется?.. А в этом как придётся?

БЫВШАЯ ЖЕНА. Ты, дочь, меня удивляешь... И вы, молодой человек, зятьёк, своей непрактичностью в данном вопросе... У вас ещё всё впереди, поживите для себя... Дети - это такие заботы... и расходы...

ГРЕКОВ. А меня радуешь... Оба радуете... Если, конечно, всё получится так, как хотите... Не ожидал, что у меня будет такой основательный зять, который компенсирует мои недостатки...

БЫВШАЯ ЖЕНА. Опять ты со своим донкихотством... Ирочка, ты же видишь, в каком мире мы живём!.. Вас у меня было двое и то я столько лет ничего не видела, хорошо хоть сейчас могу себе позволить пожить...

ИРИНА. Мы так решили, мама. Мы оба хотим иметь много детей...

ЭЛЕОНОРА. Дай вам Бог...

Пауза. Все смотрят на Элеонору, словно только сейчас её увидели.

БЫВШАЯ ЖЕНА (*Грекову*). А что здесь делает эта женщина?

ГРЕКОВ. Эта женщина...

ЭЛЕОНОРА. Я сама... В конце концов надо всё прояснить. (*Смотрит на Сергея*). К тому же я надеюсь, что со временем вы примете меня в свою семью...

СЕРГЕЙ. Мачеха-ровесница... Вот потеха...

ЭЛЕОНОРА. Да нет, не мачехой, Серёженька... И с вашим отцом (*поворачивается к бывшей жене*) и с вашим бывшим мужем, мы всего лишь партнёры...

СЕРГЕЙ. Партнёры?.. Но мне помнится, что впервые я увидел вас на этом диване в неглиже...

ГРЕКОВ. Надо им всё с самого начала рассказать...

ЭЛЕОНОРА. Да, с самого начала... (*Сергею*). Я познакомилась с вашим отцом случайно, но как оказалось это знакомство многое определило в наших судьбах. Он тогда подошёл на улице и попросил сыграть девушку лёгкого поведения... Почему-то принял меня за такую...

ГРЕКОВ. Но я же извинился потом...

ЭЛЕОНОРА. Он так интересно меня просил... Так дети просят то, о чём не знают, о чём только слышали. Мне стало любопытно, для чего всё это, и я согласилась подняться к вам в квартиру. А вот постельная сцена - это импровизация Анатолия Тихоновича. Имитация отношений.

СЕРГЕЙ. Значит тогда здесь на диване вы изображали...

ЭЛЕОНОРА. Неужели вы этого не поняли?

СЕРГЕЙ. Признаться, как-то не задумывались...
Приняли за чистую монету.

ЭЛЕОНОРА. Но ведь ваш отец не способен на такой поступок.

БЫВШАЯ ЖЕНА. Милочка, кто вам это сказал?.. Если бы вы видели, каких бомжей он приводил, вы бы поверили во что угодно.

ЭЛЕОНОРА. Не думаю, что они нужны были ему исключительно для компании, он ведь психолог.

СЕРГЕЙ. Хорошо, не подумали... Проехали...
А ваше второе пришествие?

ЭЛЕОНОРА. Значит ты меня узнал?..

СЕРГЕЙ. Я всегда тебя узнаю...

ЭЛЕОНОРА. Я рада... Я тогда действительно пришла по вашему объявлению в интернете и даже ваш отец (*бывшей жене*) и ваш бывший муж меня узнал не сразу... Это уже был мой розыгрыш. И вы тогда мне его отдали. За ненадобностью... А мне он очень пригодился. Мы стали компаньонами, открыли фирму, и с того дня вместе работаем...

СЕРГЕЙ. Ты... Вы - бизнес-леди?

ЭЛЕОНОРА. А что тебя смущает? Мой возраст?...

БЫВШАЯ ЖЕНА. И что же вы, интересно, как компаньоны, делаете?

ЭЛЕОНОРА. Помогаем тем, кто не может разглядеть в мельницах своих врагов и сразиться с ними...

БЫВШАЯ ЖЕНА. Туманно...

ГРЕКОВ. Мы помогаем взглянуть на привычные проблемы под другим углом... Что же, ты считаешь, моя кандидатская делалась на пустом месте? Я ведь её писал, когда до всего доходили своим умом, а не лепили компиляцию из интернета.

ИГОРЬ. Сейчас тоже можно так делать. Если, конечно, этого хотеть... Мне интересно, есть спрос на ваши услуги?

ЭЛЕОНОРА. Достаточный, чтобы расширять фирму... *(Сергею)*. Я хочу предложить хорошую должность в ней тебе...

СЕРГЕЙ. Теперь я понимаю... *(Смотрит на Грекова)*. Этот вид, прикид отца... Я его таким элегантным только в детстве помню. *(Поворачивается к Эльвире)*. А что касается предложения, то у нас с другом уже есть своя фирма...

ГРЕКОВ. Какая?

СЕРГЕЙ. Автомастерская...

ГРЕКОВ. Так вы владельцы?

СЕРГЕЙ. Мы пока арендуем. Но менять своё сегодняшнее место на любое другое я не намерен...

ЭЛЕОНОРА. Жаль. *(Ирине)*. Тогда может быть ты согласишься, до рождения первого ребёнка... Тем более, что твоё образование соответствует нашему профилю...

ИРИНА *(глядя на Грекова)*. Так ты одобряешь мою жизненную цель?

ГРЕКОВ. Одобряю.

ИРИНА *(Элеоноре)*. Я... мы с мужем подумаем над предложением... А теперь мы приглашаем вас в кафе на нашу помолвку...

ЭЛЕОНОРА. Меня тоже?

СЕРГЕЙ. Я готов составить вам пару...

БЫВШАЯ ЖЕНА. Только ради сына...

ИРИНА. Да, мы вас тоже приглашаем...

Все вместе уходят.

ЭПИЛОГ

Так же как в прологе, две скамейки, составленные спинками друг к другу. Но на этот раз женщина сидит лицом к залу. И видно что она с волнением кого-то ждёт... Появляется Греков. Теперь он разительно отличается от того Грекова из пролога. Уверенно направляется к скамейке. Женщина поднимается навстречу...

ЖЕНЩИНА. Простите, это вы мне звонили?..

ГРЕКОВ. Да... По-видимому, вам... *(Останавливается напротив, задумчиво)*. Мне кажется, мы с вами встречались... Мне знакомо ваше лицо...

ЖЕНЩИНА. Признаться, мне тоже ваше знакомо... Но я не могу вспомнить, где мы могли встречаться...

ГРЕКОВ. А может быть и нет... Это не столь важно...

ЖЕНЩИНА. Нет, я бы запомнила, если бы мы встретились. У меня хорошая память, тем более вы такой мужчина...

ГРЕКОВ. Мы редко замечаем в нашей жизни истинное... Оно, как правило, не блестит...

ЖЕНЩИНА. Но если мы не встречались, откуда у вас мой телефон?

ГРЕКОВ. Нашёл вот номер из прошлой жизни и позвонил... Не люблю, когда что-то не завершил... *(Прохаживаясь перед ней)*. А если номер остался, значит не завершил... Хотя, если мы с вами не встречались, откуда же тогда у меня ваш номер? Мы должны были где-то пересечься.

ЖЕНЩИНА. Может быть как-то пересекались, просто мы оба забыли... Сейчас вокруг много суеты.

ГРЕКОВ. Вот ведь как... И я, похоже, забыл... Хотя есть такой закон, жизненные орбиты обязательно пересекаются не менее двух раз... Ну что же, если не помним, значит всё сначала, с чистого листа... Но вы кого-то здесь ждёте?

ЖЕНЩИНА. Мы договорились с вами здесь встретиться...

ГРЕКОВ. Ах, да... Откуда же у меня ваш телефон?... Впрочем, это неважно...

ЖЕНЩИНА. Вы просто хотели вспомнить чей это номер и всё?

ГРЕКОВ. Да, конечно...

ЖЕНЩИНА. Вспомнили?

ГРЕКОВ. Разве что это место, скамейки... Нечто туманное... Впрочем, это несущественно... Давайте зайдём в какое-нибудь кафе и поболтаем... Может что-то и вспомним...

ЖЕНЩИНА. Простите, а вы женаты?

ГРЕКОВ. Нет, уже нет... А вы замужем?

ЖЕНЩИНА. Я тоже свободна.

ГРЕКОВ. Так вы не против кафе?

ЖЕНЩИНА. С вами? С удовольствием...

ГРЕКОВ. Тогда прошу... (*Подает руку*). И не будем ворошить прошлое, начнём всё сначала... Какие наши годы...

Уходят.

ЗЕМНОЕ И НЕБЕСНОЕ*Пьеса в двух действиях***Вера Павловна - бабушка****Екатерина - дочь****Маша - внучка****Иван - дедушка****Мила Аркадьевна - подруга бабушки****Даша - дочь подруги****Алексей - муж подруги****Проверяющая****Разносчик телеграмм****ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ**

*Типичная квартира семьи среднего достатка.
Вера Павловна разговаривает по телефону.*

ВЕРА ПАВЛОВНА. Мы можем это не по телефону обсудить?.. Ты приедешь? Одна?.. Хорошо, жду. *(Кладет трубку)* Ванюша!.. Вань... *(Звонок. Снимает трубку.)* Слушаю... Милочка, привет дорогая... Да, ты знаешь, я сама на валерьянке сижу, никаких нервов не хватит весь это ужас видеть... И что твой Алексей?.. Не говори, мужикам решительности не хватает, все в своих грезах витают... Ой, не говори, не расстраивай... Когда?.. Уже на выходе?.. Ну ладно, только вы не торопитесь, а то Ваня сантехником сейчас работает... Ну, за час, конечно, справимся... Нет, вы молодцы, что надумали, давно не общались. Наш мир теперь по возрасту диван да телевизор... Да и, у молодых, сегодня, не веселее - интернет и гаджеты эти... Ждем, подруга...

Входит Иван. На нем фартук, на руках резиновые перчатки.

ИВАН. Все, прочистил. Можешь идти мыть.

БЕРА ПАВЛОВНА. Сильно было забито ?

ИВАН. Я бы не сказал. Как обычно. А все эти ерши и прочая гадость - деньги на ветер...

БЕРА ПАВЛОВНА. И мастерам, которые делали. руки поотбивать надо... Так, ты давай, приведи себя в порядок, Мила с Алексеем в гости идут.

ИВАН. Нежданные гости получается...

БЕРА ПАВЛОВНА. Мила так переживает все эти события, тоже войны боится...

ИВАН. Вам с Милой делать нечего.

БЕРА ПАВЛОВНА. Ну да, конечно... Не дразни меня... Неужели тебя не трогает, когда людей убивают?.. Когда стариков, детей, женщин... Ладно солдаты друг друга, у них служба, долг или другие причины, а мирных жителей зачем бомбить?..

ИВАН. Вопрос риторический. Война не разбирает кто где... Все идет своим чередом (*Стаскивает перчатки*). Время мира сменяет время войны и наоборот...

БЕРА ПАВЛОВНА. Ты хочешь меня завезти?

ИВАН. Ты и так заведенная без меня своим телевизором... Женщины - идеальный материал для зомбирования... Я там горячую воду открыл, пусть промочет...

БЕРА ПАВЛОВНА. Вань, ты похоже забыл, что жена у тебя украинка... И не только по советскому паспорту... А на моей родине соседи друг друга убивают... С нами рядом... Уже о третьей мировой говорят... Как ты можешь оставаться спокойным... Ладно мы, пожилы, есть что вспомнить, а Катя с Машкой еще и не жили...

ИВАН. Хочешь, чтобы я добровольцем пошел?

БЕРА ПАВЛОВНА. А был бы моложе не пошел бы?..

ИВАН. *(После паузы)* Вам с Милой надо полками командовать...

БЕРА ПАВЛОВНА. А мы и так, где только не командуем... Ты вот сходи-ка, лучше, в магазин, чего-нибудь к столу купи...

ИВАН. Они же не пьют.

БЕРА ПАВЛОВНА. К чаю... Да и заварки нет... А Милку не дразни, она сильно переживает. У нее там родительский дом остался. А может уже и разбомбили, говорит, телефон соседей не отвечает...

ИВАН. Учту...

БЕРА ПАВЛОВНА. Катя звонила, у них там опять с Машей...

ИВАН. Конфликт?

БЕРА ПАВЛОВНА. Я так и не поняла...

ИВАН. Переходный возраст... Поссорятся, помируются.

БЕРА ПАВЛОВНА. Твоему спокойствию позавидовать можно.

ИВАН. Так что, Катька придет поделиться проблемами?

БЕРА ПАВЛОВНА. Обещала... Ой, Милка же придет. *(Идет к телефону, набирает номер)* Катюша, а когда ты к нам собираешься?.. Да к нам гости уже идут. Мила с Алексеем... Ну, конечно, при них, естественно, ничего обсуждать не будем... Так если ты уже рядом, сейчас и забеги... А отчего у меня настроение испортится?.. Ну вот что, теперь я точно не в своей тарелке буду... Лучше бы не говорила... Ладно, не успокаивай, а давай приходи быстрее. *(Кладет трубку)* Что-то там у них серьезное стряслось...

ИВАН. Так я пошел?.. Чего еще купить?

БЕРА ПАВЛОВНА. Посмотри сам... Не вовремя эти гости... Что-нибудь к чаю...

ИВАН. Понятно, традиционно колбаса и сыр...

БЕРА ПАВЛОВНА. И торт не забудь... Конечно, можешь еще черной икры купить, если пенсии хватит...

ИВАН. Мстишь за зомбоящик?

БЕРА ПАВЛОВНА. Мечтаю, Ваня, вслух мечтаю... Может еще и доживем, когда пенсии и на икру хватать будет...

ИВАН. Ладно, я пошел... (*Уходит*)

БЕРА ПАВЛОВНА. Давай, не задерживайся...

Уходит на кухню. Слышен ее голос «Вот мужики, там война, здесь грязь, не могут аккуратно, сколько не приучай». Потом шлепанье мокрой тряпки, звук передвигаемого ведра.

Входит Екатерина.

ЕКАТЕРИНА. Мам, ты где?

Голос Веры Павловны. «Сейчас, иду». Звук выливаемой воды. Появляется Вера Павловна.

БЕРА ПАВЛОВНА. Ну, что там у вас стряслось? Я места себе не нахожу.

ЕКАТЕРИНА. Да ничего страшного... Зря я тебе позвонила...

БЕРА ПАВЛОВНА. Ты давай, не темни, выкладывай. Я по глазам вижу, что-то стряслось. С Машкой разругались?

ЕКАТЕРИНА. (*После паузы*) В общем, да.

БЕРА ПАВЛОВНА. Так не в первый раз... Поди опять чего-нибудь захотела выпендрежного... У них теперь желаний больше наших возможностей... Сколько ты ей уже телефонов поменяла?... Теперь этот планшетник... Они так за этими игрушками и зачахнут. Мы в их возрасте с улицы не уходили, спортом

занимались, в пионерских лагерях закалялись. Да и ты на улице росла, домой, бывало не загонишь, а они все уже скрюченные как старички ходят, одна мышца только и работает, задница...

ЕКАТЕРИНА. Mam, у каждого времени свои игрушки.

БЕРА ИВАНОВНА. Не спорю. Только наши игрушки нам на пользу шли, а не здоровье губили.

ЕКАТЕРИНА. Ладно, что мы опять эту тему поднимаем... Она же не может изолироваться от своих сверстников. Ты же не могла меня с улицы домой загнать, а я вот сегодня не могу ее от компьютера отогнать...

БЕРА ПАВЛОВНА. Что значит не могу? Запрети.

ЕКАТЕРИНА. Ну да, запретами добьешься...

БЕРА ПАВЛОВНА. Но ты же меня слушалась.

ЕКАТЕРИНА. Делала вид.

БЕРА ПАВЛОВНА. Что значит делала вид? Обманывала?

ЕКАТЕРИНА. Нет, просто не до конца все рассказывала.

БЕРА ПАВЛОВНА. (*После паузы*) Вот как оказывается...

ЕКАТЕРИНА. Ты что, обиделась?

БЕРА ПАВЛОВНА. А я тебе во всем верила.

ЕКАТЕРИНА. (*Обнимая Веру Павловну*) Mamочка, я тебя если и не слушалась, то только по мелочам... А вот Машка...

Входит Иван.

ИВАН. Привет, дочь.

ЕКАТЕРИНА. Привет, пап.

ИВАН. Как дела?

ЕКАТЕРИНА. Идут потихоньку.

ИВАН. Ну и хорошо. Не болеете?

ЕКАТЕРИНА. Нет, все нормально.

ИВАН. (*Вере Павловне*) Я вот тут принес... Ни в чем себе не отказал... А насчет икры, несвежая она, расхотелось...

ВЕРА ПАВЛОВНА. Ну и хорошо... Ты пока там на кухне разгрузись, мы тут с Катей ...

ИВАН. Поекретничаєте-посплетничаєте...

ЕКАТЕРИНА. Обменяемся мнениями.

ИВАН. Ну да, женский век, женский мир, женские тайны... (*Уходит*)

ЕКАТЕРИНА. Чего это он вдруг? Поругались?..

ВЕРА ПАВЛОВНА. С чего ты взяла... Просто с утра трубы чистить заставила, вода уже в раковине стояла, вот у него настроение и испортилось. Ты же знаешь, твой папка домашнюю работу не любит. Как, между прочим, и твой бывший... Как не приду к вам бывало, везде его вещи разбросаны, только что не исподнее...

ЕКАТЕРИНА. (*Перебивает*) Ладно, чего вспоминать, столько лет прошло. Я и то уже забыла, что было...

ВЕРА ПАВЛОВНА. Ну да, прошло... Уже Машка невестой скоро станет, а ты все одна кукуешь... Ну, чем тебе этот твой последний не угодил? Спокойный, домовитый... Профессия есть. Хотя и не денежная, но есть... Годы-то летят.

ЕКАТЕРИНА. Мам, давай не будем обсуждать мою личную жизнь.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Будешь перебирать, вот так и докукуешь одна...

ЕКАТЕРИНА. Ну, во-первых не одна, мы с Машкой. А во вторых, я хотела о твоей внучке поговорить, а не обо мне.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Так доченька, у меня душа и о тебе болит... Мы вот с папкой вместе уже скоро четыре десятка лет и живем душа в душу.

ЕКАТЕРИНА. Ну да, будто я не помню ваших скандалов...

БЕРА ПАВЛОВНА. Ну и что... И скандалы были, и ревновали друг друга, но и друг без друга не можем. А ты вот выскочила, не подумав...

ЕКАТЕРИНА. *(С раздражением)* А мне трех лет семейной жизни хватило на все остальные годы... И не надо меня жалеть. Ладно, пойду я...

БЕРА ПАВЛОВНА. Ты же про Машку хотела рассказать?... В школе что стряслось?

ЕКАТЕРИНА. Потом. Пойду.

БЕРА ПАВЛОВНА. Обиделась? Зря. Мать тебе добра хочет, годы ведь летят...

ЕКАТЕРИНА. *(С иронией)* Ну да большого женского счастья...

БЕРА ПАВЛОВНА. Настоящего.

ЕКАТЕРИНА. Для настоящего настоящих мужиков не осталось.

Входит Иван.

ИВАН. Опять о своем женском?..

БЕРА ПАВЛОВНА. Ваня, ты бы пошел куда-нибудь...

ИВАН. Поздно. Вон уже гости припарковались...

БЕРА ПАВЛОВНА. Какие гости?.. Ах, Милка... Уже приехали?..

ИВАН. Не знаю, как вы договаривались, но дружественные полки приближаются...

ЕКАТЕРИНА. Все мам, я побежала, не хочу с ними в коридоре разминаться, лучше на лестнице...

БЕРА ПАВЛОВНА. Зайдешь может позже? Или созвонимся... Ты же так и сказала, что там с Машкой...

ИВАН. *(С тревогой)* А что с Машей?

ЕКАТЕРИНА. Жива-здорова... Все нормально, пап. Я потом... Пока. (*Уходит*)

ИВАН. Так что с Машей стряслось?

БЕРА ПАВЛОВНА. Да не сказала она.... Вот некстати... Ладно, ты их тут встретить, а я хоть в порядок себя приведу... (*Уходит*)

Звонок в дверь. Иван идет открывать и возвращается с гостями. Мила Аркадьевна идет перед ним, Алексей следом.

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Ваня. ты молодцом... Подруга, ты где?

АЛЕКСЕЙ. (*Ивану*) Привет гипократ.

ИВАН. Здорово майор. Опять за рулем?

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Где моя подруга прячется?

ИВАН. Марафет наводит.

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Ну я тогда к ней.

ИВАН. Понятное дело... (*Алексею*) Вот не был бы ты за рулем, мы бы с тобой для тонуса коньячку приняли...

АЛЕКСЕЙ. Прими один, я не завистлив...

ИВАН. Один не могу.

АЛЕКСЕЙ. Алкоголиком боишься стать? Пока не поделись, пристрастился наверное, есть у эскулапов такая привычка... Когда я на севере служил, у нас лейтенантик медицинский был, так он до капитана так и не дослужился. А почему? Потому что спирта немерено было.

ИВАН. А что ж случилось? Белочку подхватил?

АЛЕКСЕЙ. Нет, совсем сгорел. Синем пламенем, натурально.

ИВАН. Ну, это не типично.

АЛЕКСЕЙ. На севере типично. К тому же спирт даровой был... Ты на меня не гляди, наливай себе.

ИВАН. Одному нельзя.

АЛЕКСЕЙ. А если очень хочется?.. Я , когда хочется, водочки опрокину и к Милочке под бочок... И хорошо...

ИВАН. Первая стадия, значит.

АЛЕКСЕЙ. Чего первая стадия?

ИВАН. Да алкоголизма. чего же еще.

АЛЕКСЕЙ. Точно, что ли?.. А вторая бывает?

ИВАН. Когда с зеркалом чокаешься.

АЛЕКСЕЙ. А если оно как раз напротив стола висит... А третья есть?

ИВАН. Есть и третья. А что, уже?

АЛЕКСЕЙ. Чего уже... Да ну тебя, гипократ, я из чистого любопытства... Так, что там на третьей?

ИВАН. Когда под одеялом.... А дальше уже анестезия и полное счастье...

АЛЕКСЕЙ. Эскулап, ты это со всей ответственностью говоришь или подначиваешь?

ИВАН. Майор, у меня же профессия...

АЛЕКСЕЙ. Ну да, действительно... Ладно, до третьей нам далеко... А ты как то и не стареешь... Год-то мы точно не виделись, а огурец-молодец...

ИВАН. Майор, я ведь не женщина, на комплименты не реагирую...

АЛЕКСЕЙ. Ах да, честь имею... Ничего не поделаешь, издержки моего нынешнего служебного окружения...

ИВАН. И где же служба такая, что комплименты раздавать надо...

АЛЕКСЕЙ. Да я все там же, в интендантском обозе. Только теперь вместо срочников у нас одни контрактники... Бабы боевые, но все же женщины, не погладишь, не обласкаешь, навалятся и съедят не поперхнутся. Вот и приходится нейтрализовывать дезинформацией... А ты уже на заслуженном отдыхе, возраст позволяет?

ИВАН. Возраст позволяет, да вот пенсия не позволяет...

АЛЕКСЕЙ. И что, все еще среди своих психов?

ИВАН. Ну, психи - это не твои женщины. Это личности, в каждом тайна, загадка...

АЛЕКСЕЙ. Так и в любой женщине тараканов хватает.

ИВАН. Значит, мы с тобой в похожих условиях мимикрируем... А насчет женщин... Конечно, у них есть одно неоспоримое преимущество перед нами, а во всем остальном никакой изюминки. Я, конечно, не имею в виду физический облик, тут они все разные, красивые и безобразные... И в какой-то мере тоже с отклонениями...

АЛЕКСЕЙ. Похоже, доктор, мы с тобой все больше сближаемся... Я тебе когда об этом говорил?.. У них во все века одно преимущество перед нами, одно, нам с тобой хорошо известное, против которого никакой мужик не устоит.

ИВАН. Я не это имею в виду... Я сегодня с утра сантехником поработал, возле унитаза поползал, мысль и пришла...

АЛЕКСЕЙ. Причинно-следственная связь неясна.

ИВАН. Никакой связи. Из меня получился бы хороший садовник. Но вот сантехник или столяр, точно, никакой...

АЛЕКСЕЙ. Так что это за преимущество? Заинтриговал ты меня, доктор...

Входит Мила Аркадьевна, за ней уже приодетая Вера Павловна.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Ваня, ты чайник поставил?..

ИВАН. Сейчас поставлю.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Я так и знала... Ладно, Алексей пусть телевизор сморит, а ты мне поможешь...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Вера, да мы без мужиков обойдемся... Пусть поговорят...

Уходят.

ИВАН. *(Подходит к телевизору)* Включить?

АЛЕКСЕЙ. Давай лучше интернет глянем, как там воюют...

ИВАН. Тоже подсел... *(Приносит ноут бок, отдает Алексею.)* Мне реальной психушки хватает.

АЛЕКСЕЙ. Да не подсел, просто дом ведь там, не успели продать... *(Включает ноутбук)* Украинские каналы смотрим - одна картинка, наше телевидение - другая.

ИВАН. Зазеркалье.

АЛЕКСЕЙ. Дезинформация в современных условиях - оружие массового поражения... Но я тебе, как кадровый офицер, скажу, наши там воюют грамотно... Все эти натовские и прочие наемники - продукт исключительно пиар-технологий. На что хочешь поспорю, что против нас им, со всей их техникой, не выстоять. А все нейдет... Лакомый кусок наша территория. То татаро-монголы позарились. Долго сосали, а все одно прогнали. Потом литовцы с поляками отщипывали. Всякую прочую шушеру и вспоминать не стоит. Потом Бонопарт Европу против настроил, да и довез на своих плечах наших предков до Парижа. Гитлер, тот вообще возомнил из себя нового Чингизхана, да кишка тонка ... А ты думаешь, немцы не обижаются на нас? Хоть нацистов и прокляли, а на самом деле от реванша не отказались. Они сейчас и без войны всю Европу поработили, всех на себя работать заставили... Ну там французикам еще кое-что перепало, англичане на своем островке из себя колониалистов строят... А остальные все под немцем с американцами...

ИВАН. Интересно мыслишь... Неожиданно.

АЛЕКСЕЙ. Я правильно мыслю, по-военному.

Мила Аркадьевна приносит стопку тарелок, чашки.

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Мужчины, расставляйте...

БЕРА ПАВЛОВНА (*Появляясь*) Вань, а ты где сыр покупал?

ИВАН. Как всегда в магазине...

БЕРА ПАВЛОВНА. С витрины подали?

ИВАН. Из холодильника, а что?

БЕРА ПАВЛОВНА. Несвежий он...

ИВАН. А сказали свежий.

БЕРА ПАВЛОВНА. Да что же ты всем веришь...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. (*Появляясь с тарелкой нарезанной колбасы*). Да все нормально, Верочка, не отравимся. Наши желудки уже к просроченному привыкли...

БЕРА ПАВЛОВНА. Ну да, к капитализму привыкли, к взяткам, к обману. Теперь вот к войне привыкаем...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Ой, не говори... Я там чай заварила. (*Алексею*) Ну что ты там нашел?

АЛЕКСЕЙ. Интересующего нас пока не нашел.

БЕРА ПАВЛОВНА (*Расставляя чашки и тарелки*) Так ты ничего и не знаешь?

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Да я уже родню всю растеряла... Телефоны не отвечают...

БЕРА ПАВЛОВНА. Они же у тебя западенцы. А там все тихо.

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Да мои западенцы давно от меня открестились. С москалями, сказали, родства не ведают. А у меня еще в Донецке племянница с сыновьями...

БЕРА ПАВЛОВНА. Господи, отчего люди без вражды и войн не могут...

АЛЕКСЕЙ. Война - необходимый элемент бытия. В основе человеческой натуры лежит зависть к чужому добру и желание им завладеть...

ИВАН. Не у всех...

АЛЕКСЕЙ. У всех без исключения. Только некоторые это скрывают.

ИВАН. Это ты по кому судишь?

АЛЕКСЕЙ. Это я по истории сужу. И по этой самой истории Киев всегда был яблоком раздора. Во все века за него воевали, киевляне только и успевали ворота открывать то одному князю, то другому, то одной власти, то другой... А потом, когда прежде князя Владимира, а потом Москву столицей сделали, Киев им не особо нужен стал, вот под Литву и отошел... Ну, а потом поляки забрали... Так что мать городов русских у нас гулящая оказалась...

БЕРА ПАВЛОВНА. Кто и когда там его завоевывал, неважно. А изначально это наш русский город... Я на Днепре выросла...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Подруга, да он тебя дразнит... Мы с ним сами в Киеве встретились, на Крещатике первый раз поцеловались...

АЛЕКСЕЙ. На Крещатике?... На какой-то темной улочке...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Я лучше помню... У тебя тогда голова одним была занята.

АЛЕКСЕЙ. Ну да, у меня только...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. А то нет... Девушки в отношениях всегда трезвее парней... *(Вздыхает)*. А теперь по улицам юности и не пройдешь...

БЕРА ПАВЛОВНА. А я верю, пройдем еще с тобой подруга... Рано или поздно наш народ разберется в какой евросоюз его заманили...

АЛЕКСЕЙ. И Европа скоро разберется чего хохол хочет... У меня прапорщик служил, ну настоящий хохол... И нашим, и вашим... Как сыр в масле катался, пока его склад не проверили... Пошел по этапу...

БЕРА ПАВЛОВНА. Ну, не все хохлы такие...

АЛЕКСЕЙ. А я и не говорю, что все. Только нынче такие наверху и оказались.

БЕРА ПАВЛОВНА. Я вот никак понять не могу, почему киевляне позволили с собой это сделать.

АЛЕКСЕЙ. А что они позволили?..

БЕРА ПАВЛОВНА. Как что, ярмо надеть на себя позволили. Поднялись бы, да своих олигархов и правых выперли бы на тот же запад, пусть бы там с ними нянчились в той же Польше или Литве...

АЛЕКСЕЙ. Между прочим, у правого сектора в Германии немало сторонников нашлось бы... Там идея национал-социализма своей привлекательности не утратила.

ИВАН. Один мой пациент каждый день пророчества рождает, модное поветрие, и на стенки развешивает, санитары срывать не успевают.

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Ну и что же он пророчит?

ИВАН. Красный закат, большую луну, черную дыру...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. А если серьезно?

ИВАН. Я и отвечаю серьезно, он рисует. И весьма оригинально.

АЛЕКСЕЙ. Красный закат и большую луну могу представить, а вот черную дыру... Черный квадрат видел, удачная шутка...

ИВАН. А дыра еще лучше, проткнул пальцем лист бумаги и на черную стену... В туалете стены черной краской покрасили, другой не было...

АЛЕКСЕЙ. Ладно, дурики они и есть дурики... То в политике, то среди окружающих, больше среди начальства... Но я верю, что наконец-то мы вышли на верную дорогу. Больше двадцати лет сусанины всех мастей нас кругами водили... Еще бы немного и совсем закружили.

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Ладно тебе, мы тоже верим...

БЕРА ПАВЛОВНА. Ой, что-то я не уверена, что наши правители на что-то стоящее способны. Они же и водят все эти годы, одни и те же...

АЛЕКСЕЙ. Верно мыслишь, Павловна, они и сами не знают куда идти. Потому что идеологию выбросили из Конституции... А идеология - это стержень, это путеводная звезда, Полярная. Если она за облаками, с курса сбиться ничего не стоит... Вот нам первым делом идеологию-то и кастрировали... И все, баста. А теперь все хотят, но уже не могут...

ИВАН. А прежде могли, но не хотели...

АЛЕКСЕЙ. Могли и делали не пальцем... Я уже в тридцать лет майором был, меня в полиотдел армии забирали... Молодой, перспективный, генерал в будущем... Если бы Союз не развалили, был бы уже не с одной генеральской звездой...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Ладно, чего это ты... Сам повторяешь, что история сослагательного наклонения не знает. И жизнь также... И ты забыл, что бравого будущего генерала, но с одной майорской звездой, тогда жена кормила, потому что у женщин, без всяких академий, стратегическое мышление лучше...

АЛЕКСЕЙ. А ты забыла кто тебя тогда в торговлю пристроил?

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Ну да, посодействовал своими связями... Но до остального сама доходила, своим умом... И зря тебя послушала, надо было магазин на себя оформить... И не пострадала бы твоя офицерская честь...

БЕРА ПАВЛОВНА. Вы все еще вспоминаете... Столько лет прошло...

АЛЕКСЕЙ. Точно, Павловна, пора забыть. Вон сейчас какая у меня жена свеженькая да энергичная сохранилась, а все почему? Потому что дома отдыха-

ет... Потому что ее муж, не в пример многим, может ее содержать.

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Ох уж раздулся даже от гордости... Да если бы не мои запасы...

АЛЕКСЕЙ. А мой вклад ты не считаешь?

ИВАН. Ты не спорь, все равно женщину не переспоришь... Она в земном лучше нас разбирается.

БЕРА ПАВЛОВНА. А вы значит, больше в небесном... Хотя, если разобраться, так и есть. Что в молодости, что к старости, все в облаках витаете...

Звонит мобильник.

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Кажется мой... (*Достает из сумочки телефон*) Да, дочь... Нет, мы не дома, мы сейчас у тети Веры... Не знаю, только зашли... Ну, подходи, хорошо (*Убирает телефон.*) Даша ключ за была дома, сейчас зайдет.

ИВАН. Так мы будет по земному чай пить или по небесному воздухом питаться?

БЕРА ПАВЛОВНА. Так неси чайник...

Иван уходит и возвращается с чайником. Все усаживаются за стол, Вера Павловна начинает разливать.

ИВАН. А может женщины по рюмочке?..

БЕРА ПАВЛОВНА. Мил, ты хочешь?

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Сахар у меня подскочил, не буду.

БЕРА ПАВЛОВНА. Сильно подскочил?

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Выше нормы. Сказали следить надо, а спиртное совсем исключить. Вы с Ваней выпейте, на нас не смотрите.

БЕРА ПАВЛОВНА. У меня настроения нет... Вань, если хочешь, налей себе...

ИВАН. Ты же знаешь, один не пью...

БЕРА ПАВЛОВНА. Тогда режь торт...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. А вот кусочек тортика я съем, хотя тоже нельзя... Ну да возьму грех на душу...

БЕРА ПАВЛОВНА. Ну уж бог это грехом не посчитает, так маленькая слабость...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Так за наши смаленькие лабости мы всю жизнь по большому и рассчитываемся.

БЕРА ПАВЛОВНА. И то верно, подруга... И пожалеть нас, любимых, теперь некому, не то что в молодости...

АЛЕКСЕЙ. Ну уж так и некому...

ИВАН. Один мой псих, как услышит эту фразу, «любить себя любимую», начинает в истерике биться и орет благим матом, что это не больше не меньше формула богоотступничества.

БЕРА ПАВЛОВНА. Ты это к чему?

ИВАН. Вспомнил вот, к слову.

АЛЕКСЕЙ. Психи они не дураки... Я тоже считаю, что себя самого может любить только гермофродит...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Ну, мужчины, если на вас уже так чай действует, что дальше с вами будет...

АЛЕКСЕЙ. Как что? Будем при вас и дальше...

БЕРА ПАВЛОВНА. Вот что значит офицерская косточка. Всегда в любом возрасте поддержит даму. Учись, мужинек...

ИВАН. А у нас, у медиков косточка анатомическая. Мы как-то все насквозь стремимся увидеть...

БЕРА ПАВЛОВНА. Мог бы не говорить, я это с самого первого дня в тебе разглядела, хотя, как знаешь, от медицины далека.

Звонок в дверь.

МИЛА АРКАДЬЕВНА. (Поднимаясь.) Даша пришла.

БЕРА ПАВЛОВНА. Я открою. (*Выходит и возвращается с Проверяющей.*) Да что ж от вас даже в выходные покоя нет?

ПРОВЕРЯЮЩАЯ. А вы меньше бы химичили...

БЕРА ПАВЛОВНА. А мы никогда не химичим... Идите сюда... (*Остальным*). Это у нас счетчик теперь регулярно проверяют...

АЛЕКСЕЙ. Добровольцы-волонтеры практикуются...

ПРОВЕРЯЮЩАЯ. Вот еще, на работе я...

БЕРА ПАВЛОВНА. В прошлый раз девочка молоденькая приходила...

ПРОВЕРЯЮЩАЯ. Другие не знаю, чего приходили, а я работаю. Где счетчик-то?

БЕРА ПАВЛОВНА. Идите сюда.

Уходят.

ИВАН. Не верит наше государство людям...

АЛЕКСЕЙ. Какое это государство? Камарилья воровская... Растащили общее достояние по норкам и жируют...

Возвращаются Вера Павловна и Проверяющая.

ПРОВЕРЯЮЩАЯ. Чо у вас там так темно, данные не разглядишь?..

ИВАН. А мы электроэнергию экономим...

ПРОВЕРЯЮЩАЯ. Экономите... Кто из вас хозяин?

ИВАН. А что есть проблемы?

ПРОВЕРЯЮЩАЯ. Проблемы будут, если химичите. Распишись здесь. (*Протягивает бумагу*).

ИВАН. В чем подписуюсь?

АЛЕКСЕЙ. Что тебя на счетчик поставили.

ПРОВЕРЯЮЩАЯ. Хохмить не надо... Если не вы, то другие химичат, сплошная утечка...

ИВАН. Я верю... (*Выходит и возвращается*)
Округлили, однако... В большую сторону...

ПРОВЕРЯЮЩАЯ. А, все равно нагорит.

АЛЕКСЕЙ. Но будут необъективные данные, поэтому, между прочим, вас и заставляют проверять.

ПРОВЕРЯЮЩАЯ. Ладно, мужчина, я вижу, что вы грамотные, а я в институтах не училась. Как написала так и написала. Подписывайтесь, а то свет обрублю..

ИВАН. Вот так сразу?

ПРОВЕРЯЮЩАЯ. А сейчас вот позвоню диспетчеру, что вы тут жучка поставили, мигом бригада приедет...

АЛЕКСЕЙ. Так не подтвердится же, с работы выгонят.

ПРОВЕРЯЮЩАЯ. С работы, меня? Да вы что, смееетесь? Кто ж на такую собачью работу пойдет еще...

ИВАН. (*Подписывая*) Ладно, ступай себе дальше... Откуда вы такие беретесь?

ПРОВЕРЯЮЩАЯ. Известное дело, все мы из одного места... Вовремя платите и чтобы не вздумали хитрить...

БЕРА ПАВЛОВНА. Идите уже...

Проверяющая уходит.

АЛЕКСЕЙ. Мы теперь все на счетчиках. Два десятилетия страну растаскивали во имя свободы и демократии, а получилось, что этой самой свободы и лишились. И теперь все еще и должны остались тем, кто захапал наше общенародное достояние.

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Не усугубляй Леша... Не только из-за свободы и демократии. Забыл, что в магазинах тогда было?.. Шаром покати... Вер, все забываю спросить, а что ты в свое время управление не приватизировала? Глядишь, сейчас бы миллионером была, вон как твои строители развернулись.

БЕРА ПАВЛОВНА. Нет, дорогая подруга, не развернулась бы. Я бы прогорела в два счета. Я ведь по современному халтурно строить не умею. Только честно, прочно, минимум на полвека. А сегодня, ты посмотри, стены ровной не увидишь. Потом красивой плиткой заложат и продают задорого. Мы вот живем в старом доме, так я по ночам сплю спокойно. А этот новострой уже сыпаться начал, еще десяток лет и капитальный ремонт придется делать, а то и сносить...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Вот видишь, и ты в капитализм не вписалась. *(Звонок в дверь.)* Это Даша пришла.

БЕРА ПАВЛОВНА. Я открою. Хоть погляжу, какой она стала, давно не видела крестницу... *(Возвращается, подталкивая впереди Дашу)* Ты посмотри, Вань, какая гарная дивчина объявилась... Ты только посмотри... Полгода не видела, а встретить на улице, не узнала бы, мимо прошла... Такая вся видная, кругленькая стала...

ДАША. Да ладно, тетя Вер, какая была, такая и осталась.

БЕРА ПАВЛОВНА. Ну, не скажи, со стороны виднее... Ох, повезет парубку, которого ты выберешь.

АЛЕКСЕЙ. Заметь, Иван, не он ее, а она его берет...

ИВАН. А что ты хочешь, матриархат на дворе... Земное побеждает...

БЕРА ПАВЛОВНА. Да какой нынче мужик пошел, чтобы под него ложиться... Теперь только самой и выбирать и под себя лепить из того, что есть... Садись, Дашенька, чаю с тортиком...

ДАША. Спасибо, тетя Вер, мы только что в кафе были.... Мам, ключи дай...

БЕРА ПАВЛОВНА. Посиди с нами, Расскажи, как у тебя дела...

ДАША. Меня ждут, тетя Вер. Мама расскажет, она все про меня знает.

БЕРА ПАВЛОВНА. А кто же тебя ждет?

МИЛА АРКАДЬЕВНА. *(Отдавая ключи.)* Я потом расскажу... Даш, так вы сейчас к нам идете?

ДАША. Наверное...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Ты не убегай, ключей то у нас нет...

ДАША. А вы когда придете?

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Да вот еще немного поговорим, чайку попьем...

БЕРА ПАВЛОВНА. Мы еще посидим Даша, посплетничаем.

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Если что, созвонимся.

Мила Аркадьевна провожает Дашу и возвращается.

БЕРА ПАВЛОВНА. *(Ивану)* Подлей мне кипяточка... Мил, так кто это нашу Дашу ожидает? Давай, подруга, рассказывай все без утайки, а то крестная совсем ничего не знает...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Да появился у нее тут один спортсмен.

ИВАН. Спортсмен. Настоящий? Большая редкость...

АЛЕКСЕЙ. Правда, Иван, так и есть, сам удостоверился. Самбист, тренирует пацанов. Не пьет, не курит... Только на ковре с ним и общаемся.

ИВАН. Ты что же борьбой занялся?

АЛЕКСЕЙ. А что... Я в армии приемы учил, даже кое-что ему показал....

ИВАН. Ну и как, успешно?

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Успешно. Неделю потом кряхтел и охал, а я его пчелиным ядом растирала...

АЛЕКСЕЙ. Это меня продуло, сквозняки на работе.

МИЛА АРКАДЬЕВНА, Конечно, сквозняки... Ты лучше скажи, он тебе понравился?

АЛЕКСЕЙ. Серега-то?.. Ничего, мужик настоящий...

ВЕРА ПАВЛОВНА. Так, давайте тогда все по порядку, а то я ничего не пойму.

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Познакомилась они уже как раз полгода, что ты ее не видела, и дружат.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Дружат, как мы в молодости, под ручку и по бережку реки...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Подруга милая, ты отстала от жизни. Дружат сегодня с самого первого дня в постели.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Так они что уже спят вместе?.. И ты в об этом так спокойно говоришь?.. Или помолвка была?

МИЛА АРКАДЬЕВНА, Какие сейчас помолвки... Хорошо хоть не таятся, сразу сказала, после первой ночи... Ну и предохраняются.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Так... Вот это новость. Когда свадьбу наметили?

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Они еще не решили.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Что не решили?

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Будет свадьба или нет.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Что значит будет или нет? Спят уже вместе полгода, муж и жена значит... А иначе блуд получается...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Вера, ты себя вспомни...

ВЕРА ПАВЛОВНА. Да, мы с Ваней тоже до свадьбы уже жили, но только после того как подали заявление в ЗАГС, когда уже знали, что любим друг друга и будем вместе.

МИЛА АРКАДЬЕВНА. А мы с Лешей до самой брачной ночи не грешили, я своего лейтенантика честно ждала.

АЛЕКСЕЙ. Точно так. И лейтенантик был тебе верен.

ИВАН. Нам пора уже переселяться в иные миры...

БЕРА ПАВЛОВНА. погоди, Ваня, со своей философией. Тут жизнь, будущее крестницы... Хватит уже нам матерей-одиночек... Вот что, Мила, я хочу посмотреть на этого борца...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Ну, не заводись, подруга. Даша пока не хочет тебя с ним знакомить, она не уверена.

БЕРА ПАВЛОВНА. В чем не уверена?

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Что любит его.

БЕРА ПАВЛОВНА. Как можно спать с человеком, которого не любишь?.. Он же неприятен... Я не могу представить...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. У них теперь другие ценности. То что у нас было хорошо, теперь плохо... Теперь девки за мальчиков дерутся, а не наоборот... А Сережа тебе понравится, он и по виду мужик, и по характеру...

БЕРА ПАВЛОВНА. Какие другие ценности?.. Чистота девичья во все века ценилась. Вот если судить по моей Екатерине, то ничего не изменилось. Она без любви жить не хочет. Другое дело, что сразу разглядеть не смогла, каким мерзавцем Машкин отец оказался...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Ну, это у тебя Екатерина такая чистая и честная. Она, все таки, постарше Даши, еще при социализме росла. А Даша уже при капитализме, в другой стране и, естественно, в другой среде. Но до Сережи была девочкой, хотя парней за ней ухлестывало немало, сама знаешь...

БЕРА ПАВЛОВНА. Так значит, любит она его.

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Сначала говорила, что любит, а теперь уже не знает... Вера, да что ты в самом деле, девки во все века обманываются, принца им по-

давай. Это нам с тобой повезло, как влюбились один раз, так на всю жизнь.

АЛЕКСЕЙ. Это потому, что мы мужики особые, да Иван?

ИВАН. Н-да, несомненно...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Это потому что мы с Верой такие верные жены.

ИВАН. Время тааакое - черное белым стало. А подмена истинного ложным - грех сравнимый со смертоубийством.

АЛЕКСЕЙ. Ваня, все гораздо проще. Демократия - это узаконенное распутство во всем, а капитализм - экономическая платформа для морального разложения человека.

ИВАН. Может и так.

АЛЕКСЕЙ. Именно так.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Мужчины, не уходите от главного. (*Миле Аркадьевне*) Вот видишь, стоит их оставить без контроля, они уже витают... Леша, ты вот, скажи лучше, тебе твой будущий зять нравится?

АЛЕКСЕЙ. Мне с ним не спать... А так вроде настоящий мужик... Спортсмен, одним словом...

ИВАН. Ну, бицепсы у него есть, понятно, а голова?

АЛЕКСЕЙ. Не дурак, это точно... Он отслужил, институт закончил.

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Да понравился он ему, понравился... Они уже там что-то наметили организовать для отставников...

ИВАН. Офицерский клуб по интересам?

АЛЕКСЕЙ. Ну вроде того... В физической форме поддерживать себя надо... А то опять кто-нибудь полезет к нам, кому страну защищать? Сколько от армии отмазались за последние годы? Мужиков то почти не осталось.

ИВАН. Не скажи, вон сколько охранников в стране, целая армия.

АЛЕКСЕЙ. Какая это армия?.. Тесто закисшее... Они же еле свою форму охранников на себе носят...

ИВАН. Армия теперь контрактная.

АЛЕКСЕЙ. Ваня, за деньги родину не защищают... Нет, нас еще рано списывать. Мы еще с тобой, доктор, в случае чего тылы держать будем...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Да типун тебе на язык.. Ты может и в тылах будешь, а вот наш зять точно на передовой...

АЛЕКСЕЙ. Это да... В случае чего призовут.

БЕРА ПАВЛОВНА. Ну, нашли тему... Вы лучше о свадьбе думайте, а там глядишь о внуках придется...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Ой, не кажи гоп...

БЕРА ПАВЛОВНА. Что, бабушкой не хочешь быть?

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Как-то не думала... Вроде рановато.

БЕРА ПАВЛОВНА. Я тоже считала, что рано, лет пять привыкала, все в Верах ходила, а теперь на бабушку отзываюсь... Слушай, а может Даша уже того... Покруглела ведь... Если полгода уже живут?..

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Ты меня смутила, подруга. Нет, Даша бы сказала, если что...

БЕРА ПАВЛОВНА. Но лучше со свадьбой не тяни.

ИВАН. Слушай, Алексей, а может ты машину оставишь здесь и мы с тобой примем грамм по сто, чтобы не скучать от женских разговоров...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Нет, принимать он не будет. Нам сегодня еще надо кое-куда проехать.

ИВАН. Так на такси и проедете.

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Мы сейчас уже и поедем...
(Вере Павловне) Смутила ты меня, Верочка, спрошу сегодня у Дашки, может и вправду уже...

БЕРА ПАВЛОВНА. Сразу мне позвони... И, Мил, даже если ничего нет, не тяни со свадьбой, пусть, как положено. после загса живут. Все эти гражданские браки - это, действительно, распутство. Оттого мужики сегодня женщин и не ценят, что доступны те стали... Я вот Машку учу, чтобы гордости не теряла.

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Ладно, я с Дашей поговорю.

БЕРА ПАВЛОВНА. А то давай вместе...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Я сама сначала.

АЛЕКСЕЙ. Ну что, мать, двинули... А то в меня чай уже не лезет.

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Все, едем.

АЛЕКСЕЙ. Я пошел машину греть. Давай, доктор, готовься тылы держать, мы еще за державу постоим...

ИВАН. Постоим...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Созвонимся, Верочка. Обязательно.

Уходят.

БЕРА ПАВЛОВНА. Слушай, Вань, что с молодежью происходит?..

ИВАН. Миры у нас разные. Наш заходит, их восходит.

БЕРА ПАВЛОВНА. Да ладно тебе, я серьезно. Мы ведь такими в молодости не были. Как это можно, с одним спать, с другим... Какой-то грязный чужой мужик тебя будет лапать...

ИВАН. Верочка, почему именно грязный?

БЕРА ПАВЛОВНА. Ты же прекрасно понимаешь, что я имею в виду.

ИВАН. Ну да, мы росли в другой среде, у нас преобладали отношения возвышенные, рыцарские, можно сказать. Мы ведь выросли на чтении книг. А сейчас воспитывает интернет... Ты же слышишь, как подростки между собой сегодня общаются. Исключительно коротко и нецензурно. И девочки в том

числе... Между прочим, у нас в больничке пациенты совсем не матерятся...

ВЕРА ПАВЛОВНА. Не хочешь говорить на эту тему... *(Звонит телефон.)* Да, слушаю Катя... Что-нибудь с Машей?.. А она дома?.. Так что тогда случилось?.. Хорошо, я сейчас приеду... Нет, они уже ушли. Я прямо сейчас и выхожу... *(Убирает телефон)*

ИВАН. Стряслось что-то ?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Говорит, нужно срочно поговорить... Машка дома... Что-то с ней, а что не сказала. Сама чуть не плачет... Все, я поехала...

ИВАН. Я не нужен?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Будь дома на всякий случай. И не выключай телефон...

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Все та же комната. Входит Вера Павловна. Голос Ивана. «Кто там? Вера, ты?»

Появляется Иван.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Устала что-то сегодня...

ИВАН. Шопинг - дело нешуточное.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Какой шопинг, в церкви службу отстояла.

ИВАН. Ты же говорила, что по магазинам походишь.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Передумала. Шла мимо храма, дай, думаю, зайду, свечек поставлю... Нашим родителям за упокой поставила, да за здоровье нас всех... Никак не могу в себя прийти.

ИВАН. Что же ты так переживаешь... Молодое дело, быстро забудется...

ВЕРА ПАВЛОВНА. Нет, в Советском Союзе жить было лучше.

ИВАН. Просто мы тогда молодые были...

ВЕРА ПАВЛОВНА. Причем здесь возраст?... Люди были тогда другие, не такие замотанные, участливее, добрее...

ИВАН. Ну, мы же себе в облике стариков не нравимся. Вот и все вокруг не так... Сейчас мода молодиться....

ВЕРА ПАВЛОВНА. Да не о том ты, не о том... У нас другой нравственный климат был, культура...

ИВАН. В молодости все ближе всего к Богу, хотя этого не понимают...

БЕРА ПАВЛОВНА. Что-то с годами мы с тобой все больше расходимся... Ты хоть помнишь, когда меня поцеловал в первый раз?

Звонок в дверь.

БЕРА ПАВЛОВНА. Открой.

Иван возвращается с разносчиком телеграмм.

ИВАН. Вера, тут какая-то телеграмма непонятная.

БЕРА ПАВЛОВНА. От кого?

ИВАН. В том-то и дело... *(Протягивает)* Не пойму.

РАЗНОСЧИК. Вы распишитесь в получении.

ИВАН. Подожди, юноша. Может это не нам.

РАЗНОСЧИК. Ну как не вам, это ведь ваш адрес?

ИВАН. Адрес наш.

БЕРА ПАВЛОВНА. Адрес наш... *(Читает)* Поздравляю счастьем минувших лет Желаю счастья будущем... Подпись... А почему подпись написано, а подписи нет?

РАЗНОСЧИК. Я не знаю, мое дело доставить телеграмму по адресу.

БЕРА ПАВЛОВА. Первый раз вижу, чтобы вместо подписи слово подпись...

ИВАН. Почта сегодня так работает, что и невозможное возможно...

БЕРА ПАВЛОВНА. И откуда телеграмма не напечатано. *(Разносчику)* Откуда она пришла?

РАЗНОСЧИК. Вы распишитесь, я должен доставить телеграмму по адресу и больше ничего.

ИВАН. А вы, молодой человек, как сами считаете, так должно быть, чтобы неизвестно откуда и от кого?

РАЗНОСЧИК. Я не знаю...

БЕРА ПАВЛОВНА. Господи, Ваня, что ты юношу пытаешь...

ИВАН. Ну да, ему нужны варианты... Тогда так: вариант первый - телеграмма от твоего брата; вариант второй - от кого-то из наших друзей; и третий - просто ошиблись адресом... Выбирайте юноша...

РАЗНОСЧИК. *(После паузы.)* Я должен просто доставить телеграмму по адресу. Это ведь ваш адрес...

ИВАН. Ну, если у вас нет ответа, несите ее обратно.

БЕРА ПАВЛОВНА. Погоди Ваня... Содержание... В общем... Может, кто из знакомых... Ладно, молодой человек, давайте я распишусь. *(Расписывается в получении)*

Разносчик уходит.

ИВАН. Вот она женская жалость... А потом удивляемся, откуда так много глупых и безответственных, вместо того, чтобы...

БЕРА ПАВЛОВНА. *(Перебивает)* Ваня, а ты помнишь свою первую любовь?

ИВАН. *(После паузы)* Господи, когда это было...

БЕРА ПАВЛОВНА. А кого-нибудь из своих девушек до меня помнишь?.. Я вот своего одноклассника помню, Геру. Умненький был, белобрысенький, очкарик... Недавно у него внук родился. Я тебе говорила?.. Он кандидат наук... Мы с ним за ручку целый год гуляли... И ни разу не поцеловались...

ИВАН. Ну, мать, тебя что-то потащило...

БЕРА ПАВЛОВНА. А ты мне про Олю рассказывал, с которой в грозу попали, а потом мокрые на танцы пошли. От вас все шарахались, а вы были такие счастливые...

ИВАН. Вот видишь, ты помнишь лучше меня...

БЕРА ПАВЛОВНА. А ты забыл?

ИВАН. Помню. Но это было словно с другим человеком... Двое сыновей у нее и внуки уже большие...

БЕРА ПАВЛОВНА. А ведь приятно вспомнить нашу юность, словно в чистую воду войти... Ты не любишь вспоминать?.. А мне так хочется порой туда вернуться... Хотя ненадолго... Там мы такие чистые, светлые, красивые, счастливые... И родители живы... Почему хочется обратно?

ИВАН. Потому что с годами мы не молодеем, а стареем... А если серьезно, то вероятно фантасты правы и каждый человек по сути есть сумма многих составляющих и мы одновременно находимся в разных переменных координатах... Одного из моих пациентов все зовут Интеграл. Так вот он уверен, что одновременно пребывает в разных возрастах. И совершенно непредсказуем. То ведет себя как ребенок, пирамидки складывает или автомобиль изображает. То вдруг маршировать начинает, он когда-то в парадах на Красной площади участие принимал. А то вдруг преподавателем возомнит, лекции больным читает. Причем, весьма оригинальные... Ну, а я думаю, что в детстве и юности наша душа еще не отягощена грехами а, став взрослыми и изрядно нагрешив, мы через воспоминания подпитываемся энергией из нашего безгрешного прошлого...

БЕРА ПАВЛОВНА. Ваня, а твои больные тебя понимают?

ИВАН. Ты знаешь, они как раз и понимают... Или во всяком случае стараются понять. У них такие выражения лиц становятся... Правда, не все...

БЕРА ПАВЛОВНА. А тебе действительно не хочется в детство вернуться и там остаться навсегда?

ИВАН. Нет, не хочется.

БЕРА ПАВЛОВНА. Почему?

ИВАН. Тебе, действительно, это интересно?

БЕРА ПАВЛОВНА. Конечно.

ИВАН. Потому что боюсь забыть все, что уже знаю, что пережил за прошедшие годы, что уже понял и над чем сейчас ломаю голову...

Пауза.

БЕРА ПАВЛОВНА. Мне надо подтяжки сделать... Вон какие старухи на телевидение, и ничего смотрятся... Я в школу еще ходила, когда они передачи вели...

ИВАН. А на мой взгляд естественное не бывает безобразным или некрасивым, безобразно неестественное... К тому же это обман окружающих.

БЕРА ПАВЛОВНА. Неужели ты меня такую старую любишь?..

ИВАН. Вера, мы уже с тобой единое целое... Я ведь тоже не молодую.

БЕРА ПАВЛОВНА. А давай вместе и сделаем подтяжки.

ИВАН. Боюсь, что тогда мои психи примут меня за своего... В нашем возрасте уже пора не о физиономии заботиться, а о душе...

БЕРА ПАВЛОВНА. Вот я и говорю, что мы с тобой все больше расходиться стали... Ну, не хочу я старухой быть...

ИВАН. Не хочешь и замечательно...

БЕРА ПАВЛОВНА. И в телеграмме желают счастья в будущем... А мы с тобой счастливы? Ты счастлив?

ИВАН. Я, да.

БЕРА ПАВЛОВНА. Почему?

ИВАН. Вера, не надо впадать в детство... Не обижайся, но всему свое время... Я счастлив, потому что когда-то встретил тебя и мы живем в любви и согласии уже много лет и много всего вместе пережили... И до сего дня не надоели друг другу...

БЕРА ПАВЛОВНА. Только поэтому?

ИВАН. А еще потому, что есть солнце, земля, небо, ветер, восходы и закаты, времена года, множество

прекрасных мест, которые мы с тобой видели, моя любимая женушка. (*Обнимает Веру Павловну*)

БЕРА ПАВЛОВНА. А как ты считаешь, наши родители были счастливы?

ИВАН. Думаю, и они тоже были счастливы. По своему.

БЕРА ПАВЛОВНА. Потому что любили?.. А их родители, наши деда и бабушки?

ИВАН. Вера...

БЕРА ПАВЛОВНА. А я ведь серьезно спрашиваю. У меня, например, оба деда были репрессированы. Один спустя десять лет вернулся больной и скоро умер, а другой так и не вернулся, где могилка никто не знает... И я их совсем не видела. Только на фотографиях. Неужели и они были счастливы...

ИВАН. А почему нет. Каждый человек в этом мире по своему счастлив и каждый выполняет только ему заданный урок. А счастье - это удовлетворение от выполненного.

БЕРА ПАВЛОВНА. Ну да, каждый несет свой крест... Вот поэтому так хочется вернуться в детство и там остаться...

Звонок в дверь.

БЕРА ПАВЛОВНА. Все-таки мы с тобой счастливо прожили уже так много лет...

ИВАН. И еще не меньше проживем

Уходит открывать и возвращается с Екатериной.

ЕКАТЕРИНА. Привет, мам...

БЕРА ПАВЛОВНА. Привет. Ты одна?.. А где Маша?

ЕКАТЕРИНА. Скоро подойдет, друзей встретила...

БЕРА ПАВЛОВНА. Не его?

ЕКАТЕРИНА. Ты думаешь, я бы оставила их одних?

БЕРА ПАВЛОВНА. Ну да... Как она, сильно переживает?

ЕКАТЕРИНА. Переживает. Плачет.

ИВАН. Ничего, девичьи слезы, что божья роса...

БЕРА ПАВЛОВНА. Ваня, Машенька действительно переживает, ты лучше бы пожалел девочку...

ЕКАТЕРИНА. Ни в коем случае пока не надо вмешиваться. И, вообще, при ней ни слова о нем. Будто и не было.

ИВАН. Правильно, нужно сместить акценты... Например, направить внимание на школьные проблемы.

ЕКАТЕРИНА. Пап, я тебя умоляю, только не это. От этих проблем даже мне плакать хочется.

БЕРА ПАВЛОВНА. А может мы жестоко поступили, не надо было запрещать, пусть бы встречались...

ЕКАТЕРИНА. Мама, о чем ты?.. Ей четырнадцать, а ему скоро двадцать четыре...

БЕРА ПАВЛОВНА. Может им интересно вместе ... Она же говорит...

ИВАН. Вера, какие могут быть интересы с такой разницей в возрасте? Во всяком случае, с его стороны. Он взрослый мужчина, живущий совершенно в другой возрастной группе... Очевидно, что несамостоятельный, никак не определится в жизни. Одним словом, маменькин сынок. Скажи пожалуйста, чем ему может нравиться девчонка, пусть умненькая, хорошенькая, но девчонка?.. Нет, здесь исключительно клинический случай...

БЕРА ПАВЛОВНА. Не пугай, Ваня... Катя и так уже за ней следом везде ходит. И потом, вот у Набокова девочка тоже влюбилась во взрослого мужчину...

ИВАН. Не путай жизнь с романами... И девочка в его «Лолите» не влюбилась. Автор так выплеснул свои аллюзии... Грезы мужского климакса... Когда мужчина осознает собственное бессилие, он интуитивно ищет менее опытного партнера, чтобы выглядеть в глазах того опытнее. И неосознанно стремится показать превосходство опыта над страстной неопытностью...

ЕКАТЕРИНА. Пап, не так все сложно... Просто сверстники девочкам сегодня неинтересны, с ними скучно. Они мало знают, общаться друг с другом практически разучились. Вон у вас перед домом сидят подростки и каждый телефон в руках вертит вместо того, чтобы друг с другом говорить... А тут взрослый и умный мужчина, который много знает, которого слушать интересно...

ИВАН. Да понимаю я Машу. Я его хочу понять... И никак не могу поверить в чистоту помыслов...

БЕРА ПАВЛОВНА. Я тоже Катя не могу поверить, что у него нет никаких задних мыслей... А вдруг он маньяк, только прикидывается таким безвинным...

ЕКАТЕРИНА. Ну все, давайте совсем себя запугаем... Что мы муссируем эту тему. Решили же...

Входит Маша.

МАША. Привет ба, дед... А почему дверь не закрываете? А то какой-нибудь маньяк ворвется...

ЕКАТЕРИНА. Подслушивать, между прочим, неплохо.

МАША. А я не подслушивала, я услышала. И никакой он не маньяк... Он умный и внимательный. А еще ему нравлюсь я и нравится со мной общаться...

БЕРА ПАВЛОВНА. Маша, мы не спорим, что это так и есть...

МАША. Вот почему вы, взрослые, считаете, что мы хуже вас? Почему все время говорите, что мы глупые, ничего не знаем, не умеем, ни на что не способны... А мы ничуть не хуже вас...

ИВАН. Маша, да никто так не считает...

МАША. Не надо деда, я уже немаленькая.

ИВАН. Хорошо, будем говорить по взрослому. Да, в твоём возрасте больше всего хочется эмоций, любви. Ты у нас умная, много читаешь, не по возрасту много знаешь, в чем то опережаешь своих ровесников, тем более мальчиков, которые физиологически формируются позже. Да, тебе уже неинтересно с одноклассниками, которых ты видишь изо дня в день столько лет и о которых знаешь все. Тебе хочется узнавать новое, это естественно. Новые отношения, чувства. Ты только начинаешь постигать этот неведомый для тебя чувственный мир. Если бы он был на пару лет старше, мы бы ваши отношения поняли. А это взрослый человек, несомненно, у него уже было немало увлечений, вероятнее всего, он уже жил с женщинами и вряд ли видел в тебе какие-то иные, кроме физических. прелести...

МАША. Ну и что в этом плохого?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Как что, это же... Как можно, когда у него грязные мысли... Мы с дедушкой, когда гуляли, ни о чем таком и не думали...

МАША. А дедушка так не считает.

ИВАН. Да нет, Маша, тут я как раз с бабушкой согласен. Я первый раз ее отважился поцеловать, спустя почти полгода нашего знакомства...

МАША. Ты сам говорил, что у вас время тянулось долго и что ваше поколение инфантильное...

ИВАН. Я имел ввиду совершенно другое... Мы просто не были настолько прагматичными.

МАША. Что бабушка не влюблялась в того кто старше? В школе, например...

БЕРА ПАВЛОВНА. Нет, не влюблялась... в школе.

МАША. А ты мне рассказывала...

БЕРА ПАВЛОВНА. Это было не школе. Я была уже студенткой... Да он был старше намного, но я была уже взрослой... И мы ничего себе не позволили...

МАША. У вас не было ни интернета, ни планшетников, ни сотиков... Вы просто не могли общаться по-настоящему. И у вас еще не было ЕГЭ... И вас не доставали учителя, не капали каждый день: вот не сдадите ЕГЭ, не сдадите ЕГЭ... Вы просто были слабо-развитые, а мы нормальные подростки...

ИВАН. А ты не обратила внимание, там перед домом не сидят в обнимку нормальные подростки не-много младше тебя?

МАША. Ну и что?

ИВАН. И что они делают?

МАША. Общаются.

БЕРА ПАВЛОВНА. На них смотреть неприятно. У них еще молоко на губах не обсохло, а они обжимаются на виду у всех... Целоваться не умеют, присосутся друг к другу... Фу, мерзость...

МАША. А может это вы в свое время не умели?

БЕРА ПАВЛОВНА. Мы не позволяли себе демонстрировать свои отношения. А девочки, тем более, на мальчиках не висли. Конечно, мы целовались, но только, когда нас никто не видел. Интимное чувство не должно выноситься на общее обозрение.

МАША. Почему?... Потому что стыдно?.. А если нечего стыдиться?

БЕРА ПАВЛОВНА. Потому что тогда чувства близости и тайны, известной только двоим, нет. Это только животные не стесняются. Но у них примитивный животный инстинкт...

ИВАН. Я смотрю, бабушка скоро начнет оправдываться... Нет, Маша, в чем то мы были хуже вас, но

в чем -то и лучше... И нам очень хочется то хорошее, что было у нас, что мы знаем, передать вам... И предупредить о плохом, которого в жизни тоже немало. Не зря говорят: запретный плод сладок... Но он сладок только тогда, когда созреет, а иначе можно набить оскомину... Мы пробовали этот запретный плод как раз, когда он созревал, а вот вы сейчас, в силу доступности ко всему, прежде запретному, набиваете оскомину. Отсюда, ты уж извини, я по взрослому буду с тобой говорить, именно отсюда импотенция, гомосексуализм, лесбиянство... Отсюда неуважение к женщине, неполные семьи...

МАША. Ну да, как наша...

ИВАН. Да, к сожалению...

ЕКАТЕРИНА. Бывает, что плод хоть и в свое время, но не с тем вместе съели...

ИВАН. Да, но опять же оттого, что поторопились... Любовь это ведь приближение к истинному, если хочешь к Богу... Но настоящую любовь, а не минутное увлечение, непросто распознать... И очень легко обмануться...

ВЕРА ПАВЛОВНА. Мы с твоим дедушкой год встречались, прежде чем лечь в одну постель.

МАША. Дедушка говорил, что вы задержались в детстве...

ИВАН. Машенька, у нас время было менее динамичное, мы жили при другом социальном строе и мы могли себе позволить не думать со школы о карьере, деньгах и прочей чепухе... Вот что я имел ввиду. Глупее вас мы не были, а вот здоровее точно были.

МАША. Вот видишь... У нас время слишком динамичное и мы проживаем свое детство быстрее...

ВЕРА ПАВЛОВНА. Ты не хочешь понять, мы тебе добра желаем.

МАША. Да понимаю я вас прекрасно. Вот вы не можете понять нас...

ИВАН. (*Глубокомысленно*) Н-да, никто никогда не желает учиться на чужих ошибках... Закон бытия.

БЕРА ПАВЛОВНА. Неправда, мы же понимали своих родителей и слушались их...

ИВАН. Мы жили с нашими родителями в совершенно другой стране с другими ценностями. А теперь мы и Маша - словно с разных планет. Она выросла в иной среде, в совсем непохожей на нашу...

ЕКАТЕРИНА. А я в какой среде выросла?

ИВАН. А вот ваше поколение самое уязвимое. Вы росли между двух антогонистических сред, в столкновении, в хаосе... Поэтому вы потерянное поколение.

ЕКАТЕРИНА. Ну, спасибо...

ИВАН. Что-то разговор у нас слишком серьезный получился... Ты вот что, Маш, пойми главное, увлечений впереди у тебя будет немало. И разочарований тоже немало... Но поверь, в этом ни ваше, ни наше поколение не уникальны... Мы проживаем вроде бы разные жизни, ходим в разные школы, но изучаем поразительно похожие предметы... Да и задачки, которые приходится каждому поколению решать, не особенно разнятся...

БЕРА ПАВЛОВНА. Машенька, внученька, главное сохранить в себе чистоту. И гордость. Ни в коем случае не позволяй, чтобы об тебя вытирали ноги, чтобы тебя бросали, лучше уходи первой... А он бы тебя бросил.

МАША. Ну, спасибо, бабушка...

БЕРА ПАВЛОВНА. Да, бросил. Потому что если мужчина понимает, что недостоин женщины, он либо начинает унижать ее, либо уходит сам...

ЕКАТЕРИНА. Mam, Машкин отец ушел, потому что я не хотела с ним жить.

БЕРА ПАВЛОВНА. Доченька, я сейчас не о тебе... Кстати, тут нам интересную телеграмму принесли

сегодня... Вот, почитай. *(Подает)* Видишь, откуда пришла не написано, от кого тоже неизвестно...

ЕКАТЕРИНА. Но адрес-то ваш...

ВЕРА ПАВЛОВНА. Да, адрес наш.

МАША. Дай гляну... *(Читает с выражением)* Поздравляю счастьем минувших лет. Желаю счастья будущем... Ну что, хорошие слова... Всем подходят...

ВЕРА ПАВЛОВНА. Но почему то принесли нам...

ЕКАТЕРИНА. По адресу.

МАША. Бабуля, значит она от того, кто знает, что с вами было в прошлом и что будет в будущем. А кто у нас всезнающ и всеведущ?..

ВЕРА ПАВЛОВНА. Это дедушка у нас фаталист... Я думаю, это кто-то из наших старых знакомых. Просто забыл подписаться.

МАША. Само собой... Тебе же приятно, что этот кто-то считает, что вы счастливо прожили жизнь.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Да мне приятно, потому что это действительно так.

МАША. Вот интересные вы, вас не поймешь... Сама рассказывала, что в вашей юности сначала в магазинах нечего было купить, а потом как сейчас стало, все есть, только денег не хватает на то, что хочется купить. Что вы с бабушкой много лет по квартирам скитались, пока свою купили, когда мама уже в школу ходила. Что бытовой техники не было, машин мало, а телефон только стационарный и то вы за ним долго в очереди стояли... Как вы могли тогда без всего этого жить?... Тем более, быть счастливыми.

ИВАН. Разве в материальном, в деньгах счастье...

МАША. Да за деньги все можно купить...

ЕКАТЕРИНА. Только не счастье.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Нет, конечно, иметь необходимые вещи хорошо. Но есть то, что важнее любых даже самых больших денег... Я помню, девчонкой

была, такой как ты. ну может быть немного младше, мы с подругами летом с улицы не уходили. Купались, костры жгли, картошку пекли. Мальчишки в сады лазили, нам добычу приносили... Того что у тебя, ваших мобильных, планшетников не было тогда, но мы такие счастливые были... Или когда в институте уже учились, как интересно было, хотя спорили по пустякам даже до ссор доходило...

МАША. И у нас не вещи главное...

ИВАН. Так значит новый телефон тебе не нужен. со старым поживешь?

МАША. А это запрещенный прием. Обещали, надо выполнять... Хотя, как хотите, могу и со старым жить дальше...

ИВАН. Жить с мобильником... Звучит...

ВЕРА ПАВЛОВНА. Ладно, чего ты девочку дразнишь. Обещали, значит подарим... Да, девчонки, мы заговорились, а вы может голодные?

ЕКАТЕРИНА. Маша ты есть хочешь?

МАША. Не хочу... Я хочу погулять...

ЕКАТЕРИНА. Сейчас вместе пойдем.

МАША. Ты меня теперь будешь всегда на поводке водить?... Я же сказала, мы с ним встречаться не договаривались. А если захотим встретиться, я тебе скажу.

ЕКАТЕРИНА. Нет, я просто пойду домой.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Маша, ты маму не обижай...

МАША. А вы меня тоже не обижайте... Я пошла.

ЕКАТЕРИНА. Хорошо, иди. Значит договорились, ты мне честно все говоришь.

МАША. Договорились. *(Уходит)*

ВЕРА ПАВЛОВНА. Ты ей веришь?

ЕКАТЕРИНА. А если не верить, как жить?..

ВЕРА ПАВЛОВНА. Да, без веры трудно... Я вот сегодня в церковь зашла. Не знаю почему, я ведь не воцерковленная, как теперь говорят, наверное, даже

атеистка... Как папа говорит, не созрела еще до понимания Бога. И ты знаешь, там хорошо... Суета как то отошла. Постояла под самым куполом, на иконы посмотрела, все такие строгие, словно чего-то спрашивают... Даже попробовала рассказать, что в голову приходило...

ИВАН. Без веры человек как... Как Иван, то есть я, без моей Веры... Ладно, женщины вы мои хорошие, может мы по коньячку?..

ЕКАТЕРИНА. Я бы лучше чаю... Крепкого и с лимоном...

ИВАН. Так давай сейчас и то, и другое сообразим. А в чай можно и коньячку капнуть...

Иван ходит. Входит Мила Аркадьевна следом Алексей.

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Чего это у вас дверь нараспашку... Здравствуй, подруга... Катенька, солнышко, здравствуй милая... Ты прямо вся из себя... Такая самостоятельная женщина... Бизнес леди, прямо... Почти как мы с твоей матерью лет так двадцать назад... Одним словом, когда были молодыми, энергичными, независимыми...

АЛЕКСЕЙ. Ну-ну, независимые... Не слушай ее, Катюша, женщина всегда зависит от мужчины.

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Не слушай его Катенька, мужчина всегда зависит от женщины, только воображает, что на нем свет клином сошелся.

ЕКАТЕРИНА. Для меня это не очень актуально, я и так самая главная...

МИЛА АРКАДЬЕВА. Вот и правильно, полагайся только на себя. На нас, женщинах, мир держится...

ВЕРА ПАВЛОВНА. Так, подруга дорогая, ты свою идеологию не насаждай. Как говорит мой Ваня, мир держится исключительно на любви... И главных и подчиненных в ней не бывает.

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Конечно, на любви не спору. И ни на чем больше... А мы тут мимо шли, я и говорю Леше, давай заглянем к подруге, а то столько событий, поделиться надо.

АЛЕКСЕЙ. Да, событий нынче в мире, сразу и не охватишь умом... И не поймешь, то ли к хорошему движемся, то ли к плохому... Но в любом случае к концу. А где Иван-то?... Что и в выходной без своих психов не может?

БЕРА ПАВЛОВНА. Дома он, на кухне, сейчас придет. А какие же у вас события? С твоим-то наследством все в порядке?...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Ой, Вер, мне не до этого было... Может и нету дома уже, там теперь нескоро все успокоится. А у нас тут своих забот хватает.

БЕРА ПАВЛОВНА. Так, давайте сделаем паузу. А то голова закружится... Да, кстати, вам телеграмму сегодня не приносили?

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Какую телеграмму?

БЕРА ПАВЛОВНА. Вот посмотри...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. А у вас что, юбилей?

БЕРА ПАВЛОВНА. Юбилей... Ты думаешь, это... Юбилея у нас нет точно... А тебе не кажется текст странным?..

МИЛА АРКАДЬЕВНА. А в чем странность?

Входит Иван.

ИВАН. О, у нас гости... *(Пожимает руку Алексею.)*

БЕРА ПАВЛОВНА. Видишь, откуда указать забыли и подписи нет...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Точно... Такое сегодня сплошь случается....

БЕРА ПАВЛОВНА. Правда? А то мы давно телеграмм не получали, все больше по скайпу....

ИВАН. Вот по скайпу и уточнишь, кто прислал...

БЕРА ПАВЛОВНА. (*Миле Аркадьевне*) Ладно, давай, рассказывай...

ЕКАТЕРИНА, Мам, я, наверное, пойду...

БЕРА ПАВЛОВНА. Ты же хотела чаю попить?

ИВАН. Я уже заварил свеженький... Вот сейчас с гостями по коньячку...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. (*Алексею*) Никаких чаепитий, у нас времени совсем нет.

ИВАН. Как всегда торопишься... Катюша, тогда мы с тобой попьем...

ЕКАТЕРИНА. Я все-таки, пойду домой... Может Машку еще догоню.

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Катюша, у нас от тебя секретов нет. И мы приглашаем вас всех на свадьбу.

ЕКАТЕРИНА. Да вы что? Неужели Дашка надумала?

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Все, надумала бесповоротно, уже на четвертом месяце...

БЕРА ПАВЛОВНА. Даша беременна?

МИЛА АРКАДЬЕВНА. А как еще можно быть на четвертом месяце... Так что скоро мы с Лешей тоже станем дедами...

АЛЕКСЕЙ. Ну, ты, бабушка, к нам, дедам не примазывайся. (*Ивану*) Вот ведь моду бабы взяли, сначала в сапоги, затем в штаны влезли, потом за руль сели. А теперь еще и казармы окупировали... Это же где видано было раньше, чтобы в армии бабы офицерами становились... Как вляпались в этот капитализм с демократией, так все наперекосяк пошло... Мне уже нервов не хватает с моими подчиненными, хочется отправить, по-мужски, подальше, а опасуюсь.

ИВАН. А чего опасаться? Они теперь похлеще твоего матерятся.

АЛЕКСЕЙ. А вот брякну при исполнении, а она рапорт на меня... А у меня есть вреднучие бабы, гото-

вые меня проглотить не расжевывая... Теперь же модно стало всех от всех защищать. Детей от родителей, женщин от мужчин, черных от белых и наоборот...

ИВАН. Алексей, а ты же не за рулем сегодня?

АЛЕКСЕЙ. Нет, нынче мы пешком, все торговые точки обошли...

ИВАН. Тогда что мы с тобой ласы всухую точим?.. Пошли на кухню...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Да, Леша, пойдй с Ваней, только немного, нам еще надо кое куда заглянуть...

Иван и Алексей уходят.

ЕКАТЕРИНА. Так она за своего программиста выходит?

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Программиста?.. Ах, Катя, ты значит ничего не знаешь.

ЕКАТЕРИНА. Я ее уже почти год не видела...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Вот что значит суета... Живем в одном городе, а видимся реже, чем с дальними... Программист, Катюша, в прошлом. Она уже давно с Сергеем живет. А он у нас спортсмен. Видный мужчина...

ЕКАТЕРИНА. Борец?

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Самбист кажется, Алексей точно знает. Это неважно. Теперь уже все решено, живота пока не видно, если бы я не выпытала, так бы и рожала без свадьбы... Ты вот, Кать, сама молодая, скажи мне, почему девки сегодня все помешались на гражданских браках. Им, видите ли, никаких штампов в паспорте не надо... Вот я не пойму этого, твоя мать не поймет...

ЕКАТЕРИНА. Обжигаются многие... Принцев то не стало, а мечта девичья неизменной осталась... А когда без штампа в паспорте, вроде как и без обязательств, свободна еще...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Дурь это, а не мечта... Нет, я тоже в свое время мечтала о красавце-гусаре, тогда мода на военных была. Это потом офицеров уважать перестали, армию едва не разогнали. Мечтала, но в постель с каждым встречным не ложилась...

БЕРА ПАВЛОВНА. Это не мечта, это обыкновенная распущенность Милочка...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Ой, и не говори подруга... Ну, слава богу, зато я теперь спокойна, до внука, можно сказать, благополучно дожила...

ЕКАТЕРИНА. Дашка, поди, от счастья сияет... Надо встретиться... Я ей позвоню...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Позвони и встреться. Ты ей посоветуй, у тебя уже вон какая дочка, а она еще до конца и не поняла, что мамой скоро будет...

ЕКАТЕРИНА. Обязательно позвоню... Ну, я пошла, мам... Да, тетя Мила, а свадьба то когда?

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Да вот еще не определились, носимся как угорелые... Хотим быстрее. пока живота не видно...

БЕРА ПАВЛОВНА. А с его стороны родители помогают?

МИЛА АРКАДЬЕВНА. *(Вздыхая)* А с его стороны только мать... Но она больная, живет в селе... Так что одни пока крутимся... Правда, Сергей помогает... Он у нас молодец...

ЕКАТЕРИНА. Дашка и не могла не молодца выбрать. Все, я побежала...

БЕРА ПАВЛОВНА. Позвони вечером.

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Катя, ты ее там настрой как следует...

ЕКАТЕРИНА. Хорошо, тетя Мила. *(Уходит)*

БЕРА ПАВЛОВНА. Ну, подруга, поздравляю. Скоро в нашем полку бабушек прибавится...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Ой, не оговори... Я так переживаю словно сама и замуж по новой и рожать...

БЕРА ПАВЛОВНА. А как же ты думала... Чем взрослее дети, тем больше забот и тревог... Вот, правда, внуки немножко отвлекают... Словно опять своего растишь... Когда Машка маленькая была, я любила с ней быть. Мы общий язык быстро нашли. А выросла и все не получается по душам поговорить... Тайны теперь у нее даже от бабушки... Дочка замуж вышла - отрезанный ломоть, внучка взрослой стала, тоже своей жизнью живет... Да, ладно, главное, чтобы они счастливее нас были... А Даша, значит, определилась.

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Если, между нами, то залетела она. Ну там у них что-то с предохранением нарушилось, или просчитались... В общем, не собирались они детей заводить. Она даже хотела аборт делать. И ты знаешь, Сергей настоял, чтобы рожала. Мол, нельзя убивать младенца и с женой убийцей, сказал, жить не будет. Дашка бы, конечно, тоже не пошла делать... Но он вот так сказал, как отрезал...

БЕРА ПАВЛОВНА. Значит, любит ее и ребенка...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Он теперь с нее пылинки сдувает. И сына ждет. Он ведь с детьми занимается, и так с ними обходительно по - взрослому общается... А они его любят.

БЕРА ПАВЛОВНА. Это хорошо... А Даша-то его любит?

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Только это между нами, она, когда забеременила, программисту своему звонила... Зачем, не сказала, но мне кажется, если бы он ее позвал, побежала бы... Ты же знаешь, какие мы бываем, если кто понравится... Все-таки, чем то он ее присушил... А ведь мужичонка, можно сказать, никакой. Не сравнить с Сережей... Он из-за этого компьютера и ее не замечал... И, мне кажется,

он вообще женщинами не интересуется... Или голубой, или импотент.

БЕРА ПАВЛОВНА. Необязательно...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. А я поняла, что Дашка с ним ночевала несколько раз и ничего между ними не было.

БЕРА ПАВЛОВНА. Значит, если не пристал, не изнасиловал, уже не мужчина?.. Ладно, чего мы его обсуждаем... Теперь у тебя зять есть, внук скоро будет.

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Ой, не говори... Камень с плеч. Я Дашке на всякий случай так сказала, давай, расписывайся, рожай, а если разонравится совсем, мы внука и без отца поднимем.

БЕРА ПАВЛОВНА. Ну, ты так сразу... Она у тебя еще всю жизнь с ним проживет, счастлива будет и внуков тебе еще нарожает...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. А кто против?.. Только ведь и я, и ты знаем, в жизни много изгибов, по ней и с любимым идти непросто, а с нелюбимым никак нельзя. Тем более сейчас. Так что счастье только с любовью и получается...

Входит Алексей и Иван.

АЛЕКСЕЙ. Что, подружки, посплетничали?..

ИВАН. А Катя ушла?

БЕРА ПАВЛОВНА. Убежала... Ну что отец, будем крестную замуж выдавать...

ИВАН. Да уж Леша похвастался.

БЕРА ПАВЛОВНА. А следом еще крестины...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Вера, совсем забыла с Катькой поговорить, мы ж ее крестной хотим...

БЕРА ПАВЛОВНА. Это вы уже с ней сами договаривайтесь... Ты вот лучше мне по секрету скажи, что молодым на свадьбу подарить?

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Ой, не знаю, они теперь все на деньгах помешаны, сами себе покупают, что хотят, не угадаешь...

БЕРА ПАВЛОВНА. Ну, все-таки, разузнай, что нужно будет существенное... Жить то молодые у вас будут?

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Сказали, что хотят квартиру снимать.

БЕРА ПАВЛОВНА. Это дорого...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Зять грозитя, что содержать жену сможет.

АЛЕКСЕЙ. Серега - сможет.

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Вот видишь, они уже сошлись с зятьком...

ИВАН. Это замечательно... Потому что, когда дочь, надо чтобы зять был понимающий, с которым можно поговорить по душам, на которого надеяться можно... Как на сына.

АЛЕКСЕЙ. Это точно, Ваня, чтобы была настоящая армейская дружба...

ИВАН. Ну, можно сказать и так.

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Ладно, мы дальше побежали... А ноги уже гудят... Я говорила Леша, надо было на машине...

АЛЕКСЕЙ. Так может на сегодня труба отбой...

МИЛА АРКАДЬЕВНА. А ты сколько принял?... Ваня, ты же знаешь, он слаб на это дело...

АЛЕКСЕЙ. Я в норме.

ИВАН. Стопарик... Честно.

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Ой, вижу, скоро развезет от этого стопарика... Следующий раз будешь меня возить... Все, мы побежали... Как только уточним со свадьбой, сразу позвоню.

БЕРА ПАВЛОВНА. Ты не забудь уточнить, что им в дом надо?

МИЛА АРКАДЬЕВНА. Ладно, пока подруга...

Уходят.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Счастливая Милка...

ИВАН. Суетится...

ВЕРА ПАВЛОВНА. А мы разве не суетились?

ИВАН. Суетились так, что в памяти все смешалось...

ВЕРА ПАВЛОВНА. У нас Катя красивая невеста была, а вот как получилось...

ИВАН. Нормально получилось. Внучка растет. Скоро снова суетиться будем...

ВЕРА ПАВЛОВНА. Дай бог, чтобы у нее все сложилось... Вань, а ты нашу свадьбу помнишь?

ИВАН. Конечно.

ВЕРА ПАВЛОВНА. У нас ни машин, ни ресторана не было. И даже платья свадебного у меня не было...

ИВАН. Зато ты была красавица, друзья лучшие за столом и ночь наша...

ВЕРА ПАВЛОВНА. А утро солнечное и белый-белый снег... Я такого белого снега ни раньше ни потом никогда не видела... Помнишь?

ИВАН. Снег не очень. Я тебя помню, твое лицо...

ВЕРА ПАВЛОВНА. А я правда красивая была?

ИВАН. Я же говорю, красавица. Я всю жизнь боюсь, что тебя у меня отобьют.

ВЕРА ПАВЛОВНА. И я тобой гордилась. Мы с тобой, куда не приходили, мне так и хотелось всем сказать, что ты мой муж, такой умный, такой нежный...

Пауза.

ИВАН. Ты знаешь, почему в старости люди часто вспоминают прошлое?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Ты уже говорил.

ИВАН. Ах, ну да... Мы там были такие чистые...

БЕРА ПАВЛОВНА. И счастливые...

ИВАН. Мы и сейчас счастливые.

БЕРА ПАВЛОВНА. (*вздыхая*) Если в зеркало не смотреться...

ИВАН. Вот сколько женщин я знаю, а все не могу понять, почему для вас ваша внешность важнее всего?.. Разве за внешность я тебя полюбил и люблю?

БЕРА ПАВЛОВНА. А за что?

ИВАН. Потому что наши души соединяются... Ты знаешь, один мой пациент убежден, что полноценная душа, которой бессмертие гарантировано, складывается обязательно из двух половин и одна половина у мужчины, а другая у женщины...

БЕРА ПАВЛОВНА. Это не твой больной выдумал, это давно известно...

ИВАН. Ну да... Только он места себе не находит, потому что свою половинку не встретил и по этой причине бессмертным не станет... А мы его от этого лечим...

Звонок телефона. Вера Павловна берет трубку.

БЕРА ПАВЛОВНА. Да... Сейчас. (*Ивану*) Тебя.

ИВАН. Алексей?.. Да, помню, говорил... А что ты вдруг вспомнил?.. Ах, загадал загадку?... А ты не разгадал?.. А все очень просто. Они ведь и нас, мужчин рожают тоже... Вот в этом и секрет, в сочетании земного и небесного...

Кладет трубку.

БЕРА ПАВЛОВНА. Это ты о ком?

ИВАН. О вас, конечно, о женщинах... (*Обнимает Веру Павловна*) Без которых никакое бессмертие невозможно...

НА ВЕРАНДЕ

пьеса в двух действиях

Истомин Антон Геннадьевич
 Истомина-Полонская Екатерина Васильевна
 Панин Эдуард Тимофеевич
 Лазарев Сергей Анатольевич
 Мотылева Алла Филипповна
 Хватова Ираида Тимофеевна
 Конев Федор Иванович
 Конева Ольга Игоревна
 Летунов Виктор Трофимович

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Уголок усадьбы, какие бывают в мемориальных местах. Аккуратная дорожка, возле которой скамейка. Она ведет к веранде. На ней - большой стол с расставленными вокруг стульями. Стульев девять. По дорожке медленно бредут Истомин и Истомина-Полонская.

ИСТОМИН. Когда-то по этим дорожкам ходил гений...

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Я не люблю музеев. В них живет тщетная мечта человека о вечности... Но здесь уютно...

ИСТОМИН. Представляешь, сколько известных людей перебивало здесь при жизни его владельца?

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Легче представить, сколько топталось любопытствующих безвестных обывателей после его смерти...

ИСТОМИН. А ты замечала, на талант влияет размер жизненного пространства... В золотой период русской литературы, впрочем и музыки, и живописи, шедевры творили на усадьбах... С их простором, ширью, воздухом, несуетностью... Затем искусство поселилось на дачах. А это уже не те горизонты, все ближе, мельче, суетнее... И, наконец, перебралось в квартиры с соответствующими масштабами, на мемориальные доски которых мало кто сегодня обращает внимания... Как, впрочем, и на помельчавших творцов...

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Давай посидим...

ИСТОМИН. Устала?

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Впитаем ауру минувшего величия.

Садится.

ИСТОМИН. *(Продолжая стоять, после паузы).* У меня не хватает воображения.

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Это так просто... Закрой глаза и...

ИСТОМИН. Всякое суетное в голову лезет...

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. А ты сосредоточься, не обращай внимания... *(После паузы.)* Надо бы позвонить, узнать, как дела...

ИСТОМИН. Ну, вот видишь, ты сама все испортила...

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Расслабься, Тоша... Садись рядом... Интересно, зачем нас попросили остаться?.. *(Поворачивается к присевшему Истому.)* Слушай, а может, поедem раньше?

ИСТОМИН. Катенька, я тебя умоляю...

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Ты же прекрасно понимаешь, они со своим интернетом совсем не ориентируются в реальной жизни...

ИСТОМИН. Вот и пусть шишек набьют.

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Ну да, ты чужих больше жалеешь. Этот дурацкий архаичный подход не для двадцать первого века.

ИСТОМИН. Оставь этот фетишизм... Века отличаются один от другого исключительно вещами. И ничем более... (*Встает, прохаживается взад-вперед.*) Знаешь, отчего в армии дедовщина развелась?.. От эгоистичной любви мамочек к своим чадам.

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. При чем здесь армия? У нас с тобой дочь.

ИСТОМИН. Между прочим, в некоторых странах, в том же Израиле, женщины тоже служат.

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Мы с тобой, слава богу, не в Израиле.

ИСТОМИН. Ну да...

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ (*после паузы.*) А что ты хотел о дедовщине рассказать? Ты ведь, миленький, не служил...

ИСТОМИН. Ну и что, я знаю... И, между прочим, я два месяца был курсантом, а еще на офицерских сборах. Ты забыла.

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Да нет, у меня прекрасная память, но сборы - это не армия, а офицер - не солдат. И ты мог придти к своим умозаключениям исключительно выслушивая искаженные субъективным восприятием рассказы офицеров...

ИСТОМИН (*отстраненно*). Женский век... Вас больше, и вы довлееете... Материальное взяло верх над духовным...

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Тошенька, ты повторяешься. (*Поднимается.*) Давай-ка лучше пойдем домой...

ИСТОМИН. Нас ведь просили...

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Похоже, о нас забыли.

В это время на веранде появляется Панин. Он подходит к перилам.

ПАНИН. Екатерина Васильевна, Антон Геннадьевич, проходите сюда...

Истомина-Полонская, а за ней Истомин неторопливо поднимаются на веранду.

ПАНИН. Сейчас чай будем пить.

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Так вы нас на чай звали?

ПАНИН. Ну что вы, Екатерина Васильевна, чаевничанье - это наша маскировка. В предреволюционные времена маевки были - знаете, читали?.. Я имею в виду революцию начала прошлого века, Октябрьскую... Той, что нам с вами довелось пережить в конце века, предшествовали уже не маевки, а пустые магазины и партийные увещевания... Я сейчас самоварчик вынесу... (*Уходит.*)

ИСТОМИН. Станный господин.

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Отчего бы и не попить... А может, моя прабабушка так сиживала... У нее перед усадьбой пруд был... Сиживала, однако, несомненно... Только вот тогда электрических самоваров не было... Потом усадьбу разграбили и разрушили, пруд зарос, тритонов там развелось... А из ила метан поднимался... Мальчишки поджигали, получалось - вода горит...

ИСТОМИН. А мы с пацанами из пуль свинец вытапливали. А пулю в медную трубку, буквой «г» согнутую, забивали, с другой стороны гвоздь, тоже согнутый вставляли и резинкой от трусов два конца соединяли. Серы от спичек в пулю накрошишь, гвоздь оттянешь, потом резинку отпустишь, так стреляло - ни дать ни взять пистолет.

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. У тебя осталось не-реализованным желание убивать.

ИСТОМИН. Абсурд полный.

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. А почему такие вос-поминания?.. Что, больше в твоём детстве нечем было заняться?.. Вот у меня все цветное: крыльцо усадьбы белое, трава зеленая, тина желто-зеленая, лилии бе-лые, кувшинки желтые, тритоны вообще разноцвет-ные с красным брюшком...

ИСТОМИН. А какие твои желания не реализованы?

Возвращается Панин. Он с трудом несет большой старинный самовар. С облегчением водружает его на стол.

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Это что же, настоя-щий?

ПАНИН. Самый... Что ни на есть... Сейчас лучи-нок наколю...

ИСТОМИН. А сапог тоже имеется?

ПАНИН. И сапог будет, если хотите. (*Уходит.*)

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ (*разглядывая само-вар*). Истомин, похоже, нас ждет сеанс спиритизма. Впрочем, это нынче не в моде... Значит, реконструк-ция прошлого...

ИСТОМИН. А я думаю, чай с дымком... Если хо-рошая заварка, то может быть очень вкусно... А что касается реконструкции... Тебе все это не напоминает чеховские времена?

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Иногда ты мне напо-минаешь его персонажей... Тогда тоже разночинная интеллигенция обманывалась ложной беременностью жизненно важной идеей.

ИСТОМИН. Ну да, нынешние бизнес-леди - не тур-геновские барышни и не чеховские сестры. Им не до

размышлений. Они уверенно прямолинейны и целеустремленны...

Возвращается Панин с лучинами, складывает их в самоварную трубу.

ПАНИН. Ну вот, пока закипит - еще подойдут...

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Кого же мы ждем, Эдуард Тимофеевич?.. Вы нас и так своим приглашением заинтриговали, а оказывается, еще кого-то ждете...

ПАНИН. А у меня, знаете ли, необычное хобби. В провинции ведь самая главная роскошь какая?

ИСТОМИН (*мимоходом*). Человеческое общение...

ПАНИН. Верно, Антон Геннадьевич, именно общения с умными людьми нам, тем более в нынешние времена, не хватает. Но я не скопидом какой-то, у меня вообще способности к накопительству никакой.

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Так в чем же ваше хобби?

ПАНИН. Мне нравится людей объединять...

ИСТОМИН. Неожиданно... Третьяков картины собирал, Дягилев - балерин, Морозов - революционеров... Это до Великой Октябрьской революции. Перед последней, свидетелями которой нам с вами довелось быть, собирательством людей в определенных местах занимались небезызвестные организации. А вы как, простите, это делаете?

ПАНИН. Напрасно вы меня с организациями сравниваете... Я стараюсь умных людей знакомить...

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Этим сегодня телевизионные свахи занимаются. Или в клубах на тусовках...

ПАНИН. Свахи сводят одиноких, кому любить не дано, в клубы по корпоративной преданности и раболепству принимают. А я исключительно по уму объединяю...

На веранду выходят Коневы.

ПАНИН. А вот и Ольга Игоревна с Федором Ивановичем... (*Вошедшим.*) Милости прошу, присаживайтесь... Как в старые добрые времена - без интернета и электричества...

КОНЕВА. Боже, откуда этот антиквариат?.. (*Догадливо.*) Вероятно, из музейных запасников... Какие люди из него откусывали...

ПАНИН. Да, были люди прежде, не то что нынешние... (*Истоминой-Полонской.*) Ольга Игоревна у нас специалист по психологии... А Екатерина Васильевна - представитель современного делового класса. (*Истоминой-Полонской.*) Правильно я понял?

Истомина-Полонская кивает.

ПАНИН. А Антон Геннадьевич ученый, профессор...

ИСТОМИН. Преподаватель.

ПАНИН. Да, он преподает в университете... А вот Федор Иванович...

КОНЕВА. Он у нас человек творческий... Его стихи печатали разные издания, еще когда мы в МГУ учились...

КОНЕВ. У моих родителей такой самовар был... Они его за ненадобностью в сарай выставили. (*Коневой.*) Ты его, кажется, на металлолом сдала... Когда пионеры еще собирали...

КОНЕВА (*вздыхает*). Не понимала тогда, что вещи, старея, ценнее становятся.

ИСТОМИН. Если бы так же старики ценились... А то у нас они стремительно обесцениваются.

КОНЕВА. Это, уважаемый Антон Геннадьевич, уже аспекты социальной психологии...

КОНЕВ. Да ну ее, эту психологию... (*Панину.*) Гляжу вот, тут чай гонять собираются. А по какому поводу?

ПАНИН. Нет, уважаемые - это не социальная психология, это государственная политика... И очевидно недальновидная. (*Коневу.*) А разве без повода нельзя?.. Просто посидим, поразговариваем, как в старые добрые времена...

ИСТОМИН. Почти по Антону Павловичу Чехову...

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Какой Чехов, Антоша? На дворе двадцать первый век, все вишневые сады давно проданы, выкорчеваны и застроены доходными домами.

КОНЕВА. Не скажите, Екатерина Васильевна, в отличие от социальной, человеческая психология не меняется во времени. Просто у каждого поколения свои вишневые сады.

ИСТОМИН (*негромко*). И чайки...

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Чайки здесь ни при чем...

КОНЕВ. Отчего же, пусть летают...

На веранду выходят Мотылева и Хватова.

МОТЫЛЕВА. Так здесь, оказывается, еще и чаем угощают...

ПАНИН. Если желаете...

МОТЫЛЕВА. А чего же не пожелать, все осмотрели, обошли, ноги гудят, можно и посидеть. Да, Ира?

ХВАТОВА. Я чай не люблю.

МОТЫЛЕВА. А я так выпью... (*Садится.*) Ир, да ты из такого самовара и не пивала... С дымком... (*Панину.*) Старинный, тульский... (*Хватовой.*) Садись, не стесняйся. (*Коневой, негромко.*) Это что, входит в экскурсию или отдельно платить?

ПАНИН. Это совершенно бесплатно... Но мы с вами, кажется, не знакомились...

МОТЫЛЕВА. А, ну да... Я - Алла Филипповна. А это моя южная подруга Ираидочка Тимофеевна.

ПАНИН. Замечательно... Меня зовут Эдуард Тимофеевич.

КОНЕВА. Вы интересно выразились - «южная подруга»...

МОТЫЛЕВА. Ну да... Я сама с северных мест, а она на Черном море живет...

ХВАТОВА. До моря от нас не близко.

МОТЫЛЕВА. Подумаешь, только горы переехать... Вот мне до своего северного два дня пути, не меньше... Впрочем, и до твоего столько же... А я чай со смородиновыми листьями люблю. Духовитый он и полезный, особенно при простуде...

КОНЕВА. А чем же вы занимаетесь, Алла Филипповна? Кто по профессии?

МОТЫЛЕВА. Чем занимаюсь? Выживаю, как большинство населения... Это Ираидочка у нас живет...

ХВАТОВА. Не прибедайтесь, Алла... *(Коневой.)* Она у нас помещица.

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Как это интересно...

КОНЕВА. А разве еще сохранились помещики?

КОНЕВ. Какие помещики?.. Двадцать первый век на дворе... Она имеет в виду, что эта женщина... Не расслышал имя...

КОНЕВА. Алла Филипповна...

КОНЕВ. Что Алла Филипповна или председатель сельхозпредприятия, или фермерша...

ХВАТОВА. У нее много земли и наемные работники...

ИСТОМИН. И белая усадьба с зеленой лужайкой и прудом...

МОТЫЛЕВА. А вы фантазер... Как вас звать-величать?

ИСТОМИН. Антон Геннадьевич. А мою супругу - Екатерина Васильевна.

МОТЫЛЕВА. Так вот, Антон Геннадьевич, нет усадьбы у меня. Поля есть, я на них овощи выращи-

ваю, чтобы городские всякой заграничной генномодифицированной дрянью не травились. И дом есть. А вот пруда нет. Но подумываю выкопать. Буду в нем рыбу выращивать, она сегодня в цене...

КОНЕВ. Ну, что я говорил... Фермерша.

МОТЫЛЕВА (*Коневу*). А ты, проникательный, наверное, из деревни родом... Как зовут-то, тоже не запомнила.

КОНЕВ. А мы не знакомились. Меня - Федором, а жена - Ольга.

КОНЕВА. Ольга Игоревна.

КОНЕВ. Ее можно Игоревной, а меня Федором... Нынче все своих предков среди дворян ищут, а я горжусь, что в деревне вырос. И сено косить могу, и за животиной ходить...

КОНЕВА. Да ты уж забыл все... Последний раз когда в деревне-то был?

КОНЕВ. Ничего, детство не забывается.

МОТЫЛЕВА. Федя, а ты как считаешь, рыбой выгодно заниматься?

КОНЕВ. А вот в этом совета дать не могу, не рыбак. Я себе кручу...

КОНЕВА (*перебивает*). У него сугубо городское занятие... А вот Ираидочка Тимофеевна, интересно, чем занимается?

ХВАТОВА. Я - служащая.

ПАНИН (*Мотылевой*). Вы сказали, что выживаете, как и большинство населения нащей страны, а ваша подруга живет... Интересная формула.

ХВАТОВА. Это она просто так, к слову.

МОТЫЛЕВА. Не к слову, а как оно есть... Я ведь не тебя обвиняю. Ты работаешь на своем месте, что требуется, то и делаешь, хорошо получаешь, не по труду, ну да ладно, не это главное. Главное, что по сути вы наше народное, общее богатство распродаете.

ПАНИН (*Хватовой*). А вы где трудитесь, если не секрет?

ХВАТОВА. Никакого секрета, в одном из подразделений газпрома.

ИСТОМИН. Газпром - это наше все...

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Мнимое достояние.

КОНЕВ. А чего вы на газпром катите?.. Это наш главный козырь, основной аргумент в международных отношениях...

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. И главный довод для того, чтобы ничего больше не делать и сидеть на трубе.

ИСТОМИН. А и Б сидели на трубе...

КОНЕВ. А вы считаете, что без трубы мы завтра начнем выпускать автомобили не хуже немецких, а электронику - лучше японской?..

ПАНИН. А зачем нам кому-то подражать и что-то у кого-то перенимать. У нас есть свое.

КОНЕВ. И что же это свое?

ПАНИН. Прежде всего наша культура, вера...

ИСТОМИН. Вы забыли самое главное - атомную бомбу...

ПАНИН. И это тоже... На наши просторы зарятся многие, так что без атома нельзя. Но главное богатство - самый талантливый народ, ему лишь реализовать этот талант надо...

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. У этого народа простора слишком много, чтобы сосредоточиваться на мелочах и жить как остальной цивилизованный мир.

ПАНИН. Вот это вы, Екатерина Васильевна, верно заметили. Но именно в этом весь секрет нашей силы. И, если хотите, нашей слабости тоже. Только ведь неспроста эти просторы даны нам Всевышним...

КОНЕВ. Знакомая песня.

ПАНИН. А вы что же, не согласны?

КОНЕВ. А никто ничего не давал. Просто народ наш привык бегать от неприятностей, вот и добежал от одного моря до другого с запада на восток...

ИСТОМИН. Оригинальная гипотеза.

КОНЕВ. А разве не так?... Сначала от царей, кто с ними ссорился, бегали. Потом от крепостничества, кто пахать на помещика не хотел, Ну, а там революция, тоже было кому и от кого бегать. Потом культ отца всех народов, тут уж в обязательном порядке и за государственный счет на самую окраину отправляли...

ПАНИН. Я с вами категорически не согласен. Не надо представлять наш трудолюбивый народ бездельником, как нам нынче навязывают это наши враги. Эти наши просторы не так легко было осваивать, жизнью да здоровьем за них щедро платили. А отец всех народов, как вы изволили выразиться, действительно был отцом для всех народов нашей, еще совсем недавно огромной страны. Он собрал в одно государство больше ста народов. И врагов наших заставил созидать и уважать эту страну. И делал он это во имя нас с вами, ныне живущих в одном из ее осколков и бездарно проедающих созданное нашими отцами и дедами.

ИСТОМИН. Тоже интересная гипотеза.

ПАНИН. Ирония здесь, Антон Геннадьевич, не уместна. К истории, какой бы она ни была, нравится она кому или нет, надо относиться с почтением.

ИСТОМИН. А я разве возражаю? Меня тоже корбит, когда нынешние неофиты управленцы забывают, что история России насчитывает не два десятка лет, а более тысячелетия...

ХВАТОВА. Мужчины, давайте не будем о политике...

МОТЫЛЕВА. Дай мужикам выговориться, а то они без этого мрут, как мухи осенью...

Появляется Летунов. Он слышит слова Мотылевой.

ЛЕТУНОВ. А вы нас любите, женщины наши прекрасные, лелейте, и мы еще проживем... Мое почтение уважаемой отдыхающей публике, и, как говаривал юный герой одной, думаю, всеми нами любимой кинокартины, позвольте поинтересоваться, а что вы тут делаете?

МОТЫЛЕВА *(негромко)*. Не буду уточнять, кого видно сразу по походке...

ЛЕТУНОВ. У нас говорят, по заходу на посадку... Позвольте ручку *(делает вид, что хочет поцеловать той руку, но лишь крепко пожимает)*. Летунов Виктор Трофимович. Пилот первого класса...

МОТЫЛЕВА. Летчик, что ли?

ЛЕТУНОВ. Так точно.

ХВАТОВА. Как романтично...

ЛЕТУНОВ. Нет, уважаемая...

ХВАТОВА. Ираида Тимофеевна...

ЛЕТУНОВ. Уважаемая Ираидочка *(берет руку Хватовой и гладит)*, романтики в нашей профессии уже не осталось, исключительно материальный интерес.

ХВАТОВА. Ну как же... Я, когда комсомолкой была, с парашютом прыгала. Нас в райкоме комсомола обязали. Глянула сверху, и голова закружилась...

ЛЕТУНОВ. А вы вниз не смотрите, тогда не страшно.

ХВАТОВА. Я на самолете только тогда и пролетела. И ничего не помню.

ЛЕТУНОВ. Понравилось прыгать?

ХВАТОВА. А я так и не прыгнула. Сознание потеряла...

ЛЕТУНОВ. Так давайте я вас прокачу!.. У меня большой самолет, вниз можно не смотреть. Так что, решайтесь... *(Поворачиваясь к остальным.)* Но я по-

нимаю, у нас здесь не кружок парашютистов, а общество по спасению мужчин.

ПАНИН *(недовольно)*. Вы ошибаетесь.

ЛЕТУНОВ. Значит, тема другая... А действительно, зачем их, то есть нас, спасать? Человечество целеустремленно движется к матриархату. Я недавно где-то читал, ученые уже предсказали: останутся самые здоровые самцы, а таких все меньше и меньше, хлипкие пошли поколения, компьютерные, исключительно виртуально способные, и будут их в матриархальном обществе содержать наподобие быков и по науке доить...

МОТЫЛЕВА. Это кино было такое. Там двое мужиков в бабье царство попали. Будто после ядерной войны только они и выжили.

ХВАТОВА. Но там их не доили.

ЛЕТУНОВ. Потому что когда этот фильм снимали, еще никто сперму хранить не придумал.

На веранду стремительно выходит Лазарев.

ЛАЗАРЕВ. Так-так... Замечательно... По принципу - все включено... А я, признаться, думал - входной билет исключительно на то, чтобы подышать нафталином безвозвратно канувшего в Лету... Но отчего только чай?.. Да, представляюсь: меня зовут Сергей Анатольевич. Так отчего только чай? *(Обводит всех взглядом и безошибочно останавливается на Панине.)* А не желаете замечательного вина?.. Уверен, вы такого еще не пробовали.

ПАНИН. Спиртное здесь пить категорически запрещено.

ЛАЗАРЕВ. Я предлагаю, мой дорогой, не спиртное пить, а насладиться эликсиром молодости.

ПАНИН. Эликсир тоже нельзя.

МОТЫЛЕВА. А я бы выпила хорошего вина.

ПАНИН. Пожалуйста, в другом месте, не здесь.

МОТЫЛЕВА. Ладно, запрещено так запрещено. Будем пить чай с дымком... (*Лазареву.*) А вы кто будете, позвольте узнать?..

ЛАЗАРЕВ. Сергей Анатольевич...

МОТЫЛЕВА. Я это уже слышала. Какое отношение имеете к этому вашему эликсиру?

ПАНИН (*негромко*). К зеленому змию...

ЛАЗАРЕВ. Самое непосредственное. Я его творю.

ХВАТОВА (*догадливо*). Разливаете.

ЛАЗАРЕВ (*с обидой*). Разве я похож на официанта?.. Нет, я его именно творю.

ЛЕТУНОВ. Ясно, виноград выращиваешь или давишь... У меня в Грузии в советские времена друг был, так я ему помогал давить. Специально на пару дней летал. Он много вина делал. И хорошее вино у него получалось, на год нам хватало.

ЛАЗАРЕВ. Куда я попал? Нет, я должен образовывать этих людей. (*Решительно садится.*) Этих нефитов...

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Надо же, какое востребованное словцо... (*Лазареву.*) Можете дальше не пояснять, мы уже догадались, что вы владелец винокуренного заводика.

ЛАЗАРЕВ. Современного большого предприятия, а не винокурни... А что, это видно?

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Что именно?

ЛАЗАРЕВ. Что я владелец?

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Видно.

ЛАЗАРЕВ. Откуда?

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. А вы у питьевого бювета пышногрудую шатенку соблазняли вином и своей виллой на берегу моря.

ЛАЗАРЕВ. А вы, простите, не экстрасенс?.. Нет, скорее всего - психолог...

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. И психолог в этом ковчеге тоже имеется (*смотрит на Коневу*).

ЛАЗАРЕВ. А вы, значит...

ХВАТОВА. А у нее муж рядом...

ЛАЗАРЕВ. Да?.. Это замечательно. У меня есть вино специально для счастливых мужей...

ХВАТОВА. Вы прямо кудесник.

ЛЕТУНОВ (*негромко*). Постаревший Гарри Потер...

КОНЕВ (*Летунову, негромко*). Старик Хоттабыч.

ИСТОМИН (*вполголоса*). Старичок добрым был...

ЛАЗАРЕВ. Ну, с мужчинами мы на перекуре познакомимся... (*Панину*.) Перекур-то в сугубо трезвом мероприятии, надеюсь, не запрещается делать?

ПАНИН. Так вы уходите или остаетесь?

ЛАЗАРЕВ. На чай?

ПАНИН. Исключительно.

ЛАЗАРЕВ (*поглядывая на Истомину-Полонскую*). Пожалуй, останусь.

ПАНИН. Ну, тогда, как и положено, давайте познакомимся получше. Признаться, я сегодня приглашал сюда только Антона Геннадьевича с Екатериной Васильевной и Ольгу Игоревну с Федором Ивановичем, но коли наш круг расширился... Я представляю, кого приглашал... Антон Геннадьевич, профессор...

ИСТОМИН. Доцент.

ПАНИН. Доктор наук.

ИСТОМИН. Кандидат.

ЛАЗАРЕВ. Соглашайтесь. Не все ли равно...

ИСТОМИН. Да, действительно, теперь это не имеет значения...

ПАНИН. И все-таки, Антон Геннадьевич, согласитесь, что на вас, ученых, менее, чем на остальных, отразилась деградация последних лет...

ИСТОМИН (*после паузы*). Пожалуй, это не совсем верно. Старые кадры, те, кто защищался или готовил диссертации в прежней стране, действительно еще не утратили вкус познания и навыки анализа, а вот те, кто платил или за кого писали диссертации в новой стране, где все продается и покупается, естественно, знают меньше или совсем ничего...

ЛАЗАРЕВ. Но при этом уверены, что они лучше знают и умеют... Простите, доцент, а вы по какой науке?

ИСТОМИН. По самой ненаучной. По истории.

ЛАЗАРЕВ. А тема вашей кандидатской не касается прелестей олигархического капитализма?

ИСТОМИН. Нет, уважаемый, первую работу я писал о влиянии религии на светское общество в советской стране. Естественно, она осталась в столе. А защитил по теме, если не вдаваться в тонкости, - роль рабочего класса в социальных катаклизмах...

ЛАЗАРЕВ. Но это ведь сегодня совсем не актуально, чему же вы учите деградировавших студентов?.. (*Догадливо.*) Понимаю, вы вернулись к своей прежней теме... Религия, действительно, нынче востребована нашим атеистическим обществом, как никогда. Наши первые лица теперь все сплошь верующие, свечку держать научились...

ИСТОМИН. Вы глубоко заблуждаетесь. Вероятно, представляете рабочий класс в образе чумазого кочегара... Но это далеко не так... Простите, вот вы - только владеете своим заводиком или на нем работаете?

ЛАЗАРЕВ. Пашу... Иначе мой рабочий класс вмиг все растащит и развалит. Но уточняю, не заводиком, а современным немаленьким предприятием.

ИСТОМИН. Это не важно, главное - вы пашете сами. Вот вы и есть рабочий класс современности... Вы - инициатор производства, его двигатель, а ваш,

как вы выразились, рабочий класс - это ваши коллеги, которые реализуют вашу идею под вашим руководством и с вашим участием... А если они без вашего контроля все готовы растащить и развалить, значит, вы их не поняли и не выстроили правильные производственные отношения...

ЛАЗАРЕВ (*после паузы*). Уж больно мудрено... (*Остальным.*) Эти ученые умудряются так все запутать...

МОТЫЛЕВА. Выходит, по-вашему, и помещика тоже можно отнести к рабочему классу?

ИСТОМИН. Штольца - да, а Обломова - нет.

КОНЕВА. А Льва Николаевича?

ИСТОМИН. Граф Толстой, по нынешним временам, как писательский проект вполне соотносится с крупным производством с колоссальной сверхприбыльностью...

ЛЕТУНОВ. Ну, а где же тогда тунеядцы-капиталисты?

ИСТОМИН. Тунеядцев среди капиталистов не бывает. Стремление к накопительству, не прилагая труда, характерно для нижних этажей производственных отношений, где в основе деятельности лежит не реализация идеи или интерес организационных решений, а жажда обогащения.

ЛАЗАРЕВ. Обогащаются, вообще-то, в верхних этажах...

ИСТОМИН. Если такое происходит, система неизбежно разваливается. Наличие вдохновляющей идеи как первоосновы действия - главное условие устойчивости любой системы.

ЛАЗАРЕВ. И вы эту теорию защитили в советское время?

ИСТОМИН. Нет, конечно. Это мое сегодняшнее прочтение современных отношений.

ЛЕТУНОВ. Выходит, настоящая революция теперь невозможна, все богатеи стали пролетариями, которым, правда, есть что терять... помимо своих массивных золотых цепей, дворцов, яхт и футбольных клубов...

ИСТОМИН. Это примитивный и ошибочный взгляд материалистов. Истинное богатство не в тленном... И они это понимают, хотя и служат золотому тельцу... Но производственные отношения, правила игры, диктуют соответствующее поведение. А революционные перемены при дисбалансе интересов просто неизбежны. Но они необязательно массово проявляются...

МОТЫЛЕВА. Я что-то не поняла... Я женщина простая, от земли... Так кто теперь против кого?.. В Великую Октябрьскую наши деды шли против помещиков и богатеев, а мы сейчас против кого?..

ИСТОМИН. Это неверная трактовка. И в тысяча девятьсот семнадцатом году в России по одну сторону были те, кто производил, и те, кто не хотел или не умел этого делать. Знаете, по закону физики тяжелое оседает, а легкое поднимается вверх. Так вот, в обществе тот же закон: легкое и никчемное рвется вверх. К семнадцатому году не способных рожать и материализовывать идеи в царском окружении, в тогдашней элите, стало слишком много. Фактически они были расточительными потребителями...

ЛАЗАРЕВ. Да уж мы знаем, что всплывает...

КОНЕВА. А какова же роль русской интеллигенции в переменах?

ИСТОМИН. О, это отдельная тема... Просто понятие верха и низа относительно... В конце восемнадцатого века тот слой общества, который, собственно, и привносит в него идеи, как раз наверху и не плавал - их туда не допускали...

КОНЕВ. Что-то вы, товарищ ученый, накрутили... В Африке рабочего класса нет, а бунтуют...

ИСТОМИН. Вы все еще подвержены стереотипу. Рабочий класс сегодня - это прежде всего производители идей...

ПАНИН. Одну минуту, товарищи. Я вас сейчас рассужу. Я, кажется, понял. Вот только скажите мне, Антон Геннадьевич: Гейтс, на ваш взгляд, представитель рабочего класса?

ИСТОМИН. И Гейтс, и Форд, и наш фабрикант Демидов, и изобретатель наволочки для подушек...

ПАНИН. Таким образом, вы относите к рабочему классу всех тех, кто разбогател исключительно благодаря своему таланту, умению... А кого вы можете назвать сегодня из нынешних богатых, кто относится к рабочему классу...

ИСТОМИН (*после паузы*). Я далек от экономики...

ПАНИН. И все-таки...

ИСТОМИН. Не знаю... Не владею достаточной информацией...

ПАНИН (*радостно*). Правильно, вы не знаете, потому что таковых среди наших богатых нет. Кто-нибудь может мне назвать из числа нынешних миллионеров и миллиардеров того, кто разбогател не на продаже государственных богатств и воровстве? (*Все молчат.*) Ну вот, мы и разобрались, Антон Геннадьевич, с вашей теорией. Наши богатеи никак к современному пролетариату не относятся, они - очевидные бездари и воры.

Пауза.

МОТЫЛЕВА. Выходит, я - рабочий класс... А где бы эту теорию взять? Я бы ее своим работникам почитала, а то меня в деревне Салтычихой обзывают...

ИСТОМИН. Увы, в печатном виде нет. Только из моих уст, на лекциях...

ЛАЗАРЕВ (*Мотылевой*). А что же они вас так... неуважительно. Поди, есть основания...

МОТЫЛЕВА. Ну да, несколько гектаров земли...

ЛАЗАРЕВ. Один, два?

МОТЫЛЕВА. Да нет, поболе...

ЛАЗАРЕВ. Ну, все-таки... И потогонная система... Или гастарбайтеры на плантации...

ПАНИН. Алла Филипповна, вы о себе расскажите, чтобы домислов не было...

МОТЫЛЕВА. А обо мне чего говорить?.. Я как после института пришла на землю агрономом, так и по сей день на ней. А гектаров у меня пару-тройку сотен наберется. Мы с моим покойным мужем, царство ему небесное, на этих гектарах все свое здоровье и оставили. Я вот еще суечусь, а он уже свое оттопал... При советской власти была главным агрономом колхоза, ну а после, когда колхоз развалился, кем только не довелось: и разнорабочей, и трактористом, и торговала - одним словом, все, что на земле надо делать, делаю и делаю..

ЛЕТУНОВ. Есть женщины в русских селеньях...

МОТЫЛЕВА (*с вызовом*). А как же ты, мил человек, думал... На нас теперь все и держится... И государство, и дети ...

ЛАЗАРЕВ. А что выращиваешь-то, пшеницу?

МОТЫЛЕВА. Овощи... На пшенице в свое время погорела.

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Прибыль-то хорошая должна быть...

МОТЫЛЕВА. Это у тех, кто перепродает... А мы почти задаром отдаем...

ЛЕТУНОВ. Так это, милая моя, получается, как наш ученый тут сказал: ты в самом низу, наверх тебя не несет, тяжеловата, вот этот самый перекупщик над тобой и планирует...

МОТЫЛЕВА. С одним перекупщиком я бы справилась, так ведь над ним еще целая армия иждивенцев...

КОНЕВ. Я вот родом из деревни, совершенно согласен: труд земледельца сейчас ни во что не ставят...

КОНЕВА. Да ты уж забыл, когда последний раз в деревне был.

КОНЕВ (*обиженно*). Я знаю.

ПАНИН (*Коновой*). Ольга Игоревна, а вы разве не согласны, что деревню обирают все кому не лень?

КОНЕВ. Она диссертацию как раз по деревне писала...

КОНЕВА. О психотипе сельского жителя... Но это неважно... Теория моего коллеги, конечно, оригинальна, в чем-то любопытна, но я понимаю, она не имеет никакого отношения к его диссертации. Не так ли? (*Истомин кивает.*) И понятие классов не соответствует современному общественному устройству. Современное общество скорее можно разделить на слои, живущие по своим социальным законам, как правило, не пересекающиеся и порой отстоящие настолько далеко один от другого, что один слой не может себе даже представить реальное существование другого. Средства массовых коммуникаций дают лишь условное представление, как правило, искаженное в угоду политическим задачам или слою, который обслуживают. Например, бомж и олигарх - это полюса, которые могут слышать что-то друг о друге, но никогда не окажутся в зоне доступности один другого. А значит, понимания и, соответственно, взаимодействия между ними не будет...

ЛАЗАРЕВ. Но ведь можно и из князей в грязи...

ХВАТОВА. И наоборот. У меня сосед такой забулдыга был, а теперь владелец супермаркета.

КОНЕВА. Это исключение из правил. Подобные перемещения возможны только в период социальных бурь. Кстати, а вас разве не коснулись перемены?

ХВАТОВА. Меня?.. (*Смотрит сначала на Мотылеву, потом на Панина.*) У меня папа работал в газете...

ЛАЗАРЕВ. Начальником...

ХВАТОВА. Он был заслуженным газовиком. После института я пришла к нему в отдел. Там и сейчас работаю.

ЛЕТУНОВ. Кем?

ХВАТОВА. Экономистом.

ЛЕТУНОВ. Ну, монополисты всегда жили хорошо...

ХВАТОВА. Почему же, у нас тоже были трудные годы... В кризис, например, премиальных не было...

ЛЕТУНОВ. А простите за нескромный вопрос: какая у вас зарплата?

ХВАТОВА. Об этом неприлично спрашивать.

ЛЕТУНОВ. Неприлично, когда есть что скрывать... Но мы все равно скоро все разъедемся и вряд ли друг друга еще встретим, так что можно поделиться тайной, облегчить душу...

ХВАТОВА. А вы сколько получаете?

ЛЕТУНОВ. Мне скрывать нечего, я чистейшей воды пролетарий, собственности у меня никакой, работаю по найму. Полтинник имею...

ПАНИН. Профессор - в два раза меньше.

ИСТОМИН. Доцент - в три раза.

ХВАТОВА. Мне хватает...

ЛЕТУНОВ. Понял. Значит, не меньше моего... Одним словом, газпром - наше все...

ПАНИН (*Летунову*). А вы считаете, что ваш труд недооценен?..

ЛЕТУНОВ. Я вам штурвал дам поддержать, когда за спиной пара сотен пассажиров... И когда аппарат, на

котором летишь, от старости дребезжит и неизвестно, кто и как его подготовил к полету...

ХВАТОВА. От нас тоже, между прочим, зависит жизнь людей... И благополучие страны в целом...

ЛАЗАРЕВ. Вот-вот... И от этого газпром нынче всех обирает как липку... Газпром, нефтяники, коммунальщики... Да еще один монстр, во что наша энергосистема превратилась... Естественные монополии имеют нас, как маньяк жертву, без жалости и взаимного удовольствия...

ЛЕТУНОВ. Ну да... А мы все равно крепчаем...

ХВАТОВА (с обидой). Без нас вообще ничего бы не было... Страны уже не было бы.

МОТЫЛЕВА. Ладно тебе, Ир, не отрывайся от народа. Сама знаешь, что живете не по средствам... И если разобраться, то без земледельца уж точно никого бы не было, друг дружку давно бы съели... А без газа мы проживем, дров в России хватает...

ХВАТОВА. А тебя никто не спрашивает...

ЛАЗАРЕВ. Всё, дамы, не ссоримся... (Панину). Я же предлагал по бокальчику... Сейчас бы сидели все добрые, веселые...

ПАНИН. Вы страну и так уже споили.

ЛАЗАРЕВ. Ну вот вам и пожалуйста... Я от всей души... Уж кто-кто, а я ее точно не спаивал. И если б наш народ не самогон и всякую отраву пил, а мое вино, мы бы жили не хуже, чем те же французы.

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Оригинальный вывод...

ЛАЗАРЕВ. А что, не нравится?.. Или вы исключительно за русский путь?

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Нет, что вы, очень даже привлекательно звучит... А при нашей тоске о Париже... Кстати, а вы давно нас во французов перекраиваете?..

ЛАЗАРЕВ. А я не обижусь... Мне скрывать нечего. Я вот почти как Иркин сосед, из грязи... В кол-

хозе виноград выращивал, из кредитов не вылезал, у нас нынче выгодно только банкиром быть, от рэкета всех мастей и уровней отбиваться не успевал, ну и один француз заглянул сдуру в наши места, и виноград ему наш сильно понравился. А у них там с деньгами никакой напряженки, не знают куда девать, вот и сообразили на двоих: мои земля и люди, его - валюта, технология и сбыт... Он мне отщелкивает на безбедное существование и зарплату рабочим, я - из кожи вон лезу, чтобы не подвести, виноград вырастить и вино по их заграничным меркам, сотворить...

ПАНИН. Так вы не хозяин?

ЛАЗАРЕВ. Акции имею... Только вот я лично себя к профессорскому пролетариату отношу... Батяка мой виноделом был, и я винодел...

МОТЫЛЕВА (*Панину*). А может, правда, вместо чая лучше вина выпьем?.. Человек предлагает от всей души... Я очень хочу попробовать, что он там творит... Хотя в нашей деревне самогон гонят, я вам скажу, чище всякой водки... К тому же казенной нынче нет, отравят запросто...

ПАНИН. А вы договоритесь с товарищем где-нибудь в другом месте.

ЛАЗАРЕВ. Я всех приглашаю к себе... Всех. Вина хватит, я полмашины с собой захватил...

КОНЕВ. А я, признаться, водочку предпочитаю. Но попробовать можно...

ПАНИН. Федор Иванович, а вы где трудитесь?

КОНЕВ. Я?..

КОНЕВА. Он человек творческий... Ему нужен свободный график, независимость...

ПАНИН. И его, как человека по-настоящему независимого, наверное, все устраивает в сегодняшней жизни... Федор Иванович, устраивает?

КОНЕВ. А почему не устраивает? Устраивает...

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Человек без претензий - основа нашего неунывающего общества.

КОНЕВ. А какие претензии могут быть?.. Мои родители всю жизнь в деревне прожили, в колхозе работали, ордена имели... И деды с бабками тоже... И я вам скажу, они песни пели до самого конца... Соберутся с соседями отметить что-либо, стопочку-другую опрокинут и поют... А в городах песен не поют, больше пьют да разговаривают, друг другу жалуются... Хотя чего жаловаться, живем...

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Замечательная у вас философия.

ИСТОМИН. Жизнеутверждающая.

ЛЕТУНОВ. Оптимистичная.

КОНЕВА. И вы знаете, это действительно опорное мировоззрение нашего сельского жителя. Казалось бы, двух веков еще не прошло, как отменили крепостное право, да и потом ведь нашему крестьянству жилось несладко: переселение на новые земли, раскулачивание, беспаспортное прикрепление к колхозам, трудодни вместо денег, быт без удобств... И сейчас ничего светлого они не видят, а ведь оптимистичнее нас, горожан... И в страну верят больше, и во власть...

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Вы в этом уверены?

КОНЕВА. Это тема моей докторской... А вы в деревне бывали?

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Это значения не имеет...

КОНЕВА. Значит, вы далеки от сельской жизни... А чем занимаетесь, если не секрет?

ПАНИН. Да, кстати, мы начали наше знакомство с Антона Геннадьевича, а о вас, Екатерина Васильевна, ничего не знаем...

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Может быть, лучше вы о себе что-нибудь расскажете?

ПАНИН. Обязательно... Немного позже. После вас... Вы ведь с Антоном Геннадьевичем давно вместе?

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. И Антон Геннадьевич в нашем дуэте теоретик, а я - практик... Отчего-то нам, бабам, при капитализме выпало мужиков подменять в прежде сугубо мужских делах...

ПАНИН. Магазины держите?..

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. А что, на торговку похожа?.. Или, может, лучше на купчиху?.. Русский язык силен на подтексты. Купец - это тот, для кого главное - купить хороший товар. А торговец - для кого главное продать подороже, неважно какой, пусть самый заваливающий...

ПАНИН (*смушенно*). Вы похожи на общественно-го деятеля. Но сейчас большинство женщин в торговле, я и предположил...

КОНЕВ. Какие женщины? Это раньше было, а теперь в какой маркет ни зайдешь, в основном бугаи прогуливаются...

КОНЕВА. Это охранники.

КОНЕВ. И продавцов хватает... Сидят за компьютерами, делают вид, что работают... На них пахать надо...

ЛАЗАРЕВ (*негромко*). Старые песни о вечном...

КОНЕВ. В деревне работать некому... Скоро хлеба не будет...

ЛАЗАРЕВ. Это вы загнули... У меня соседи всю жизнь в колхозе отработали, а перед пенсией их сократили. Техника теперь не в пример советской - людей меньше надо...

КОНЕВ. Это старые кадры увольняют, их уже не научишь... Техника-то новая... А вот на ней работать некому, молодежь из села в города бежит, хотя и там не нужна...

ЛЕТУНОВ. А я далек от земли... (*Истоминой-Полонской.*) А вы, вероятно, хозяйка какого-нибудь салона для випов?..

ЛАЗАРЕВ. Надеюсь, не борделя...

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Господин винодел, а ведь вы не любите женщин...

ЛАЗАРЕВ. Я?.. Женщин?.. Люблю... Очень люблю...

КОНЕВА. Он нас просто не уважает... И побаивается...

МОТЫЛЕВА (*Истоминой-Полонской*). Да скажите вы им, чем занимаетесь, и дело с концом... Остальные ничего не таили.

КОНЕВ. А нам нечего таить, мы пролетарии...

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Ну это как вам угодно... Я себя к пролетариям не отношу...

КОНЕВА. И по классификации вашего мужа?

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Я занимаюсь издательским делом.

ЛАЗАРЕВ. А что, разве народ читать еще не разучился?..

ЛЕТУНОВ. Хорошие книжки издаете?.. Я читать люблю.

ЛАЗАРЕВ. А у вас что-нибудь по виноделию есть?.. Что я спрашиваю, конечно же нет. Давайте мы с вами сделаем книжку о настоящем вине...

ХВАТОВА. Я тоже иногда читаю женские романы. Они как сказка... А у вас знаменитости издаются?

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Нет, господа-товарищи, романов мы не издаем, исключительно альбомы... Для интеллектуальных випов, как выразился господин винодел...

КОНЕВ. Ну да, випы только картинки и разглядывают.

ЛАЗАРЕВ. А ведь мы меня невзлюбили, Екатерина Васильевна. За что же?

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Вы не догадываетесь?

ЛАЗАРЕВ (*после паузы*). Можете не отвечать.

ПАНИН. А вы на противоположных полюсах ходите. Екатерина Васильевна приобщает народ к красоте, а вы этот самый народ спаиваете...

ЛАЗАРЕВ. Вино даже в церкви пьют...

ПАНИН. В храме причащаются...

ЛАЗАРЕВ. Хоть горшком назови... Суть одна - внутрь принимают... Кстати, а что это вы о себе ничего не рассказали?

ПАНИН. Вот и до меня очередь дошла... (*После паузы.*) Я по образованию медик, а по призванию краевед...

МОТЫЛЕВА. Не стоматолог случайно?.. Мне вот мост надо заменить, а тут, оказывается, такая очередь...

ПАНИН. Нет, уважаемая, я служил патологоанатомом...

ХВАТОВА. Это что, трупы разделявали?..

ПАНИН. А вы напрасно мертвых боитесь. Бояться живых следует... Но я уже давно ничего острее кухонного ножа в руки не беру. Изучаю прошлое этого замечательного уголка нашей страны, постигаю тайны времени. (*Истоминой-Полонской.*) Вот вы с прекрасным связаны, с искусством, а знаете ли, что здесь уникальная аура? Аура, сотканная делами и помыслами гениев, и вы исцеляетесь здесь исключительно благодаря этой ауре, а не всяческим медицинским процедурам...

КОНЕВ (*негромко*). Никуда от этих модных веяний...

ПАНИН. Все наши физические болезни - от душевных... В начале было Слово... То есть сугубо немате-

риальная субстанция, а материя, любая материя, в том числе наше тело, лишь производное...

ЛАЗАРЕВ. Книжки пишешь?..

ПАНИН (*морщась*). Наши мысли, тем паче Слово изреченное, и так остаются навечно в одной-единственной, самой главной книге мироздания...

ИСТОМИН. Вы, голубчик, по-видимому, философствуете в свободное от службы время. Кстати, краевед - это ваша должность?

ПАНИН. Я числюсь музейным работником.

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Подвиг подвижничества... В наше время иначе это не назовешь...

ПАНИН (*с благодарностью*). Вот вы понимаете...

ЛЕТУНОВ. Я извиняюсь, конечно, что не в тему: я про ауру хотел уточнить... А то часто пролетаю над этими местами...

ЛАЗАРЕВ. Давайте я все-таки вина принесу?.. Такие разговоры насухую... Без преувеличения, вы такого вина еще не пробовали... Вот это будет аура...

ХВАТОВА. Дайте товарищу краеведу закончить.

МОТЫЛЕВА. А патолого... ну, этим, в морге, однако, больше платили? А еще вознаграждения...

ПАНИН. Не все деньгами меряется...

Пауза.

КОНЕВА (*Панину*). Вы уж простите нас, Эдуард Тимофеевич, что так отреагировали на вашу профессию. Но сегодня здоровых людей нет, хороших врачей мало, и мы все заражены вирусом накопительства...

КОНЕВ. Он же патологоанатом...

МОТЫЛЕВА. Какая разница, что по мертвому, что по живому... Всем платить надо. А если вдруг что случится... У меня вот наемный работник помер, так наш главный патолог-эксперт пугать стал: мол, не за-

платишь - напишу, что по твоей вине загнулся. Засудят, мол...

ПАНИН. Я ведь сказал, я - краевед... Но мы отвлеклись... Кстати, так и наше общество отвлекают, в сторону уводят от насущных проблем.

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Действительно, пора уже открыть нам тайну этого неожиданного чаепития...

ЛЕТУНОВ. Я с детства тайны обожаю.

ПАНИН. Да, есть у меня и свой интерес...

ХВАТОВА. Я так и знала, что вы книги пишете.

ПАНИН. Книги?.. Нет, не пишу. Но чем более погружаюсь в тайны прошлого, тем очевиднее проблемы дня сегодняшнего и трагического будущего.

ЛАЗАРЕВ. Да ладно уж, не томи публику насухую.

ПАНИН *(с вызовом)*. Вам чаю?

ЛАЗАРЕВ. Чай пьют ямщики или кто их сегодня заменяет, я предпочитаю живительный напиток.

МОТЫЛЕВА. А я люблю чаевничать. Особенно после баньки, когда напаришься... Летом напротив открытого окошка сядешь, у меня из него далеко видно... А зимой лучше возле камина... Пламя играет, поленья постреливают...

ЛАЗАРЕВ. А что, в селе уже и камины есть?

МОТЫЛЕВА. У нас все есть, не то что в городе... И здоровья поболее...

ЛЕТУНОВ. Это хорошо - после баньки...

ЛАЗАРЕВ *(перебивает)*. Ну, а нам солнца хватает... И без каминов жарко.

ЛЕТУНОВ. Море тоже хорошо...

КОНЕВ. Дайте человеку договорить.

Все в ожидании смотрят на Панина.

ПАНИН. Мы сегодня собрались за одним столом... У каждого своя жизнь, свой опыт, да и живем мы в

разных концах страны. Но страна у нас одна. С ее славным революционным и военным прошлым, с замечательными традициями просвещенной части населения - интеллигенции, которая сегодня превратилась в прислужницу власти (*голос его набирает силу*), позволяя нашу с вами страну разорять, разрушать, а его народ методично и цинично уничтожать. Я представляю ту часть общества, которая отдает себе отчет в гибельности пути, по которому мы идем. Мы ясно понимаем, что, кроме нас с вами, нашу страну никому не спасти. Ни тем, кто сегодня получил власть, абсолютно не понимая, что с ней делать, и услуживая всем, кроме собственного народа, ни тем, кто присвоил нашу с вами собственность и транжирит ее, не обладая талантом созидания. Мы - те люди, от чьего имени я сейчас говорю, каждый в своем городе или деревне, на своем рабочем месте боремся с узурпацией недееспособных представителей власти и бизнеса, ежедневно множа свои ряды... Я предлагаю вам вступить в эти ряды...

Зависает пауза.

ЛАЗАРЕВ. Н-да... Я говорил, по бокальчику надо было бы...

ЛЕТУНОВ. А что, насчет рядов - это серьезно?

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ (*негромко*). Как в плохих романах... Вот и думаешь: то ли Овод времен теперешних, то ли провокатор перед тобой...

ИСТОМИН. Я бы не торопился с выводами... Товарищ краевед прав: действительно назрело... Не сегодня, так завтра обязательно прорвется... Бунт, в перспективе, всегда пленителен новизной будущего...

МОТЫЛЕВА. Эх, женщины-бабоньки да мужички-господа, а мне чаю так хочется, ну прямо сил нет...

КОНЕВ. Ну, на баррикады идти совсем не обязательно...

КОНЕВА. Надо учитывать менталитет нашего населения, особенно сельского...

ХВАТОВА. О чем это вы?..

МОТЫЛЕВА. Я говорю, чаю бы, наконец, испить...
(Хватовой.) Не желаешь, подруга?

КОНЕВА. Действительно, к чему на столе самовар такой замечательный... Скоро уже остынет...

МОТЫЛЕВА. Вот именно... Что-то мне не шибко воевать хочется... Я еще не успела свой огород в порядок привести...

ПАНИН. Хорошо, давайте пить чай...

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Все та же веранда. Но нет уже самовара, да и сидящие вокруг стола теперь выглядят более серьезными.

ПАНИН (*Истоминой-Полонской*). Вы перед чаепитием меня Оводом обозвали...

ХВАТОВА. Действительно, к чему это?.. Эдуард Тимофеевич нисколько не похож на овода...

КОНЕВА. Книга такая есть, про революционера...

МОТЫЛЕВА. Я кино видела, правда, давно.

ЛЕТУНОВ. А я читал. Сильное впечатление, между прочим, произвела. Я в детстве на него похожим хотел быть.

ИСТОМИН. Стойкий оловянный солдатик... У каждого поколения свои образцы для подражания... Но удивительно похожие... Оловянный солдатик - это ведь тоже образец...

ЛАЗАРЕВ. Кажется, из уст нашей бизнес-леди слово «provokator» еще прозвучало...

ПАНИН. С госбезопасностью не имел дела ни в советские времена, ни, тем более, сейчас... К тому же сейчас говорить мы можем не только на кухне.

ИСТОМИН. Это несомненное достижение. И вы правы, мы все ощущаем, насколько общество за последние годы существенно деградировало. Капитализм имеет не только свои плюсы, но и минусы...

ЛЕТУНОВ. Да не то слово... Вот я о себе скажу. Я - пилот первого класса. По выслуге уже давно могу быть на пенсии, а еще летаю.

КОНЕВ. На пенсию не проживешь.

ЛЕТУНОВ. Это тоже, конечно, имеет значение, хотя рано или поздно мы все там будем... Но я не спешу. Да и замены нет. За эти годы профессионалов разучились готовить. Теперь что ни авиакатастрофа, то причина в человеческом факторе. На пенсию выйду, на самолетах летать не буду, только поездом...

ЛАЗАРЕВ. Машинистов тоже плохо учат.

ЛЕТУНОВ. Там падать вниз не придется.

МОТЫЛЕВА. Так теперь же все за взятки... И любой диплом за деньги продадут. Агронома толкового не найти.

КОНЕВ. Кстати, во времена нашего пионерского детства и комсомольской юности понятия «профессионал» вообще не было. Потому что все на своих местах были профессионалами. Даже сантехник...

КОНЕВА. Как это знакомо - вечно ругать молодых. Ты бы еще процитировал: «Да, были люди в наше время, не то что нынешнее племя, богатыри не вы...»

ИСТОМИН. «Каждый последующий правитель хуже предыдущего». Это изрек Макиавелли в шестнадцатом веке...

КОНЕВ. А что, мы действительно Гулливеры по сравнению с нашими детьми... А страна стала Лилипутией.

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Нашим детям просто другое дано знать и делать. Конечно, у нас была империя, мы гордились страной, в которой жили, но для них наше прошлое - это не более, чем миф.

КОНЕВ. Миф не миф, а хуже делают, чем мы. Или совсем не делают.

ИСТОМИНА -ПОЛОНСКАЯ. Они делают другое. То, что мы не умеем.

ИСТОМИН. Конфликт поколений - это конфликт знаний и умения.

КОНЕВА. Это скорее обитание в разных информационных пластах.

ПАНИН. Это разные ценности. А внутри поколений еще и борьба светлого и темного, добра и зла. Страшно, когда наших детей противопоставляют нам, а наше прошлое, прошлое страны принижают, извращают. Вот ради того, чтобы дети не пошли на отцов, нам и надо объединяться против тех, кто разваливает страну, развращает народ, кто изолгался и продался.

Пауза.

МОТЫЛЕВА. Я как-то выпала из ваших рассуждений... У меня дочка непутевая в городе живет с двумя детьми. Муж, естественно, наелся груш, как нынче принято, а она чего-то там в сетевой структуре покупает-продает... Денег, естественно, ей не хватает, а возвращаться в деревню, помогать мне не хочет. Приедет погостить, поахает, какая у нас благодать, поплачется и обратно... Я ей: вот тебе дом, вот тебе мой огород, живи, денег нам с тобой и внучатам хватит, прокормит земляца, да и здоровья добавится... И я, пока в силах, помогу. Нет, не едет.

ЛАЗАРЕВ. Замуж хочет.

МОТЫЛЕВА. Какой замуж, за кого?

ЛАЗАРЕВ. В деревне уж точно не за кого, самогон все глушат...

ХВАТОВА. А в городах альфонсов полно. Или ущербные, бездельники...

МОТЫЛЕВА. Вот подруга правильно говорит, она всю жизнь в городе живет.

ЛАЗАРЕВ (*Хватовой*). Замужем?..

ХВАТОВА. Выгнала...

МОТЫЛЕВА. Он у нее только пить да жрать горазд был... Даже мужской долг по-настоящему справлять не мог.

ЛЕТУНОВ. Ну, это нынче общее место... (*Лазареву.*) Я вот вспоминаю нашу молодость, да и потом, до этого капитализма. Мы тогда без девок и женщин не могли обходиться...

ЛАЗАРЕВ. Теперь голубизна в моде.

ХВАТОВА. А я слышала - от техники облучение, оттого и лысые смолоду, а еще мужикам этих самых... тестеронов не хватает.

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Прежде дефицит тестостеронов, а уж потом лысина и импотенция - как следствие...

ПАНИН. Тема, конечно, актуальная, но не главная... Это все производные того общества, которое мы имеем. Чуждого нам строя... Вот Ольга Игоревна специалист в этом вопросе... Скажите, ведь менталитет наш отличается от европейского?..

КОНЕВ. Опять славянофилы и западники...

КОНЕВА. Я бы не сказала, что кардинально...

ПАНИН. И тем не менее, отличается. И в самом главном. Им наша державность неведома. Они изначально в тесноте жили, за каждый клочок земли воевали. И на Ближнем Востоке, где и сейчас продолжают землю делить, и в Европе. Это понятно: народов разных много, а земли с гулькины нос... Для них там право на собственность - это вопрос жизни и смерти. И дальше вот этого самого своего носа они ничего не видят, а главное - и не мыслят. Знакомый живет в Германии, на выходные в Голландию за продуктами ездит, там дешевле. И ходит строго по дорожкам даже в лесу: не дай бог ступить на частную собственность... Я ему говорю: ну чем твоя жизнь лучше заключенного? Одна видимость, что свободен, а так ходишь по отведенным местам, едешь по

разрешенным маршрутам... Но обработали идеологи этого тюремного образа жизни всех нас похлеще, чем советская пропаганда. Сталина переплюнули... И не по доброте, а от зависти все эти советники заграничные годы лапшу нам на уши вешали, дескать, хотим, чтобы вы лучше жили. У нас ведь просторы - воображением не охватишь... Пришел мужик от обид и угнетения на новое место, обустроился, пожил, опять что-то не понравилось, побежал дальше... Для них преклонение перед частной собственностью - это необходимое саморегулирование существования в тесноте. А для российского человека, который к нашим необозримым просторам, к свободе привык, вся страна - собственность... И все ничье. Только ничье - значит не бесхозное, а Божье, Богом данное всем равно... Смешно представить, чтобы где-нибудь в сибирских просторах новосел стал бы отвоевывать или отсуживать у старожила метр землицы... А сегодня в городах битва за сантиметры идет. Потому что у горожан эту самую державность, это понимание, что Богом дано, - всем вытравили. Потому что город - это та же Европа в миниатюре, когда народу много, а места все кажется мало, потому-то всем к центру ближе хочется, хотя там и шумно, и дышать нечем, и тесно... А воюет кто? Делец. А за что? За грош медный, за выгоду. Это жадность человеческая воюет... Жадность и неприкосновенность частной собственности выше совести возвели, законами огородили. Мол, наворовал, нажадничал, а все одно мое: не трожь... А землей, Богом сотворенной, грех торговать. Так что все наши чиновники, которые ею торгуют, грешники. Воздастся им должной мерой. Если не сегодня, то завтра детям их...

КОНЕВ. Все как-то однобоко у вас получается, Эдуард Тимофеевич. Я вот из деревни, так там сосед соседа и за метр межи со света сживет... И сейчас, и при советской власти было.

ПАНИН. Не спорю. У человека за одним плечом - ангел, а за другим - бес. Кого послушает. Но согласитесь, что сегодня, когда общество поражено болезнью бессовестности и веры во всемогущество денег, это приняло немыслимые масштабы.

ИСТОМИН. Классика русская утверждает, что это и в восемнадцатом веке было...

ПАНИН. Тогда тоже капитализм был. Мы ведь с нашей перестройкой не вперед шагнули, а вернулись назад...

МОТЫЛЕВА (*задумчиво*). Насчет иностранцев, которые на нас не похожи, краевед прав. И земли у нас хоть и поуменьшилось после распада СССР, но и сейчас еще много. А в Сибири и на Дальнем Востоке народишка вовсе мало на эти размеры. Да если разобратся, много ли нам ее надо? Вот у меня, к примеру, всего ничего. И мне хватает, чтобы и себя и свою семью обеспечить, да и наемных работников с их семьями прокормить. Другое дело, что ведь и за эти гектары пришлось в свое время много порогов всяческих обить: где доказывать бумажками с печатью, что имею на них право, а где и взяткой, хотя у меня муж, царство ему небесное, всю жизнь в колхозе пахал. Ради этой самой земли свое здоровье и загубил... Для нас старался. Сам не попользовался, но хоть нам оставил, чтобы по миру с котомкой не пошли... (*Всхлипывает. Достает платочек и вытирает глаза.*) А нынче охотников на крестьянскую землю немало развелось. Только вот все больше не работать на ней хотят, а за сезон выжать все, что можно, а там хоть трава не расти... И убивают из-за нее...

ПАНИН. Это опять же Мамона совращает...

КОНЕВ. И все-таки капитализм более прогрессивен, чем социализм. Я в советские времена в газете работал, так мы статьями все пытались в колхознике чувство хо-

зяина воспитать, а он никак не хотел к общему, как к своему, относиться. У нас дома в огороде и росло все лучше, и скотина была ухоженнее, чем в колхозе, хотя мои родители на совесть трудились на колхозной ниве.

ИСТОМИН. Это частное, вытекающее из общего. Действительно, период так называемого застоя характеризовался апатией, снижением активности населения. Это вполне объяснимо. Трудно поддерживать состояние энтузиазма длительное время. К тому же разным поколениям нашего народа выпал и свой период эйфории, и свой период жертвенности, напряжения. Трагедия революции, Гражданской войны и энтузиазм индустриализации - поколению дедов. Война и послевоенное восстановление страны - поколению отцов. И те и другие затратили на это так много сил, что вполне закономерным было наступление апатии, когда большинство народа так или иначе, но устроились, обрели некое понятие счастливой и спокойной жизни. Так что идеологические кнут или пряник могли только чуть-чуть заставить шевелиться ради общего дела. Что же касается собственного огородика или дачки, так ведь это и размеры маленькие, и труд вкладывался не ради заработка... Это у каждой семьи был как бы свой резервный фонд на случай кризиса... Тем более годы войны недалеко ушли... Власть этой объективности признавать не хотела. Можно было бы, конечно, подумать о человеке, а не о стране, после войны многие хотели дома отстроить, а не хрущевке радоваться. Но власть всегда боится народной инициативы и своими действиями не столько стимулировала, сколько усугубляла апатию. Как следствие, к девяностым годам прошлого века самостоятельная энергия, творческий потенциал народа были настолько зажаты, не востребованы государством, что привели к новой революции, которую мы с вами хорошо помним, потому что принимали в ней участие. Она открыла выход недовольству,

коммунистический режим пал, и это недовольство самоорганизовалось. Часть общества повернула в русло созидания, ну а часть взялась за разрушение, распродажу страны... К сожалению, вторая, меньшая часть как раз и имела доступ к общим ресурсам. Но все-таки именно в девяностых, пока бывшая партийная номенклатура была растерянна, а новая власть еще не управляла обществом, страна пережила бум энтузиазма.

ПАНИН. А сегодня власть опять боится народной инициативы, хотя и призывает к ней.

КОНЕВА. Коллега прав, очень важно направить энергию масс в созидательное русло, но причина нынешней ситуации не только во власти...

ЛАЗАРЕВ. Причина в том, что власть захватили воры и бывшие коммунисты. Им главное было - нахапать... А потом они выстроили вертикаль взяточников...

ЛЕТУНОВ. А я считаю, что социализм - это то, к чему нам теперь опять надо стремиться. Мы, конечно, не успеем уже настоящий построить, это срок не короткий, но наши дети вполне могут в нем пожить. Коммунизм - это, конечно, утопия, а социализм - настоящий - реально можно построить. Если каждому по потребностям, то все разбухнут. Как нынешние бройлеры, и думать перестанут. Но вот каждому по труду - это справедливо.

ХВАТОВА. При социализме на прилавках были синие куры, масло и сахар по талонам... А еще очереди, до драк доходило...

КОНЕВ. И дефицит сплошной... Все с заднего входа... Блат...

ПАНИН. Сейчас тоже с заднего, если дружишь с чиновником да откаты делаешь... Все по тому же блату да родству, только в неизмеримо больших масштабах.

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. И размерах... Но что характерно, куры стали на удивление упитанные...

ПАНИН. А кошельки у богатеев все толще...

МОТЫЛЕВА. А вкуса никакого... Я у дочки гостила, она магазинную запекла, решила меня грилем угостить. Я и не поняла, натуральная она или, может быть, уже из нефти...

ЛЕТУНОВ. Все наши беды через эту нефть... И воровство, и бедность, и рожать не хотят...

КОНЕВ. Ну, вы скажете... Да не было бы нефти, мы бы давно уже на дядю работали.

ПАНИН. Мы и так уже давно работаем на всяких заморских дядь...

КОНЕВ. А что вы на власть все валите?... Каждый народ достоин той власти, которая им правит... Сами виноваты. На выборы кто сегодня ходит? Кто власти прислуживает или от нее зависит. Ну, и пенсионеры, которые делятся на тех, кто любую власть терпеть не может, и кто любую власть уважает и слушается... Последних у нас, естественно, больше по причине сталинского культа. А молодежь сегодня - сплошные пофигисты, им, кроме развлечений, ничего не надо...

ЛАЗАРЕВ. Ох как нас одурачили... Обработали знатно... Вот уже и народ во всем сам виноват... Власть ворует, жирует, ни на что не способная, но нечего ее винить да менять: каков народ, такова и она. Пьет народ от этой безысходности, так это - болезнь, эпидемия, а человек не виноват, лечить его надо ... Не ремнем или дрыном этот грех, еще пока поперек лавки лежит, вышибать, а нежно лечить, с пониманием... А в подмогу юным разбойникам да алкашам будущим ювенальная юстиция... А я считаю, что те, кто нынче у власти, виноваты, что безысходность... И дело не в спиртном. Я вино пью, можно сказать, с пеленок, но пью с умом, как батя учил... Пацаном напился как то, так он меня так полечил, что неделю сидеть не мог... И, между прочим, нынче много мо-

лодых не пьют. У меня их немало работает, все малопьющие...

МОТЫЛЕВА (*со вздохом*). А у нас каждый второй спивается, а каждая вторая в город подалась, так что дели все сразу наполовину.

ПАНИН. Это в лучшем случае. (*Лазареву.*) Но я с вами согласен, пьянство - это никакая не болезнь, это грех... И об этом надо ребенку с детства говорить. И в обществе должно быть такое понятие.

ИСТОМИН. Уважаемые, вот нам всем живущим приятно обольщаться. Все хочется, чтобы именно мы жили лучше, богаче, чем другие, по нашим, конечно, меркам. И в то же время, заметьте, мы все время ждем конца света, какой-нибудь катастрофы. Но ведь второе исключает первое...

ПАНИН. Это сейчас катастрофы ждут, при коммунистах ждали коммунизма...

ИСТОМИН. Грезили об идеальном обществе, так будет правильнее... И тоже обольщались. Вся эволюция человечества - это путь от свободы и самодостаточности к несвободе и зависимости от себе подобных. Нам сейчас трудно представить, что наш далекий пращур мог жить без всех нынешних благ цивилизации. Вообразите, что будет, если вдруг завтра исчезнет все: электроэнергия, водопровод, транспорт, газ, магазины... Кто из вас сможет выжить?.. Вот и жмемся друг к другу, теснимся в городах, выхолащивающих души, потому что утратили способность выживать в природе...

ЛЕТУНОВ. Точно, приближаемся к концу света. А что делать?

ПАНИН. Что делать? Не позволять власти нас, наших детей нищими и больными делать.

Пауза

ЛАЗАРЕВ. С одной стороны, власть действительно у нас никудышняя. И коррупцию расплодила, и порядок не может навести, да и особо о народе не печется...

ПАНИН. А ведь Александр Исаевич Солженицын напоминал: главное - заботиться о народе, способствовать его восполнению...

МОТЫЛЕВА. А я, пожалуй, выжила бы... Земля прокормила бы, лес обогрел... Вот дочке и говорю, а они ведь, молодые, ничего не понимают...

ЛАЗАРЕВ. А я бы - нет. Хотя и небольшой, не олигарх, но все-таки - миллионер рублевый, а не выжил бы без инфраструктуры... Но хоть выбился в люди, а власть эту не поддерживаю. Взятками да налогами подняться с колен не дают. Только вроде вставать на ноги начали, вот тебе акциз... Чуть сориентировались в новой ситуации - вот тебе повышение отчислений на зарплату... Будто кто наверху сидит и специально высчитывает, как и где мелкий бизнес подниматься начинает, тут ему и вставляют палку куда следует... Вроде как на чужого дядю работают... Каждый год боюсь обанкротиться. А они на мои налоги дворцы за границей покупают...

ЛЕТУНОВ. Да они еще со времен Горбачева на заморских дядь и тетя трудятся рук не покладая, недосяпая... Видишь, как по стране всем правительством мотаются... Это ж в какие миллионы их вояжи обходятся... Если посчитать, сколько можно было больниц да детских садов новых построить...

ЛАЗАРЕВ. Авиапром поднять...

ЛЕТУНОВ. Не режь по больному... Что в небе происходит, я лучше вас знаю.

ЛАЗАРЕВ. Но, с другой стороны, и тут не поспоришь, появилась хоть какая-то стабильность. А если вспомнить девяностые, то, можно сказать, вообще замечательно живем. Конечно, хочется лучше, хочется, чтобы воров всех наказали и дело делать не мешали все

эти нахлебники-чиновники. Но только вот революций нам больше не надо. Я насмотрелся в девяностые, не зря их лихими окрестили. Мы тогда с батькой свой бизнес открыли, сами за виноградником ходили, сами вино делили, продавали. Каждый божий день новая «крыша» объявлялась. Пока с милицией не договорились, так и сосали кому не лень. И ладно бы вином брали, а то ведь деньгами. Наторговал не наторговал, а отдавай оброк.

КОНЕВ. А что, менты меньше досаждали?

ЛАЗАРЕВ. Те вином в основном брали... Так вот, в те годы и в депутаты, и в администрацию всякое отребье вылезло. Тех, кого в свое время батька из колхоза выгнал. Хапуны, бездельники. Но говоруны, и амбиций не меряно.

ПАНИН. Так ничего с того времени не изменилось...

ЛАЗАРЕВ. Да нет, уже не так... Нынешние толстосумы хоть и нечестным трудом свои капиталы нажили, но все-таки что-то умеют... Ну, в общем, к чему я это все... Да, живем мы не так, как хочется, но и революций я не хочу.

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. А я хочу.

ИСТОМИН (*удивленно*). Ты же знаешь, революция наверх всегда пену поднимает...

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. А я хочу встряски. Пусть лучше уж пена, чем ряска, которая скоро наш пруд в болото превратит...

ЛЕТУНОВ. Точно, вот-вот лягушками заквакаем...

ПАНИН (*Лазареву*). Вот видите, Екатерина Васильевна тоже бизнесмен, а по другую сторону баррикад...

ЛАЗАРЕВ. Ну, до баррикад дело еще не дошло. И надеюсь, не дойдет.

ПАНИН. А если все же дойдет, вы с кем будете?

ЛАЗАРЕВ. Если припрет, точно не с пеной.

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Отчего же вы так пены боитесь?.. Ну, погорлопанит всякая олицетво-

ренная тщеславность, выпячивает грудь, удовлетворяет алчность, да и отскочит в сторону, революция ведь всегда своих детей-актеров пожирает. А вот сценаристы, режиссеры, кукловоды остаются. Революция - это катарсис, очищение. Иначе как эту ряску разогнать, пока она в трясину не превратилась?.. Или вы предпочитаете благополучно захлебнуться этой разлагающей жижей так называемой стабильности?

КОНЕВА. В демократическом обществе для встряски существуют выборы, на которых каждый может выразить свою волю...

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Вы это теоретически или на полном серьезе?

КОНЕВА. Да, конечно, до настоящего волеизъявления нам еще далеко. Но ведь опять же это зависит от нас... Если большинство перестанет считать, что его голос ничего не значит, и все же придет на выборы...

ПАНИН. У нас вся избирательная система против честных выборов настроена. Кто же добровольно власть отдает.

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Эволюционным путем мы к демократии придем нескоро. Если вообще придем. Нет уж, пусть с пеной наверху, но революция. Только она спасет страну от нового и уже окончательного распада...

ЛАЗАРЕВ. Ну, от вас, уважаемая, я, признаться, не ожидал такого почтения к пене. А не боитесь, что новая революция только ускорит распад страны?

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. У меня к агрессивной серости почтения быть не может. Но я отдаю себе отчет, что иначе как механическим воздействием поверхность не очистить. Можно, конечно, уподобиться пресловутому страусу: голову засунуть в песок, и неважно, что с твоим задом будет. Но лучше все же осознать необходимость и неизбежность перемен. А эти перемены возможны исключительно при появлении

новых лидеров и обновлении власти. А лидеров именно эта самая пена, как правило, и выявляет. Кстати, моя бабушка в Октябрьскую революцию потеряла все, что имела, но никогда не жаловалась и не сожалела о былом, не сомневаясь, что иного не было дано.

ЛАЗАРЕВ. А кем же была ваша бабушка? Уж не дворянкой ли?

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Это неважно. Но у нее было достаточно средств, чтобы безбедно прожить свою жизнь.

ЛАЗАРЕВ. А я потомственный крестьянин... Может, вы и правы, катаклизмы выявляют лидеров, но вот только не всегда эти лидеры праведниками являются.

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Позвольте я закончу... В девяносто первом году, который нам ближе, и мы хорошо помним то время, революцию срежиссировала советская интеллигенция. Та ее часть, которую называли диссидентской. И эти люди не были пеной, заметьте. Это были умные, известные люди, и они пришли тогда в парламент. Пришли с хорошими идеями, желанием обновить страну... У нас начала формироваться парламентская республика... Это был шанс покончить с тоталитаризмом... Но пока умные головы теоретизировали и дискутировали, та самая алчная, но деятельная пена, которой вы не напрасно боитесь, подготовила контрреволюционный переворот и осуществила его, расстреляв парламент, действительно избранный народом. Так что страна, в которой мы сегодня живем, - это продукт контрреволюции, а не революции.

КОНЕВ. По-вашему выходит, что в парламенте тогда сидели все белые и пушистые, а на улицы вышла пена...

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Думайте как хотите.

КОНЕВ. Я, между прочим, в то время в Москве был и сам с народом страну спасал... Иначе бы ваши умни-

ки ее еще тогда развалили... Никакой парламентской республики в России быть не может. Мы триста лет жили под монархом, а потом еще Иосиф Виссарионович царствовал... И Ельцин замечательно на роль царя подошел. Вы же не станете спорить, чем не царь Борис: вальяжный, большой, с зычным голосом, взглядом сверху вниз, с манерами барина... (*Глядит на Истомину-Полонскую.*) Кому должен был народ поверить? Хитрому чеченцу в парламенте и сладко-голосым недееспособным диссидентам, не знающим, в какую сторону пойти, и не имеющим никакой власти?.. Или ему?

ХВАТОВА. Я тогда тоже за Ельцина была. Мы ему верили.

МОТЫЛЕВА. Ты говорила, тебя даже арестовывали...

ХВАТОВА. На митинге схватили...

ПАНИН (*Хватовой*). Вы и сегодня считаете, что правильно тогда парламент разогнали?

ХВАТОВА. Не знаю... Сейчас не знаю...

КОНЕВА. Мы действительно не можем исключить из нашей истории длительный период монархии. Менталитет россиян в основном сформировался именно в это время. С одной стороны, в них сильно выражено стремление, почти болезненное, быть независимыми, иметь как можно больше свободы, с другой - слушаться того, кто на земле может заменить Бога, то есть человека, способного решать не посильные рядовому гражданину задачи. Ельцин соответствовал образу такого человека, его появление было мифологически обосновано, а фраза: «Борис, ты не прав» имела сакральный смысл и фактически обеспечила его победу. Несогласием с этой фразой народ отвергал коммунистический режим...

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Вот именно, сакральный... И как мы видим сегодня, пророческий...

КОНЕВА. Я не это имела в виду... Хотя, вы знаете, вполне возможно, что спустя время она действительно может из утверждающего изменить значение на прямо противоположное...

ПАНИН. Уже изменила.

КОНЕВ. По вашей логике весь мир идет не в ногу, одни вы в правильном направлении... Да хватит уже об особом пути. Мы не лучше европейцев или тех же американцев, и никакого собого пути у нас нет. Есть эволюция развития человечества, и по ней глобализация неизбежна... И нам нужно в нее вписаться.

ПАНИН. Один раз уже строили Вавилонскую башню...

КОНЕВ. Ну что ж, на ошибках учатся. В этот раз ее построим...

ИСТОМИН. Вы поразительно оптимистичны.

КОНЕВ. Жизнь научила.

КОНЕВА. Глобализация - этот действительно объективный процесс. Это вычленение ядра, которое сформирует новую цивилизацию без границ...

ЛЕТУНОВ. Вы имеете в виду тот самый «золотой» миллиард?..

ПАНИН. Который стремится присвоить себе всю Землю... Уморив голодом остальные шесть миллиардов...

КОНЕВ. А вы считаете, лучше, чтобы эти миллиарды быстрее сожрали сами себя... Вас бы, господа, туда, где уже сегодня мрут от голода... Человечество сегодня подобно команде на корабле в центре океана, когда провианта осталось на пару дней, а плыть еще пару месяцев. Так что кому-то придется прыгать за борт. Можно, конечно, проявить гуманность, но в таком случае вряд ли кто доживет до берега...

ИСТОМИН. Вы оптимист из триллера...

КОНЕВ. А чего вы все так переживаете по этому поводу?.. Нас к тому времени никого уже не будет...

МОТЫЛЕВА. Это уже сложные материи...

ЛЕТУНОВ. Действительно, нам бы отпущенное дожить по-человечески.

ПАНИН. Вот именно, по-человечески, а нас поскотски заставляют. А мы послушно, как бараны, идем, куда гонят...

ЛАЗАРЕВ. Да никто нас никуда не гонит! Сами идем...

КОНЕВ. Вот именно, я с вами согласен...

КОНЕВА (негромко). Мужчинам свойственно преувеличивать свои возможности...

ХВАТОВА. Особенно сейчас.

МОТЫЛЕВА. Сами мы, бабы, виноваты, таких нарожали...

ЛАЗАРЕВ. Похоже, не мужики нынче преувеличивают свои возможности, а женщины...

ЛЕТУНОВ. Точно, женщины правят бал...

КОНЕВ. Это так кажется... Пусть потешат себя.

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Вот и живая тема нашлась.

ПАНИН. Роль женщины сегодня действительно растет, но верхние ступени иерархической лестницы занимают мужчины.

ЛАЗАРЕВ. Которые, в свою очередь, находятся под каблуком женщин...

КОНЕВ. Не все подкаблучники.

ЛАЗАРЕВ. Но ночная кукушка дневную всегда перекукует...

ИСТОМИН. Вот поэтому политикой надо заниматься старцам... Не зря в церкви путь наверх открыт только монахам...

ЛАЗАРЕВ. А ведь действительно, если вдуматься... Наша главная слабость - женщины... Ради них мы из кожи вон лезем, за деньгами гоняемся, воюем... Надо закон принять, что политиком федерального уровня может быть только девственник...

ЛЕТУНОВ. Тогда желающих не будет...

ЛАЗАРЕВ. Однако будет, и немало.

ПАНИН. Простите, уважаемые, но это тема для низкопробного телешоу, а мы с вами взрослые серьезные люди...

МОТЫЛЕВА. Действительно, что мы все вокруг да около ходим. (Поворачивается к Панину.) У товарища конкретное предложение. Излагайте, Эдуард Тимофеевич...

ПАНИН. Я, собственно, уже все изложил...

МОТЫЛЕВА. Как-то у меня вылетело... Или пролетело...

ХВАТОВА. Он предлагает весь мир до основания... Ну и по-новой...

ЛАЗАРЕВ (Хватовой). Метко... Позвольте вашу ручку... Или нет, лучше я вас в щеку. (Чмокает Хватову в щеку.)

ПАНИН (встает). Ну что ж, уважаемые гости, пора и честь знать...

ХВАТОВА. Да вы не обижайтесь, Эдуард Тимофеевич, это у меня случайно вырвалось.... А так я с вами согласна. Хотя зарабатываю я неплохо и сижу на этой самой трубе, но я же понимаю, что нашим детям после такого нашего хозяйствования останется с гулькин нос...

ПАНИН. Вот именно, не о себе надо сейчас думать...

КОНЕВ. Но с вашими революционными замашками мы вообще страну развалим...

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ (негромко). «Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах...»

КОНЕВ. Не надо на меня классикой давить...

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Таких, как вы, этим не задавишь...

ЛАЗАРЕВ. Ну вот, еще одна жертва определилась... (Истомину.) Я вам по-мужски сочувствую...

ИСТОМИН (*негромко*). Не стоит. У каждого свой крест...

ЛАЗАРЕВ. Значит, все же осознаете его тяжесть?

ИСТОМИН. Осознаю его высшую целесообразность...

ПАНИН. Я ведь не призываю выходить на баррикады и хвататься за булыжник...

ЛЕТУНОВ. Да сейчас оружия хватает, зачем нам булыжник...

ПАНИН. Я призываю всех здравомыслящих людей объединить усилия... И не обязательно демонстрировать свое отношение к власти, нужно просто мысленно отвергать ее... И не искать в ее поступках логику, это обязательно приведет к рабскому желанию оправдать ее действия... Надо абстрагироваться от ее законов и жить по моральным устоям, которые есть в душе каждого человека. Общество неизбежно саморегулируется, и любая власть только мешает этому, потому что любая власть корыстна и обслуживает исключительно себя. А сегодня более, чем когда-либо... Восточные мудрецы давно заметили: чем больше пишется законов, тем больше творится беззакония... В Библии всего десять заповедей, по ним и надо жить...

ЛАЗАРЕВ. Это мы уже проходили, правда, в виде морального кодекса строителя коммунизма...

ПАНИН. Вот именно, проходили... А надо жить по этим вечным заповедям.

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Простите, но это духовный мазохизм... Если назвались груздем, так уж и поступайте далее соответственно... Любая власть сама не уходит, ее свергают. Вы надеетесь ее своими тайными мыслями низложить?

ПАНИН. Совершенно верно, уважаемая Екатерина Васильевна... Концентрацией мысленных пожеланий...

КОНЕВ. Молитвой...

ПАНИН. А вы напрасно не верите - все помыслы человеческие материализуются. Вы, судя по всему, атеист?

КОНЕВ. А вы разве верующий?

ПАНИН. Во всяком случае во вселенский закон, управляющий всем сущим, верю без сомнений.

КОНЕВ. Так если все по этому закону расписано и предопределено, зачем тогда концентрировать усилия?... И без всякой концентрации произойдет то, чему предназначено быть...

ПАНИН. Это примитивное представление.

ИСТОМИН (*Конеvu*). А вы знаете, ученые пришли к выводу, что мозг человека не что иное, как принимающее устройство... Так что, вполне вероятно, что ночами мы получаем инструкции или программируемся, а днем реализуем заданную программу...

ЛАЗАРЕВ. Точно, я тоже читал - все мы биороботы...

МОТЫЛЕВА (*Истомину*). Господин ученый, я и так уже ничего не понимаю... Я на земле родилась, выросла, в нее, придет время, и положат... И экстрасенсов, всех этих предсказателей, я не признаю, все они шарлатаны... А если вот как всегда, народ чтобы на улицы вышел ради лучшей жизни, я бы поддержала... Надоело всех, кого ни попадя кормить... То налоговый попрошайка к чему-нибудь прицепится, то миграционная служба работников начинает пересчитывать, то участковому полицаяу надо на бедность... А всяких надзоров сколько развелось... И всякому-каждому дай, дай... Признаться, иногда так и хочется вилы взять да всех их со двора...

КОНЕВ. А ты меньше показывай свои доходы... А то в своем особняке у окошка чай гоняешь, на виду у всей деревни...

МОТЫЛЕВА. Я и навоз на виду у всей деревни выгребаю.

КОНЕВ. Ну, навозом никого не удивишь... И согласишься, ты при коммунистах так не жила. За копейки на государство горбатилась. А теперь и земля у тебя есть, и работники... А при советской власти так и отбегала бы всю жизнь агрономшей. Ну, может быть, до председателши дослужилась бы... Или орденок бы дали... Но особняка с камином у тебя точно не было бы...

МОТЫЛЕВА. Вот прицепился... Да не особняк, дом у меня...

КОНЕВ. Неважно... Не в этом суть. Я вот на своем примере... Начал таксовать, так нужды не знаю. Отнес оброк, который определили, а остальное, никто, кроме меня, не считает... За пятилетку и дом построил, и машин уже несколько поменял... А при коммунистах, да и после, в том веке, пока не разобрался, что к чему, не поумнел - от получки до получки еле дотягивал...

ИСТОМИН. Так вы на такси работаете?... А ваша жена говорила, стихи пишете...

КОНЕВА. Пишет...

КОНЕВ (*перебивает*). Писал. Но стихами не проживешь... Это так, баловство... Сейчас грамотных все меньше и меньше, читать некому, писать не для кого... Да и кому когда нужны были грамотные?.. Прежде любой сантехник больше инженера зарабатывал, а теперь заваливающий банкир или полуграмотный менеджер бабло не считает... Для чего учиться-то? Газа у нас завались, нефти тоже хватит надолго, а для купи-продай ученым быть не надо. И обслуживать наших миллиардеров, лакействовать, тоже большого ума не надо. (*Истомину.*) Ты, доцент, не подумай, что это я одобряю, но такова объективность... Ну не нужны власти ни шибко грамотные, ни ученые. А писатели - тем более... Давай начистоту. Ты вот на

шее жены сидишь, я ваши ученые зарплаты знаю, а я свою кормлю. Хотя она и доктор наук, а не очень-то нужна стране... Такова объективность... О, вижу, как твоя супруга на меня глядит... Но она-то меня лучше всех и понимает... И к чему нам революции?.. Чтобы еще хуже стало? Чтобы все сначала начинать?.. Нам бы свой век дожить спокойно... Умными мы в молодости были, стихи писали, а теперь можно дураками побыть. Иванушке-дураку всегда везет... Так что никаких революций, ни виртуальных, ни реальных, не поддерживу...

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. К лакейству быстро привыкают...

КОНЕВ. А вот это не про меня... Не надо.

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Когда с вашей помощью государство развалится, вы и при чужом пане проживете...

КОНЕВ. А на кой мне государство...

ПАНИН (*Конево*). Я понимаю, вы ведь солидарны с мужем...

КОНЕВА. Вы знаете, я ему благодарна. Мы бы на мою преподавательскую зарплату, конечно, не прожили. И он, как настоящий мужчина, содержал меня, пока я писала докторскую...

КОНЕВ. Одна семья, что уж...

КОНЕВА. Меня, конечно, очень пугает деградация наших детей. К нам из школы приходят плохо подготовленные, ограниченные дети. Они великолепно ориентируются в современной технике, в интернете, но не обладают элементарными знаниями по основополагающим предметам. Несомненно, нужно что-то менять в образовании. Система единого госэкзамена, к сожалению, не только не развивает способность мыслить, анализировать, творить, но ставит психологические ограничители, и молодые люди уже не стре-

мятся узнать больше, не хотят думать, они соглашались с предлагаемой умственной резервацией... Это меня очень пугает. Но революции меня тоже пугают... Тем более сейчас, когда в стране столько оружия...

ПАНИН. А жестокость, склонность к насилию, зависть, беззащитная ложь, индивидуализм, культивируемые телевидением, внедряемые в сознание через рекламу, вас не пугают?.. Вы не боитесь за психическое здоровье детей, внуков?

КОНЕВА. Я с вами согласна, это страшно. Но общество старается противостоять этому.

ПАНИН. Лишь малая его часть, не утратившая инстинкта самосохранения. А вот власть поддерживает как раз не эти общественные старания, а тех, кто способствует деградации, то же телевидение... Вот вы, как ученый психолог, можете дать прогноз, что будет через двадцать, нет, даже ближе, через десять лет с обществом, если ничего не изменится и мы продолжим стабильный, как нас уверяют, курс невесть куда?

КОНЕВА. Честно говоря, боюсь прогнозировать. Если тенденции не переломятся... Нет, не хочется даже об этом думать.

ПАНИН. Так, значит, надо что-то менять?

КОНЕВА. Надо.

ЛЕТУНОВ. Вот и присоединяйтесь к нам с Екатериной Васильевной. Только мы эту самую мысленную революцию делать не будем. Исключительно реальную. Выведем народ на улицы, и сразу все изменится. В девяностые годы шахтеры касками постучали, враз коммунисты сдались. Я лично в первых рядах готов идти против всего, что нагородили, а точнее развалили, за это время наши бездарные миллиардеры-менеджеры. Только боюсь опоздать, а то пока мы с вами тут разговариваем да мысли свои куда-то там направляем, они на сверхзвуковой скорости наши на-

циональные богатства за границы гонят да в офшорах прячут. Хватимся, а уж и сохранять-то нечего будет.

ЛАЗАРЕВ. Товарищ таксист, между прочим, хороший совет дал: меньше показывать, что зарабатываешь. Каким местом государство к нам, таким и мы к нему... Откровенно скажу, если бы неучтенкой не платил своим работникам, давно бы обанкротился. У нас не власть надо свергать, она давно уже вся куплена-перекуплена, а у тех, кто их купил, у монополистов, все забрать обратно надо, национализировать. А большинство чиновников загнать на лесозаготовки для восстановления здоровья, они ж за столами зачихали, детей рожать уже не могут... А что касается революции... Какая может быть революция, когда война уже идет!.. Между вот этой всей армадой нахлебников и, как вот ученый сказал, современным пролетариатом, к которому я себя, пожалуй, отнесу. (*Панину.*) А вы, дорогой краевед, - мечтатель... Может, вы и правы, как в свое время Циолковский, только долго вам придется свои мысли направлять в нужную сторону. А у меня, признаться, голова так занята, а день так уплотнен, что ни свободного места не осталось, ни времени...

ЛЕТУНОВ. Миллионерам, понятное дело, есть что терять...

ЛАЗАРЕВ. Да какой я миллионер, я как все пролетарии, мне, кроме цепей, терять нечего... (*Летунову.*) Думаешь, я на своей яхте неделю хотя бы провел? Или в Куршевеле был? Это я вот сюда вырвался, потому что врачи сказали: сдохнешь, если в таком темпе дальше жить будешь...

ХВАТОВА. А что ж вы вино с собой привезли?

ЛАЗАРЕВ. Не для себя. Угощать. Я компанию люблю...

КОНЕВА. Одиночества боитесь...

ЛАЗАРЕВ. Прозорливая доктор...

ХВАТОВА. А семья?

ЛАЗАРЕВ. А какая семья может быть у миллионера?.. Сын выучился в Англии, там и остался, заявил, что не хочет, как я, со страхом каждое утро просыпаться, а без успокоительного не засыпать. Жена между нами мотается, у нее своя жизнь...

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Похоже, вам самое время эти ваши цепи сбросить да свое здоровье привести в порядок...

ЛАЗАРЕВ. Спасибо за заботу... Но я уж как-нибудь с цепями... Нас бьют, а мы крепчаем...

ИСТОМИН. Вы знаете... Сергей Анатольевич, если не ошибаюсь?.. Так вот, Сергей Анатольевич, никакая власть, как объединение части населения по интересам, даже самая совестливая, даже если она осознает отдельными личностями свою неэффективность и вредность обществу и государству, кардинально измениться и добровольно уступить бразды правления не способна. Если к тому же она выборная, то есть размытая коллективная власть на определенный период, то тем более. В этом случае персональная ответственность за деяния утрачивается. Если совесть осталась. Царь был подотчетен Богу, своей совести и мог отречься от престола, мы это знаем. И президент может уйти, если силы духа хватит. Совесть в этом случае уже роли не играет. Но президент - это не власть. Это прикрытие власти, ее персонифицированный образ. Эти образы несложно менять. И в Штатах, и в Европе эту смену фигур освоили, и это великолепно отвлекает массы. Реальная власть - это группа людей, которая контролирует национальные богатства. Так вот, история - ни наша отечественная, ни мировая - не знает, чтобы подобная группа признала свои ошибки и добровольно сложила полномочия... Власть предрежающие очень любят запугивать народ прошлым. Примером своих предшественников

стараясь доказать во что бы то ни стало, что при тех все было хуже. Пугают нас, к примеру, сталинскими репрессиями... Вот, мол, тиран всю ленинскую гвардию уничтожил и загнал в лагерь. А как иначе Сталин мог расчистить верхние этажи власти, которые эта самая гвардия прочно закрепила за собой, своими родственниками, друзьями, перенимая барские манеры и образ жизни, против которого когда-то восстали?... Ему нужно было выбирать: служит ли он народу, или этой новой знати, в которую превратились бывшие большевики... И в Китае сегодняшнему взлету предшествовала культурная революция. Мы как-то умалчиваем о ней, а ведь это были те же репрессии, но по-азиатски прикрытые, совершаемые прежде всего неудовлетворенными и отторгнутыми от жизни молодыми людьми... А так называемые цветные революции? Или африканский всплеск... Основа-то у всех одна: необходимость перемен, а значит, смена власти...

ЛАЗАРЕВ. Может, вы и правы. Тем более, что от сталинских репрессий в моей родне никто не пострадал... Ну уж аппетиты монополистов можно уменьшить и без репрессий, без смены власти... Только чуть-чуть наших нефтяников да газовиков поприжать...

ПАНИН. А у меня брат отца был репрессирован...

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. У меня - оба деда... Но Сталина злодеем не считаю. Такой, как Сталин, нам сейчас и нужен. Чтобы нынешних от трубы оторвать. Они страну к гибели ведут.

ХВАТОВА (*виновато*). А что мы можем сделать, нам сверху приходят нормативы, мы их обязаны выполнять...

ЛАЗАРЕВ. Если трезво разобраться, то, с точки зрения глобалиста, не нужна нашей стране промышленность. Надо согласиться, что мы - сырьевой придаток и им будем теперь до второго пришествия. Нас

с двух сторон рвут, нереально выстоять, если весь народ это не осознает и не поднимется...

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. А ведь вы в душе - революционер...

ЛАЗАРЕВ. С вами, Екатерина Васильевна, за компанию на баррикады, так и быть, пойду...

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. А вы одолжение не делайте. Придет время, и действительно ведь пойдете. Только по одну сторону мы окажемся или по разные, вот в чем вопрос...

МОТЫЛЕВА (*встает*). Что-то у меня голова разболелась... Наверное, от умных разговоров. У нас в деревне как-то все попроще: посадил, вырастил, убрал, продал... И по новой...

ЛАЗАРЕВ. Вот и не надо заморочиваться... Пойдемте лучше винца выпьем... Сразу жизнь веселее покажется. Для этого мое вино в самый раз...

ХВАТОВА. Приглашаете?

ЛАЗАРЕВ. Давно.

МОТЫЛЕВА. А может, и правду ваш эликсир тоску разгонит...

ЛАЗАРЕВ. Гарантирую.

МОТЫЛЕВА (*Панину*). Спасибо хозяевам за чай с дымком... А особо - за умные разговоры... Это я сейчас вот устала, а так думать еще долго буду... Кто знает, может еще, Бог даст и свидемся...

ПАНИН. Все может быть.

ЛЕТУНОВ (*Лазареву*). А давайте мы все отсюда и переместимся к другому столу...

ЛАЗАРЕВ. Да, собственно, я всех приглашаю... Поляну накроем, посидим - не пожалеем... Так что, перемещаемся все без исключения... Екатерина Васильевна, а вам мое отдельное приглашение... Я чувствую наше родство душ, но, честное слово, при муже говорю - на большее не претендую...

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Спасибо, но я держусь...

ЛАЗАРЕВ. Жаль... Но насильно мил не будешь... Ну что ж, кто со мной, вперед! Дамы и господа, развеем наши заботы... Глядишь, тем самым что-нибудь хорошее и напрограммируем...

МОТЫЛЕВА. А хорошо все-таки, что мы все такие разные...

ХВАТОВА. До свидания.

ЛЕТУНОВ. Хоть разорвись... И здесь хорошо, и там заманчиво... Но мы еще встретимся... *(Присоединяется к уходящим.)*

Пауза.

ПАНИН. Ну вот, собственно, остались те, кого я и приглашал.

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. И вы от нас ждете ответа на свое предложение?

ПАНИН. Теперь уже нет. Я его услышал.

КОНЕВА. Вы, конечно, в чем-то правы... Но в нашей стране слишком долго игнорировали нематериальное. Нам трудно осознать, что существуют невидимые, но влияющие на нас факторы. Действительно, общество, как и человек, программирует свое будущее, и сложение, концентрация представлений и желаний в одном направлении рано или поздно материализуются. И совсем необязательно выходить на улицы. В Советском Союзе несколько тысяч диссидентов сумели настроить все общество на перемены.

КОНЕВ. Какие диссиденты?.. Да о них большинство населения тогда и не слышало. Пустые магазинные прилавки настроили... Вы с вашей наукой и так уже всех запутали. В физике там или химии. На практике хоть видно, кто врет. А всякие гуманитарные

дисциплины, особенно ваша психология, - сплошное шарлатанство. Уж я то знаю... К примеру, твоя докторская: какая от нее польза?

КОНЕВА. Мы сейчас не об этом....

КОНЕВ. Да все о том же... Все затраты на нее до конца дней не окупить. Одно вас, ученых, греет: соберетесь в своем кружке - доктора, кандидаты - и хвалите друг дружку, заливаются... А народу вы все до одного места... Я с этим народом каждый день, знаю, что ему надо и каких перемен он хочет.

ПАНИН. Интересно, каких же?

КОНЕВ. Да как во все времена: меньше работать и хорошо жить...

ПАНИН. И все?

КОНЕВ. А чего еще?.. Денег побольше, чтобы в удовольствие...

КОНЕВА. Федор, не говори глупостей... Ты же так не думаешь.

КОНЕВ. А какая разница, как я думаю... (*Поднимается.*) Меньше надо говорить, каждому дело делать, тогда и перемены будут... Пойду я лучше вино пить... (*Коновой.*) Ты остаешься?..

КОНЕВА (*после паузы*). Идем вместе... (*Панину.*) Вы не обижайтесь на моего мужа, он просто сейчас не то говорит, что думает... Поэту таксистом нелегко быть...

ПАНИН. Порой бытие определяет сознание...

КОНЕВА. А разговор, на мой взгляд, был очень даже интересен. И важен для будущего. Мы просто не отдаем себе отчет в значении наших мыслей и слов... (*Уходит.*)

ПАНИН (*Истоминой-Полонской*). А вы так же считаете?

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. По поводу полезности разговора?.. По-видимому, нам только и осталось,

что разговаривать. На реальные дела мы, похоже, уже не способны. Что взять с деградирующего офисного планктона... Наши предки, бесспорно, были и целомудреннее, и сильнее нас... И на какие-то там невидимые поля не полагались. Жили азартно, вкусно жили... Именно жили, а не изображали жизнь... Мне все-таки понятнее земная красота, чем, пусть даже самые оригинальные умозаключения. Я люблю запах соснового бора, цветущие лесные поляны, кувшинки в пруду, небо в облаках... Так что, уважаемый Эдуард Тимофеевич, если надумаете не в виртуальном, а в реальном мире противостоять деградации и всей грязи, что нас окружает, я с вами без сомнений...

ПАНИН. Спасибо.

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Не за что...

ПАНИН. (*Истомину*). А ваше мнение, Антон Геннадьевич?

ИСТОМИН. Вы знаете, я убежден, что все в этом мире определено, кроме, может быть, нашей позиции по отношению к добру и злу. Этот выбор исключительно за каждым человеком. Мне кажется, каждый, кто сегодня сидел за этим столом, все-таки служит добру. А значит, формирует и усиливает именно этот вектор добра в том тонком, невидимом и не известном нами мире. Так что ваша сегодняшняя задача выполнена, мы сегодня выбросили довольно мощный заряд... К тому же, некоторых из присутствующих вы явно заставили задуматься...

ПАНИН (*улыбаясь*). А вы прозорливы.

ИСТОМИН. Со стороны, знаете ли, виднее...

ПАНИН. И вы готовы, как ваша жена, идти на баррикады?

ИСТОМИН (*глядя на Истомину-Полонскую*). Не вижу смысла.

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Не зарекайся.

ИСТОМИН. Но и не зарекаюсь. Тем более, если пойдет она...

ПАНИН. Я рад был бы продолжить наше общение.

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ. Тут я с мужем согласюсь: как предначертано, так и будет. А сейчас нам пора...

ИСТОМИН. Я вот вдруг подумал: то, что мы сегодня добавили к ауре этого места, где в свое время бывали такие умы и таланты, усилит ее или ослабит?..

ИСТОМИНА-ПОЛОНСКАЯ (*после паузы*). Это было неожиданно и интересно.

ИСТОМИН. Да, действительно. Удачи вам в вашем подвижничестве. До свидания.

ПАНИН. Всего хорошего.

Уходят.

ПАНИН. Интересные люди... И такие разные... Но ведь все мы хотим одного. А значит, это обязательно свершится.

ВРЕМЯ ШУТОВ**

Действующие лица:

Галактионов Сергей Иванович

Каргополов Павел Николаевич

Сухорукова Ольга Ивановна

Терехов Александр Александрович

Панков Геннадий Алексеевич

Ловейко Арнольд Феоктистович

Шпагин Евгений Федорович

Марьина Светлана Петровна

Рысина Валерия Станиславовна

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната в новом деревенском доме. Деревянные стены, большие окна, высокие потолки, лестница на второй этаж. Пахнет смолой и деревом. Галактионов ходит по комнате, касаясь стен ладонями. Ему чуть больше пятидесяти, выглядит он бодро и молодо.

ГАЛАКТИОНОВ. И запах какой чудный... А простор... *(Разводит руки.)* Можно запросто сальто сделать... Возле камина вечером неспешно беседовать будем... Или классиков почитать... Как в беззаботную старину... Господи, благодарю тебя!.. Хотя, почему-то, все, чего я хочу, ты даешь мне запоздало. Но благодарю тебя и за поздние дары... *(Обходит комнату.)* Если закат напоминает рассвет, а старость-детство, мне

* Победитель международного конкурса «Литературный Олимп» имени А. Грибоедова.

опять понравится смотреть на огонь. А зимними вечерами здорово читать под потрескивание в печи... Или в камине... И под осенний дождик... Капли молотят по крыше, пламя стремится вверх... Тепло, уютно и покойно... Интересно, нынешняя черепица как-нибудь звучит?... *(Останавливается напротив окна.)* Нет, в первую очередь - сделать камин: веранду пристроить-во вторую; а в третью- посадить сад... Все эти грядки, картошку побоку. Будет наконец, как мечтал, зеленая травка и яблони... А еще будет...

Громкий стук в дверь, голос: «Есть кто?!»

ГАЛАКТИОНОВ. Входите!..

Входит Каргополов. Он старше Галактионова, к тому же полноват, солидный животик нависает над брючным ремнем, поддерживающим поношенные джинсы. Его лицо источает довольство жизнью и всем окружающим. Он замирает в нескрываемом удивлении. И Галактионов всплескивает руками.

ГАЛАКТИОНОВ. Павел Николаевич!.. Глазам своим не верю! Какими ветрами?

КАРГОПОЛОВ. Здравствуй, Сережа. Нет, это ты лучше мне расскажи, как ты здесь оказался... Я то тут рядом живу, по соседству...

ГАЛАКТИОНОВ. Ты - сосед? Не может быть!.. Невероятно...

КАРГОПОЛОВ. Почему не может быть, я уж тут старожил, а вот как ты очутился в нашей деревне?

ГАЛАКТИОНОВ. Купил этот домик...

КАРГОПОЛОВ. А я все гадал, кто соседом станет... Но никогда бы не угадал... Так теперь ты сосед, надо же... С другой стороны у меня-замечательный мужик,

отставной генерал, огородник невероятный... Я вас познакомлю, он тебя научит помидоры выращивать. У него такие отменные помидоры получаются...

ГАЛАКТИОНОВ. погоди, Павел Николаевич, насчет огорода... Это мы как-нибудь потом обсудим. Ты лучше расскажи, как вы тут устроились... Сколько лет мы не виделись?

КАРГОПОЛОВ. Да как на пенсию меня отправили, так и не виделись... Три года точно...

ГАЛАКТИОНОВ. А не больше?..

КАРГОПОЛОВ. Не виделись больше, а на пенсии я третий год... *(Оглядывая комнату.)* Вроде ничего дом... Снаружи хорош, и изнутри... *(Торопливо.)* А кошку, кошку ты запускал?

ГАЛАКТИОНОВ. Да он же новый... Свеженький... Чувешь запах?... Я этот запах с детства помню. Много не помню, а его помню... Мне четыре или пять лет было, когда мы в свой дом въехали - вот он также пах...

КАРГОПОЛОВ. В свеженький как раз и положено... У нас тут домовых бездомных, неприкаянных хватает... Забредет какой непутевый да обиженный, не избавишься... У генерала кошка есть, я мигом, ты только не топчись пока. Я мигом... *(Выходит.)*

ГАЛАКТИОНОВ. *(Вслед.)* Ладно, подожду... *(Выходит и возвращается с беленьким табуретом, ставит его возле окна.)* Вот и первая мебель... Как раз в тон стен. *(Садится.)* Положена кошка, пусть будет...

Кто-то невнятно бубнит за дверью.

- Давай, Павел Николаевич, свою кошку...

Входит Сухорукова. В облике ее есть нечто, говорящее о том, что она не сельская жительница. Одеты она просто, но в то же время, с претензией на вкус.

На вид ей можно дать лет тридцать пять-сорок. Входит она уверенно, но, увидев Галактионова, робко замирает у двери.

СУХОРУКОВА. Здравсьте... Мимо шла, вижу дверь открыта. Думала, Петрович... А вы... Знакомый его?

ГАЛАКТИОНОВ. Чей знакомый?.. Я - хозяин.

СУХОРУКОВА. Хозяин?.. Купил, что ли?.. Городской?.. Чего спрашиваю, кто же из здешних за такие деньги возьмет... Да и край этот тупиковый, одни бывшие генералы да губернаторы на отшибе... А вы, дядь, тоже из них?..

ГАЛАКТИОНОВ. Из кого, теть?.. И звать тебя как, не кошкой случайно?..

СУХОРУКОВА. Какой кошкой, дядь... Ольга я, между прочим, Ивановна. Недалеко тут живу... А ты из них, это, значит, демосратов...

ГАЛАКТИОНОВ. Что ж ты тетка, в чужой дом приходишь и хозяина обзываешь.

СУХОРУКОВА. Я обзываю?.. Избави Бог!.. Никак не обзываю.

ГАЛАКТИОНОВ. А демосраты, это что по твоему?

СУХОРУКОВА. Это?.. Так это те, которые после коммунистов пришли править...

ГАЛАКТИОНОВ. Так правильно их называй...

СУХОРУКОВА. А я разве неправильно сказала?.. Мы все так здесь их называем... Может мы о разном?.. Я о тех, которые машины обещали, богатство каждому, когда сами все растаскивали...

ГАЛАКТИОНОВ. Тетка, а телевизор здесь у вас показывает?

СУХОРУКОВА. Ольга... Ивановна, я... Зачем телевизор?.. От дел отвлекать?.. Прежде, по глупости, глядела, а потом сломался, как раз последний коммунист с отметиной выступал с прощальной речью...

Мы с Валерием Игнатьевичем моим, царство ему небесное (*крестится*) с кровати на него глядели. И тут, как замельтешил, замельтешил...

Возвращается Каргополов.

КАРГОПОЛОВ. О, агентура уже здесь... (*Галактионову.*) Госпожа Сухорукова у нас вроде местного ФБР, всегда все узнает первой... Сейчас генерал свою кошку принесет...

СУХОРУКОВА. А что, еще не запускали?

ГАЛАКТИОНОВ. Ты знаешь, Павел Николаевич, эта ваша местная... пинкертонша обозвала нас с тобой демосратами...

КАРГОПОЛОВ. А, (*машет рукой*), не обращай внимания, они все здесь неправильно это слово проносят, не переучишь... И, между прочим, если поразмыслить, вполне резонно. Я так понимаю, демосраты - это те, которые проросли между партократами и демократами. Мутанты.

ГАЛАКТИОНОВ. Выходит и мы с тобой мутанты...

КАРГОПОЛОВ. Ну нет, я лично из партократов, им и останусь до гробовой доски... А ты, думаю, тоже по убеждениям больше наш, хотя и не признаешься.

Входит Терехов. Что он бывший военный, прежде всего видно по выправке. Выглядит он также как Галактионов моложаво, но крупнее. Одет в брюки и рубашку цвета хаки. На руках он держит кошку.

КАРГОПОЛОВ. А вот и Сан Саныч с Мусей... Давай, Сан Саныч, запускай...

СУХОРУКОВА. Ну, с добром вам начинать, новосельцы... (*Осторожно обходит Терехова и выходит.*)

ТЕРЕХОВ. Уже и здесь отметилась, сволочная баба... (*Присаживаясь на корточки, отпускает кошку. Протягивает руку Галактионову.*) Александр Александрович Терехов..., в отставке...

ГАЛАКТИОНОВ. Сергей Иванович Галактионов, новосел...

КАРГОПОЛОВ. Вот соседи и познакомились... Слушайте, а ведь втроем вполне можно и пульку расписать... В осеннюю непогоду милое дело.

ТЕРЕХОВ. (*Садясь на табурет.*) Поди этот агент в юбке уже демосратом обозвала?... Вижу, так и есть. Так ты, Сергей Иванович, не обижайся, она, как и народ, права. Просрали страну. И какую!.. Державу! И бардак построили... Временщики наверху... Временщики и генералы... Это надо же, генералы в губернаторы подались... Да я сам генерал и знаю, что нас с первой портянки учили только одному делу, разрушать. Я вот инженер, сапер... Сам двадцать лет учил курсантов взрывать, уничтожать, да так, чтобы не восстановить... Мы на мост глядим и сразу видим, где взрывчатку заложить, чтобы вдребезги, с грохотом... А тут, генерал-губернатор... Созидатель... Детонатор он, а не созидатель... Лучше бы помидоры как я выращивал... (*Достает из кармана фляжку, маленькие стаканчики, оглядывается.*) Муся, ты где?... Ходишь?... Ну, ходи... Ну что, мужики, поднимем за новоселье...

КАРГОПОЛОВ. Погоди, Сан Саныч, без закуски как-то... У Сергея, естественно, шаром покати. Я сейчас чего-нибудь соображу. Мигом... (*Уходит.*)

ТЕРЕХОВ. А что, Сергей Иванович, давай на «ты» перейдем, по- генеральски. Ты ведь тоже цивилизный генерал...

ГАЛАКТИОНОВ. Ну что вы... Что ты, Александр Александрович, я - ремесленник... Кое-что умею, вот ремеслом и зарабатываю...

ТЕРЕХОВ. Ремеслом это хорошо. Это правильно. И неважно генерал или нет... Все мы нынче вне игры... Время наше ушло, страна исчезла...

ГАЛАКТИОНОВ. А почему этот край, на котором вы живете, эта тетка отшибом назвала?..

ТЕРЕХОВ. Потом разберешься... Ты где родился, в городе?

ГАЛАКТИОНОВ. Горожанин.

ТЕРЕХОВ. Ну, так тогда и не поймешь... А я, между прочим, деревенский, сибиряк, из той самой Зимы, где поэт Евтушенко родился... Слышал про такого?

ГАЛАКТИОНОВ. Читал. И фильм его когда-то смотрел... Кажется, «Детский сад» называется...

ТЕРЕХОВ. Про кино не знаю, не видел. В Зиме нашей не доводилось бывать?.. Может проездом?

ГАЛАКТИОНОВ. Нет, не пришлось.

ТЕРЕХОВ. А все-таки манит малая родина, поглядеть хочется, какая она стала... И боязно, приедешь, а все чужое... Да видно уже и не доведется на пенсион...

Возвращается Каргополов с большой миской, в которой огурцы, помидоры, лук, полбуханки хлеба и солонка.

КАРГОПОЛОВ. Вот все, что нашел... Жена в городе, ничего с утра не готовила...

ТЕРЕХОВ. Сойдет. *(Наливает в стаканчики.)*

Входит Панков. Ему около сорока. По обличью, он явно интеллигент не первого поколения. В его лице есть одновременно и что-то надменное, и просящее. Одет в джинсы, безрукавку, на ногах тапочки. Немного навеселе.

ПАНКОВ. Честной компании мое почтение... Прогуливаясь мимо, слышал запах де жа вю , и причем качественный, навевающий ностальгические думы и строки о сложной и редкой профессии дегустатора...

ТЕРЕХОВ. Шел бы дальше, дегустатор, без остановки... Хотя, ты уже похоже разговелся... Или со вчерашнего...

ПАНКОВ. Сан Саныч, ты же знаешь, я истинный христианин, ни на кого не обижаюсь, всех прощаю и оптом, и в розницу, и подающих , и отправляющих... Бог нам всем судья...

ТЕРЕХОВ. Знаю, знаю твои песни, но не налью... Как атеист... И из уважения к Светлане Петровне.

ПАНКОВ. И не прошу... Я вот посижу в чистой хате (*садится рядом с табуретом на пол*), подышу... (*Шумно втягивает воздух.*)

ТЕРЕХОВ. (*Подает стаканчики Галактионову, потом Каргополову. Поднимает свой.*) Давайте за то, чтоб жилось в этом доме долго и славно... (*Выпивает, закусывает.*) Муся, ты ничего не нашла?

ПАНКОВ. А она у тебя ничего никогда не найдет.

ТЕРЕХОВ. Это почему ?

ПАНКОВ. Потому что генеральская, избалованная...

ТЕРЕХОВ. Ты это брось, избалованная... Я от лейтенанта, через бараки да коммуналку к отставке только и выслужил квартиру...

ПАНКОВ. Но Муси-то тогда не было, сам говорил, она уже в твоей трехкомнатной появилась. И не только лейтенантом, полковником тебя не помнит.

ТЕРЕХОВ. А ты не трепись, закусывай.

ПАНКОВ. Наливай! (*Торопливо забирает у Галактионова стаканчик, подносит Терехову.*)

ТЕРЕХОВ. *(Наливая.)* Ох, Геннадий, сам себя губишь...

ПАНКОВ. Не первый, не последнюю... *(Выпивает.)* За хозяина этого дома. *(Подставляет.)* Надо бы еще за стены...

ТЕРЕХОВ. Все, тебе больше не наливаю...

ПАНКОВ. А я не прошу. *(Галактионову.)* Я не пред- ставился. Геннадий. Можно Гена... Без отчества... Как Била Клинтона или Буша... Забыл как его по имени... Клинтона помню, Бил, а Буша нет... О, Буш-младший... У них это принято... И еще Владимир Владимирович, помню, а фамилия выскочила из головы...

ТЕРЕХИН. Наших не трожь...

ПАНКОВ. А почему ваших, интересно?

ТЕРЕХОВ. А потому...

ГАЛАКТИОНОВ. Наерное, потому что Владимир Владимирович тоже военный.

ТЕРЕХОВ. Ну, не совсем военный, хотя и с погона- ми. А наш, потому что для него слово «родина» тоже кое-что значит. В отличие от большинства нынешних правителей, которые торгуют ею направо и налево.

ПАНКОВ. Естественное поведение безродных.

КАРГОПОЛОВ. Родина для всех что-то значит.

ТЕРЕХОВ. Да брось ты, Николаич, для кого всех?.. Для всяческих прохиндеев, прихватизировавших стра- ну и делающих ее амбаром для Европы?.. Или для тех, кто карманы набивает, словно на тот свет все унесет?

ПАНКОВ. Точно, рыжий виноват... И евреи... И младохакамады...

ТЕРЕХОВ. Вот, шут гороховый... Телевизора на- смотрелся... Там в какую кнопку не ткни, то шуты аншлаговские, то певцы безголосые, то недоросли не- доразвитые... Так вот, со смешочком, да с петухом в голосишках и останемся голыми да нищими. На ра- дость всему миру.

ГАЛАКТИОНОВ. Это неизбежный этап после любых революций. Когда уровень культуры низок, оригинальный интеллектуальный товар большинством не воспринимается. Пользуется спросом подражательство и пересмешичество...

ТЕРЕХОВ. А я по простому, шутовство это и все... Вот Жирика возьми... А ведь не дурак, иногда как выдаст правду-матку... Но чаще перевирает. А народ наш сказки любит. Да и шутов за блаженных почитает... Точно, досталось нам доживать во времена шутов... Только царя-то нет. А шуты при царях должны быть. Шуты без царя - это страшное дело... Это похуже динамита...

ПАНКОВ. Сан Саныч, ты так хорошо сказал, явно просится тост... У тебя еще есть накапать или мне сбегать?

ТЕРЕХОВ. *(Тряся флягой.)* Еще есть, давайте емкости... *(Панкову.)* Тебе не налью... *(Разливает.)* Николаич, давай, тостуй...

ПАНКОВ. Позвольте мне. Мощный тост...

ТЕРЕХОВ. На сухую не положено. Да и молод еще...

КАРГОПОЛОВ. Скажу... Во-первых, это неожиданно и очень приятно, что старый знакомый оказался вдруг соседом... Во вторых, подбирается неплохая компания для пенсионных вечеров... В третьих, давайте выпьем за присутствующих, за нас, за наши добрые отношения невзирая на политические взгляды...

Выпивают.

Панков внимательно следит, услужливо собирает стаканчики, протягивает Терехову.

ТЕРЕХОВ. Ладно, допивай. *(Выливает в стаканчик остатки из фляжки.)*

Панков выпивает, закусывает стрелкой лука.

ГАЛАКТИОНОВ. Насчет того, чтобы царя обратно, я не согласен. С одной стороны, конечно, традиция такая в России есть. В генах наших вера в царя-батюшку, оттого и Сталина любил народ, да и сейчас еще помнит. Но если уж мы выбрали демократический путь, надо упираться, но идти по нему, а не сходить с дистанции в самом начале. Надо только выбирать достойных, а не продавать свои голоса за подачку... Политика, конечно, дело грязное, но надо помнить, что политики тоже люди, со своими слабостями, возможностями, потенциалом... Гениев вокруг не видно...

ТЕРЕХОВ. (*Перебивает.*) Вот, правильно ты говоришь, потенциалом... А так как нынче без виагры не могут, вот и выходит, что наступила эра импотентов...

ГАЛАКТИОНОВ. Это ты преувеличиваешь, Александр Александрович, виагра - это реклама и не более...

КАРГОПОЛОВ. Реклама - оружие дьявола... Через нее ложь правдой делают и внушают ложные ценности, и что он, народ наш, никуда не годный... Я не сомневаюсь, это идеологическая диверсия и все эти рекламисты осознанно страну разрушают. Ну, может некоторые, действительно, делают это по слабомуслию... Но ими враги руководят, это точно. Понятие идеологии из конституции убрали, а обрабатывают похлеще, чем в СССР. Коммунисты, как бы их не ругали, через идеологию человека лучше сделать хотели, практически библейские заповеди реализовывали. А нынешние, как их там теперь называют не по русски, креативщики, жрать и наслаждаться призывают. И не думать... Не мешать общее добро растаскивать, государство разваливать...

ТЕРЕХОВ. Ты не стесняйся, Николаич, называй их правильно, по русски, крестинами...

КАРГОПОЛОВ. Может и так... Иногда такую рекламу покажут, что действительно думаешь, что за крестины ее делают и выпускают... То девку из-за жратвы парень бросает, то пацан соком мужика обливает... Так и хочется поглядеть на недоумка-оригинала, который такое придумывает. Ведь все аукнется, вырастут его же детки, да этим соком, а то чем поувесистей в морду и запустят...

ТЕРЕХОВ. Нет, не недоумки они. Это провокаторы и диверсанты... И точат они нашу страну как черви... И грызут... Их всех надо...

Стремительно входит Сухорукова.

СУХОРУКОВА. О, товарищи-господа ничегошеньки еще не знают...

ТЕРЕХОВ. Докладывай. Только покороче, по военному. Как учил...

СУХОРУКОВА. Страсть как боюсь генералов... Мой-то Валерий...

ТЕРЕХОВ. Знаем, лейтенант был. Короче.

СУХОРУКОВА. *(Галактионову.)* Ты, господин-товарищ, только теткой меня не зови, Ольга Ивановна я... Можно Ольгой... А новость для тебя.

ГАЛАКТИОНОВ. Я уверен, что твой покойный, Валерий кажется, регулярно тебя побивал, тетя Ольга Ивановна...

СУХОРУКОВА. Наговаривают. Мы с ним как голубки... А вот Петровича-то убитого нашли...

ТЕРЕХОВ. Какого Петровича?..

ПАНКОВ. Действительно, зачем здесь еще детектив?

ТЕРЕХОВ. Не детектив, а натуральная реальность беззакония и безвластия. *(Галактионову.)* Раз гово-

рит, значит знает. (*Сухоруковой*) Можешь подробнее, но четко... Где? Когда? Кто?

ГАЛАКТИОНОВ. Какого Петровича?.. У которого я... Позвольте, я ведь только...

СУХОРУКОВА. (*Стоя навытяжку перед Тереховым.*) Товарищ генерал, тело убиенного нашли за автобусной остановкой у шоссе. Вроде убили недавно, менты только приехали. Кто, не говорят... Не знают.

ГАЛАКТИОНОВ. Что, действительно, убили?

ТЕРЕХОВ. Раз говорит, значит, так и есть... Во вранье не уличал...

СУХОРУКОВА. Ты вот, господин хороший, документы-то на дом имеешь?

Все смотрят на Галактионова.

Тот кивает.

ГАЛАКТИОНОВ. Я с ним утром рассчитался, все как положено. Он очень торопился. Сразу как оформили и ушел...

ТЕРЕХОВ. Свои из бригады и пришили. Деньги не поделили... Или обмануть хотел. Это сейчас за просто.

ПАНКОВ. Так и я с ним сегодня общался... Мы пиво вот только что, недавно... Он мне вторую кружку поставил и побежал... Говорит, дел много, еще где-то строить собирался. Мужик то он заводной... Выходит теперь был...

СУХОРУКОВА. Вот так, Геночка, все мы и уходим... Сегодня здесь, завтра там. И пьющие, между прочим, первыми. Сколько ты человеком побыл и снова...

КАРГОПОЛОВ. Между прочим, Петрович непьющий был.

СУХОРУКОВА. *(Галактионову)* А про деньги менты не разговаривали, не нашли, однако... Много отдал, господин-товарищ?

ГАЛАКТИОНОВ. Больше, чем в договоре указали...

КАРГОПОЛОВ. Это несущественно, Сергей, не стоит и говорить. *(Сухоруковой)* А тебе это зачем знать, свет Ивановна? Меньше знаешь, лучше спишь...

ПАНКОВ. И дольше живешь.

СУХОРУКОВА. *(С обидой.)* Ольга я... А мне пофигу, это я так, к слову... Может, я просто болею за других... Могли бы и пригласить к столу. За информацию и с заселением...

ТЕРЕХОВ. Налил бы, да кончилось... *(Трясет фляжкой.)*

СУХОРУКОВА. Если нужда, я могу... Было бы за что.

Выжидательно смотрит на Галактионова. Тот вынимает портмоне, достает деньги, протягивает...

ГАЛАКТИОНОВ. Мельче нет...

ТЕРЕХОВ. На закуску колбасы возьми, конской...

СУХОРУКОВА. *(С порога.)* Может еще чего?.. Или две сразу? Чтоб потом не бегать.

ТЕРЕХОВ. Плохо слышишь?.. Так и велено было.

СУХОРУКОВА. Ясно.

Уходит.

ГАЛАКТИОНОВ. Поверить не могу... Всего каких-то пару часов назад... *(Оглядывает остальных.)* А не могла она, ну, ради выпивки, придумать?

КАРГОПОЛОВ. Да нет, ты ее за алкашку не держи... Она особо не увлекается. Это ей сегодня пообещать захотелось.

ТЕРЕХОВ. А Муся где? *(Проходит по комнате.)* Муся!.. Муся!.. Дезертировала, стерва... *(Садится на табурет.)* Нет, сочинять она не будет, сказала покойник, значит покойник... Я раньше всех вас ее знаю.

ПАНКОВ. Сан Саныч, раньше всех я здесь бывал. Еще пионером... *(Галактионову.)* У меня бабушка тут жила, я в ее доме сейчас и обитаю... Так что про Ольгу лучше вас всех знаю... И про хахалю ее... Мы с ним пару раз закладывали, как раз перед тем как он исчез... А Петрович вот пивом угостил, а потом тоже...

ГАЛАКТИОНОВ. Так он разве не помер?

ПАНКОВ. Кто? Петрович?.. Так убили же!.. А, Валера... Нет. Это у нее эпитет такой... Легенда... В город он подался. Тоска, говорит, заела, проснешься - одна баба, засыпаешь - опять та же... Никакого интереса и воспламенения.

КАРГОПОЛОВ. А с виду неприметный, можно сказать, сморчок... Никогда бы не подумал, что до женщин падок...

ТЕРЕХОВ. Альфонс... Модная нынче профессия...

ПАНКОВ. Ну, генерал, не любишь ты современных мужиков.

ТЕРЕХОВ. А я мужиков никогда не любил. У меня нормальная ориентация.

ПАНКОВ. Действительно, давайте сменим тему. Давайте про женщин... Про политику уже говорили, про работу нечего, никто из присутствующих не работает, во всяком случае в данный момент, осталось только про прекрасную половину...

Слышатся голоса, уверенные шаги. Входят участковый Шпагин в форме, следом, в штатском, Ловейко. Шпагин уже в предпенсионном возрасте, неторопливый, спокойный. Ловейко только с институтской скамьи, оттого нарочито строг и неприступен.

ШПАГИН. Здравствуйте, товарищи... По какому случаю собрание? *(Смотрит на Галактионова.)* И вот товарища не знаю... Представляюсь, участковый Шпагин Евгений Федорович.

ГАЛАКТИОНОВ. Галактионов, Сергей Иванович...

КАРГОПОЛОВ. Он дом этот купил. Вот отмечаем, Евгений Федорович...

ШПАГИН. Понятное и приятное дело... *(Откуда-то появляется Муся.)* И кошка уже гуляет, быть значит уюту... *(Пристально глядя на Галактионова.)* Так это вы у Петровича купили? *(Ловейко)* Петрович у нас вроде ростовщика был... Или инвестора, понынешнему... Давно в нашем районе крутится. При социализме бригадиром шабашников, а при капитализме стал предпринимателем. Связи остались, с начальством ладил всегда, материал дешевый доставал, работяг изпод пивной бочки и прежде, и сейчас набирал, платил, чтоб на водку и закусь хватало... Говорят, у него где-то в Испании, то ли на Кипре особнячок и миллион долларов в кубышке... Хотел видно уехать подальше... Вот так, человек предполагает, а Бог располагает...

ЛОВЕЙКО. Евгений Федорович, не отвлекайтесь. Мне гражданина Галактионова необходимо допросить.

ТЕРЕХОВ. А чего это, лейтенант, судя по виду, сразу гражданином нашего товарища обзываешь и допрашивать собираешься?.. Представься, как положено государственному чиновнику.

ШПАГИН. Это следователь из районной прокуратуры, Арнольд Феоктистович Ловейко.

ЛОВЕЙКО. Я и сам могу... *(Достает удостоверение, раскрывает, протягивает в сторону Терехова.)* А ваши документы?..

ТЕРЕХОВ. Ну, сынок, послужишь вполтину моего, тогда у таких как я документы будешь спра-

шивать... Если дослужишься... Ты в чужом доме, без ордера, и если тебя не выгоняют, значит гость... Как все... Не устраивает, удерживать не будем...

ШПАГИН. Арнольд Феоктистович, я вам все про всех хоть так, хоть в рапорте изложу. Только вот про товарища Галактионова пока ничегошеньки не знаю.

ЛОВЕЙКО. *(Поворачивается к Галактионову.)*
 Попрошу ваши документы.

КАРГОПОЛОВ. Я его хорошо знаю. Добропорядочный гражданин, уважаемый человек... Вот теперь сосед... С сегодняшнего дня...

ШПАГИН. В том, что человек достойный никто не сомневается. Но мы по другому поводу. Нам надо узнать про Петровича... Когда встречались, как, где...

ГАЛАКТИОНОВ. Сегодня или раньше ?

ШПАГИН. Ну, начнем с сегодняшнего дня, со времени происшествия.

ГАЛАКТИОНОВ. В регистрационной палате. В девять часов. Я подошел, он уже там был, ждал. На девять договаривались. Зашли, оформили документы, я с ним рассчитался и расстался.

ЛОВЕЙКО. Где рассчитывались?

ГАЛАКТИОНОВ. Там же, в комнате, у них маленькая есть, специально для этого.

ЛОВЕЙКО. Сумма большая была?

ГАЛАКТИОНОВ. Да как сказать...

ШПАГИН. Думаю немаленькая, понятно, дом все-таки... А потом что было?

ГАЛАКТИОНОВ. Потом мы попрощались и я пошел сюда...

ЛОВЕЙКО. Он один был? Или может его кто ожидал?

ПАНКОВ. Да один он был, один... Я гляжу, сидит, пиво пьет, подошел, поздоровался, а он угостил...

ШПАГИН. А ты его, Геннадий, когда видел? (*Ловейко.*) Это наш местный, Панков...

ПАНКОВ. Да вот, перед тем как сюда зашел...

ШПАГИН. Попили пивка, а дальше?

ПАНКОВ. Да не попили, он мне вторую кружку поставил и ушел. Сказал, мол, время - деньги, а денег, сами понимаете, всегда не хватает.

Появляется Сухорукова. Теперь она явно под хмельком.

СУХОРУКОВА. О, еще гости нарисовались... Здрасьте, Евгений Федорович... А я вот принесла... (*Ставит пакет с бутылками на подоконник*) колбасы... О, и кошечка здесь гуляет, сейчас я тебе колбасочки... (*Окидывает Ловейко взглядом.*) А это кто же такой молоденький?.. Тоже не из наших...

ТЕРЕХОВ. Помолчи, женщина. (*Шпагину*) Федорович, давай лучше присоединяйся, дом обмоем, чтоб хозяину жилось долго...

ЛОВЕЙКО. Гражданин Галактионов, я вас приглашу официально, повесткой, сегодня же участковый занесет. (*Панкову.*) И вас тоже. (*Шпагину.*) А вы несете персональную ответственность за их явку...

ТЕРЕХОВ. Несет, несет, как вас... Арнольд... Имято... У меня бульдог был, слюнявый, но хватка отменная, тоже Арнольдом звали...

Ловейко быстро выходит. Шпагин задерживается, качает головой.

ШПАГИН. Из района приехал, молодой, чего же обижаете...

ТЕРЕХОВ. А пусть сразу учится других не обижать... А то вот такие дорвутся до власти и считают,

что могут все, что хочешь творить... Закон, дескать, для других писан... Между прочим, такие вот ретивые мальчишки, в свое время, в энкэвэдэ моего деда замучили...

ПАНКОВ. Что-то я тебя Сан Саныч не пойму: деда замучили, ментов не уважаешь, а бывшего главного кэгэбэшника за своего держишь... А он из таких вот мальчишков и вырос.

ТЕРЕХОВ. Говори, да не заговаривайся... Система системой, но люди в ней не все курвятся. Некоторые так людьми и остаются. У меня одноклассник в диссиденты в свое время подался, а полкласа из наших, кто в органы, кто в военные. Все тогда мечтали разведчиками быть... Когда в спокойные, а для кого в застойные диссидента этого зацепили на распространении самиздата, другой одноклассник, кэгэбэшник, помогал тому выкрутиться... И не только ему. Потом, правда, застрелился... Когда узнали об этом, донес кто-то, у них там тоже друг за другом следят. Да еще про деда раскопали, что тот, оказывается, царским офицером был, с Деникиным ушел. Из партии и из органов выперли... Вот так... В царской армии офицеры настоящие были. В белой армии - косточка дворянская, гордая, но обреченная. В нашей, Советской, рабоче-крестьянской, само собой цвет другой. Но и в ней героев немало... История это доказала. И в органах не дураки и не одни сволочи и взяточники. Другое дело, в каком количестве последние... А президент нынешний слово, как и положено образцовому офицеру, держит... Да и разведчик, а там другие традиции...

КАРГОПОЛОВ. Так может и этот следователь нормальный парень, только пока не определился как себя вести. Вот участковый наш хороший же мужик...

СУХОРУКОВА. Федорович, надежный мужик.

Вытаскивает из пакета бутылки.

ТЕРЕХОВ. А ты сдачу человеку отдай...

СУХОРУКОВА. Какую сдачу?.. Все ушло... На колбасу...

ТЕРЕХОВ. Отдай.

СУХОРУКОВА. Ну, пивка выпила... В долг. (*Галактионову.*) В долг взяла, не возражаешь?..

ГАЛАКТИОНОВ. Ладно... Давайте, действительно, выпьем, а то как-то... Помянем, что ли...

СУХОРУКОВА. Помянуть надо... Генерал, где стаканчики?.. И нож, колбасу порезать.

ТЕРЕХОВ. Конскую купила?

СУХОРУКОВА. Обыкновенную, не было конской...

ТЕРЕХОВ. Вот, баба-дура, мужик-молодец... (*Достает из кармана перочинник.*) На, держи...

Сухорукова по-хозяйски располагается на подоконнике, на пакете раскладывает нарезанную колбасу, помидоры, огурцы, лук, хлеб, расставляет три стаканчика.

СУХОРУКОВА. Посуды больше нет?..

ТЕРЕХОВ. В две смены. Ты и напольный - во вторую...

ПАНКОВ. (*Явно прикорнувший, встряхивает головой.*) Напольный?.. А это звучит... Пожалуй, я псевдоним такой возьму...

Сухорукова разливает, разносит стаканчики.

СУХОРУКОВА. Первую - хозяйину. Полной мерой, но без расплеску, чтоб и дом такой был, полной чашей, но не через края... Вторую - генералу. Потому как на Руси погоны всегда уважали. Генералы были даже свадебные. А у нас генерал - новосельский...

ТЕРЕХОВ. Я - просто генерал. А ты - просто баба, так что исполняй свою обязанность молча.

ПАНКОВ. Это какую обязанность, ночную?... Не-е, молча неинтересно, не заводит...

ТЕРЕХОВ. А ты сиди и не вякай...

ГАЛАКТИОНОВ. Пусть говорит, зачем вы так...

ПАНКОВ. *(Поднимая голову.)* Правильно, у нас свобода слова... И прочего...

КАРГОПОЛОВ. Он не тебя, Гена, имел в виду.

СУХОРУКОВА. А я и так скажу, все что хочу. Мне уже генералы не страшны. Это я пока не приму, боюсь... *(Подает стаканчик Каргополову.)* Третью тому, кто близко и в минуту радостную, и в печальную... Чтоб кошки черные не пробежали между вами...

ТЕРЕХОВ. Вот это точно, баба говорит... Бывают же неглупые мысли... Где моя Муся?

КАРГОПОЛОВ. Не чокаемся...

Выпивают.

Сухорукова подает каждому по бутерброду.

Наливает в два стаканчика. Один протягивает Панкову, второй собирается выпить.

ПАНКОВ. А мне что скажешь?

СУХОРУКОВА. А тебе Геночка, чтобы в доме этом тебя привечали, но не приголубливали, потому что голубь только на вид птица мирная...

ПАНКОВ. Голубь, так голубь. *(Выпивает, негромко.)* Однако, я не мирная птица, я... У меня своя тайна есть...

ГАЛАКТИОНОВ. А себе чего пожелаешь, Ольга Ивановна?

СУХОРУКОВА. А мне проще-простого. Поменьше страха, побольше форса... *(Выпивает.)*

ГАЛАКТИОНОВ. Афористично.

СУХОРУКОВА. Да нет, по жизни...

ТЕРЕХОВ. *(Галактионову.)* Ты не гляди, что она стерва, язык у нее подвешен... У нас одна вольнонаемная была, при формах, в соку, мужики - взводами за ней, а она как брякнет, чего-нибудь, похлеще любого генерала, так все и опускается...

ПАНКОВ. А что, поднималось?

ТЕРЕХОВ. Ох, Генка, укорочу твой поганенький...

ПАНКОВ. Ну, извини, Саныч, издержки воспитания.

СУХОРУКОВА. А чего мы так, генерал сидит, а мы перед ним навытяжку...

Снимает с подоконника закуску, раскладывает в центре комнаты, неловко подворачивая ноги, садится.

СУХОРУКОВА. Вот так лучше... В ногах правды нет. И торопиться некуда, впереди у всех одно...

ПАНКОВ. Поддерживаю. *(Переползает к закуске.)*

ГАЛАКТИОНОВ. И то правда, сидя, удобнее. *(Пристраивается рядом с Сухоруковой.)* Вот окончательно поселюсь, как положено отметим, за столом.

ТЕРЕХОВ. Ты что же, один жить будешь?

КАРГОПОЛОВ. *(Устраиваясь, рядом с Галактионовым.)* Да у него жена такая умница, и дети...

ГАЛАКТИОНОВ. Пока не знаю. Дети самостоятельно живут, свои семьи...

ТЕРЕХОВ. А я вот один... С Мусей... Муся! Где Муся?... А ладно, пусть гуляет.

СУХОРУКОВА. Генерал у нас шустрый еще, а один... Непорядок. Вон сколько вокруг девок свободных...

ТЕРЕХОВ. Да, это точно, порхают... На десять девчонок мужиков настоящих вполовину осталось... Вот и порхают... Крылышками из рекламы... Вот ты, Сухорукова, из тебя, кстати, неплохой ефрейтор получился бы, по хозчасти (*берет, протянутый ею, бутерброд*). Вот ты тоже порхаешь. А то давай, ублажи...

СУХОРУКОВА. Нет, я Валерочке, покойному, верна буду теперь до гробовой доски.

ПАНКОВ. Оль, да я уж тут...

КАРГОПОЛОВ. (*Перебивает.*) Сан Саныч, ты серьезно насчет девок-то?.. А я вот как-то не замечал порхающих на нашем краю...

ТЕРЕХОВ. Да какие девки, Николаич, в наши-то лета... Мне бы теплую как валенок, да пушистую как Муся, чтоб мурлыкала да каши хорошие варила, люблю каши...

ПАНКОВ. Не узнаю офицерство российское...

СУХОРУКОВА. Это генерал скромничает. А сам давно на столицу равняется, там нынче мода, что не старее, то жена помоложе, а за шестьдесят, так все поровят молодок обрюхатить...

ТЕРЕХОВ. Ты меня с этими..., не равняй... Это они от страха кобелятся... Помирать боязно, вот и бодрятся, дескать, могу еще... Дух-то слаб, вот плоть и выпячивают... Будущую безотцовщину малолетнюю плодят.

ГАЛАКТИОНОВ. Станный вывод... На мой взгляд, такие люди наоборот чувствуют в себе силу, уверены, что проживут еще долго, поэтому и не боятся любить...

ТЕРЕХОВ. Какая любовь!? Сказано: седина в бороду - бес в ребро. Так оно и есть.

От лукавого это... Это они как страус в песок, седую голову под мышку молодайки прячут... От себя убежать хотят, от того, что старость бессильным тело

делает... А к старости мудреть положено, а не мудозвонить...

КАРГОПОЛОВ. Давайте, я вас рассужу. Оба вы правы, но каждый по своему. А я по-своему, потому что свою жену люблю вот уже больше тридцати лет и менять на молодуху не собираюсь. За это и выпьем.

Сухорукова открывает новую бутылку, начинает разливать. Входит Шпагин.

ШПАГИН. Еще раз честной компании... Хорошо сидим.

ТЕРЕХОВ. Один, Евгений Федорович?

ШПАГИН. Один, один...

ТЕРЕХОВ. Присоединяйся.

ШПАГИН. Рад бы, да начальства понаехало, учуют еще... Я вот чего хотел (*поворачивается к Галактионову*) купюры-то какие у вас были?.. Которыми расплачивались...

ГАЛАКТИОНОВ. Купюры?.. Разные...

ШПАГИН. Больше крупных или мелких?

ГАЛАКТИОНОВ. Крупных... Небольшая пачечка была...

ШПАГИН. Понятно... И куда он эту пачечку?

ГАЛАКТИОНОВ. Куда? (*Задумался.*) Кажется... Да, точно, в пакет полиэтиленовый положил, пакет свернул и в карман пиджака сунул. Я еще запомнил, сунул как-то небрежно, словно не очень нужное...

ШПАГИН. Ясненько...

ТЕРЕХОВ. Что, нет пакетика? Не нашли? Я же говорил... Из-за него... Из-за этого дерьмеца. Все беды в мире из-за него. Это кто-то из своих соблазнился, кто знал.

ШПАГИН. Ольга Ивановна, к тебе тоже вопросик... Ты своего сожителя в последние дни не видала?

СУХОРУКОВА. Какого сожителя ?

ШПАГИН. А что у тебя их много?

СУХОРУКОВА. Да у меня один законный... был.

ШПАГИН. Вот его и имею в виду... Говорят, видели его вроде вчера в наших местах. Неужто не зашел?

СУХОРУКОВА. Никого не было. *(Поднимаясь.)* Засиделась я с вами... *(Галактионову.)* Так я потом должок отдам...

ШПАГИН. погоди Сухорукова, мне с тебя допрос снять надо.

СУХОРУКОВА. А вот и приходи ко мне, чего это я перед чужими людьми буду стриптиз устраивать...

ШПАГИН. Какой стриптиз, чего ты несешь?..

ТЕРЕХОВ. Да не телесный, понятно... Не держи ее, потом опросишь...

СУХОРУКОВ. А меня и не удержишь... Я все по доброй воле делаю... *(Уходит.)*

ШПАГИН. Чего это с ней?

ПАНКОВ. Да, про Валерика тут врала, и муж он ей, и похоронила уже... А он возьми и оживи...

ГАЛАКТИОНОВ. Так она выдумала про мужа?.. С хорошим воображением дама...

ШПАГИН. Отчего же, есть у нее то ли муж, то ли хахаль... Не понять... Жить-жил, а прописываться не прописывался... А вообще Ольга Ивановна у нас личность интересная... Дочка генеральская...

ТЕРЕХОВ. Какая генеральская?.. Почему не знаю?.. И фамилии такой генеральской не знаю.

ПАНКОВ. Да он большой генерал был, в генеральном штабе... Ты, Сан Саныч, преподавал, а он планы стратегические разрабатывал...

ТЕРЕХОВ. А ты откуда все знаешь? Не иначе тоже на какую-нибудь контору глубокого бурения работаешь...

ПАНКОВ. Мне не веришь, вот Федоровича спроси.

ШПАГИН. Генеральская, генеральская... А Валерий, ну, хахаль который, батю ее возил, лейтенант. Она молодая в него и втюрилась. Родители на дыбы, а она с норовом была. Одно слово - дочка генеральская. Вот тогда сюда и приехала с ним. Сначала хату снимали, она на почте работала, он - шофером в исполкоме. Потом он на заработки, на север подался... А началась эта кутерьма перестроечная, она к родителям вернулась, те простили. Свадьбу играть хотели, внуков ждали. Да вот с детьми не получалось, вроде как он неспособный... Потом родители ее померли, она его с кем-то застучала у себя на квартире генеральской, так в райотделе рассказывали. Его выгнала, квартиру продала, вернулась сюда. И Валерка этот следом прикатил... А она не приняла... Денег дала, он их все в райцентре и прогулял. И уехал... А тут вот объявился...

ГАЛАКТИОНОВ. И когда же она вернулась?..

ШПАГИН. Как раз СССР не стало...

ГАЛАКТИОНОВ. А у нее что, действительно, телевизора нет?

ШПАГИН. Телевизора? А причем телевизор?.. Не уточнял.

ГАЛАКТИОНОВ. Да она тут говорила, что с Валерием ее покойным, последний раз телевизор во время путча смотрела...

ПАНКОВ. Тогда она его с любовницей и застучала. Вот и запомнила.

ТЕРЕХОВ. Да-а, история... Почему я не знал?.. Муся?.. Вот стерва, загуляла... И не подумал бы, что из генеральских. На вид так, лярва деревенская...

ПАНКОВ. Нет, Саныч, не соглашусь, порода видна. Хоть и выпить не откажется, а сколько знаю, никаких вольностей не позволяет. И в форме еще...

КАРГОПОЛОВ. Сам, однако, пытался охмурить?..

ПАНКОВ. А что, не стану отрицать, подержаться успел. Но дерется, зараза...

ТЕРЕХОВ. Да, баба еще ничего, в самом приятном возрасте...

КАРГОПОЛОВ. Каких вывертов в судьбах только не бывает...

ШПАГИН. Да уж всякие... Человек, он ведь с одной стороны белый, а с другой - обязательно черный. То одним боком повернется, то другим... *(Машет рукой.)* А, давайте стаканчик, гляжу мелкий он у вас, пока с Сухоруковой побеседую, выветрится.

Панков наливает, подает.

ШПАГИН. Ну, хозяин, за знакомство, за дом этот, чтобы ничем больше не омрачался, за семью... *(Выпивает.)* Я еще зайду, ежели понадобится... Арнольд Феоктистович еще чего вспомнит, отправит... Меня к нему приставили... Да, Геннадий, ты тоже никуда не отлучайся, мало ли к тебе вопросы будут.

ТЕРЕХОВ. Я говорил, паскудник этот следак... Сам придти не хочет, по людски поговорить...

ШПАГИН. Все ухожу... Я ничего не слышал ... На всякий случай, прощаюсь... *(Уходит.)*

ПАНКОВ. Чего сидим скучно. *(Разливает.)* Поднимайте, а я пропускаю...

ТЕРЕХОВ. Одобряю, Геннадий... А я еще свою норму не набрал. *(Выпивает.)*

ГАЛАКТИОНОВ. Закусывайте, Александр Александрович... Вот когда обустроюсь, настоящее застолье организуем....

ТЕРЕХОВ. Интересная история получается...

ПАНКОВ. Какая история...

КАРГОПОЛОВ. Да он все о единственной, посетившей нас сегодня даме, вспоминает.

ТЕРЕХОВ. Вспоминаю, не стану скрывать... Она мне и так всегда нравилась, бойкая бабенка... У нас связистка была в части, это когда я капитаном..., нет, майором уже, командовал... Похожа... А по ночам, я скажу... Таких нынче днем с огнем не сыщешь... Вот как в начале перестройки какая-то баба брякнула по телевизору, что у нас в стране секса нет, так его и не стало. Сглазила стерва. А до этого был, да еще какой... У них там болтали на эту тему много, а у нас меньше слов, больше дела...

ПАНКОВ. Что-о ты Саныч, путаешь. Раньше секса не было, а теперь он на каждом углу.

ТЕРЕХОВ. А, ну ежели иметь в виду все эти картинки, фильмы, тогда конечно... Но разве это секс? Секс, когда не глазами, а всем телом, чтоб с писком... Это теперь насмотрятся, навиагрятся, а все бестолку. А раньше и без всяких виагр ночь напролет, посадок с десятков...

ПАНКОВ. Опять путаешь ты что-то, Саныч, не посадок, а пикировок... Или пикирований? *(Вопросительно смотрит на Галактионова.)* Как правильно?.. А, неважно... И всего один раз. В неделю...

ТЕРЕХОВ. Это ты...

ПАНКОВ. *(Продолжает, не обращая ни на кого внимания, словно сам с собою.)* Потому что у нее муж и ребенок. И муж-ревнивец, на работу отвозит, с работы заезжает... По субботам только и отпускал на два часа по магазинам погулять. Тут и продуктов надо успеть купить и нам с ней, где-нибудь... Не успеешь насладиться... Шесть дней вспоминаешь, на чем остановились, а потом...

ТЕРЕХОВ. Жалко мне тебя *(Гладит Панкова по голове.)* В этом случае, конечно, какой секс - одно устройство функций организма. Увез бы куда подальше и не мучился.

ПАНКОВ. Уговаривал, умолял... Не захотела.

ТЕРЕХОВ. Ну тогда другую бы нашел...

ПАНКОВ. Присушила... До нее были, а после... Есть в ней что-то такое, против чего устоять не могу, соображать перестаю. Я до встречи с ней спиртного в рот не брал, а тут шесть вечеров один, сна нет, вот и стал как снотворное принимать...

ТЕРЕХОВ. Слабак ты, Геннадий...

ПАНКОВ. Слабак... Не спорю. Только о ней и думаю. Околдовала... Кураж пропал, снимки дерьмо пошли...

ГАЛАКТИОНОВ. Какие снимки?..

КАРГОПОЛОВ. Он - фотокорреспондент, даже зарубежные журналы его печатали.

ПАНКОВ. Было. Все в прошлом. Я ведь с детства увлекался, еще со «Сменой», фотоаппарат такой был, для пионеров, начинал... До нее только одной страстью и жил, фотографией... Со счастливого детства такой фотоархив остался... Надо будет съездить в город, привезти. И выставку здесь устроить. Бабки с округи соберутся, мужики трезвые которые, а у меня там и про благополучно-застойный социализм, и про кураж баррикадный, и про беспредел, и про все остальное...

КАРГОПОЛОВ. Хорошая идея. Я помогу организовать. Привлечем внимание, поднимем престиж деревни...

ТЕРЕХОВ. Какие вы, все-таки, солдафоны... Не надо нам, чтобы всякая шелупонь с деньгами накатила. Начнут казино, бардели строить... Нет, никакой выставки я не разрешаю!

ПАНКОВ. Забыть мне надо прошлое, амнезия нужна... Сан Саныч? *(Берет стаканчик, выжидательно смотрит на Терехова.)*

Входит Ловейко.

ЛОВЕЙКО. Участковый был?

ТЕРЕХОВ. Здравствуй, юный следопыт...

ГАЛАКТИОНОВ. Был. Недавно ушел.

ЛОВЕЙКО. Куда?

ГАЛАКТИОНОВ. Сказал с Сухоруковой беседовать.

КАРГОПОЛОВ. Арнольд Феликсович...

ЛОВЕЙКО. Феоктистович.

КАРГОПОЛОВ. Простите... Откушайте с нами.
(Наливает в стаканчик, поднимается.)

ЛОВЕЙКО. Участковому подносили?

ТЕРЕХОВ. А мы что, на допросе?

ЛОВЕЙКО. Придет время, будете... *(Уходит.)*

ТЕРЕХОВ. О, видали... Я говорил, из него большой свинтус вырастит...

ГАЛАКТИОНОВ. *(Панкову.)* А сейчас, Геннадий, ты не снимаешь?

ПАНКОВ. Залечиваю душевные раны... Проедаю запасы, накопленные в более урожайные годы... *(Берет у Каргополова стаканчик.)* Позвольте проамнезироваться...

ТЕРЕХОВ. Ничего, Гена, надейся на лучшее, военные страну направят на верный путь. Не случайно у нас главный с такой фамилией... Он нас на истинную дорогу выведет.

ПАНКОВ. *(Выпив.)* Русская история уже знает одного проводника...

ТЕРЕХОВ. Историю расейскую не трожь! Она вся героическая...

ПАНКОВ. Я не спорю. Тем более, тот поляков завел... Можно вывести правых, а завести левых. И наоборот... В любом случае для кого-то каждый проводник остается героем, а для кого-то предателем...

ГАЛАКТИОНОВ. *(Панкову.)* Хотелось бы на твои работы взглянуть...

ПАНКОВ. Да вот соберусь в город, может привезу.

Пауза

ГАЛАКТИОНОВ. А тут природа хорошая?.. Прошлый раз, когда дом присмотрел, я толком ничего и не видел. Подъехали в сумерки, внутрь зашли, только и успел еще улицу обозреть...

КАРГОПОЛОВ. Сережа, места великолепные... Тут недалеко речка есть, лесочек... Мои загорать туда ходят. Говорят, рыба водится, но я не ловлю. А зверья, правда, тоже не видел.

ПАНКОВ. Когда я пионером был, зайцы по деревне бегали. И рыбы кишело, майками ловили... Теперь ничего не осталось. Человек безумно прожорлив... А ведь было, майки снизу завяжем...

ТЕРЕХОВ. И зимой майками?

ПАНКОВ. А почему нет?

ТЕРЕХОВ. Потому что зимой они спят.

ПАНКОВ. Кто спит?

ТЕРЕХОВ. Как кто?.. Кто в берлоге живет?

ПАНКОВ. А причем здесь берлога?

КАРГОПОЛОВ. Сан Саныч, ты однако норму уже принял... Геннадий про зайцев рассказывал, что они по деревне бегают...

ТЕРЕХОВ. Ерунда, никто кроме девок не бегают.

КАРГОПОЛОВ. Однако, Сан Саныч, нам пора. *(Поднимается, Галактионову.)* Я сейчас его провожу, а то наш генерал в таком состоянии направление путает...

ТЕРЕХОВ. Кто путает? Ничего я не забыл. Муся?

КАРГОПОЛОВ. Дома уже Муся, дома...

ТЕРЕХОВ. И верно, чего ей здесь делать... Нет ей здесь дела...

ПАНКОВ. Мне тоже пора.

ГАЛАКТИОНОВ. (*Поднимая бутылку.*) Еще осталось...

ПАНКОВ. Пока мне хватит...

ГАЛАКТИОНОВ. Ты один живешь?

ПАНКОВ. (*Размышляя.*) Я тут в двоякой позе... Нет, ситуации, в двойственной... И вроде самостоятельно и как бы в примаках... Врач она. Лечит всех и меня. Вот пойду сейчас каяться... Или выпью еще... Все при ней, другие завидуют, а я только когда представляю, что вместо этой - та, тогда еще кое-как...

КАРГОПОЛОВ. (*Выводя Терехова, Панкову.*) Ну, так ты идешь или нет? Если идешь, поддержи генерала с другой стороны.

ПАНКОВ. (*Покачиваясь, поднимается.*) Иду, сейчас...

Выходят. Галактионов остается один, начинает собирать остатки еды. Входит Шпагин.

ШПАГИН. Сухорукова не забегала?..

ГАЛАКТИОНОВ. Не было.

ШПАГИН. Куда же она запропастилась... Всю деревню obeжал... И пацан еще этот, Арнольд... Уточнить ему, видите ли, надо, свидетели были, когда вы Петровичу деньги передавали или нет?

ГАЛАКТИОНОВ. Не было. Мы в комнате одни считали... А до этого уже бумаги как положено оформили. Документы у него были, деньги у меня. Там обменялись...

ШПАГИН. Ясно... (*Смотрит на бутылку.*) Стаканчики однако под коньяк...

ГАЛАКТИОНОВ. Да, наверное... Это генеральские. (*Наливает, подает участковому.*)

ШПАГИН. Ладно, за все хорошее впереди... (*Выпивает.*) А ты, Сергей Иванович не переживай, я ему

уже сказал, что ты тут не причем... Тебе-то какой резон... Вот если б деньги не отдал. тогда другое дело...

ГАЛАКТИОНОВ. (*Глядя на Шпагина.*) Выходит и я под подозрением... Ну да, по законам жанра. Денег не нашли, вдруг и не отдавал. Или отдал, а потом...

ШПАГИН. Да это чушь полная, но он же только из института. А чему их там сейчас учат? Вот и посмотрелся сериалов. Даже обижаться не стоит...

ГАЛАКТИОНОВ. (*Усмехаясь.*) Действительно, сознание, развращенное виртуальностью... На что же обижаться? Впору жалеть.

ШПАГИН. Точно. Поглядишь, ведь молодой, хлипкий, зубки показывает, а по этим зубкам хряснешь разок и детский сад... (*Глядя на бутылку.*) Я бы еще...

ГАЛАКТИОНОВ. Да-да, конечно. (*Наливает.*)

ШПАГИН. Все обойдется. (*Выпивает, закусывает огурцом.*) Я то чувю, Валерка не случайно крутился... Он ведь, когда на север зарабатывать поехал, связался там с уголовниками, сберкассу ограбили, он их на машине ждал... Таксистом работал. Когда арестовали, сказал, что ничего не знал, что они просто пассажиры. Попросили мол его подождать, пока вещи заберут. Те подтвердили, вот и отделался легким испугом... А по мне, так он все и организовал. Башка у него варит...

ГАЛАКТИОНОВ. Да, история... Вроде и жизнь у человека короткая, а на иную столько всего выпадает... Да, совсем забыл, следователь вас искал...

ШПАГИН. Феоктистыч?... Ладно, служить надо... Но куда эта чертова баба запропала? Мне ее надо найти, а то ведь пацан этот чего-нибудь надумает еще... (*Уходит.*)

ГАЛАКТИОНОВ. (*Проходит по комнате.*) А не поторопился я с этим домом?... Думал тишина, покой, а тут такие страсти... (*Начинает убирать.*)

Входит Сухорукова.

СУХОРУКОВА. Ну что, теперь все знаете...

ГАЛАКТИОНОВ. Что знаю?

СУХОРУКОВА. *(Помогает убирать.)* Не мужское это дело... Хотя теперь все наоборот, мужики за баб, бабы за мужиков... Про меня и про Валерия Игнатьевича теперь знаете...

ГАЛАКТИОНОВ. Да, участковый кое-что рассказывал...

СУХОРУКОВА. Вы мне нравитесь... На отца похожи... А Шпагин, он нормальный мужик, но и он ничегошеньки не знает, потому что жизнь моя, хоть книжку пиши и выдумывать ничего не надо... Может и напишу когда... Хотите всю правду знать?

ГАЛАКТИОНОВ. Воля ваша...

СУХОРУКОВА. Ладно, расскажу... Хочется вам почему-то рассказать... *(Пристально смотрит на Галактионова.)* Мне семнадцать было, десятый класс заканчивала. Весна была, когда он пришел к нам в гости. Молодой, моложе вас тогда был, и генерал. Стройный, волосы черные, а виски седые... Самый молодой и самый перспективный генерал страны, папа говорил. Вот сейчас молоденькие девчонки за стариков в основном из-за денег выскакивают. А я знаю, что иногда бывает так: опалит тебя, и этому человеку позволишь с собой сделать все, что захочет, в ногах валяться будешь, побои терпеть, лишь бы рядом с ним быть... И знаете почему? Потому что женщина чувствует, от какого мужчины понести ей надо, кого воплотить в ребенке... Потому что этому ребенку судьбой значит уготовано нечто... Да, не обязательно хорошим он будет, может и преступником, но ведь миру не только день нужен, но и ночь... На выпускном вечере я позвонила ему, попро-

сила придти, поздравить... Сказала, что отравлюсь, если он не придет... Он пришел... А я его потащила гулять, в парк. Там уже место укромное заметила, над прудом под ивой... Ночь была темная, мы одни... Он не хотел меня, но я пригрозила, что брошусь в пруд... Мне надо было лишь, чтобы ребеночек у меня от него был... Но не получилось у нас в тот раз. Когда поняла, позвонила, а он в командировку уехал. А потом куда-то еще... Надолго... И никто не говорил куда... После папа сказал, что за границу и что это самое лучшее для него в том бардаке, который начался в стране...

ГАЛАКТИОНОВ. *(После паузы.)* А Валерий ?

СУХОРУКОВА. Валерий?.. А Валере я нравилась, ухаживал он за мной, потом предложил пожениться... Я согласилась, мне все равно было за кого идти. Но детей у нас, как видите, нет, не хочу я его детей, любить не буду... Вот он и начал беситься...

ГАЛАКТИОНОВ. Так он жив ?

СУХОРУКОВА. Кто?.. Генерал мой? Не знаю, следы потерялись. Может и живет где, земля большая...

ГАЛАКТИОНОВ. Я о Валере.

СУХОРУКОВА. Жив, конечно... А вот любовь свою я похоронила... Поэтому мне лучше так, как я говорила... Это моя правда... Понимаете, моя... Вот, рассказала и пусто стало... И надо же, так мало слов понадобилось, а вся жизнь...

ГАЛАКТИОНОВ. Ну какая жизнь, все еще впереди...

СУХОРУКОВА. Не знаю... Умом понимаю, что пора бы и детей уже иметь, время уходит, но я своего ребенка любить хочу, а значит и отца его должна любить. Да вот никак не встречаю такого...

ГАЛАКТИОНОВ. Знаешь, Ольга Ивановна, никому из нас неведомо, что завтра с каждым будет. Вот и у меня...

Входит Марьина. Ей чуть больше тридцати. Сразу видно, что она человек солидный, уважаемый, а оттого и обязанный следить за собой.

МАРЬИНА. Здравствуйте... *(Оглядывается комнату.)* Мне сказали, что здесь Геннадий Алексеевич ...

ГАЛАКТИОНОВ. Кто? *(Смотрит на Сухорукова.)*

СУХОРУКОВА. Ищешь своего?.. Был он здесь, был... *(Галактионову)* Панков это...

ГАЛАКТИОНОВ. А, Геннадий... Они пошли генерала провожать.

МАРЬИНА. Я заходила к Александру Александровичу... Он в невменяемом состоянии находится... Пришлось сделать укол... Что же вы, только появились у нас, а мужчин наших спаиваете?.. У Терехова сердце больное, да и возраст не мальчика... А Геннадий Алексеевич, как вы, по-видимому, догадались, склонен к алкоголизму...

ГАЛАКТИОНОВ. Вы знаете, вот таких подробностей я не знал. Признаться, я вообще уже с трудом разбираюсь, где нахожусь?.. И мой ли это дом, или какой-то проходной вагон?.. Может я еду?.. Ту-ту!..

СУХОРУКОВА. *(Глядя Галактионова по спине.)* Ладно вам, Светлана Петровна-врач наш, она за всех болеет. Придет время и за вас тоже будет.

ГАЛАКТИОНОВ. Я не возражаю, но абсолютно не понимаю, в чем моя вина?.. Давний мой знакомый, оказавшийся соседом, предложил пустить кошку, привел генерала, за генералом пришел ваш Геннадий Алексеевич, потом какой-то Арнольд, участковый...

СУХОРУКОВА. И я ... Я уже третий раз захожу. А зачем зашла.., долг вернуть. *(Протягивает деньги.)*

ГАЛАКТИОНОВ. Какой долг? Да ничего я вам не одалживал!

СУХОРУКОВА. Ну, я взяла... Из колбасных...

ГАЛАКТИОНОВ. Так и купите себе колбасы!..

МАРЬИНА. Извините, если обидела, я этого не хотела, просто я... Геннадий..., простите, вы конечно, человек новый...

Входит Каргополов.

ГАЛАКТИОНОВ. Вот, Павел Николаевич пришел, он скажет, где ваш Геннадий...

КАРГОПОЛОВ. Скажу, все скажу. Здрасьте, Светлана Петровна. *(Галактионову)* Что сказать надо, спрашивай.

ГАЛАКТИОНОВ. Не мне, вот этой даме... Где, ее Геннадий...

КАРГОПОЛОВ. Геннадий пошел домой. Мы проводили генерала, потом зашли в кафе, выпили по кружечке пивка и он пошел...

СУХОРУКОВА. Ну вот, Петровна, домой твой направился...

МАРЬИНА. Я поняла... Извините еще раз... *(На пороге останавливается.)* Но, все-таки, пожалуйста, не давайте Геннадию спиртного. *(Уходит.)*

СУХОРУКОВА. *(Галактионову)* Вот видите, она тоже ребеночка от него очень хочет, но чтобы здоровенький был... Хотя бы три месяца, чтобы не пил... И, между прочим, сегодня третий месяц пошел, как он в рот не брал...

ГАЛАКТИОНОВ. Слушай, как там тебя.., тетка, проваливай!.. Мне ваши бабьи проблемы...

СУХОРУКОВА. Ухожу... Не расстраивайся, я тебя все равно не боюсь, только генералов... Жену быстрее зови, а то сопьешься с нашими мужиками... *(Уходит.)*

КАРГОПОЛОВ. Действительно, нехорошо получилось. С Геннадием. Держался, держался... А у нее от

первого мужа ребенок такой (*вертит у виска*), пьяное зачатие...

ГАЛАКТИОНОВ. Все, Павел Николаевич, я уже ничего не понимаю, давай лучше выпьем... (*Выпивает не ожидая.*) Вот так... Хорошо... А то такое ощущение, что я трезвее трезвого... Убийцу нашли?

КАРГОПОЛОВ. Не знаю. Да и вряд ли найдут... Скорая уже уехала, увезли покойника... Вот ведь, все работал, копил... Кому?.. А может и есть кому... С участковым встретились, пивка с нами попил, он считает, что Валерка тут замешан...

ГАЛАКТИОНОВ. А ты этого Валерку видел?

КАРГОПОЛОВ. Да видел пару раз. Нормальный мужик, только худющий, язвенник наверное... И на баб злющий, про них любит поговорить.

ГАЛАКТИОНОВ. Бабник?

КАРГОПОЛОВ. Наоборот, отчего я с Генкой и не согласен. Исключительно только одно слышал, и такие они, и сакые, и верить никакой нельзя, да и зло все в этом мире исключительно от них...

ГАЛАКТИОНОВ. Понятно, не оригинал этот Валерик... А участковый, похоже, не дурак выпить. Он сюда недавно заходил.

КАРГОПОЛОВ. Ну да... Он как выпьет, искать, где добавить, начинает... На том краю деревни то ли свадьба, то ли крестины, там ему поднесли, теперь пошел сыщика изображать... И что удивительно, Сережа, ни разу в таком состоянии его начальство не ловило. Талант...

ГАЛАКТИОНОВ. Этот юноша, Арнольд, поймает... У него тоже талант... Ладно, что мы их обсуждаем... Ты лучше расскажи, как обосновался здесь... Садик разбил? По вечерам у камина собираетесь семейно?..

КАРГОПОЛОВ. А... (*Машет рукой.*) До садика все руки не доходят, успеть бы картошку посадить,

да пару грядок обиходить... Камина тоже не соорудил, сидеть возле него некому, нам с Галиной Максимовой как-то без него привычнее, а сын в столице, карьеру делает. Они теперь все больше о деньгах думают... Ну, мы, понятное дело, оболваненные были, на призрак работали, коммунизма, а их призрак еще призрачнее-деньги... Деньги и компьютер. Парню двадцать пять, приезжал тут на пару дней, я ему в райцентре такую деваху присмотрел... А он ноутбук свой воткнул в розетку, к телефону присосался и с утра до вечера на экран... Денис, говорю, пойдем по бабам, пока мать в городе... А он мне, знаешь что...

ГАЛАКТИОНОВ. Даже не догадываюсь.

КАРГОПОЛОВ. А он клавишами пощелкал и порносайт показывает. Тут говорит девок на любой вкус, чего зря напрягаться... Я ему, не понял сынок, это все картинки, а там живая, теплая, упругая, с руками-ногами... А он выдает, хорошо мать не слышала... Теплое и живое, говорит, это примитивно, воображению негде разгуляться, а тут с кем хочешь - можешь и без всяких неприятных последствий, ни СПИДа тебе, ни расходов ненужных... Я говорю, а как же дети, будущее человечества? А он отвечает, детей теперь любая женщина из пробирки может заиметь, непорочным зачатием, и вообще основная функция мужчины в этом мире, не размножением заниматься, а создавать интеллектуальное поле, управляющее Вселенной и что ученые выяснили, сперматозоиды, оказывается, в принципе и не нужны женщине, они лишь как стимулятор для начала процесса, вроде укольчика в яйцеклетку, после которого та сама все и делает...

ГАЛАКТИОНОВ. Как-то все неправдоподобно... У меня вот внучка внешне - вылитый зять...

КАРГОПОЛОВ. Вот видишь, у тебя внучка есть, а мы все уговариваем... Я ведь уже знаешь чего наду-

мал, найду нормальную женщину, с ней договорюсь, сведу их в следующий раз, в постель уложу, а потом пусть деньги зарабатывает, а я с внуком...

ГАЛАКТИОНОВ. Да взял бы и сам уже сообразил маленького. С какой-нибудь молоденькой...

КАРГОПОЛОВ. Это не то... Своего я уже сделал. Родители и дети друг друга не понимают... Внуки и деды понимают... Я сыну столько всего хотел рассказать, а вижу ему не интересно...

ГАЛАКТИОНОВ. И у тебя, значит, проблемы... Я думал, ты тут с наслаждением пенсионишь, мемуары строгаешь...

КАРГОПОЛОВ. Насчет мемуаров подумываю... Вроде соберусь, но все кажется рано еще... Может быть, как раз потому, что внука нет... Так бы ему почитывал ...

ГАЛАКТИОНОВ. Да, Павел Николаевич, вступили мы в закатный возраст как-то незаметно... Всю жизнь мечтал в таком доме жить, а вот сколько Бог даст, неведомо... *(Проходит по комнате.)* Мечтал чтоб деревом пахло и за окнами простор, а не стена многоэтажки. И чтоб сам собой распоряжался...

КАРГОПОЛОВ. Ничего не поделаешь, иные ценности приходят на смену прежним. Может и мне не стоит на сына обижаться?.. Правда, я все-таки, в его возрасте, любым занятиям свидания с девушками предпочитал, причем не виртуальные...

ГАЛАКТИОНОВ. Может и не стоит... Наиграется в свой интернет, подкопит денежек, удовлетворит материальные потребности... Какие они там у него?.. Машина, квартира, отдых за границей - такой сегодня набор юных?.. Все равно ведь природа свое возьмет. А если не природа, то какая-нибудь хищница найдется, присушит... На худой конец, соблазнит... Я вот тут эту Ольгу Ивановну наслушался, она мне

свою историю рассказала, о том что от этого самого Валеры детей не хочет, потому что любить их не будет... Не пойму ее...

КАРГОПОЛОВ. Бабы с ума сходят... В студенческие годы я жил на квартире у одной старушки, до-революционного еще замеса, так она рассказывала, их было пятеро, мать, трое дочерей и один мужчина, отец. Работал только он кондуктором на железной дороге. Так вот мясо они ели два дня в неделю, не потому что не могли позволить себе чаще, а потому что заведено так было, у всех девок - кожаные сапожки имелись, насколько я понял - это в те времена был самый веский аргумент качества жизни. Но главное, домострой был: отец - кормилец, остальные выполняли свои домашние обязанности. И порядок был.

ГАЛАКТИОНОВ. Тогда и в стране монархия была.

КАРГОПОЛОВ. Не спорю... Нам выпало жить в иное время... Может и прав Сан Саныч насчет времени шутов без царя... Но вот в чем я не сомневаюсь, так это в том, что сейчас каждый желает жить за счет другого. А я вот всю жизнь коммунистом был, ты знаешь, идеологией занимался, потом в новой администрации до пенсии досиживал в этой самой пресс-службе. Вроде бы, по всей своей жизни против царизма, а в последние годы спроси, какой строй считаю самым разумным, отвечу - монархию. Все остальное - от лукавого. И коммунизм, и демократия... Да ладно, мы еще наговоримся, теперь будет время. Ты то как?

ГАЛАКТИОНОВ. Потихоньку...

КАРГОПОЛОВ. Сколько мы уже не виделись, а твоих я вообще уже представить не могу...

ГАЛАКТИОНОВ. Да, кое-что изменилось...

Вбегает Сухорукова.

СУХОРУКОВА. А вы что же здесь?! Там такое , а вы сидите как ни в чем не бывало...

КАРГОПОЛОВ. Что там такое?

СУХОРУКОВА. Там... Там генерала арестовали!..

КАРГОПОЛОВ. Какого генерала?.. Как арестовали?..

Каргополов стремительно уходит. За ним выбегает Сухорукова... Следом, колебавшись, уходит и Галактионов.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же комната, только теперь она изменилась, появился камин и он привлекает внимание. Возле него стоят два кресла. У окна — небольшой продолговатый стол, вдоль которого лавка. У противоположной стены — полки под книги. Все из необработанного дерева. Одним словом, комната обставлена под деревенскую избу. Входят Галактионов и Рысина. Рысиной около тридцати, рядом с Галактионовым она смотрится больше как дочь, чем жена.

ГАЛАКТИОНОВ. Вот видишь, Лерочка, я тут выдержал все в одном стиле. Как мы с тобой планировали... На мой взгляд, довольно интересно получилось.

РЫСИНА. Оригинально. *(Проходит по комнате, прикасаясь к мебели, словно оценивая.)* Хотя, мне кажется, не уютно....

ГАЛАКТИОНОВ. А это оттого, что никто не жил... Вот сейчас камин разожжем, прогреем, сами надышим, устроим домовым праздник...

РЫСИНА. Ты и домового купил, впридачу к дому?

ГАЛАКТИОНОВ. Говорят здесь много беспризорных, но кошка гуляла, я тебе рассказывал...

РЫСИНА. А я не против домового. Втроем веселее. Кстати, ты так и не досказал про генерала...

ГАЛАКТИОНОВ. Да, действительно... Естественно, когда эта Сухорукова сказала, что генерала арестовали, все кинулись на улицу.

РЫСИНА. И ты тоже? Не похоже на тебя.

ГАЛАКТИОНОВ. Почему же и мне бывает любопытно. К тому же я числился в подозреваемых. И людей ведь манит запретельное...

РЫСИНА. Ну, арест - это не смерть.

ГАЛАКТИОНОВ. Кому как. Я вот даже не могу представить себя в камере...

РЫСИНА. Это также как в квартире... Только компания специфичная... Так что там случилось с генералом?

ГАЛАКТИОНОВ. Этот следователь, мальчишка, решил власть свою продемонстрировать. Вместо того, чтобы просто поговорить, тем более, генерал абсолютно ничего не видел и не знал, прислал наряд, чтобы в райотделе провести допрос.

РЫСИНА. Беспредел.

ГАЛАКТИОНОВ. Самодурство.

РЫСИНА. Одно и то же... А где спальня, кухня?

ГАЛАКТИОНОВ. Пойдем, я покажу...

Уходят. Входит Каргополов.

КАРГОПОЛОВ. Кто здесь?.. Я уже участкового вызвал, так что, если воры, убегайте, пока не поздно...

ГАЛАКТИОНОВ. *(Возвращаясь.)* Да мы это, Павел Николаевич, мы... *(Пожимает руку.)* А ты как настоящий секьюрити...

КАРГОПОЛОВ. Тут пока тебя не было, всякие бродили, а воров и бомжей сегодня хватает. Если не украдут, то нагадят. Один приехал?

ГАЛАКТИОНОВ. Да нет... *(Появляется Рысина.)* Вот знакомься...

КАРГОПОЛОВ. Господи, неужели это Татьяна?.. Так повзрослела... Прямо настоящая леди.

ГАЛАКТИОНОВ. Павел Николаевич, это не Татьяна, это моя жена, Валерия Станиславовна...

КАРГОПОЛОВ. Жена?.. А...

ГАЛАКТИОНОВ. С Наташей мы разошлись, а вот с Лерой, как и положено, перед Богом и перед людьми...

КАРГОПОЛОВ. *(Рысиной.)* Поздравляю.

РЫСИНА. Благодарю... Сережа, я пойду осмотрюсь. *(Уходит.)*

ГАЛАКТИОНОВ. Конечно, конечно... *(Каргополуву.)* Вот решили перебираться, обжиться до зимы, окрестности рассмотреть.

КАРГОПОЛОВ. А я ждал, что ты сразу переедешь, как мебель эту завез. Жду-жду, а все нет и нет, думал, твои кто появятся... Все Наталью выглядывал... Теперь ясно.

ГАЛАКТИОНОВ. Заказ подвернулся приличный, жалко было терять, деньги ведь лишними не бывают. А теперь вот пауза... Слушай, Павел Николаевич, а я ведь знаешь чего не приготовил?.. *(Подходит к камину.)* Дров для камина не приготовил... Где-нибудь можно купить?

КАРГОПОЛОВ. Купить?.. Вот это уж точно нельзя. У всех электричество, плиты, печек и тем более каминов нет. Только если в лесу сучьев набрать...

ГАЛАКТИОНОВ. Надо же... Все учел, а про дрова забыл.

Возвращается Рысина.

РЫСИНА. А мне здесь нравится... Так все уютно... Спасибо, дорогой. *(Целует Галактионова в щеку.)* Ты постарался, я это оценила.

ГАЛАКТИОНОВ. Я рад, что тебе понравилось... Но вот, Леночка, с дровами для камина я оплошал, а так хотелось опробовать....

КАРГОПОЛОВ. Не буду вам мешать, обживайтесь...

ГАЛАКТИОНОВ. Павел Николаевич, как только осмотримся, на новоселье пригласим... Как там наши соседи?

КАРГОПОЛОВ. Да вроде ничего, шаркают потихоньку.

ГАЛАКТИОНОВ. Ну, а нашли убийцу?

КАРГОПОЛОВ. Никого не нашли.

ГАЛАКТИОНОВ. А Валерика?

КАРГОПОЛОВ. Тоже куда-то пропал... Ну, всего хорошего... (*Уходит.*)

РЫСИНА. Симпатичный старичок. Совсем на деревенского не похож.

ГАЛАКТИОНОВ. Да он никогда и не был деревенским.

РЫСИНА. Разве он не абориген?

ГАЛАКТИОНОВ. Лерочка, этот старичок, было время, судьбы вершил. И, между прочим, в моей тоже участие немалое принял.

РЫСИНА. Ты не рассказывал... Кем же он был?

ГАЛАКТИОНОВ. Не рассказывал, потому что повода не было. А служил он очень долгое время заведующим отделом пропаганды обкома партии. Той самой всемогущей некогда КПСС. И твой муж полностью, со всеми потрохами, был зависим от него. И даже благодаря непосредственно его усилиям лишился карьеры, не став в свое время членом оной партии.

РЫСИНА. Люблю житейские истории про времена, когда меня не было...

ГАЛАКТИОНОВ. Ну, это не так уж давно было и ты, если не в школу, то в детский сад точно ходила... Я тогда в газете работал, исполняющим обязанности заведующего отделом. Газета партийная, я - беспартийный был, а должность уже номенклатурная. Знаешь что это такое?

РЫСИНА. Что-то слышала...

ГАЛАКТИОНОВ. В те годы это много значило. Льготы всевозможные, продвижение по службе, награды... Если попадал в номенклатуру, вниз уже не

падал. И хотя я и был аполитичным, но по совету друзей и настоянию редактора написал заявление в партию. На собрании меня вне очереди приняли в кандидаты. Да, везде тогда очереди были и в партию самая длинная, интеллигенцию не очень-то принимали, пропорцию рабочих и крестьян сохраняли. Я работаю, стаж кандидатский. и такое было, вроде испытательного срока в течение года, идет, все нормально. Тут перестройка началась, команду нам всем дали, критиковать, невзирая на лица, чтобы перестраивались быстрее. Вот я и написал один материал, критический, про начальника строительного управления. А начальник оказался хоть и дальним, но родственником Павла Николаевича. И хоть перестройка, и установка сверху была на критику, но родственник он всегда родственник... Кандидатский срок кончается, а вокруг меня словно вакуум образовался. Понять ничего не могу. Даже редактор иначе стал относиться. Прежде и в шахматы играли, и водочки порой выпивали... А тут словно избегает и ничего не говорит... Когда меня принимали в кандидаты, в порядке общественной нагрузки, и такое было, выбрали председателем первичной организации общества трезвости... Вот рассказываю, а самому кажется, что это из какой-то другой жизни... Если не из жизни, то из другой эпохи точно. Ты знаешь, что это за общество?

РЫСИНА. Господи, Сережа, ну откуда мне все это знать?

ГАЛАКТИОНОВ. Да, в детском садике таких обществ не создавали... Кстати, интересный эпизод новейшей истории. Мелким кажется, на фоне всего дальнейшего, но если глубже копнуть, немало диссертаций можно написать. Да еще каких... Тогда, в ходе кампании по борьбе с пьянством многих дельных управленцев повышибли. Особенно маститых, знав-

ших себе цену. Они ведь привыкли указы игнорировать, и этот недооценили, вернее врагов своих, продолжали жить, как и прежде, с банькой, водочкой... И полетели сигналы от доброжелателей в парткомы. А там, хоть и знали истинную цену провинившимся, ничего не могли поделать, в лучшем случае обязаны были строгий выговор закатить, а, как правило, исключали из рядов. А это автоматически означало увольнение или понижение... А в роли всевидящего ока выступало как раз это самое общество. Движение масс-могучая сила, если ее направить в нужное русло... Так вот, числился я этим самым председателем, но ничего не делал, у нас в редакции указ выполнили быстро, из буфета спиртное убрали, в кабинетах пить перестали, все переместилось в семейную ячейку, на кухню... Числился и не подозревал, что не выполняю решение партии, так как ни одного пьющего так и не выявил...

РЫСИНА. А может они правы были?

ГАЛАКТИОНОВ. Ну вот, ты уже догадалась. Действительно, на собрании, а на нем как раз и присутствовал Павел Николаевич, и даже выступил, когда хвалить меня начали, да и повернул, как они умели так, что к концу собрания я уже сам поверил, что абсолютно не готов нести тяжелую и почетную ношу звания коммуниста... Это я сейчас так говорю, а когда не хватило одного голоса, чтобы я прошел, поверь весело не было...

РЫСИНА. Ты зря Стрекаловой отдал последний проект... Я бы лучше сделала...

ГАЛАКТИОНОВ. Лена, мы с тобой эту тему закрыли. Ты знаешь, почему нужно было отдать именно ей... И я прошу больше к этому не возвращаться.

РЫСИНА. Ладно, не заводись... Что там дальше было, в твоей древности?

ГАЛАКТИОНОВ. Мне расхотелось рассказывать.

РЫСИНА. Ну, Сереженька. *(Подходит к Галактионову, обнимая, гладит по голове, целует.)* Ну, я же баба злопамятная... и ревнивая...

ГАЛАКТИОНОВ. К кому ревновать-то, к этому крокодилу?

РЫСИНА. Почему же, она не совсем крокодил, а если приоденется и наштукатурится, сойдет за акулу.

ГАЛАКТИОНОВ. Вот именно... Поэтому и не следует оставлять ее совсем голодной.

РЫСИНА. Ты всегда такой мудрый был?... Наверное и тогда обвел всех вокруг пальца...

ГАЛАКТИОНОВ. Да причем здесь я, просто время такое наступило... Обкома не стало, Павел Николаевич безработный ходил, а я хорошие деньги зарабатывал. То что в партию меня не приняли, пропуском стало в новые реалии... Я тогда уволился из редакции, пошел на вольные хлеба, а тут кооперативы начали создаваться... Так что я Павла Николаевича крестным отцом считаю.

РЫСИНА. А он с тех пор тут и живет?

ГАЛАКТИОНОВ. Почему? Он недолго невообразимым был. Как первая волна истинных демократов прокатилась, все бывшие номенклатурщики друг друга отыскивали и на прежние, властные места и вернулись. Я, правда, в это время деньги зарабатывал, думал что с ними и без власти проживу, и, между прочим, Павлу Николаевичу тогда помог, порекомендовал его помощником к одному демократу-начальнику. Спустя несколько лет того демократа скинули, а на его месте Павел Николаевич оказался, где и просидел до пенсии.

РЫСИНА. Все-таки, ты на него обижаешься...

ГАЛАКТИОНОВ. Да, избави Бог... Видишь, даже соседями стали... И я думаю, ссориться не будем.

В конце концов, не он ведь моей судьбой распорядился, как я сейчас понимаю, а тот кто над всеми нами...

РЫСИНА. Пораженческая философия мягкотелого интеллигента... Все зависит исключительно от нас самих.

ГАЛАКТИОНОВ. А я вот, последнее время как то все больше к этой философии склоняюсь, хотя вроде еще сражения выигрываю...

РЫСИНА. Ну вот, опять на меня обиделся...

ГАЛАКТИОНОВ. Я не обиделся... Я на тебя не могу обижаться...

Кто-то стучит в дверь.

ГАЛАКТИОНОВ. Входите!

Входит Терехов. У него под мышкой несколько деревяшек.

ТЕРЕХОВ. Здравствуйте, новосельцы... Я вот тут вам как бы дровишек принес. Пал Николаич заскочил, говорит в доме ни полена, камин нечем разжечь, а хозяйка зябнет... А у меня как раз табурет на днях развалился, на маленький костерок вполне хватит... Куда положить?

ГАЛАКТИОНОВ. Ну ты даешь, Сан Саныч. Спасибо. *(Забирает деревянные, кладет возле камина.)* Познакомься, моя жена... Помню, помню твои слова, не любишь тех, кто молодых в жены берет...

ТЕРЕХОВ. А разве я такое говорил? *(Протягивает руку Рысиной.)* В отставке, но, тем не менее, всегда в строю... Терехов, Александр Александрович...

РЫСИНА. Мне нравится, когда меня просто Лерой зовут...

ТЕРЕХОВ. Как прикажете.

РЫСИНА. Ну что вы, я не приказываю, это ваша прерогатива...

ТЕРЕХОВ. Куда там. (*Машет рукой.*) Нынче бабы..., виноват, женщины, везде командуют... А в нашей деревне тем более. Они тут пашут. А генералы - безработные. И настоящие, и цивильные... Ничего, поживете - разберетесь... А вы, Лера, однако, по корням городская.

РЫСИНА. Не угадали, я в деревне родилась и мама у меня не барыня, и папа не помещик...

ТЕРЕХОВ. Значит, ты нашу округу поймешь, а твой вот... муж, однако, не поймет...

ГАЛАКТИОНОВ. Что ж ты так, Сан Саныч в меня не веришь... Подожди, разберусь во всех ваших переплетениях...

ТЕРЕХОВ. Да какие тут сплетения... Так, одно бездарное топтание...

РЫСИНА. Какими-то загадками вы говорите...

ТЕРЕХОВ. Никаких загадок, все прозрачно как в нашем правительстве... Это я так, к слову.

РЫСИНА. А что это вы тут моему мужу про молодых жен говорили без меня?

ТЕРЕХОВ. Про молодых жен? Говорил?.. Если говорил, то исключительно только хорошее.

РЫСИНА. Ладно, товарищ генерал, мы тоже умеем дезинформировать противника. Так что вы все-таки говорили?

ГАЛАКТИОНОВ. Он не о молодых женах. Он говорил о том, что люди среднего возраста, вроде меня, на молодых женятся из-за того, что смерти боятся. Таким образом, пытаются забыть о собственном возрасте.

РЫСИНА. А ты с этим не согласен?

ГАЛАКТИОНОВ. Нет, конечно. Просто у мужчины может быть и поздняя любовь... В мировой литературе да и в жизни множество тому примеров.

РЫСИНА. Или желание поздней любви... Ты меня любишь больше или себя?

ГАЛАКТИОНОВ. Естественно, ты же знаешь, что тебя...

РЫСИНА. *(Поворачиваясь к Терехову.)* А знаете, генерал, в школе один мальчик из-за меня с четвертого этажа сиганул.

ТЕРЕХОВ. Дурак.

РЫСИНА. Может, действительно, дурачок, потому что сильно разбился... Инвалидом стал. Может уже и в живых нет. Но приятно было, что из-за меня. Все девчонки завидовали.

ТЕРЕХОВ. Да, в юности мы все одиночества боимся, это со временем находим в нем преимущества...

РЫСИНА. Вы хотите сказать, что вы сейчас хоть и одиноки, но счастливы ?

ТЕРЕХОВ. Абсолютно верно.

РЫСИНА. *(Галактионову.)* А может он прав? Может ты просто вообразил, что больше любишь меня, чем себя?.. Может одному тебе было бы лучше? Поэтому капризничаешь, меня унижаешь...

ГАЛАКТИОНОВ. Лера... Я тебя не понимаю.

РЫСИНА. Над этим стоит подумать... *(Терехову.)* Генерал, все-таки, не взирая на вашу приверженность одиночеству, скажите, я вам нравлюсь? На первый взгляд...

ТЕРЕХОВ. Н-да... Таких атак, признаюсь, давно не ощущал... Ты вот что, Лера, поосторожней. Если бы не муж, я бы с тобой... Но чужих жен не соблазняю.

РЫСИНА. *(Смеясь.)* Да что вы, старички, можете, кроме разговоров...

ТЕРЕХОВ. Это ты напрасно нас обижаешь. Мочь-то можем, другое дело, хотим ли... Но мне пора менять дислокацию... *(Уходит.)*

РЫСИНА. Заходи, генерал, потренируешься, может и выиграешь баталию. *(Садится на скамейку,*

проводит ладонью по столу, отдергивает руку.) Ой, заноза... Сергей! Посмотри, я занозу засадила.

ГАЛАКТИОНОВ. Какую занозу, где?

РЫСИНА. Вот. *(Протягивает руку.)*

ГАЛАКТИОНОВ. Сейчас... Не вижу...

РЫСИНА. Очки надень, ты же слепой...

ГАЛАКТИОНОВ. Я просил тебя... *(Достает очки, надевает)*... Вот она, сейчас... *(Выдавливает занозу.)*

РЫСИНА. Больно же ...

ГАЛАКТИОНОВ. Все-все, Лерочка... Вот она... Откуда взялась? *(Сильно водит ладонью по столу.)* Я когда поставил, еще сам шлифовал...

РЫСИНА. Слушай, а где телефон, что-то я не видела?

ГАЛАКТИОНОВ. А телефона нет. И телевизора...

РЫСИНА. Что деревня не телефонизирована? И сотовая не берет?

ГАЛАКТИОНОВ. Почему, все есть, все блага, только зачем нам здесь телефон и телевизор?... Здесь речка недалеко, через улицу, и лесок замечательный с сосенками, с запахом... И участок у нас хороший, посадим вот сад...

РЫСИНА. Сереженька, если ты пытаешься убежать от цивилизации, то это глупо. Тем более, что ты сам эту самую цивилизацию и творишь... И потом - это эгоистично, почему ты не думаешь обо мне? О моих вкусах, желаниях.

ГАЛАКТИОНОВ. Лерочка, но у нас есть сотовые телефоны, при необходимости мы будем их включать, вот пожалуйста. *(Достает телефон, включает, кладет на стол.)* Вот, пусть лежит, если нужно позвонить, звони... А телевизор, если хочешь, завтра же привезу...

РЫСИНА. Конечно хочу, иначе здесь от тоски сдохнешь... Пойду переоденусь.. А ты собирался камин разжечь...

ГАЛАКТИОНОВ. Да этих дров только на растопку хватит... Я сейчас схожу во двор, поищу, должно же от строителей что-нибудь остаться...

Уходят в разные стороны.

Какое-то время в комнате никого нет, затем появляется Панков. Он несет приличную охапку поленьев. Кладет их возле камина, оглядывается. Проходит по комнате, рассматривая обстановку.

ПАНКОВ. А ничего обустроился... Не без вкуса наш сосед, однако... И не без денег. *(Кричит.)* Есть тут кто?

Появляется Рысина. Стоя за спиной Панкова, с любопытством его разглядывает.

ПАНКОВ. *(Оборачиваясь.)* О, здравствуйте...

РЫСИНА. Здравствуйте, здравствуйте...

ПАНКОВ. *(Неожиданно смущаясь.)* А вы дочка хозяина?.. Давайте знакомиться, меня зовут Геннадий.

РЫСИНА. А меня Валерия Станиславовна...

ПАНКОВ. Выходит, не угадал... Значит вы... А где, собственно, сам хозяин?

РЫСИНА. Думаю, он присоединился к тем, кто интенсивно занимается поисками дров для нашего камина.

Звонит телефон. Рысина берет трубку.

РЫСИНА. Слушаю... Нет, его сейчас нет... Неважно, что вы хотели, я передам...

А, это ты... Перезвони позже... *(Кладет телефон, Панкову.)* Спасибо за дровишки.

ПАНКОВ. Рад помочь такой очаровательной женщине... А остатки мебели ваши, или кто принес?

РЫСИНА. Да генерал облагодетельствовал... Знаете генерала?

ПАНКОВ. Ну, кто же здесь генерала не знает... Так вы, Валерия Станиславовна, выходит не дочь... Значит, вы - сотрудница. Кстати, вы очень фотогеничны... Просто безумно. *(Отходит, смотрит словно через объектив.)* Вы - готовая фотомодель...

РЫСИНА. Милый Гена, я уже давно модель... Только не фото.

ПАНКОВ. О, отстал я от жизни... Стоило на несколько месяцев окунуться в творческий поиск и, пожалуйста, поезд ушел... Я ведь профессиональный фотохудожник... Но больше специализируюсь на репортажных снимках... Хотя и портреты делаю, если натуру хорошую вижу... И постановочные, для рекламы... Но вас для рекламы - пошло... *(Обходит Рысину, внимательно осматривая.)* Вас надо снимать... Можно даже в полный рост... Лучше в обнаженном виде...

РЫСИНА. *(Поворачиваясь следом за Панковым.)* Seriously? А получится?

ПАНКОВ. У меня получается... Вы мне очень одну мою знакомую напоминаете. Очень хорошую знакомую... Близкую... Поразительно напоминаете.

РЫСИНА. Очень близкую?

ПАНКОВ. Ближе не бывает...

РЫСИНА. *(С нескрываемым любопытством разглядывая Панкова.)* А вы, однако, тут из первых джентльменов... на деревне.

ПАНКОВ. Единственный, прекрасная Валерия...

С улицы доносится грохот, потом сдержанный крик и в комнату, прикрывая рукой глаз, быстро входит Галактионов.

РЫСИНА. Сергей, что случилось?.. *(Отнимает его руку.)* Кровь?

ГАЛАКТИОНОВ. Я ничего не вижу...

РЫСИНА. У тебя кровь, что случилось...

ГАЛАКТИОНОВ. Там что-то торчит, я ударился...

Похоже, прямо в глаз...

РЫСИНА. Что ты говоришь?.. Дай посмотрю.
(Пытается открыть ему глаз, но ничего не получается.) Больно?

ГАЛАКТИОНОВ. Очень.

ПАНКОВ. Дайте я взгляну...

ГАЛАКТИОНОВ. Кто это?

ПАНКОВ. Геннадий это, Панков... Э, да ты что, Сергей Иванович, не видишь меня?

ГАЛАКТИОНОВ. Я не могу открыть глаза.

ПАНКОВ. И другой тоже?

ГАЛАКТИОНОВ. Другой?.. Ах да, сейчас... (*Всматривается в Панкова.*) Все плывет...

ПАНКОВ. Без врача не обойтись... Я сейчас за Светланой Петровной сбегаю. А вы пока присядьте или приляжьте лучше и глаз не открывайте, а то еще вытечет...

РЫСИНА. Да что ты несешь... Кто такая Светлана Петровна?

ГАЛАКТИОНОВ. (*Все также прикрывая глаза.*) Лерочка, Петровна - это врачиха местная...

РЫСИНА. (Панкову.) Ну так чего ждешь? Одна нога здесь...

ПАНКОВ. Ухожу... Но ты - просто копия моей знакомой... (*Уходит.*)

Галактионов проходит к столу, опускается на лавку, садится, подперев лицо рукой и закрывая глаз ладонью.

ГАЛАКТИОНОВ. (*Отнимает руку.*) Этим, здоровым лучше видеть стал, во всяком случае, не плывет... Резкости только нет... А чего он приходил?

РЫСИНА. Геннадий?.. Похоже скоро нам со всей деревни дрова принесут, на всю зиму хватит...

ГАЛАКТИОНОВ. Так он дров принес ?.. А я нигде не нашел, ни щепочки...

РЫСИНА. Да вон их сколько... Прямо коммунистическая идиллия... Каждому по потребностям... И дались тебе эти дрова. А если действительно глаз выбил?

ГАЛАКТИОНОВ. Лерочка, не говори так, я ведь, наверное бы, почувствовал.

РЫСИНА. А что ты чувствуешь?

ГАЛАКТИОНОВ. Больно... И печет...

РЫСИНА. Вот видишь, печет...

Звонит телефон.

РЫСИНА. *(Подавая трубку Галактионову.)* Это Татьяна. Она уже звонила.

ГАЛАКТИОНОВ. Слушаю... Кто?.. Ах, это вы, Алла Валентиновна... Нет, я за городом... Да, далеко... Нет, никак не получится и когда буду, не знаю... Вполне возможно, что надолго, как глаз... Что с глазом? Да не знаю пока... Спасибо, конечно, но ваш офтальмолог в городе, а я здесь и машину вести сейчас не смогу... Обязательно обращусь. Я перезвоню... *(Кладет телефон.)* Не надо было включать...

РЫСИНА. От Стрекаловой не скроешься... А ты перед ней прогибаешься... Зачем про глаз сказал?

ГАЛАКТИОНОВ. Я лгать не умею.

РЫСИНА. Тогда скажи, зачем она звонила?

ГАЛАКТИОНОВ. Посоветоваться хочет, по проекту...

РЫСИНА. И ты ей, конечно, посоветуешь... бескорыстно... Сначала проект уступил, потом идею под-сказал...

ГАЛАКТИОНОВ. У нее своя идея.

РЫСИНА. Я слышала, как ты ей рассказывал, что исправить...

ГАЛАКТИОНОВ. Пару штрихов всего...

РЫСИНА. Пару штрихов ей, пару еще кому, а что тебе останется?

ГАЛАКТИОНОВ. Лера, перестань, мы на эту тему с тобой уже говорили...

РЫСИНА. Терпеть не могу дураков.

ГАЛАКТИОНОВ. Я дураком себя не считаю.

РЫСИНА. Ты может быть и нет, зато другие...

ГАЛАКТИОНОВ. Мне нет дела до других и вообще...

Входит Марьина. В руках у нее полиэтиленовый пакет.

МАРЬИНА. Где больной ?

РЫСИНА. Здрасьте.

Марьина проходит к столу, кладет на него пакет, достает оттуда очки, надевает и строго смотрит на Галактионова.

МАРЬИНА. Руку уберите... Совсем. Вот так...
(*Осматривает глаз.*) Головокружения нет?

ГАЛАКТИОНОВ. Вы так стремительно появились... Вроде нет.

МАРЬИНА. Тошноты? Общего недомогания?

РЫСИНА. Простите, вы местный доктор?

МАРЬИНА. (*Взглянув на Рысину.*) У вас есть чистое полотенце или платочек, только обязательно чистый...

ГАЛАКТИОНОВ. (*Достает из кармана.*) Вот платочек, свежий, я им не пользовался...

МАРЬИНА. Откройте глаз. Платочком придерживайте веко и постарайтесь открыть... Не бойтесь, не бойтесь... Вот так... Хорошо... Вы меня видите?

ГАЛАКТИОНОВ. Смутно...

МАРЬИНА. Ясно... Можете закрыть. Дайте мне руку. *(Берет руку и слушает пульс.)* Давайте давление измерим... *(Достает из пакета тонометр.)*

РЫСИНА. Простите доктор, но у него болит глаз? Причем здесь давление?

МАРЬИНА. А вы врач?

РЫСИНА. Нет, но...

МАРЬИНА. Позвольте мне делать свое дело. *(Измеряет давление.)*

Входит Каргополов.

КАРГОПОЛОВ. Что случилось?

МАРЬИНА. *(Собирая прибор.)* Небольшое кровоизлияние, необходим покой. Чтобы опухоль сошла быстрее можно делать примочки...

КАРГОПОЛОВ. Как же так... Где?

РЫСИНА. Простите, доктор, а лекарства какие-нибудь нужны?

МАРЬИНА. Можете глазные капли закапать...

РЫСИНА. И все?

МАРЬИНА. Главное, не нагружать глаза, пусть пока поносит повязку.

ГАЛАКТИОНОВ. *(С улыбкой.)* Пиратскую, да доктор?

МАРЬИНА. Какую хотите.

КАРГОПОЛОВ. *(Марьиной.)* Так ничего страшного?..

МАРЬИНА. Но поберечься стоит. Чтобы осложнений не было.

КАРГОПОЛОВ. *(Видит дрова.)* А я нигде не нашел, а ты тут... *(Указывает рукой в сторону камина.)*

ГАЛАКТИОНОВ. Это соседи принесли. Генерал и Панков.

МАРЬИНА. *(Сложив пакет, собираясь уходить.)* Вы, пожалуйста, Геннадия не привечайте. И напоминаю, ни в коем случае не угощайте спиртным. Я с трудом его вытащила в прошлый ваш приезд.

ГАЛАКТИОНОВ. Да я ведь и тогда не заставлял.

КАРГОПОЛОВ. Светлана Петровна, я подтверждаю, он пришел тогда уже под хмельком...

МАРЬИНА. И, тем не менее... И вы, больной, все-таки, постарайтесь не волноваться, и естественно, никаких физических нагрузок. А ваша дочь пусть делает вам компресс...

У двери Марьина сталкивается со Шпагиным. Тот здоровается и пропускает ее. Обводит внимательным взглядом присутствующих.

ШПАГИН. Так... Моя помощь не требуется?

ГАЛАКТИОНОВ. Уж ваша точно не нужна, товарищ участковый инспектор.

КАРГОПОЛОВ. Федорович, ты его сейчас не трогай, ему прописан постельный режим.

ШПАГИН. Вот даже не знаю, что сказать, везет вам или не везет. Только появились, и Ловейко, Арнольд Феоктистович тут как тут и приказывает, дескать, доставить на индивидуальную беседу. Я вот за вами и пришел... *(Снимает фуражку, раздумывая.)* Однако, моим словам он не поверит, надо врачуху догонять... *(Галактионову.)* А точно, нельзя передвигаться?..

РЫСИНА. Боже, да вам же сказали!.. Никакого милосердия...

ШПАГИН. Ну, почему же, мы очень даже милосердные. А вы кто? Я на своем участке впервые вас вижу...

ГАЛАКТИОНОВ. Это моя жена... Оповестите всех, чтобы больше не задавали этого вопроса.

ШПАГИН. А с чего я буду оповещать? Оповещать я не обязан, а вот знать обо всех кто появляется на моем участке - должен... Имею честь... (*Уходит.*)

ГАЛАКТИОНОВ. (*Каргополову.*) Ладно, смотреть мне нельзя, а вот слушать можно. Что здесь этот Ловейлас делает?

КАРГОПОЛОВ. Какой Ловейлас ?

ГАЛАКТИОНОВ. Ну, Арнольд, следовательно...

КАРГОПОЛОВ. А, Ловейко... Так все еще занимается делом Петровича... Собирает улики.

ГАЛАКТИОНОВ. А что, убийцу еще не нашли?

КАРГОПОЛОВ. Нет. Но говорят, что это сожигатель Сухоруковой. И даже, что она это знает и прячет его где-то здесь.

РЫСИНА. Какие страсти... Прямо триллер...

ГАЛАКТИОНОВ. Триллер не триллер, а человека нет... И, между прочим, еще вполне здоровый и молодой был.

РЫСИНА. Понятно, о покойниках или ничего или только хорошее.

КАРГОПОЛОВ. Петрович действительно был мужчина в самом соку.

РЫСИНА. Я не возражаю... (*Галактионову.*) Может тебе очки темные дать, у меня где-то были...

ГАЛАКТИОНОВ. Повязку лучше...

РЫСИНА. Очки принесу. (*Уходит.*)

КАРГОПОЛОВ. Эк, тебя угораздило... Ну ничего, все проходит...

ГАЛАКТИОНОВ. Философ ты, Павел Николаевич.

КАРГОПОЛОВ. Из собственного опыта знаю. В моей уже некороткой жизни и взлеты были, и падения, а в конечном итоге - все позади и все теперь вспоминается, будто из чьей-то другой жизни, где все было другое и, самое главное, я другой. Другой человек... На свои старые фотогорафии смотрю, а соотнести, что это я, не

могу... Хотя в памяти все еще сидит иное знание себя... На днях на крышу решил взобраться по забору, по жердочкам, антенну поправить, а то наклонилась от ветра, рванулся., в голове все вроде получалось, а в натуре взгромоздился на забор и свалился... И смех, и грех. Сижу на земле и соображаю, может и не я вовсе такие заборы совсем недавно только так перемахивал...

ГАЛАКТИОНОВ. Лучше о возрасте не думать. И жить как Бог на душу.

КАРГОПОЛОВ. Ты тоже философ...

Входит Терехов. В руках он держит сиденье от стула.

ТЕРЕХОВ. Вот, завалилось еще... Хоть и тряпчонное, а сгорит за милую душу... *(Замечает, что Галактионов закрывает глаз платком.)* Подрались?

КАРГОПОЛОВ. Да с кем он мог подраться?

ТЕРЕХОВ. Как с кем?.. Известное дело, с кем мужики в возрасте дерутся... По молодости между собой, а с годами с теми, кто свободу ограничивает...

ГАЛАКТИОНОВ. Спасибо за участие, Александр Александрович... Только я уж не знаю, на пользу ли мне этот камин...

ТЕРЕХОВ. А вот я замечал, чего сильно хочешь, от того, как правило, и страдаешь... Порой так выпить хочется, аж немоготу, а не с кем. Мучаюсь, мучаюсь, потом Мусю посажу напротив, ей накапаю, себе налью, выпью, а никакого удовольствия...

КАРГОПОЛОВ. Ну ты и нашел пример...

ТЕРЕХОВ. Насущный... И как же тебя, Сергей Иванович, угораздило? *(Присаживается рядом на скамейку.)* Дай-ка, погляжу.

ГАЛАКТИОНОВ. Да уже врачаха смотрела.

ТЕРЕХОВ. Что она понимает в этом деле... Я пациентом драчливым был, синяки не сходили, так в них

разбираюсь лучше всяких ученых... Давай, не стесняйся. (Отводит руку Галактионова.) О, у тебя двухнедельный... Бодяга хорошо поможет. Нету бодяги?.. (Галактионов качает головой.) Как же вы без бодяги с молодой женой...

Возвращается Рысина.

РЫСИНА. (Протягивая очки Галактионову.) Еще один сосед?.. Вече или заседание старейшин?

ТЕРЕХОВ. Военный совет... У тебя бодяги мужику нет?

РЫСИНА. А что это такое?

ТЕРЕХОВ. Понятно... Придется дома поискать... Не прощаюсь. (*Уходит.*)

РЫСИНА. Какие соседи у нас отзывчивые, прямо наваждение...

КАРГОПОЛОВ. Соседи неплохие... Только к нравам местным привыкнуть надо. Забот у пенсионеров немного, новостей - наперечет, вот и откликаемся на каждую беду...

РЫСИНА. Я уже и не знаю, как реагировать на такую заботу.

ГАЛАКТИОНОВ. Реагируй хорошо... Я ведь во всем виноват, никто больше... Вот загорелось камин опробовать...

Возвращается Терехов.

ТЕРЕХОВ. Вспомнил, бодяга у меня кончилась... Но я тебе тут подорожника принес, тоже можно прикладывать, должен помочь... (*Кладет на стол листья. Достает фляжку.*) Может отопьешь?

ГАЛАКТИОНОВ. Голова болит...

ТЕРЕХОВ. Ну, тогда и начинать не будем. (*Прячет фляжку.*) Павел Николаевич вот тоже не охочий до этого дела...

КАРГОПОЛОВ. Да как-то не пристрастился, всю жизнь на таких должностях работал, что времени свободного на увеселения не оставалось...

ТЕРЕХОВ. Бывает и такое... Только дело не во времени... У офицеров его тоже в обрез, да вот как наслаждаешься, начиная с ротного и по возрастающей, за день, так без ста фронтовых не заснешь... А чего же камин не зажигаете?... Дровишки теперь я вижу есть, можно испытывать агрегат...

РЫСИНА. Это мероприятие мы решили отложить на неопределенное время. Сергею Ивановичу самому хотелось ленточку перерезать, подождем пока выздоровеет. Правда, Сережа?

Тот послушно кивает.

ТЕРЕХОВ. И то верно... Н-да... После училища направили меня в глухомань, в леса Белоруссии, туда, где даже партизаны прежде не водились. А офицерское общежитие - большая хата... *(Оглядывается)* Ну, вот больше твоего дома раза в три... И печка посередке. Тоже большая, я таких не раньше. не потом и не видел. А зима в тот год была лютая на удивление и мы, молодые взводные, одни в этой хате жили, ротные да комбат в поселке недалеко квартировали, с удобствами да с женами. Вот с утра до вечера дрова и заготовливали. Солдатиков эксплуатировать тогда не умели, не принято было. А печка как прорва... С той поры у меня что печка, что камин ассоциируются с паровозной топкой, в которую все время надо уголек подбрасывать... И все кажется, что лопаты рядом не хватает...

ГАЛАКТИОНОВ. У меня совсем другие ассоциации...

ТЕРЕХОВ. Допускаю... Поэтому, твоя спутница права, ленточку тебе надо резать...

Входит Сухорукова, оглядывает всех.

СУХОРУКОВА. Все в порядке?..

ТЕРЕХОВ. Здравствуйте Ольга Ивановна, мы с вами сегодня еще не виделись.

СУХОРУКОВА. Не виделись, не виделись... (*Продолжая разглядывать Рысину.*) В деревне говорят, что нового соседа нашего убить пытались...

КАРГОПОЛОВ. (*Всплескивая руками.*) Ну народ... Да кто же такое придумал?

СУХОРУКОВА. Говорят, что убийца за домом прятался...

ГАЛАКТИОНОВ. Вот вам преимущества деревенского уклада... В городе до тебя никому нет никакого дела, упадешь - обойдут, даже обидно бывает, а здесь...

РЫСИНА. Простите, а вы кто такая будете?

ГАЛАКТИОНОВ. Это та самая сожительница подзреваемого в убийстве...

СУХОРУКОВА. (*Галактионову.*) Вас, кажется, Сергей Иванович величают? Так вот, уважаемый, я никогда ничьей сожительницей не была и не буду. Запомните это раз и навсегда.

ТЕРЕХОВ. Это уж точно, характер у нее не тот...

ГАЛАКТИОНОВ. А вы отчего вдруг за нее вступаетесь?

ТЕРЕХОВ. (*Неожиданно смущаясь.*) Да я ее давно знаю... Вредная бывает, точно, но подлючей никогда...

СУХОРУКОВА. Благодарю, генерал... (*Галактионову.*) А если мой вопрос показался вам странным, поясню; да, моего бывшего мужа, действительно, подозревают в убийстве и даже считают, что я могу его прятать. В связи с этим, следователь из района и решил, что мой бывший муж, прячущийся где-то здесь, напал на вас. Непонятно только с какой целью.

ГАЛАКТИОНОВ. Да кто же ему такую чушь сказал?.. Участковый?

КАРГОПОЛОВ. Не мог Федорович такое сморозить. Тем более, что у него не в одном глазу сегодня...

ТЕРЕХОВ. Да бросьте вы этого лейтенантика милицейского всерьез воспринимать... Я сразу сказал, этот молокосос из вредных. Он сам это все и придумал, жизнь с сериалами перепутал.

ГАЛАКТИОНОВ. Зачем?

ТЕРЕХОВ. Затем, уважаемый сосед, что искать преступников их теперь не учат. А в сериалах главное не логика, а лихие повороты, чтобы зритель не догадывался... Правда, набор один и тот же... Ну и там бывшие жены прячут преступников...

ГАЛАКТИОНОВ. Театр абсурда... Я ничего не понимаю.

КАРГОПОЛОВ. Это от головной боли.

ГАЛАКТИОНОВ. Может быть...

СУХОРУКОВА. Это от жизни... *(Галактионову)* Но я убедилась, что ничего с вами не случилось...

ГАЛАКТИОНОВ. Почему же, случилось?.. Мне только что в мою больную голову пришел сюжет... *(Встает, обходит Сухорукову со всех сторон, бесцеремонно разглядывая.)* И я, однако, предложу вам в нем сняться... *(Рысиной)* А, фактура?.. Нам как раз надо сделать ролик... Представь, полумрак, огромная, размером с комнату, мышеловка и в полумраке крадется наша героиня, ужасное страшилище...

КАРГОПОЛОВ. Погоди, Сережа... Успокойся, присядь... Это бывает при сотрясении... *(Пытается усадить Галактионова.)*

СУХОРУКОВА. *(Обиженно Галактионову.)* Не ожидала от вас...

РЫСИНА. При чем здесь сотрясение, это сюжет рекламного ролика... *(Галактионову)* Я почти поня-

ла... Героиня пробирается вдоль стены и видит огромный кусок сыра...

ГАЛАКТИОНОВ. В образе здорового мужика... Качка. Она протягивает лапки...

РЫСИНА. Причем здесь лапки это - женщина... И нужно, все-таки, не качка, у них сыра не бывает. Лучше старчика-банкира с брюшком, это правдивее.

КАРГОПОЛОВ. (*Галактионову*) Сергей, ты что снимаешь рекламные ролики?

ГАЛАКТИОНОВ. Я их не снимаю, я пишу сценарии...

ТЕРЕХОВ. И про порхающие прокладки?

ГАЛАКТИОНОВ. Да что ты, Сан Саныч зациклил-ся на этих прокладках... Я много разных написал, не в том суть...

КАРГОПОЛОВ. Почему не в том... Ты неправ, именно в том суть, что ты способствуешь оболваниванию, принижению, деградации собственного народа.

ГАЛАКТИОНОВ. Народ давно оболванен, принижен и деградирует без моей помощи...

СУХОРУКОВА. Неправда... Народ в целом мудрее тех, кто на нем паразитирует... Оболваниваются единицы... Мы страдаем, потому что нарушены законы естественного бытия. И самый главный из них - это рождение ребенка. От Адама и Евы в этот процесс не вмешивались. Женщина не должна предохраняться, делать аборты, потому что Бог регулирует плохих и хороших, несущих добро и зло в этот мир. Через это Он поддерживает равновесие. А мы возомнили, что вправе все изменить, вторглись и сюда, и теперь нам воздается бесплодием и детьми больными. И теми, кто несет зло...

РЫСИНА. (*Перебывает.*) Милая моя, это из другого сюжета...

СУХОРУКОВА. Нет, милая моя, вы ошибаетесь. Это как раз из этого сюжета. В этом мире сейчас

живет много неугодных Богу людей и эти люди служат злу...

ГАЛАКТИОНОВ. Ну, об этом в Библии...

СУХОРУКОВА. *(Перебивает.)* Да, приход Антихриста предсказан, но такие как вы ускоряют этот приход...

ГАЛАКТИОНОВ. Да что же я такое сделал?

СУХОРУКОВА. Вы развращаете души... Вам надо покаяться...

РЫСИНА. Милочка, да ты просто насмотрелась всякой чепухи. Теперь этого хватает...

ТЕРЕХОВ. Ольга Ивановна телевизора не смотрит. Принципиально.

РЫСИНА. *(Галактионову)* Какие здесь принципиальные люди...

ТЕРЕХОВ. А ты дебилами нас не считай... Мы и пожили и повидали побольше твоего, и понимаем...

РЫСИНА. Ну, это вы в единственном лице... Не стану умолять ваших генеральских заслуг.

ТЕРЕХОВ. Почему в единственном?.. Что Павел Николаевич прожил меньше вашего, глупее вас? Или Ольга Ивановна страшнее?

Быстро входит Панков. Он слышит последние слова и сразу же вступает в разговор.

ПАНКОВ. Страшнее, страшнее... Здесь никого нет, кто бы рядом мог встать с Валерией прекрасной... Сергей Иванович, я так счастлив, что вы ее привезли. Это судьба. Собирайся Валерия, мы уезжаем сейчас же... Мы начинаем новую счастливую жизнь... *(Галактионову)* Еще раз благодарю, что вы привезли сюда свою сотрудницу. За это вам можно списать все грехи... *(Рысиной.)* Ну, чего ты ждешь? Собирайся, Лерочка...

РЫСИНА. (*Галактионову*) Куда ты меня привез?.. Это что за кунсткамера?

ПАНКОВ. Ты права, это настоящая камера, без приставки... Ты ведь меня понимаешь... Один раз я уже не был настойчив до конца, я все ждал, когда решит она, я не хотел насилия, а потом, повзрослев, догадался, что в глубине души каждая женщина жаждет насилия. Она мечтает, чтобы за нее решали проблемы, воевали, убивали друг друга, а победители брали их в плен... Это ведь так? (*Смотрит на Рысину.*) Я тебя увидел и понял - ты моя судьба... Ты мой шанс выйти из этой камеры на свободу...

РЫСИНА. (*Панкову.*) Слушай, мальчик мой, я никогда не мечтала быть женой шута... Тем более деревенского...

ПАНКОВ. Я знаю. И я не шут... Вот смотри. (*Достает из кармана золотую кредитную карточку.*) Ты ведь в них разбираешься, правда?.. Ты знаешь, чего эта стоит... Не думаю, чтобы у всех вместе в этой комнате было столько, сколько на ней... Хочешь, за границу уедем?.. Хочешь здесь особняк отгрохаем, всем на зависть... Я кое что могу в этой жизни.

РЫСИНА. Блефуешь, дорогой...

ПАНКОВ. Зачем же так... Ты ведь все равно перепроверишь, прежде чем лечь со мной в постель...

ГАЛАКТИОНОВ. Пошел вон, Гена!

ПАНКОВ. Не понял... Что это ты так набычился, Сергей Иванович?.. Ах да, если ты привез секретаршу, значит спишь с ней... Вернее, спал, потому что я забираю ее...

ГАЛАКТИОНОВ. Она моя жена, законная...

ПАНКОВ. (*Оглядывая остальных, растерянно.*) Не шутит... Из тебя же песок сыпется...

СУХОРУКОВА. Это сегодня модно, Геннадий, продажная любовь...

КАРГОПОЛОВ. Геннадий... Ольга Ивановна...

ТЕРЕХОВ. Бардак... Как на ученьях...

ПАНКОВ. *(Галактионову)* Жена? Ну и что из того? Ладно, допустим... Даже если так... А ты ее спроси, захочет она с тобой остаться или поедет со мной?.. Денег у меня больше, я моложе, мы еще с ней целый взвод пацанят нарожаем... И работать я ее заставлять не стану. *(Рысиной)* Нам хватит, не думай, тут запасец не мелочный... Нам и детям еще хватит... Я тебя на руках носить буду.

ТЕРЕХОВ. Так ты, Геннадий, у нас вроде как Кореико получаешься? Миллионер подпольный...

ПАНКОВ. *(Продолжая глядеть на Рысину.)* Кем не назовешь, суть одна... Ну, Валерия свет Станиславовна, чего размышляешь? Вот оно, состояние. *(Машет карточкой.)* Вот я, любящий тебя, как никто и никогда... Никто и никогда и ты это знаешь. Не теряй время, моя дорогая...

ГАЛАКТИОНОВ. Вон из моего дома!

Пытается встать, но его удерживает Каргополов.

КАРГОПОЛОВ. Тебе нельзя волноваться...

ПАНКОВ. Пусть она скажет «вон».

РЫСИНА. Действительно, не волнуйся, Сережа... Это просто неумный розыгрыш...

ПАНКОВ. Не веришь? Ну хорошо. *(Достает из кармана пачку купюр, протягивает ей.)* Здесь пятьдесят тысяч. Снял на карманные расходы... Бери...

Рысина подходит к Панкову, берет пачку, просматривает.

РЫСИНА. Похоже не фальшивые... И не кукла.

ПАНКОВ. Да настоящие, настоящие... Делай выбор, милая моя... Я - вот он... Сказочный принц из крови и плоти. И я у твоих ног... *(Падает перед ней на колени.)*

Входит Марьина.

МАРЬИНА. Гена, встань!

ПАНКОВ. Отцепись.

МАРЬИНА. Сейчас же встань!

ПАНКОВ. *(Поднимается, поворачивается к ней.)*

Как же ты меня достала...

МАРЬИНА. Геннадий, как ты так можешь...

ПАНКОВ. А вот и могу... Ну, не хочу я тебя, не хочу!.. Понимаешь?! И как женщину, и как человека рядом видеть не могу... Меня от тебя тошнит... *(Поворачивается к Рысиной.)* Вот ты, моя единственная любовь. Я это сразу понял, как только тебя увидел... Ты слышишь меня?.. Внимательно слушай, это правда... Я тебя увидел и меня как током ударило... *(Сухоруковой)* Это, как ты говоришь, тяга, когда знаешь, что с этим человеком тебе суждено пройти по жизни... Ну, скажи, у тебя это лучше получается...

МАРЬИНА. Это элементарный гормональный удар... Реакция на ее сексуальную распушенность и доступность...

СУХОРУКОВА. Я говорила о том, что женщине дано чувствовать, от какого мужчины следует иметь ребенка...

ПАНКОВ. Так она это чувствует!.. Я знаю... Она тоже сразу, с первого взгляда, поняла, что нам не разойтись... И если бы не пришел этот *(кивает на Галактионова)* мы бы с ней уже ребеночка сделали. Вот на этом столе...

ТЕРЕХОВ. Гена, я тебя не узнаю...

ПАНКОВ. А ты, Сан Саныч меня и не знал.

МАРЬИНА. Идем домой, Геннадий...

ПАНКОВ. *(Поворачивается к Марьиной.)* Ты не поняла, что я сказал? Плохо доходит?.. Ты у меня знаешь где? *(Проводит рукой по горлу.)* Как удавка, или

нож... Я тебя видеть не желаю. (*Идет к Рысиной.*) Нетяни, лучшего принца в твоей жизни не будет.

РЫСИНА. (*Галактионову.*) Помнишь, когда мы с тобой сходились, договорились, что не будем обманывать друг друга, и не будем ущемлять свободу другого...

ГАЛАКТИОНОВ. Помню.

РЫСИНА. Так вот, я воспользовалась вторым и не сдержала первого обещания. Я все время лгала тебе... И у меня были другие мужчины... И не млея я от тебя, так, больше жалела... (*Сухоруковой*) Да, я вот такая... Без любви, из-за того, что он меня обожал, можно сказать, по расчету вышла замуж. А вы все что, не по расчету живете? Только расчет у вас мелочный. (*Марьиной*) Вот у тебя какой расчет?... Денежки его прикарманить, да из деревни смыться... И не работать, не щупать больных, ты ведь работу свою не любишь, я видела как ты его (*кивает на Галактионова*) осматривала... Какое там сострадание?... Одна безразличность... (*Сухоруковой*) А ты, божий одуванчик... Ты-то чего лезешь со своими грехами?... Да из тебя прямо прет грех-то!.. Ты ведь всех мужиков раздеваешь глазами и в постель укладываешь, прикидываешь, по всем параметрам подходит для дето-производства или нет... Ты еще пострашнее будешь, потому что прикидываешься блаженненькой... А я вот, не кривя душой скажу: я бы с ним (*кивает на Панкова*) точно сегодня согрешила... (*Панкову.*) Сильный ты... Сильнее генерала... Он по легенде живет, а ты как душа диктует... Но, если бы денег у тебя не было, переспать может и переспала бы, но подчиняться не стала... (*Галактионову*) Можешь меня презирать, можешь ненавидеть, дело твое... Я с ним поеду...

ГАЛАКТИОНОВ. Лера... (*Звонит телефон.*) Голова раскалывается... Подожди, не делай глупостей. (*Звонок. Подносит телефон к уху.*) Да, слушаю...

Все слушают разговор, оставаясь на своих местах.

ГАЛАКТИОНОВ. Да, Танюша... Нет, все в порядке... Сколько тебе нужно?... У меня таких денег нет... Ну, хорошо, я займу, если не получится, продам этот дом... Бред говоришь? Да тут все бред, я грежу наяву. И вокруг меня какие-то тени... Да нет, у нас тоже вроде день... А это я сегодня голову ушиб, от этого все... Хорошо, договорились... До свидания. *(Выключает телефон.)* До свидания...

РЫСИНА. Ты меня слышишь, Сережа?... Я уезжаю...

ГАЛАКТИОНОВ. *(Рассеяно.)* Да, конечно, тебе нужны деньги. Вот возьми. *(Достает портмоне, протягивает.)* Возьми... Сколько хочешь... Все возьми...

ПАНКОВ. Бьюсь об заклад, у него там гораздо меньше, чем в этой колоде. *(Вытаскивает из кармана пачку Рысиной.)* Идем.

МАРЬИНА. Геннадий, ты совершаешь непоправимую ошибку.

ПАНКОВ. Не первую и не последнюю...

ТЕРЕХОВ. *(Неожиданно растерянно, Рысиной.)* А вы-то дамочка, стерва, подло это... Вас через строй пропускать надо...

РЫСИНА. Живи, старичок, в своем выдуманном мире... *(Пристально смотрит на него.)* А ведь ты вообще и не генерал...

ПАНКОВ. Да какой он генерал, майор отставной... Из училища вышибли, обувью торговал, на этом и разбогател... Мундир купил...

СУХОРУКОВА. Боже, как все пошло, грязно...

ПАНКОВ. Пошли, свет мой, Валерия...

Панков, за ним Рысина идут к выходу.

В это время входит Шпагин, следом Ловейко.

ШПАГИН. Куда это вы собрались? Подождите... Хорошо как получилось, все в сборе, никого вылавливать не надо... Вовремя мы явились...

ПАНКОВ. Вообще-то мы спешим.

ШПАГИН. Это ненадолго. Тем более, я еще подпишу тебе, Геннадий, не отменял...

ПАНКОВ. Ладно, какие вопросы... Ко мне и вот к ней?

ШПАГИН. К этой дамочке (*Смотрит на Ловейко.*) К ней вопросов у нас не имеется никаких... Она вполне может идти куда собралась.

ПАНКОВ. Она без меня не пойдет.

ШПАГИН. Может пойти погулять, может остаться, как хочет.

РЫСИНА. Я подожду здесь. (*Отходит к столу и садится на скамейку по другую сторону от Галактионова.*)

ШПАГИН. Нам надо кое- что прояснить.

ТЕРЕХОВ. Это что, опять по убийству Петровича?

ШПАГИН. Совершенно верно... (*Галактионову*) Начнем с вас, Сергей Иванович... Вот, Арнольд Феоктистович интересуется подробностями того дня. Вы говорили, что рассчитывались в комнате в регистрационной палате. А что за ссора у вас там была?

ГАЛАКТИОНОВ. Ссора?.. Ах да, он стал поднимать цену, больше чем договаривались, я сказал, что в таком случае прерываю все отношения ...

ЛОВЕЙКО. Вы приглашали сотрудника палаты...

ГАЛАКТИОНОВ. Да, приглашал. Потому что хотел, чтобы тот видел, что я рассчитался...

ШПАГИН. Почему же вы нам сразу об этом не сказали?

ГАЛАКТИОНОВ. А какое это имеет значение?..

ШПАГИН. Значение имеет все...

ЛОВЕЙКО. Евгений Федорович, мы задаем вопросы... (*Галактионову*) Значит, сотрудник палаты видел деньги?..

ГАЛАКТИОНОВ. Видел, конечно, мы при нем пересчитывали...

ЛОВЕЙКО. Вы расстались в помещении?

ГАЛАКТИОНОВ. Нет, на крыльце... Мы вместе вышли. Он сказал, что напрасно я пригласил сотрудника палаты, что мы могли сами все решить и что рабочие потребовали больше денег, чем он договорился с ними и теперь он в убытках... Собственно, это к делу не относится...

ШПАГИН. Почему же, как раз относится... (*Смотрит на Ловейко.*) Вот видите, оказывается рабочие требовали у него повышения зарплаты...

ЛОВЕЙКО. (*Осуждающе.*) Евгений Федорович...

ШПАГИН. Арнольд Феоктистович, они же не дети, все понимают...

ЛОВЕЙКО. (*Поворачиваясь к Панкову.*) А вы Новикова встретили на улице?

ПАНКОВ. Какого еще Новикова?

ШПАГИН. Фамилия у Петровича такая. Новиков.

ПАНКОВ. У Петровича?.. Да я уже и не помню где встретились, столько времени прошло, событий...

ЛОВЕЙКО. Постарайтесь вспомнить сейчас, в противном случае придется вспоминать в другом месте.

ШПАГИН. Вспомни, Гена, вспомни, а то ведь никуда не пойдешь...

ПАНКОВ. Да, на улице, перед магазином... Я пива взял банку, безалкогольного, выходил и с ним столкнулся... А он увидел банку и говорит, что мол квас пьешь, пойдем угощу настоящим... Зашли в кафе, за столик на веранде сели... Он заказал. Выпили по кружке, потом он мне еще принес, а сам ушел...

ЛОВЕЙКО. А вы остались.

ПАНКОВ. Да, допил...

ЛОВЕЙКО. А потом, когда допили?

ПАНКОВ. Пошел... Вот в этот дом забрел...

ЛОВЕЙКО. Долго допивали?

ПАНКОВ. Кто же засекает сколько удовольствие длится...

ЛОВЕЙКО. Официантка сказала, что вы пошли следом за Новиковым ...

ПАНКОВ. Значит допил быстро...

ЛОВЕЙКО. Но Новиков пошел к остановке, а она находится в противоположной стороне от этого дома...

ПАНКОВ. И что, я за ним пошел?.. Это она так говорит?.. Не помню ничерта, может и пошел, пиво так шибануло, долго же перед этим не пил... Я вообще тот день плохо помню...

ЛОВЕЙКО. Гражданин Панков, расскажите, что вы сделали, когда догнали Новикова? Чистосердечно...

ПАНКОВ. Я догнал?.. Не помню...

ШПАГИН. Геннадий, напрягись, вспомни, а то сам понимаешь... Как бы в район не пришлось ехать...

ПАНКОВ. Ну, маячил он вроде впереди, а может и не он, спину только помню, я же говорю, шибануло тогда по мозгам... До остановки дошли, он за нее, я в тень сел, не знаю, зачем. Решил подождать... А он так и не вернулся...

ЛОВЕЙКО. Гражданин Панков, вы поедете с нами...

ПАНКОВ. Куда это с вами?

ЛОВЕЙКО. Вы подозреваетесь в убийстве гражданина Новикова.

ШПАГИН. Давай, общу тебя что ли, для порядка...

ПАНКОВ. *(Отступая.)* Покажите ордер. Не имеете права...

ШПАГИН. *(Поворачиваясь к Ловейко.)* Не имеем...

ЛОВЕЙКО. Задержать для проверки мы имеем право и без ордера...

МАРЬИНА. *(Ловейко.)* А вы знаете, у него пачка денег... А я абсолютно уверена, у него таких никогда не было... *(Панкову.)* Неужели ты?..

ПАНКОВ. Что я, что?!..

Шпагин и Ловейко приближаются к Панкову.

ШПАГИН. Выкладывай, Гена, все из карманов, чтобы не было неприятностей... Если правду говоришь, чего дуришь... Разберемся.

ТЕРЕХОВ. Да ну, Генка, балабол... и убийца?..
(Делает шаг к Панкову.)

ЛОВЕЙКО. *(Неожиданно кричит.)* Назад!.. Никому не двигаться!

Шпагин хватает Панкова за правую руку, заворачивает назад. Тот гнется от боли.

ПАНКОВ. Ладно, отпусти... *(Достает из кармана пачку денег, карточку, бросает на стол.)* На, гляди... Больше ничего нет. *(Выворачивает карманы.)*

Ловейко подходит к столу, рассматривает деньги, потом карточку, опять деньги, вдруг резко поворачивается.

ЛОВЕЙКО. Шпагин, наденьте на него наручники.

ШПАГИН. Да откуда же они у меня, нам их не выдают.

ЛОВЕЙКО. Тогда снимите ремень и свяжите руки.

ШПАГИН. Ремень... *(Начинает расстегивать.)*
Так, брюки упадут...

ЛОВЕЙКО. Да не ваш, его... *(Подходит к Панкову, пытается растянуть тому ремень, в это время Терехов обхватывает Панкова сзади.)*

ТЕРЕХОВ. Я его держу, вяжите... Не вырвется...

ГАЛАКТИОНОВ. Бред какой-то... У меня несомненно контузия...

РЫСИНА. Забавно...

СУХОРУКОВА. Вот так сами себя и изведем...

ПАНКОВ. Да не держите меня... Я сам!.. Не убивал я его!..

ЛОВЕЙКО. *(Галактионову.)* Посмотрите деньги. Быстро!.. Вам они не знакомы?

ГАЛАКТИОНОВ. Деньги как деньги...

ЛОВЕЙКО. А номера, номера?.. *(Продолжая заматывать ремнем руки Панкову, в то время как Шпагин поддерживает штаны того.)* Номера знакомы?

ГАЛАКТИОНОВ. Я не запоминаю номера.

ЛОВЕЙКО. А серия?

ГАЛАКТИОНОВ. И серию тоже...

ЛОВЕЙКО. А вот сотрудник палаты серию запомнил и это ваши деньги. Из тех, которыми вы считывались с Новиковым... И банковская карточка тоже убитого... *(Панкову)* Будете продолжать упорствовать?.. Чистосердечное признание облегчит вашу вину...

ПАНКОВ. Да не в чем мне признаваться, я его не убивал!.. Я за остановку в лесочек зашел, пиво потребовало, гляжу, а там двое с Петровичем дерутся. Я и крикнул, мол, сейчас помощь будет ему. Один ударил его и они побежали. Я подошел, а у него кровь изо рта и хрипит... А из кармана и выпало это все...

ГАЛАКТИОНОВ. Но я заплатил больше...

Ловеико выжидательно смотрит на Панкова.

ПАНКОВ. Остальные я спрятал...

ШПАГИН. Эх, Геннадий... Хорошо, если так... Покажешь, где спрятал...

ПАНКОВ. Да не убивал я его! *(Оглядывается всех, останавливает взгляд на Рысиной.)* Я знаю, без денег ты со мной не пойдешь... Но, все равно, моей будешь... Вот из-за тебя и сесть смогу...

ЛОВЕЙКО. И так сядешь...

ПАНКОВ. *(Всем.)* Я про них и забыл, про эти деньги. Запой у меня тогда начался. Потом хотел отнести, но понимал, на меня подумают... А вот как увидел ее, *(смотрит на Рысину)* так и понял, ради нее все сделаю... Убью, если скажет... Но только, если она скажет. И за нее... А без денег больших ее не возьмешь... Вот и достал...

ЛОВЕЙКО. Все, гражданин Панков, пошли. Это вы на суде рассказывать будете... Но лучше бы о том, как Новикова убили...

ПАНКОВ. Да не убивал я!..

ЛОВЕЙКО. Идите, идите...

ШПАГИН. Шагай, Панков, шагай Геннадий Алексеевич... *(Подталкивает того в спину и они выходят.)*

СУХОРУКОВА. Я тоже пойду... Нечего тут...

ТЕРЕХОВ. Погоди. *(Придерживает Сухорукову за руку.)* Тут он насчет майора... Так я не буду оправдываться. Это как кто себя ощущает. Иной генерал в душе так ефрейтором и остается, а иной лейтенант, что твой маршал... Вон, и президент у нас всего лишь полковник, а президент... А Генка не убивал, он правду сказал, просто эта баба его с ума свела... Все мы от баб, то есть от женщин, зависим. Я вот хочу вам, Ольга Ивановна предложение сделать. Коль уж так все одно к одному...

СУХОРУКОВА. При живом-то муже...

ТЕРЕХОВ. Да какой он тебе муж... Вот он как раз и мог Петровича...

СУХОРУКОВА. Не думаю... Нет, не такой он. Потерянный, но не злодей...

ТЕРЕХОВ. Понимаю, тебе трудно сейчас решать. Я подожду... Сколько надо.

СУХОРУКОВА. Не знаю, генерал..., майор... (*Уходит.*)

ТЕРЕХОВ. Как-то все вот, нереально стало... (*Достает фляжку и помедлив, прячет.*) Даже выпить не хочется... (*Марьиной.*) Пойдем, доктор... Надо бы узнать, чего Геннадия передать, да как...

МАРЬИНА. Идемте, Александр Александрович, я совсем об этом не подумала.

*Всхлипывает и быстро идет к двери.
За ней выходит Терехов.*

КАРГОПОЛОВ. Пора и мне.

ГАЛАКТИОНОВ. Подожди, Павел Николаевич, я хочу, чтобы ты остался. (*Смотрит на Рысину.*)

РЫСИНА. Я хорошо тебя знаю, Сережа. Ты ведь ждешь моего решения. Хочешь, чтобы я ушла?

ГАЛАКТИОНОВ. Я думаю, что надо бы растопить камин.

Поднимается из-за стола, идет к камину, но начинает падать, опирается на стену, Каргополов и Рысина с обеих сторон поддерживают его.

ГАЛАКТИОНОВ. Голова кружится... Вот и привиделось все... Но разжечь, похоже, не получится.

КАРГОПОЛОВ. Отлежаться тебе надо.

РЫСИНА. Давай-ка, присядь...

Галактионов возвращается к столу, но не садится, держась за него пристально смотрит на Рысину.

ГАЛАКТИОНОВ. Что-то ты плывешь перед глазами... (*Бодрым голосом.*) А неплохую сценку мы

разыграли... И у тебя замечательно получилось. И у этого местного фотографа... (*Каргополову*) Кстати, вы с ним выставку, помнится, хотели сделать, чтобы имидж деревни поднять, сделали?

КАРГОПОЛОВ. Нет, в город он не ездил, фотографии не привез.

ГАЛАКТИОНОВ. Ну, имидж и так теперь обеспечен, после этой истории... (*Рысиной.*) Как думаешь, клиента на этот сюжет найдем?

РЫСИНА. Ты это серьезно?

ГАЛАКТИОНОВ. А как тебе кажется? Или точнее, как тебе хочется?... Разве мы хотим жить серьезно? Главное, чтобы было весело, прикольно... Желательно, без забот и мыслей. Они ведь старят... От развлечений отвлекают... Разве не прекрасная шутка, купить здесь дом и тут же продать... Развестись с тобой... Или все оставить как есть... Тоже, шутка...

КАРГОПОЛОВ. Пожалуй, я пойду, у меня с чувством юмора туговато...

ГАЛАКТИОНОВ. Ну-да, Павел Николаевич, с этим чувством у тебя всегда было проблематично, поэтому судеб переломал ты немало.

КАРГОПОЛОВ. Я не Бог, Сережа, судьбы - это его прерогатива... (*Уходит*)

ГАЛАКТИОНОВ. А ты что скажешь?

РЫСИНА. Да вот думаю, пожалеть тебя или освободиться?

ГАЛАКТИОНОВ. Тяжкий груз?..

РЫСИНА. Может ноша не своя... А может правда эта ненормальная, по душе надо искать... Ладно, останусь пока... Не бросать же тебя в таком состоянии...

ГАЛАКТИОНОВ. Не знаю даже, что и сказать... Но благодарить тебя совсем не хочется...

РЫСИНА. И не надо... И трагедию делать не надо. Ну поссорились, помиримся и будем жить... В новом доме, на новом месте...

ГАЛАКТИОНОВ. Я так не могу...

РЫСИНА. Это тебе кажется...

ГАЛАКТИОНОВ. (*Поднимаясь.*) Мне надо побыть одному...

РЫСИНА. Сиди, сиди... Лучше я пойду... (*Уходит.*)

ГАЛАКТИОНОВ. Что-то я не так делаю, что-то не так... Но у меня еще есть время все исправить...

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Все тот же дом, только теперь совсем пустой. Лишь перед камином лежат так и не использованные дрова, да стоит единственный табурет. В комнате Галактионов и Каргополов.

КАРГОПОЛОВ. Все-таки продаешь...

ГАЛАКТИОНОВ. Продаю.

КАРГОПОЛОВ. Не жалко?

ГАЛАКТИОНОВ. Иного не дано. Татьяне нужны деньги да и сам на мели..

КАРГОПОЛОВ. А запасов нет ?

ГАЛАКТИОНОВ. Квартиру разменяли, машину пополам... Деньги, естественно, тоже...

КАРГОПОЛОВ. Н-да... В наши-то годы, без тыла трудновато... Однако, с мебелью ты продешевил, если не торопиться, можно было бы и подороже продать...

ГАЛАКТИОНОВ. Снявши голову по волосам не плачут...

КАРГОПОЛОВ. Ну, это ты слишком образно.

ГАЛАКТИОНОВ. Да вот пришло вдруг в голову... Как вы здесь поживаете?

КАРГОПОЛОВ. Мы-то?.. По-пензионерски, почти по-пионерски... Сколько ты не был? Год?

ГАЛАКТИОНОВ. Почти год.

КАРГОПОЛОВ. А что такое год? Только весне порадуешься, а уже и валенки доставать пора... Как жизнь: давно ли ходить учился, а уже пора готовиться к отбытию... Но тебе еще рано о вечности размышлять. Да и мы не очень философствуем, с генералом

новый сорт помидор этим летом выводили...

ГАЛАКТИОНОВ. Вывели ?

КАРГОПОЛОВ. Нет, не получилось из нас тимирязевцев. *(Подходит к камину.)* Может разжечь?.. Хоть на прощанье.

ГАЛАКТИОНОВ. Не стоит... Тем более на прощанье... Так и сгорит мечта, в тоску превратится, а я еще надеюсь...

КАРГОПОЛОВ. Это правильно, надеяться надо до последнего. Генерал тоже надеется сорт вывести и называть его тереховским томатом. Я надеюсь, что сын наконец женится и внуками порадует. А ты, Сережа, надейся на то, что будет у тебя свой дом.

ГАЛАКТИОНОВ. А я ведь растерялся, Павел Николаевич... Смысл жизни потерял. Прежде зарабатывать было интересно, радовался, когда получалось, когда денег больше становилось, вещам радовался, машинам новым... Потом вдруг делать деньги стало неинтересно, вещи надоели, на развлечения ни времени, ни здоровья тратить не хотелось... Так тоскливо жить стало... Запить впору. Ну и стал выпивать. Дома скандалы, непонимание... Вот тогда Леру и встретил... Молодая, энергия так и брызжет, честно признаюсь, первые месяц-два даже голова кружилась, про разницу в возрасте забыл, обо всем забыл... Стал для нее зарабатывать, вещи покупать... Она радуется, мне приятно... Замечал, конечно, что подаркам больше радуется чем мне, но не мог отказать себе в удовольствии сопереживать... Думал можно дважды войти в одну реку...

КАРГОПОЛОВ. Выходит, не любил ты ее?

ГАЛАКТИОНОВ. Не знаю... Приятно было, что молодая такая рядом... Сам вроде помолодел... Может права эта Сухорукова, старости испугался, решил за молодое тело спрятаться... Мол могу еще, есть порох в по-

роховнице... Порох действительно есть, да вот горит то он по другому... А сейчас не знаю, что дальше делать...

КАРГОПОЛОВ. Хандра... Болезнь русской интеллигенции...

ГАЛАКТИОНОВ. Ты же помнишь, каким я был еще совсем недавно...

КАРГОПОЛОВ. Совсем недавно - не помню. Но вот в эпоху дилетантского энтузиазма, когда державу рушить начали, помню... По тем временам, одним из предприимчивых и процветающих. И главное, энергии в тебе было не меряно...

ГАЛАКТИОНОВ. Да я тогда все мог... И многого хотел...

КАРГОПОЛОВ. Насчет первого, все-таки, не соглашусь, как говорят, мы предполагаем, а Бог располагает.... А вот насчет соблазнов - спорить не стану, тогда ты им служил... Да и не только ты, и я в свое время должное отдал... Даже атеистом был...

ГАЛАКТИОНОВ. Воинствующим.

КАРГОПОЛОВ. По должности. Не спорю... Был грех. Но не по уму. По глупости и идеологической зашоренности. А вот на досуге, без суеты, Библию почитал, поразмыслил, осознал, что хоть и по образу и подобию человек создан, но, все-таки, далеко не Бог. Не все нам смертным дается... Смысл нашей жизни в другом. И дары, и испытания нам свыше отпускаются. Только глупый считает, что сам все получает...Э, нет, Господь все знает, все ведает, следит, созрел ты для понимания сути мироздания или застрял в земном, запутался... Если застрял, значит не готов идти с ледующий класс, вот тебе новое испытание...

ГАЛАКТИОНОВ. То есть не понял - в угол на горох... А может лучше подсказать...

КАРГОПОЛОВ. Так и подсказывает Он... Постоянно подсказывает. Только, чтобы подсказки эти понять, вера нужна...

ГАЛАКТИОНОВ. Я не слышу таких подсказок.

КАРГОПОЛОВ. А у тебя веры нет. Хотя и крещеный и в церковь, наверное, ходишь... Подсвечником... Но ты не услышишь... И сейчас Господь тебе знак подал, а ты его не понял...

ГАЛАКТИОНОВ. Какой знак?

КАРГОПОЛОВ. Да отнял у тебя все, что тебе мешало. Одного оставил, на распутье, в смятении... Это испытание, Сережа и за грехи наказание... Но это и подсказка, возможность встать на путь истинный, для тебя предназначенный...

ГАЛАКТИОНОВ. Непонятно мне это. Как прежде марксизм-ленинизм не понимал, так тебя сегодня...

Слышится голос Терехова: «Муся! Муся, ты куда спряталась...»

Входит Терехов.

ТЕРЕХОВ. Приветствую соседей... Мусю не видели?

КАРГОПОЛОВ. Опять загуляла?

ГАЛАКТИОНОВ. Здравствуйте, Александр Александрович.

ТЕРЕХОВ. Я уж поздоровался... (*Каргополову.*) Тут в округе котяра появился, ну чистый штрафник, грязный, битый, а она на него глаз положила... Я их на днях под крылечком застукал. Так этот альфонс через форточку сюда шуганул... Где-то в доме квартирует... Может наверху где?..

ГАЛАКТИОНОВ. Поищите... Поднимитесь, я туда не проходил...

Терехов поднимается на второй этаж.

ГАЛАКТИОНОВ. Так ты, Павел Николаевич, считаешь, что эти все напасти и одиночество - испытание... А если не выдержи, не прозрею ?

КАРГОПОЛОВ. (*Окидывает его изучающим взглядом.*) Должен выдюжить... Господь, он ведь дает ровно столько, сколько выдержишь... И плохого, и хорошего... И огня, и воды, и медных труб... А вот прозреешь, нет ли, мне знать не дано.

Спускается Терехов.

ТЕРЕХОВ. Нет стервы... Придется - в карцер на выучку... (*Галактионову.*) А ты никак съезжаешь?

ГАЛАКТИОНОВ. Да, так получается...

ТЕРЕХОВ. Не понравилась наша деревня.

ГАЛАКТИОНОВ. Обстоятельства.

ТЕРЕХОВ. Так может?.. (*Достает из кармана фляжку.*)

КАРГОПОЛОВ. (*Терехову*) Тебе же нельзя...

ГАЛАКТИОНОВ. Я не хочу.

ТЕРЕХОВ. Да я тоже не хочу. (*Прячет фляжку.*) Привычка... Сам не пью, а вот поглядеть люблю. Вчера.., нет позавчера, из города возвращался, Генку встретил. В кафе зашли, оба трезвенники, по стопарю сока подняли...

ГАЛАКТИОНОВ. Панкова? Так его же арестовали...

КАРГОПОЛОВ. Отпустили. Он, правду говорил. Видеть - видел и деньги взял, но он не убивал. И убийц нашли, работяг Петровича. Они сразу и признались... Но месяца три он, однако, отсидел...

ТЕРЕХОВ. Да как бы не полгода...

КАРГОПОЛОВ. Может так... Ну, и где он теперь ?

ТЕРЕХОВ. (*Взглянув на Галактионова.*) Да вот запал он на одну бабу. Совсем спятил, говорит, все сделаю, а ее добыюсь.

Кто-то долго шаркает за дверью, наконец входит Сухорукова.

СУХОРУКОВА. Здравсьте... (*Терехову.*) Куда ты запропал?

ГАЛАКТИОНОВ. Здравствуйте, Ольга Ивановна. А я тут вас вспоминал...

СУХОРУКОВА. За что ж так...

ГАЛАКТИОНОВ. Да я добрым словом.

СУХОРУКОВА. Извините, не поняла... (*Терехову.*) Кошка сама явилась... Пошли домой, генерал...

ГАЛАКТИОНОВ. (*Сухоруковой.*) А что же вы не интересуетесь, каким добрым словом я вспоминал вас?

СУХОРУКОВА. Наверное, потому, что это не имеет значения.

ГАЛАКТИОНОВ. Каждое слово имеет значение. Слово - это энергетический импульс. Со своим зарядом. Положительным или отрицательным. Или точнее - с созидательным или разрушающим.

ТЕРЕХОВ. А ведь верно... Иной раз такое услышишь, словно под артобстрелом бываешь... Особенно среди кадровых...

КАРГОПОЛОВ. Поэтому мат не люблю и сам не ругаюсь.

СУХОРУКОВА. Так каким же добрым словом меня вы вспомнили?

ГАЛАКТИОНОВ. Да вот согласился, что от страха перед старостью пытался за молодуху спрятаться...

ТЕРЕХОВ. А что, грамотный маневр...

СУХОРУКОВА. Я рада, что вы это осознали...

ГАЛАКТИОНОВ. (*Оглядывая Сухорукову и Терехова.*) Только вот скажите, Ольга Ивановна, какую выгоду молодки находят в неравном браке? Кроме очевидного, меркантильного интереса...

КАРГОПОЛОВ. Сережа, ну это классика...

ГАЛАКТИОНОВ. (*Перебивая.*) Я хочу мнение Ольги Ивановны услышать.

КАРГОПОЛОВ. Сережа, ты Ольгу не обижай, у нее никакого меркантильного интереса нет.

ГАЛАКТИОНОВ. А причем здесь Ольга Ивановна?

СУХОРУКОВА. Вы наверное не в курсе. (*Берет Терехова под руку.*) Мы с генералом теперь вместе живем.

ТЕРЕХОВ. Вот так, понимаешь...

ГАЛАКТИОНОВ. Ну... Ну, генерал, выходит кое в чем и я прав...

ТЕРЕХОВ. Да, вот как-то, не устоял...

СУХОРУКОВА. (*Терехову.*) Это ты не устоял или я?

ТЕРЕХОВ. Я в одиночестве не устоял, Олечка... И признаюсь, не разочарован...

ГАЛАКТИОНОВ. Не узнаю генерала... (*Каргополову.*) Говоришь новостей никаких, а их тут целый вагон... Убийца не убийцей оказался, закоренелый женоненавистник вдруг изменяет привычкам... Что еще случилось в вашей тихой деревеньке? Как там наш-ваш доктор поживает, Светлана Ивановна?...

КАРГОПОЛОВ. Петровна... Светлана Петровна отбыла из нашей деревеньки...

ГАЛАКТИОНОВ. Как это отбыла, куда?

КАРГОПОЛОВ. Свое искать отправилась, а вот куда не доложила.

ТЕРЕХОВ. Допекли бабу., то есть, женщину... Вот и решила, что от себя сбежать сможет...

СУХОРУКОВА. Что ж вы, мужики, баб обсуждать надумали... Мужское ли это занятие? Или, действительно, мы уже во всем ролями поменялись...

ГАЛАКТИОНОВ. А это тебе Ольга Ивановна в твоём новом статусе виднее...

СУХОРУКОВА. В моем статусе все нормально, а вот у вас в городе, похоже, все перевернулось с ног на голову.

ТЕРЕХОВ. Чего ты заводишься, сама по телевизору видишь, всяких однополых развелось, ничего уже не стыдятся.... Нынче мужики в женщин любят рядиться... И в постели все больше они снизу лежат... Да чего там обсуждать (*машет рукой*), пошли домой...

СУХОРУКОВА. Всего хорошего.

ТЕРЕХОВ. Прощай, сосед, похоже больше не свидимся...

СУХОРУКОВА. Типун тебе на язык.

ТЕРЕХОВ. Да я в другом смысле, он съезжает, не подошел нашей деревне...

СУХОРУКОВА. А ты сомневался...

Уходят.

ГАЛАКТИОНОВ. Да уж, так оно и есть, не подошел я вашей деревне... Да и стране, наверное. И веку... Полжизни, даже больше ждал, когда время мое придет. Свободы ждал, возможности делать, что хочу... И, вроде, пришло это время, налетело резвым скакуном, вскочил в него, как в седло, даже вкус ветра ощутил, да вот почему-то свалился... Может от того, что к скорости не привык?..

КАРГОПОЛОВ. Глобально мыслишь, Сережа. И красиво... Образно. А ты лучше опустишься... Мир все одно не перелицуешь. Дай Бог успеть за свою жизнь в себе разобраться...

ГАЛАКТИОНОВ. Да, наверное... Неужели она его любит?

КАРГОПОЛОВ. Ольга-то?... Да она ведь ненамного и моложе... И к генералам у нее слабость...

ГАЛАКТИОНОВ. Но не к майорам же...

КАРГОПОЛОВ. А разве дело в звездах?... Сан Саныч - настоящий генерал.

ГАЛАКТИОНОВ. Ладно, не буду спорить... (*Обходит комнату.*) Жаль, конечно, что не получилось

жить в этом доме, как хотелось... И камин разжечь не получилось... А деревушка, между прочим, мне приглянулась, хотя я мало здесь и бывал ...

КАРГОПОЛОВ. Ну, так может все в обратную?..

ГАЛАКТИОНОВ. Нет, уже не получится. Уже задаток потратили... Слушай, Павел Николаевич, а тебе уютно в этом мире... томаты разводить?..

КАРГОПОЛОВ. Интересно...

ГАЛАКТИОНОВ. А почему мне не интересно?..

КАРГОПОЛОВ. Потому что без веры ...

В комнату стремительно вбегает Панков. На нем длинный пиджак, некое подобие фрака, из-под которого видны джинсы. В руке - «дипломат».

ПАНКОВ. (Указывая пальцем на Галактионова.) Вот вы то мне и нужны. Очень кстати я вас разыскал.

Проходит к окну, пристраивает «дипломат» на подоконник, затем круто разворачивается, переносит в центр комнаты табурет, перекладывает на него «дипломат».

ГАЛАКТИОНОВ. Э... Господин Панков, вы не ошиблись дверью?

ПАНКОВ. Нет, не ошибся... У меня все по сюжету... (Открывает «дипломат», делает приглашающий жест.) Пожалуйста...

ГАЛАКТИОНОВ. (Не двигаясь с места.) Что это?

Каргополов проходит к табурету, разглядывает содержимое «дипломата».

КАРГОПОЛОВ. (Удивленно.) Пистолеты...

ПАНКОВ. Да, пистолеты...

Галактионов идет к табурету, заглядывает в «дипломат», поворачивается к Панкову.

ГАЛАКТИОНОВ. Ну и что ?

ПАНКОВ. Выбирайте.

ГАЛАКТИОНОВ. Зачем?.. Я не люблю оружия.

ПАНКОВ. А я не предлагаю купить. Выбирайте себе.

ГАЛАКТИОНОВ. Мне не нужно.

Каргополов хочет взять пистолет, Панков его останавливает.

ПАНКОВ. Не трогайте, Павел Николаевич... Впрочем, если вы секундант...

ГАЛАКТИОНОВ. Кто, кто?.. Какой еще секундант?

КАРГОПОЛОВ. Я понимаю... Геннадий предлагает тебе стреляться...

ГАЛАКТИОНОВ. Я не склонен к суициду, даже во времена испытаний.

ПАНКОВ. Я вызываю вас на дуэль.

ГАЛАКТИОНОВ. У тебя что, Гена, крыша поехала?

ПАНКОВ. У меня - крыша?.. Ответьте на вопрос, кто в сумасшедшем доме ненормален?.. Молчите?.. Хотя ответ очевиден, любой сумасшедший его знает. Конечно же этот врач... А если общество - сумасшедший дом?... Думайте, господа, соображайте... кому выпала роль врача...

ГАЛАКТИОНОВ. Естественно, ты - врач, а мы, выходит, умалишенные...

ПАНКОВ. Логично, возразить ничего не могу...

ГАЛАКТИОНОВ. Гена, забирай свой чемоданчик и отправляйся в свою палату... *(Пытается закрыть «дипломат», но Панков не дает.)*

ПАНКОВ. Я не шучу, господин Галактионов, вы оскорбили женщину, которую я боготворю и мы будем стреляться.

ГАЛАКТИОНОВ. (*Глядя на Каргополова.*) Он что, валяет дурака?.. Или в самом деле чокнулся?

КАРГОПОЛОВ. А откуда, Гена, эти пистолеты?

ПАНКОВ. Не отвлекайте, Павел Николаевич. (*Галактионову.*) Мы будем стреляться здесь и сейчас... Я вас вызвал, значит, вы стреляете первым...

ГАЛАКТИОНОВ. (*Каргополову*) У него точно не все дома.

ПАНКОВ. Почему же?.. Я могу объяснить причину: я люблю вашу жену, намерен добиваться взаимности и не хочу это скрывать. Рано или поздно мы должны с вами столкнуться... Так что лучше перейдем от слов к делу... Проблему следует решать, пока она не перезрела... Выбирайте пистолет...

ГАЛАКТИОНОВ. Ну, так идите к моей бывшей жене и добивайтесь, чего хотите... Я что, вас не пускаю?

ПАНКОВ. Бывшей?.. Я имею в виду мою возлюбленную Валерию Станиславовну.

ГАЛАКТИОНОВ. И я имею в виду Леру.

ПАНКОВ. Вы разошлись?

ГАЛАКТИОНОВ. Да, мы расстались.

ПАНКОВ. Вот как... (*В раздумье.*) Жаль, красивый был бы кадр... (*Закрывает «дипломат», поворачивается к Каргополову.*) Он не обманывает?

КАРГОПОЛОВ. Нет.

ГАЛАКТИОНОВ. Да не медли, Геннадий. Свято место пусто не бывает... Опоздаешь.

ПАНКОВ. А все-таки, остается какой-то осадок... Незавершенность... Нам все же следует стреляться... Висящее на стене ружье должно выстрелить... К тому же, мы с вами антиподы...

*За дверью раздается четкий стук каблуков.
Входит Шпагин.*

ШПАГИН. Честной компании- здоровья желаю.

КАРГОПОЛОВ. Здравствуй, Евгений Федорович.

ГАЛАКТИОНОВ. Добрый день.

ПАНКОВ. Мы уже виделись... (*Идет к двери.*)

ШПАГИН. Геннадий, у меня к тебе пара вопросов есть. Подожди, вместе пойдем. (*Галактионову*) Значит, не приглянулись вам наши места?

ГАЛАКТИОНОВ. Отчего же, приглянулись. Обстоятельства вынуждают.

ШПАГИН. Ну да, против обстоятельств, как против лома...

ГАЛАКТИОНОВ. У меня к вам, как к участковому, вопрос: вот этого господина (*показывает на стоящего возле двери Панкова*) выпустили за недоказанностью или он, действительно, не убивал Петровича?

ШПАГИН. Не убивал... Это следствием доказано. Да и убийцы признались сами... Сомневаетесь?... Почему?

ГАЛАКТИОНОВ. Потому что он только что собирался убить меня.

ШПАГИН. Как так? (*Смотрит на Панкова, затем на Каргополова.*)

КАРГОПОЛОВ. Ну, не совсем так, конечно, Сергей Иванович сгущает краски... Просто Геннадий предлагал стреляться... На дуэли...

ШПАГИН. Что за ерунда...

ГАЛАКТИОНОВ. Вот и я говорю, его место если не в тюрьме, то в психушке уж точно...

ПАНКОВ. Нет, нам все-таки придется стреляться...

ШПАГИН. Что значит стреляться? Где оружие?

ГАЛАКТИОНОВ. У него в «дипломате».

ШПАГИН. *(Подходит к Панкову, протягивает руку.)* Дай чемоданчик.

ПАНКОВ. Не имеешь права без ордера...

ШПАГИН. Геннадий, ты же меня знаешь... Лучше сам сдай, меньше получишь...

ПАНКОВ. За что?

ШПАГИН. Пока за хранение. *(Забирает «дипломат», кладет на табурет, открывает, достает пистолет.)* Гм-м... Так он же пневматический...

ПАНКОВ. Между прочим, убойная сила хорошая. Бутылку из-под шампанского на осколки. Через глаз и мозги вышибить можно...

ШПАГИН. В глаз попасть надо... *(Галактионову)* Этот свободно продается, оружием не считается, так что не за что его под стражу брать...

ГАЛАКТИОНОВ. *(Панкову)* Шут гороховый...

ПАНКОВ. Но не трус, как некоторые...

ГАЛАКТИОНОВ. Вон из моего дома...

ПАНКОВ. Я понимаю, это от слабости... И прощаю... Нам с вами, все равно, еще суждено стреляться...

ШПАГИН. Я этого не слышал.

ПАНКОВ. *(Закрывает «дипломат», идет к выходу.)* Раскланиваюсь, господа хорошие и отбываю.

ШПАГИН. Жди меня на улице.

Панков выходит.

ГАЛАКТИОНОВ. Идиотизм...

ШПАГИН. Да что-то с мужиком не то... Или причастился где-то, или от воли опьянел...

ГАЛАКТИОНОВ. Так надо его сдать куда следует.

ШПАГИН. Куда, милый?.. Кому он нужен. Были бы у него деньги... Сейчас «скорая» и то за деньги приезжает. Скоро пожарных без оплаты не дожدهшься...

ГАЛАКТИОНОВ. А впрочем, мне все равно, я с вами прощаюсь... Надеюсь, навсегда...

ШПАГИН. А кто же вместо вас?

ГАЛАКТИОНОВ. Покупателя пока не видел, через фирму все оформляем...

ШПАГИН. Хорошо, чтобы не бандит был.

КАРГОПОЛОВ. Ну, Федорович, типун тебе на язычок... Какие бандиты?.. Нам еще здесь жить да жить...

ШПАГИН. Так ведь с виду теперь не разберешь... Внешность может быть самая мирная, а на деле...

КАРГОПОЛОВ. Ладно, не пугай, кроме меня да Сережи здесь никого нет. А мы уже, вроде, отбоялись...

ШПАГИН. Я к слову... *(Идет к выходу, но задерживается на пороге.)* Значит, новый хозяин будет...

КАРГОПОЛОВ. А ты чего заходил, Федорович?

ШПАГИН. Дверь открыта, вот и заглянул... Служба... Всего хорошего.

ГАЛАКТИОНОВ. Вы все-таки, этого дуэлянта постращайте.

ШПАГИН. Ничего, он тихий. *(Уходит.)*

ГАЛАКТИОНОВ. В тихом омуте...

КАРГОПОЛОВ. Тебе бы отдохнуть, Сережа, надо... Не узнаю...

ГАЛАКТИОНОВ. Потерялся я. Павел Николаевич, потерялся... Ориентиры исчезли и заметался... Может действительно, стреляться пора...

КАРГОПОЛОВ. Не бери грех...

ГАЛАКТИОНОВ. *(Непонимающе глядит на Каргополова, потом улыбается.)* Ты не так понял. Я себя жизни лишать не собираюсь. Если уж стреляться, то с врагами...

КАРГОПОЛОВ. Я уже многого в вашей суете не понимаю. Но, все-таки, не думаю, что это поможет решить проблемы. Дуэлями подлецов не выведешь. И всегда в мире будет день и ночь, белое и черное, добро и зло, а значит и те, кто сеет их...

ГАЛАКТИОНОВ. А я, на твой взгляд, что сею в этом мире? Добро?.. Зло?.. Ты не скажешь?

КАРГОПОЛОВ. Не скажу... Не человеку судить о том...

ГАЛАКТИОНОВ. Философом ты стал, Павел Николаевич, не узнать... Прямо Диоген... А ведь было время... (*Проходит к камину, задумчиво.*) Разжечь его, все-таки, на прощанье... (*Поворачивается к Каргополову.*) А ведь было время, Павел Николаевич, ты судил, да еще как...

КАРГОПОЛОВ. Было...

ГАЛАКТИОНОВ. И круто судил... Совесть тебя не мучает, кошмары ночами не снятся?

КАРГОПОЛОВ. Мучает, Сережа... Потому и тебе советую не брать этот грех на душу... По себе этот мир мы не перекроим, он по Богу устроен и мы в нем никак ни судьями, ни творцами быть не можем...

ГАЛАКТИОНОВ. А сколько лет ты поступал иначе?... Нет, не отомолиться тебе, Павел Николаевич...

КАРГОПОЛОВ. Не суди Сережа, тебе это не ведомо...

ГАЛАКТИОНОВ. Ну да... (*Начинает складывать дрова в камин.*). Не очень-то я верю в превращение волка в овечку...

КАРГОПОЛОВ. А я не обижусь, Сережа.

ГАЛАКТИОНОВ. Вольному воля...

КАРГОПОЛОВ. И тебе советую ни на кого не обижаться.

ГАЛАКТИОНОВ. Не нравятся мне твои советы, Павел Николаевич... Спички есть?

КАРГОПОЛОВ. Нет.

ГАЛАКТИОНОВ. Надо бы разжечь этот костер и гори все синим пламенем... Прощальный аккорд... Не нужна мне ваша деревня... И советы ваши не нужны. До этого без них жил и дальше проживу.

КАРГОПОЛОВ. Пойду я...

ГАЛАКТИОНОВ. Прощай, Павел Николаевич.

КАРГОПОЛОВ. Храни тебя Господь. (*Крестит Галактионова.*)

ГАЛАКТИОНОВ. Ну, надо же... Скажи лет двадцать назад, не поверил бы, что партийный функционер, атеист крестить будет...

КАРГОПОЛОВ. Пути господни неисповедимы... (*Уходит*)

Галактионов оглядывает дом, проходит к табурету, садится, глядит перед собой.

ГАЛАКТИОНОВ. Неисповедимы... Не учили меня этому. Другому учили. Со школьной скамьи вдалбливали; человек все может. Человек - царь природы, а советский человек, он и целину перепахал, и тайгу покорил, север разморозил, в космос полетел... Учили здоровья не щадить во имя прекрасного будущего. Не верилось, но старались так и жить, для неведомого будущего... Что мы тогда несли в мир. Добро?.. Зло?.. А потом вдруг оказалось не так, совсем не так, жили... И старое разрушать принялись. И интересно было все ломать, переиначивать. И, опять же, добро творили или зло? И что на обломках этого, что было прежде, построили?.. (*Встает, идет к окну.*) Вон оно вокруг, шутовство сплошное, паразитирование на старых идеях... И деньги, деньги, деньги... Душа свернулась, неуютно ей, тоскливо... Шутовской шабаш, когда царь отсутствует... Смех сквозь слезы... А может, так и надо, и действительно, испытание это... И надо выстоять, пройти его, чтобы душу из клетки выпустить... И разобраться, когда все же добро мы творили, тогда или сейчас?.. Да и творили ли, творим ли?.. А может прав Павел Николаевич и не ведомо нам сие... Нет, ведомо, оттого и неуютно душе. Тогда ей было неуютно, сейчас неуютно... Помоги Господи, разобраться, да направь нас всех на путь истинный...

2005 год.

Говори, чтобы я мог тебя видеть
Сократ

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

две истории из разных веков

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

по роману Ильи Сургучёва «Ротонда»

Действующие лица:

Писатель

Жена писателя

Дениз - дочь Юпитера

Директор - директор труппы

**Юпитер - скандинавский купец, воображающий
себя богом**

Васенька - артист

Юдифь - артистка

Гастон - некогда парикмахер в россии

Человек

Картина первая

Действие происходит в первой половине двадцатого века, когда ещё свежо воспоминание о революционных событиях в России. Место действия - Париж.

На сцене несколько столиков, над которыми светится название «кафе Ротонда». Входит Жена Писателя. Проходит к столику, стоящему немного в стороне и перед остальными. Застилает его скатертью, напоминающей цветами российский флаг. Садится. Открывает книгу.

ЖЕНА ПИСАТЕЛЯ. Вот что он обо мне здесь пишет. «Моя жена всю жизнь подражала героиням тех пьес, сыграть которые она мечтала». *(Откладывает книгу)*. Потом что-то о выстиранных и заштопанных рубашках, уложенных мною перед уходом. Но этого я не делала... И дальше то, от чего, собственно, я и ушла... *(Открывает книгу, читает)*. «От меня ушла женщина, которая в течение нескольких лет была моей женой, которая давно мне надоела и уход которой всегда представлялся в моих мыслях событием долгожданным и счастливым...» *(Откладывает книгу)*. Боже, как он играл, как лицемерил, хотя не был актёром... *(Читает дальше)*. «Мне с ней не везло...» Ну, стоит ещё разобратся, кому не везло... *(Откладывает книгу)*. А что ему не нравится в моём отношении к хорошей одежде от известных модельеров?.. Он считает, что это характерно для породы, из которой выходят исключительно горничные... Представляете, я из породы горничных... Что за сравнение... Да, мне нравятся шикарные автомобили... Да, я читаю исключительно детективы и ничего более, мне этого достаточно... Разве это признаки духовной запущенности?.. А он шляется невесть где и невесть с кем и строит из себя гения... Нет, это он бездарен. К тому же нищ... У него, видите ли, хроническая карманная чахотка... И он этого не стыдится... Это он неспособен даже купить себе шампанское...

Человек! Шампанское... Пять бутылок... *(Достает карандаш для бровей и что-то пишет на листке меню. В это время Человек выносит и ставит на столе пять бутылок шампанского)*.

Медленно гаснет свет и затем так же медленно загорается, освещая Писателя, стоящего подле столика, на котором стоят пять бутылок шампанского, и читающего начертанное на меню.

ПИСАТЕЛЬ. «За каждый год прожитой жизни дарю тебе по бутылке вина. Студия оплачена за год вперёд. Чао». *(Вынимает из кармана бумажник, смотрит его содержимое)*. Ну что ж, кстати... А впрочем, зачем мне квартира... Квартира - это законная жена. Я предпочитаю гостиницы. Гостиница - это любовница. В гостинице я чувствую себя весёлым воробьём и мне принадлежит весь мир... В ней я молод, здоров, могу работать. В квартире я почётный отставник с большой печенью и критическим мироощущением... Человек!.. *(Появляется Человек)*. Отдай это шампанское кому-нибудь... Или выпей сам... Но только именно сегодня, сейчас, всё, до последней капли...

Вновь гаснет свет. И теперь за столом Жена Писателя.

ЖЕНА ПИСАТЕЛЯ. Он любил сидеть за этим столиком. Говорил, что отсюда хорошо подглядывать за всеми. Это ему нравилось больше, чем театр... Он говорил, что в отличие от театра здесь никто не стремится изображать из себя героя или злодея... Что если смотреть под правильной точкой зрения, то можно отсеять всё отвлекающее суетное и тогда слышно как искрят мысли и клокочут чувства... Может он и прав... Ведь не он один любил наблюдать. Иначе зачем было после казаков, пришедших на эти улицы следом за Бонапартом, сидеть здесь Тургеневу, Гумилёву, Ахматовой, Алексею Толстому, Бунину, Цветаевой и ещё многим из русских просторов... Не ради же тесноты, запаха кухни, спиртного и бесцельного времяпрепровождения...

Жена Писателя разглаживает скатерть ладонью и уходит.

Появляется Директор. Он садится за столик в самом центре. Следом за ним вбегает Васенька. Он, если не карлик, то человек очень маленького роста.

ДИРЕКТОР. Я знаю, что ты скажешь... Я и так намеревался отдать этот долг.

ВАСЕНЬКА. Себе-то не лги...

ДИРЕКТОР. А ты не лезь куда не просят.

ВАСЕНЬКА. Тебе не напомнишь, ты и не вспомнишь.

ДИРЕКТОР. Я просто не знаю, где она теперь.

ВАСЕНЬКА. Спроси у него, он знает.

ДИРЕКТОР. Он пропал в Антверпене.

ВАСЕНЬКА. Мерзкие бельгийские туманы... Он мог в них заблудиться... И остаться там навечно.

ДИРЕКТОР. Такие блудят по собственной воле.

ВАСЕНЬКА. Всё-таки, ты был бы рад, если бы такое случилось.

ДИРЕКТОР. Отчего же... Он мне нужен.

ВАСЕНЬКА. Не отдашь, я уйду.

ДИРЕКТОР. Пользуешься тем, что мне нечем тебя заменить?... А вот вышибу тебя за просто так...

ВАСЕНЬКА. И обанкротишься...

Входит Юдифь. Садится рядом с Васенькой, пододвинув свой стул к его и кладёт тому руку на плечо. Она на голову, а то и больше, выше Васеньки и тот практически оказывается у неё под мышкой.

ЮДИФЬ. О чём воркуете?

ВАСЕНЬКА. Он долг зажал.

ЮДИФЬ. Тебе что ли?..

ВАСЕНЬКА. Зачем мне, я ему никогда в долг не дам...

ДИРЕКТОР. Я сказал, отдам... (*Помолчав*). А может и не отдам... У неё и так денег куры не клюют...

ЮДИФЬ. Я её знаю?

ВАСЕНЬКА. Это Дениз, ты её не знаешь.

ЮДИФЬ (*настороженно*). А ты?

ВАСЕНЬКА. Ты же знаешь, я тебе никогда не измению.

ЮДИФЬ. Только попробуй...

ДИРЕКТОР. Видишь, какая у тебя женщина. Держись за неё крепче и не лезь в чужие дела.

ЮДИФЬ. Всё-таки вы не европейцы... Вот европеец - взял своё и до свидания... И никакого больше ему дела. А русскому обязательно подай причину, расскажи, отчего даёшь, да почему... Вот я...

ВАСЕНЬКА. Ты уже рассказывала.

ЮДИФЬ (*не обращая внимания на него*). Характер у меня запалючий... А если женщина захочет, то поставит самовар... А ты, Васенька, запоминай: женщина любит исповедоваться, тайна ей чужда органически...

ВАСЕНЬКА. Ты, однако, ему тоже рассказывала отчего даёшь.

ЮДИФЬ. Ему?... Может и рассказывала. Не помню... А вот теперь вам обоим могу рассказать...

ДИРЕКТОР. Мне интересно... Мне вообще ты интересна как женщина...

ВАСЕНЬКА (*высовываясь из подмышки*). Ну ты...

ЮДИФЬ (*заталкивая его обратно*). Не ревнуй. Я исключительно только историю без всяких интимностей.

ДИРЕКТОР. Рассказывай...

ВАСЕНЬКА. И чтобы без подробностей...

ЮДИФЬ. Отплыла я со всеми от крымских берегов, а в Константинополе себя приукрасила. Когда молода, это легко сделать. Выглядела очень даже прилично

и попала на прощальный обед. Одного из английских офицериков в Лондон провожали... Офицерик молод, недурён собой. Пока в плену сидел, русский язык изучил. Наши жарят по-английски, а он по-русски. И вот отъезжающий встаёт, чтобы тост прощальный сказать и начинает о плене, о русских, о русском языке, мол такой богатый, что не в силах его понять до конца... И вдруг говорит: «И вот джентельмены, в лагере мне пришлось узнать русских женщин. Так вот за них, за русских женщин которые не только прекрасны, но и сильны, не в пример европейским, бокал поднять могу, а за вас нет... Потому что ни красоты в вас, ни силы...» Представляете, как он наших полковничков и генералов, которые драпали без оглядки... А мне обидно за них стало... Как самке бывает за обессиленных самцов... Всё-таки русские они... Ну и сама наустро я к офицеру тому и зашла. Мол, срочно нужно мне в городе дела сделать, не подвезёте ли... А тот рад. Но краснеет. Скромница. В Лондоне у него невеста и папа, мама ждут. И потащила я офицера пообедать в русский кружок. А там... чего вам рассказывать, сами знаете... Какой Лондон, какая невеста... На третий день он её карточку передо мной сжёг...

ДИРЕКТОР. И что же дальше?

ВАСЕНЬКА. Я же просил без интимных подробностей...

ЮДИФЬ. А я и не описываю... А что с ним стало потом, не знаю... Сгинул он... Сладки наши русские мёды, не то что английские...

ВАСЕНЬКА. Туман там... Как в Антверпене.

ДИРЕКТОР. Ну да, туман...

Картина вторая

Свет гаснет, а когда загорается вновь, на подсвеченной рекламой сцене Писатель в осеннем пальто и

шляпе и Дениз. Она в бальном длинном платье. Декорацией - неясное очертание скандинавской улочки.

ПИСАТЕЛЬ (*поднимая воротник пальто*). Как вы живёте в этом тумане?

ДЕНИЗ. Мы его не замечаем. Мы вырастаем в нём. А разве у вас в Петербурге не так?

ПИСАТЕЛЬ. Вообще-то я южанин... Мы вырастаем в солнце.

ДЕНИЗ. Поэтому вы плохо ориентируетесь наощупь.

ПИСАТЕЛЬ. На солнце хочется летать...

ДЕНИЗ. В тумане лучше перемещаться наощупь...

И тогда хорошо видно всё самое маленькое.

ПИСАТЕЛЬ. И нет горизонта.

ДЕНИЗ. Он не нужен. Нам некуда смотреть.

ПИСАТЕЛЬ. Как скучно жить без горизонта.

ДЕНИЗ. Возьми мою руку и тебе не нужен будет горизонт.

Писатель берёт её за руку.

ДЕНИЗ. В туман приятно что-то горячее...

ПИСАТЕЛЬ. У тебя тёплая рука.

ДЕНИЗ. Могу предложить тебе чай. (*Ведёт его к ближнему столику*). Китайский, цейлонский или мандариновый...

ПИСАТЕЛЬ. От этих сортов у меня бывает сердцебиение... Или может это от чего другого?.. (*После паузы*). Я пью тибетский...

ДЕНИЗ. Первый раз слышу о таком.

ПИСАТЕЛЬ. Вообще ваш город поотстал... По видимому из-за тумана...

ДЕНИЗ. Некоторые считают, что наоборот. (*Поднимается*). Учись чувствовать, если хочешь успокоить сердцебиение...

ПИСАТЕЛЬ. Вы забыли, я - человек из маскарада.

ДЕНИЗ. Вам следует забыть об этом... Ну что ж, если вы не хотите моего чаю... *(Медленно отступает и исчезает в темноте)*.

Писатель некоторое время сидит один. Затем встаёт, делает несколько шагов вперёд, смотрит в зал..

ПИСАТЕЛЬ. Она хочет, чтобы я забыл... Забыть... Забыть Крымский полуостров... Шестьдесят больших перегруженных кораблей... С генералами, офицерами, солдатами, архиереями, писателями, священниками, художниками, адвокатами, газетчиками, купцами, нотариусами, актёрами, музыкантами и множеством женщин. *(Перед ним начинают проходить-проплывать в тумане различные фигуры в костюмах перечисленных персонажей. Он пожимает им руки, поднимает шляпу, раскланивается, целует ручки женщинам)*. На чужом берегу все они повели неслыханный маскарад. Кто превратился в чистильщика сапог... Кто - в продавца газет... Кто - в ресторанный прислугу... Кто - в даму с камелиями... Кто обрядился в синюю блузу... Кто - в силача на ярмарке... Кто - в собачьего парикмахера... Кто - в танцора с кинжалами... Кто - в учителя бриджа... Кто - в ночного сторожа... Кто - в поварского помощника... *(По мере того как он перечисляет, названные персонажи проходят мимо него, но он уже никак не выражает своё отношение к ним)*. Вы в Европе живёте и не замечаете, сколько около вас ряженных и загримированных людей... Очевидно это потому, что у вас нет горизонта...

В это время появляется отставший Юпитер в соответствующем костюме. Он оглядывается, подходит к Писателю и берёт его за руку.

ЮПИТЕР. Вы-то мне и нужны.

ПИСАТЕЛЬ. Я?.. Разве мы знакомы?

ЮПИТЕР. Нам необходимо познакомиться. Идёмте со мной...

Картина третья

Свет гаснет. Затем в медленно загорающемся свете проявляется статуя обнажённой женщины. За ней постепенно проявляются висящие на стене портреты. Юпитер останавливается напротив статуи и отпускает руку Писателя.

ЮПИТЕР (*глядя на статую*). Это её мать... Смотрите, как полна и стройна её грудь... А как хороши линии плеч и шеи... А царственность живота и ног... Стоило из-за этого Богу бросить небеса и спуститься на землю, облачить тело в ваши бездарные пиджаки и жилеты и заниматься тленом человеческих дел?.. (*Пристально смотрит на Писателя, ожидая ответа*).

ПИСАТЕЛЬ. Стоило.

ЮПИТЕР (*с облегчением*). Что и было сделано... Дениз показала вам наш семейный совет?

ПИСАТЕЛЬ. Какой совет?

ЮПИТЕР. Там, за столиком...

ПИСАТЕЛЬ. Там никого не было. Только мы вдвоём.

ЮПИТЕР. Ах да... У вас плохо с осязанием... И чванливое стремление разглядеть горизонт вам мешает... А между прочим там были все: Юнона, Венера, Меркурий, Посейдон, Бахус и Марс... И вынужден признаться, вы им понравились... (*Подавшись к*

нему). Вы всё ещё считаете меня антверпенским купцом?.. Считайте, если вам так проще. Но вообще-то я - Юпитер.

ПИСАТЕЛЬ. Хвала тебе, великий Бог.

ЮПИТЕР. Дениз - полубожественного происхождения... Я вижу вы мне не верите... Понятно, две тысячи лет я не появлялся на Земле. Потому что вы выбрали других богов. Ну что ж, хотите жить по другим правилам, живите... Но мне стало любопытно, как вы устроились за эти две тысячи, вот я и вернулся... Ведь я когда-то устроил здесь замечательный театрик... Вы должно быть изучали... Сократ - герой-резонер. Клеопатра - героиня. Юлий Цезарь - первый любовник. Нерон - комик-буфф... Это мой замысел, не знаю как вас учили... Думал понравится, создам жизнь и на других мирах. Увы...

ПИСАТЕЛЬ. Вас разочаровало то, что вы увидели?

ЮПИТЕР. Если собака стащила кусок говядины, что делает человек?.. Бьёт собаку и выгоняет её. Она плачет, скулит, визжит и царапает когтями, пытается открыть ворота. Это - естественно. А если бы собака вместо этого смастерила себе штаны и стала бы в них гордо расхаживать, вы бы не сомневались, что она взбесилась... Что делаете вы, вместо того, чтобы биться в ворота?.. Ни с того ни с сего начинаете стыдиться своей наготы... А причём тут нагота?..

ПИСАТЕЛЬ. Действительно, логики нет.

ЮПИТЕР. Вы просто сошли с ума и создали цивилизацию, построенную на стыде наготы... Стали напирать на себя всё, что придётся, и соблазняться этой естественной наготой, возводить её на Олимп, как единственную истинную ценность, хотя она кратковременна и преходяща... И лицемерно сожалеть о потерянном Рае... А ведь Рай - это Земля. И вы из-

гнаны из него, продолжая пребывать в нём, но не понимая и не замечая этого... И только одна собака добровольно ушла с вами. Все остальные звери, птицы, насекомые, оставшиеся в Раю, ненавидят вас... Вам дано было тридцать чувств. Двадцать пять вы уничтожили шерстью ваших пиджаков, крахмалом ваших воротников, кожей ваших сапог...

ПИСАТЕЛЬ (*после паузы*). Да, собака единственное существо, которое любит человека. Лошадь его терпит, снисходит к нему. Кот откровенно презирает. И терпеть не может собаку...

ЮПИТЕР. Мне кажется, главное ты понял.

ПИСАТЕЛЬ. Я не совсем уверен.

ЮПИТЕР. Ну, это сразу не доходит...

ПИСАТЕЛЬ. К тому же в тумане исчезает горизонт... А в Раю есть горизонт?

ЮПИТЕР. В Раю есть всё, что пожелаешь... Но это следует понять. И не всё в нём можно трогать.

ПИСАТЕЛЬ А Дениз?

ЮПИТЕР. У каждого свои дела... Но помни, ты должен быть достоин Дениз...

Юпитер исчезает, словно растворяется в воздухе. Писатель, постояв некоторое время перед статуей, осторожно касается её ладонью и обводит линию груди и бёдер...

Картина четвёртая

И вновь проявляется кафе, столики. За одним из них сидят Директор, Васенька, Юдифь. За другим Гастон. Входит Писатель, садится за свой столик, рассматривает скатерть.

ДИРЕКТОР. Еда, вот что главное при образовании национального характера. Что у немцев? Колбаса, со-

сиски, пиво... И как следствие, тяжёлый и неподвижный национальный характер...

ГАСТОН. Верно подмечено.

ДИРЕКТОР (*видя в нём заинтересованного слушателя, поворачивается в его сторону*). Француз напирает на зелень, на салаты, всяческие сыры, ягоды. Усердно пьёт настойки из липы и ромашки. А вино, и без того слабенькое, разбавляет на сорок процентов водой... От такой пищи живость характера, смешливость, остроумие, весёлость незамысловатых песенок и доброе отношение друг к другу...

ГАСТОН. Пожалуй я с вами соглашусь.

ДИРЕКТОР. Макароны сделали итальянцев приятнейшим народом мира... А малопрожаренные бифштексы, виски и эль родили английский сплин... А что же русская еда?.. Возьми меня. Позавтракал вчера по-русски, блинами, икоркой, севрюжкой, да холодцом с водочкой, обрадовался... А сегодня морды всем бить хочется... Но ведь человек то я на самом деле хороший, совсем не злой... Это она, проклятая, играет. (*Тычет себе пальцем в правый бок*).

ГАСТОН. Позвольте не согласиться. Я думаю, в этом случае виновата не ваша русская еда... О, я знаю в ней толк...

ЮДИФЬ. Всё хорошо в меру.

ВАСЕНЬКА. А мне ничего... И ему ничего. (*Указывает пальцем в сторону Писателя*). Потому что он даже от шампанского отказался, сам видел...

Все молча смотрят на Писателя, ожидая его ответа, но он молчит.

ДИРЕКТОР (*хлопая по боку*). Она играет, мне хочется бить морды. А всё почему?.. Потому что осознаю, что живу в суете, морочу всем голову с лилипутами, изворачиваюсь, лгу, нечестно добиваюсь

женской любви. (*Смотрит на Юдифь*). Утомительная и каторжная чепуха.

ЮДИФЬ. Отчего же чепуха, совсем нет... Вот европеец взял своё и совсем не мучается. А русский мучается, всё хочет докопаться до причины... А по мне, так дала и забыла...

ВАСЕНЬКА. Но-но, я тебе дам...

ЮДИФЬ. Ревнивенький ты мой... Отдыхай, тебе это знать не нужно... (*Кладёт его голову себе на грудь*).

ГАСТОН (*директору*). Я хоть француз, но скажу тебе, русскому, это в тебе говорит наследственность нарушенная...

ДИРЕКТОР. Какая-такая наследственность?... Это национальная культура питания говорит...

ГАСТОН. Ты мне, петербургскому парикмахеру, поверь, уж я-то вас, русских, и стриг и брил... Только не как ваш Пётр... Тот бояр ваших побриться заставил и тем Русь кончил...

ДИРЕКТОР. Чего городишь-то?... Он её поднял, в Европу двинул...

ГАСТОН. Я как петербургский француз скажу. Я долго у вас жил, время было, ночи длинные, многое познал... Чтобы иметь успех в России, главное, нужно не говорить по-русски. Если вы не говорите по-русски, то для вас открываются все двери. А если вы говорите по-русски, то вам цена падает на пятьдесят процентов.

ДИРЕКТОР (*писателю*). А ты чего же молчишь?... Где-то пропадал, я уже стал другого искать... (*Смотрит пристально*). Что-то в тебе изменилось... Глаза как-то заблестели... Чего молчишь, возрази.

ПИСАТЕЛЬ. Я слушаю...

ДИРЕКТОР. Э, нет у тебя никакой любви к отчуждённому дому.

ПИСАТЕЛЬ. Да, я уже почти забыл Петербург и не помню как расположены улицы по Большой Мо-

крой... Но пока ясно вижу путь от Зимнего дворца к университету... Но вот вчера по Полярной звезде я отыскал Россию... Путь не вижу... Но знаю, где-то там - маленькая грудка камней моего дома...

ЮДИФЬ. А я в восемнадцать лет осталась одна-одиошенька на этом милом свете. Братья поубиты, мама умерла... Вот и поплыла от крымских берегов...

ВАСЕНЬКА. Как же одна, а я?

ЮДИФЬ. Лежи, карла...

ГАСТОН. Это всё ваш Пётр.

ДИРЕКТОР. Эк он вам не угодил. Нет, чтобы на Александра обижаться, он ведь вашего Бонапартия поразил...

ГАСТОН. А мне что Буонапартий... Я его не стриг, не брил...

ПИСАТЕЛЬ. Отчего же царь Пётр виноват в наших бедах?

ГАСТОН. А виноват он в том, что он делал из вас немцев и англичан, но не делал из вас русских. В этих искусственных немцах и англичанах вашего царя Петра и зарыта собака вашего теперешнего горя.

ПИСАТЕЛЬ. Собака зарыта... Друг наивернейший человеку...

ГАСТОН. Вот именно... А ведь натуру-то не перешилишь... После Петра русским и надоело быть немцами и англичанами, но привыкли уже во что-то переделываться, своё-то подутратили, профукали, когда бояр бород лишили. И вы уж сами переделались во французов, так что получается, Буонапартий вас победил... Если русский аристократ плохо говорил по-русски, это был большой шик. Если он плохо говорил по-французски, это был большой позор.

ДИРЕКТОР (*писателю*). А чего спорить, он прав... С этим не поспоришь... Вон как мы все по-французски лепечем...

ГАСТОН. До Петра была русская великая нация, после Петра стал салат. И после трёхсот лет петровского салата вам тайно и бессознательно захотелось стать снова нацией. В этом вся разгадка вашей земли, вашей нации, свободы и ваших революций...

ДИРЕКТОР. Эк повернул...

ВАСЕНЬКА. А мне бы другим уродиться, ростом выйти и ладно...

ГАСТОН. Ну да, теперь революции не нужны.

ЮДИФЬ. И мне бы без неё... Чтобы братья живы и мамка...

ДИРЕКТОР. Если разобраться, мне тоже не хочется мотаться по Европе... Открыл бы театр в каком-нибудь провинциальном русском городке и как-нибудь бы просуществовал...

Все смотрят на Писателя.

ПИСАТЕЛЬ. А от меня жена уехала...

ЮДИФЬ. Значит, слушать её не хотел.

ДИРЕКТОР. Ничего, он у нас не пропадёт, обязательно кто-нибудь подхватит...

ПИСАТЕЛЬ. Не любишь ты меня.

ДИРЕКТОР. А за что тебя любить?

ПИСАТЕЛЬ. А я вот думал тебе деньжонок подкинуть, на театр...

ДИРЕКТОР. Ты?.. У тебя же в кармане вошь на аркане...

ПИСАТЕЛЬ. Да вот только как тебе дашь, если долги ты не отдаёшь...

ДИРЕКТОР. А ты тут причём?

ГАСТОН *(вставая)*. Ну, прощайте, господа, пора и честь знать, засиделся с вами.

ДИРЕКТОР. Мы с тобой насчёт Петра ещё не разобрались...

ГАСТОН. В следующий раз, если выпадет... Петербургский француз ещё много умного вам скажет... *(Уходит)*.

ДИРЕКТОР. Вот перебил... *(Смотрит на Писателя)*. А ведь темнишь ты что-то...

ЮДИФЬ. Да верни ты этот долг...

ДИРЕКТОР. Ты веришь, что у него деньги есть?

ПИСАТЕЛЬ. Не у меня.

ДИРЕКТОР. Ну вот, хоть сознался.

ПИСАТЕЛЬ. У антверпенского купца. У отца Дениз есть...

ДИРЕКТОР. Это я и сам знаю...

ПИСАТЕЛЬ. А я его зятем стану...

ЮДИФЬ. Это чистую девчонку-то соблазнил?

ВАСЕНЬКА. Он такой. Ты от него подальше держись...

ЮДИФЬ. Она такая бледненькая... Я в её годы как клюковка была...

ДИРЕКТОР. Туманы... Впору жабрами обзаводиться. *(Писателю)*. Что-то я тебе не верю...

ПИСАТЕЛЬ. Как хочешь... Но только если ей долг не вернёшь, ничего не дам...

ДИРЕКТОР. Подожди, так у неё жених есть...

ПИСАТЕЛЬ. А ему гарбуза...

ВАСЕНЬКА *(директору)*. Я говорил, отдай долг...

ПИСАТЕЛЬ. А мне тесть пообещал театр в Париже купить...

ДИРЕКТОР. Всё равно не верю...

Появляется Дениз. Садится за стол рядом с Писателем, смотрит на Директора.

ДИРЕКТОР. Мы вот тут...

ДЕНИЗ. Я уже соскучилась. *(Кладёт свою руку на руку Писателя)*.

ПИСАТЕЛЬ. Я тоже. Ты устроилась?

ДЕНИЗ. Да, как ты советовал, мой милый.

ДИРЕКТОР (*после паузы*). Я вот... (*Достаёт пакет*). Собирался вернуть...

ДЕНИЗ. Очень кстати, у нас впереди расходы...

ДИРЕКТОР (*неуверенно кладёт перед ней на стол пакет*). Да, конечно... Театр это хорошо... Это выгодно. Но без опыта...

ДЕНИЗ. Я в это не вникаю. (*Пододвигает пакет Писателю*). Возьми, милый, у меня нет сумочки.

ДИРЕКТОР. Ай да город Антверпен... Отчего я туда не поехал...

ПИСАТЕЛЬ. В Париже тоже хорошо.

ЮДИФЬ. Хорошо там, где нас нет...

ВАСЕНЬКА. Ты тоскуешь по России?.. Я когда-нибудь увезу тебя туда. Вот только заработаю денег.

ДИРЕКТОР. Ну да, вас там ждут... Пойдёмте-ка, мои любезные, на репетицию. У нас впереди гастрроли...

Директор, следом Юдифь, ведущая Васеньку за руку, уходят.

ДЕНИЗ. Почему ты уверен, что я отказала жениху?

ПИСАТЕЛЬ. Я думаю, ты ему откажешь.

ДЕНИЗ. Русские все такие самоуверенные?

ПИСАТЕЛЬ. Не все.

ДЕНИЗ. А мне кажется все, иначе вы бы не разделились на красных и белых.

ПИСАТЕЛЬ. Революции были не только у русских.

ДЕНИЗ. О других мы уже забыли... И мне, признаться, это совсем неинтересно. Я хочу понять тебя.

ПИСАТЕЛЬ. От меня ушла жена.

ДЕНИЗ. Я знаю. Она убежала с богатым стариком...

ПИСАТЕЛЬ. Он не старый, у них разница всего в двадцать лет.

ДЕНИЗ. Действительно... У нас ведь тоже разница в двадцать лет...

ПИСАТЕЛЬ. Она оплатила квартиру на год вперёд.

ДЕНИЗ. Значит, она благодарна тебе.

ПИСАТЕЛЬ. А я предпочитаю гостиницы.

ДЕНИЗ. Ты винишь её?

ПИСАТЕЛЬ. Нет.

ДЕНИЗ. Себя?.. Интересно, в том, что произойдёт, виновата я или жених? (*Смотрит на Писателя*).

ПИСАТЕЛЬ. Это глупо.

ДЕНИЗ. Что глупо?

ПИСАТЕЛЬ. Искать виновных... У нас был выбор, остаться на берегу или подняться на корабль.

ДЕНИЗ. И ты его сделал.

ПИСАТЕЛЬ. Это сделал кто-то другой.

ДЕНИЗ. Жалеешь?

ПИСАТЕЛЬ. Я привык к гостиницам...

Пауза.

ДЕНИЗ. Зачем ты заставил Директора отдать долг?

ПИСАТЕЛЬ. Иначе он никогда бы не вернул. Я его знаю.

ДЕНИЗ. Вас, русских, трудно понять.

ПИСАТЕЛЬ. Нас не надо понимать, нас надо принимать... Такими, как мы есть...

ДЕНИЗ (*после паузы*). Мне нужно идти... Меня ждёт жених... (*Встаёт*). Ты проводишь меня?

ПИСАТЕЛЬ. Провожу.

Уходят. Появляется Жена Писателя. Снимает скатерть с цветами российского флага и застилает с французскими.

Картина пятая

ЖЕНА ПИСАТЕЛЯ. Конечно, я могла бы догадаться, что всё дело в очередной влюблённости. За пять совместно прожитых лет я поняла, он не может жить без любви. Без платонической, порождающей тоску любви по России. Без любви к своим фантазиям, которая случается приступами, доводящими до лихорадки. Тогда ему никто не нужен, и он ничего и никого не замечает. Да, это обижает ещё больше, чем платоническая тоска... А в перерывах между этими двумя, кстати, весьма короткими, ему бывает нужна женская любовь. Но не та, что претендует на долгие отношения. Это должно быть восторженное обожание. А так любить способна лишь юная неискушённая девушка... Он никогда не поймёт, что нет такой женщины, которая любила бы гостиницу больше, чем собственный уютный дом... И, рано или поздно, девушки становятся такими женщинами. И они всегда будут его оставлять... (*Уходит*).

Возвращаются Писатель и Гастон. Садятся за стол.

ПИСАТЕЛЬ. Меня удивили ваши слова. Неужели мы действительно триста лет не были нацией?

ГАСТОН. Милый мальчик... Не обижайся, ты для меня мальчик... Вас никогда не манила тайна вашей истории. В Петербурге я не нашёл себе собеседника, от меня отмахивались как от осенней мухи... Вы нация, которой совсем неинтересно ее прошлое. Словно вы знаете свое будущее и вас оно не пугает... Даже сейчас, когда Петербург стал Ленинградом, вас не пугает ваше будущее...

ПИСАТЕЛЬ. Для меня он остался Петербургом.

ГАСТОН. Да, да, ты не видел как выглядит это название над вокзальной площадью... Я скажу, ничуть не хуже прежнего... Но и в этой новой России Ленина также никто не считает Петра неправым... Но я тебе скажу, до Петра Россия была интересна Европе. Она была загадочна. Ею пугали детей, пробуждая в них интерес к вашим бескрайним просторам.. Ваши бо-родатые бояре создавали своё, ни на кого не похожее государство и это было интересно...

ПИСАТЕЛЬ. И мы отстали от всей Европы...

ГАСТОН. Кто вам это внушил?.. Вы преуспели тогда. Вы постигли то, что неведомо Европе и по сей день. Вы подружились с Великой степью, ваши князья гостили в монгольской столице, когда европейцы только мечтали о путешествии в мифические Индию и Китай и, много позже, заблудившись, наткнулись на Америку.

ПИСАТЕЛЬ. Они были там не по своей воле.

ГАСТОН. Молодой человек, вы стараетесь понять европейцев и вы нас быстро поймёте, если ещё не поняли. Нам некогда думать о вечном, мы озабочены защитой своего дома и потому весьма прагматичны. Нам слишком тесно. У нас нет таких просторов как у вас. Вы нас поймёте, а мы вас никогда не сможем понять и всегда будем бояться и завидовать.

ПИСАТЕЛЬ. Наши просторы не дают вам покоя?

ГАСТОН. Совершенно верно. Не дают. Но и пугают. Мой французский ум не может понять, что с ними делать. Наш великий Бонапарт проиграл вам исключительно по этой причине. Он дошёл до Москвы и испугался ваших расстояний. Ему страшно стало идти куда-то дальше, он не знал, что делать с тем пространством, что он уже завоевал. Он бежал не от вас, он бежал от ваших пространств... И от непонимания - как вы можете ими управлять...

ПИСАТЕЛЬ. Любопытная версия.

ГАСТОН. Вы не осознаёте своего богатства и бездумно транжирите его... Вы, единая нация, так и не осознав это, умудрились рассориться друг с другом, хотя говорите на одном языке и у вас так много земли, что можно было бы просто разойтись так, чтобы не видеть друг друга. И вы, белые и красные, со временем помирились бы, не убивая друг друга.

ПИСАТЕЛЬ. И виноват во всём Пётр?

ГАСТОН. Пётр разделил ваше общество. Он научил вас преклоняться перед западом и заставил подражать нам.

ПИСАТЕЛЬ. Но помнится у Ивана Грозного был друг Курбский, который предал его и воевал против России.

ГАСТОН. Ты думаешь я не знаю об этом?... Я слишком долго прожил в вашем Петра творенье, у меня было время многое узнать. Ты ведь знаешь, что охотнее всего познают страну чужаки... Курбский хотел дружбы с западом, с христианами, союза против мусульман, турок. Он отговаривал вашего царя бить немцев и поляков с литовским княжеством.

ПИСАТЕЛЬ. Ну хорошо, не буду спорить. А спустя триста лет мы захотели стать нацией. И у нас это получилось?

ГАСТОН. Нет. Вы убили царя, что совсем не нужно было делать, но не сплотились. И в вашей новой стране, которую я не знаю настолько хорошо, слишком много тех, кто согласился с Петром и продолжает с завистью смотреть на нас. .

ПИСАТЕЛЬ (*после паузы*). А я?.. Я вам завидую?

ГАСТОН. Ты ещё не разобрался в себе... И боюсь не разберёшься...

ПИСАТЕЛЬ. Отчего же... Ты же сам сказал, что иностранец острее видит... Я иностранец в твоей стра-

не, мы поменялись местами. Позволь мне поделиться своими наблюдениями.

ГАСТОН. Не думаю, что ты скажешь что-то новое для меня... Но я послушаю.

ПИСАТЕЛЬ. Перед войной я был в Париже. Меня очаровывала простота и талантливость парижской жизни: возможность сидеть за столиками на любом тротуаре, осенённость каждой улицы деревьями, питьё кофе у стойки, курение в театре, ярмарки, балы, песни, монмартрские кадрили, любовь француза к шутке, кучерские цилиндры, чтение газет на козлах, гарсоны в полосатых жилетах... Нравились студенты, художники. Нравилось кладбище, я даже отыскал могилу Мопассана. Даже воробьи нравились. Да и ещё много всего, чего не стану перечислять, чтобы не утомлять и что вы знаете и без меня. А потом я присмотрелся к России, особенно к её театру, тропинками и дорогами которого она поднялась на высоты, которых современный Париж не знал ни в одном из своих искусств. И в следующие приезды я начал ощущать его провинциальность. И я понял того молодого парижского драматурга, который печатно имел смелость умолять своих коллег не писать о любви в течение десяти лет, надеясь, что за этот срок французское писательство отдохнёт, наберётся новых сил и свежести. А потом я понял, что это не провинциальность, а обыкновенная старость. Французы и русские - это старик и юноша.

ГАСТОН (*после паузы*). Мне надо подумать над твоими словами. Я считал, что ты тоже стесняешься говорить на своём языке...

ПИСАТЕЛЬ. Когда-нибудь я приглашу тебя в Россию.

ГАСТОН. Я буду помнить об этом. Пока буду жить... (*Уходит*).

Появляется Юдифь. Садится за столик к Писателю, кладёт свою руку на его.

ЮДИФЬ. Ты не обижайся на свою жену. Она тебя так долго ждала.

ПИСАТЕЛЬ. Она перестирала и перегладила все мои рубашки.

ЮДИФЬ. Тем самым она объяснилась тебе в любви.

ПИСАТЕЛЬ. Поразительно, что так делали все женщины, перед тем как уйти от меня.

ЮДИФЬ. Значит ты счастливый человек... Они помнят о тебе и молятся за тебя. И твоя жена сейчас молится о тебе. Хочешь, я помолюсь?

ПИСАТЕЛЬ. Тебе нравится здесь?

ЮДИФЬ. Мне нравится там, где я есть. Иначе можно сойти с ума.

ПИСАТЕЛЬ. Ты помнишь, что было до восемнадцати лет?

ЮДИФЬ. Это было счастье. Но эти воспоминания не радуют... И женщине особенно опасно в них возвращаться. Мы пуповиной связаны и с прошлым и с будущим... Мужчинам этого не понять.

ПИСАТЕЛЬ. Отчего же, у мужчин хорошее воображение.

ЮДИФЬ. Но его недостаточно, чтобы пережить роды.

ПИСАТЕЛЬ. А ты рожала?

ЮДИФЬ (*после паузы*). Я сама выбрала себе наказание.

ПИСАТЕЛЬ. Вот как?

ЮДИФЬ. Тот офицеришка из Лондона оставил во мне своё семя. Но я не могла позволить себе его сохранить...

ПИСАТЕЛЬ. А потом?

ЮДИФЬ. И была наказана... У меня не будет связи с будущим. Поэтому я боюсь вспоминать...

ПИСАТЕЛЬ. А ты хочешь вернуться?.. Нет, не во времени, я понял, что не хочешь, в пространстве...

ЮДИФЬ. Я боюсь вспоминать... Ты поостерегись этой девушки...

ПИСАТЕЛЬ. Почему?

ЮДИФЬ. Она очаровательна внешне, но у неё холодная европейская голова.

ПИСАТЕЛЬ. И чем же плоха такая голова?

ЮДИФЬ. Она не плоха, она опасна...

ПИСАТЕЛЬ. Чем?

ЮДИФЬ. Она владеет искусством плести интриги...

ПИСАТЕЛЬ. Ну и что?

ЮДИФЬ. Это более заманчиво, чем просто любить.

ПИСАТЕЛЬ. Ты хочешь сказать, что холодная европейская головка, как бы не была она прекрасна, не способна любить?..

ЮДИФЬ. Я этого не говорила.

ПИСАТЕЛЬ (*после паузы*). Чем же отличается её любовь от твоей любви?.. Или от любви моей жены?..

ЮДИФЬ. Бескорыстием. Его отсутствием. А ещё жалостью... Русские женщины умеют жалеть.

ПИСАТЕЛЬ. А мне кажется из русской любви просто ещё не выветрилось что-то истерически кошачье. Это оттого, что наша раса ещё молода, и у неё нет подлинного любовного опыта. Вот, к примеру, взять нашу русскую поэзию. Она ещё не потеряла заклинательных чар. Я сравнивал русскую любовь с любовью французской. Последняя более простая и ясная, с зачатками логики, принимающая вещи такими, какими они существуют на самом деле. И прежде она мне казалась более привлекательной...

ЮДИФЬ. А теперь?

ПИСАТЕЛЬ. Дениз оставила во мне частицу себя. Мудрый Кант заметил, что человек никогда не может

представить своего полного уничтожения и это одно из доказательств бессмертия души. Я не могу представить себе, что больше никогда не увижу Дениз и это тоже какое-то доказательство... Это - старость?

ЮДИФЬ. Ты должен сам разобраться. Но выдержишь ли ты очередное разочарование?

ПИСАТЕЛЬ. Как-то во сне ко мне пришёл отец. Он сказал, что я не виновен в том, что он передал мне душу не холодную и не горячую, ничего не желающую и ничего не желающую... Он сам получил такую от деда. И он утверждает, что это наша общая российская душа... На бескрайние степи, на наши леса, на сибирские просторы только такая душа и может быть отпущена...

ЮДИФЬ. Не говори ей об этом. Она тебя не поймёт.

ПИСАТЕЛЬ. А ты?

ЮДИФЬ. Если бы я тебя встретила тогда, вместо того молоденького офицеришка из Лондона...

ПИСАТЕЛЬ. Я тоже не забыл крымский берег...

ЮДИФЬ. Я пойду, а то Васенька умрёт от ревности. *(Уходит)*.

Появляется Директор.

ДИРЕКТОР. Я за тобой. Нам пора ехать...

Уходят.

Картина шестая.

Гаснет свет и когда он загорается, на сцене начинается карнавал. Испанские костюмы, испанские ритмы, быки и тореадоры. Сценки корриды, перезвон гитар, звук кастаньет... И в центре этого карнавала одетый тореадором Васенька и изображающая быка Юдифь. И над всем этим возвышается Директор.

ДИРЕКТОР. Синьориты и синьоры, бородатые, бритые, с усами и безусые, лысые и кучерявые, старые и молодые, верующие и неверующие! Впервые к вам приехала уникальная труппа!.. Её так долго не отпускал Париж. Ей рукоплескали все без исключения столицы Европы. Но она всегда стремилась сюда, в этот пламенный край, к горячим сердцам знающих, что такое настоящая страсть... Вы только посмотрите, как маленький тореадор поражает огромного быка!.. Так страсть преодолевает любые преграды на вашем пути... Приходите же на спектакль, старые и малые, родившиеся и неродившиеся, беременным солдатская скидка!.. Кто к нам в театр не ходит, тот человек дурной!.. Итак, граждане, запишите или пометьте у себя на штанах: цены революционные!

Ещё некоторое время живёт карнавал, затем, оставив расцвеченный его следами пол, уходит.

Потом на сцене проявляется фрагмент зрительской трибуны на корриде. И появляется Писатель.

ПИСАТЕЛЬ. Я люблю переезжать границы. Неважно чьи. Но на этот раз, когда на таможне достал паспорт, вдруг представил, что это и есть самый яркий и священный день, о котором я грежу, и я пересекаю русскую границу... Ещё несколько шагов и меня, как каплю в океане, со всех сторон окружит русская речь... Когда-то отец мне говорил, что каждое слово имеет одежды праздничные и будничные. В прозе - слово в одеждах будничных, в стихах - в праздничных. У Пушкина, у Шекспира, у Гёте - слово в одеждах коронационных - тех, что хранятся под стёклами и вынимаются раз в триста лет. А сейчас мне кажется, что каждое русское слово, пусть даже самое грубое, в коронационных одеждах... Но вокруг меня

сейчас испанская речь. Испанская проза... Испания напоминает мне Россию. Каким-то своим воздухом. Какими-то своими линиями. Каким-то особым обхождением... Или же взрывчатостью характера, этой страстью соприкоснуться с опасностью, верой в своё бессмертие...

Поднимается между рядами и садится в самом верхнем ряду. Появляется Васенька.

ВАСЕНЬКА. Я убью!

ПИСАТЕЛЬ. Кого из них?

ВАСЕНЬКА. Ты всё знаешь.

ПИСАТЕЛЬ. Совершенно ничего. *(Спускается вниз).*

ВАСЕНЬКА. А зачем уточняешь?

ПИСАТЕЛЬ. Ты же не сказал, кого конкретно.

ВАСЕНЬКА. Естественно, его... Ты не смотри, что я карла... Да, я урод, меня в спиртовой банке держать надо. Но я подскочить могу, подпрыгнуть и уж тогда извините... - ножик будет в спине.

ПИСАТЕЛЬ. О ком ты?

ВАСЕНЬКА. Я знаю, она тебе тоже нравится. Но Дениз не отпустит тебя. А он влюбился в мою жену.

ПИСАТЕЛЬ. Мне догадаться?.. Я слишком долго отсутствовал и к тому же эти туманы...

ВАСЕНЬКА. *(саясь на место в первом ряду).* Это Директор. Он не даёт ей проходу.

ПИСАТЕЛЬ. Она тебе об этом сказала?

ВАСЕНЬКА. Что же, я не вижу сам?.. У меня глаза лучше, чем у тебя.

ПИСАТЕЛЬ. Но даже если это так... Она ведь не даёт ему повода...

ВАСЕНЬКА *(шёпотом)*. Она может его пожалеть. И дать из жалости.

ПИСАТЕЛЬ (*сидясь рядом, после паузы*). Я об этом как-то не подумал.

ВАСЕНЬКА. Потому что Дениз не умеет жалеть.

ПИСАТЕЛЬ (*после паузы*). А я и не люблю, когда меня жалеют.

ВАСЕНЬКА. Тебе надо побыть в моей шкуре... Но у меня тоже есть свои преимущества.

ПИСАТЕЛЬ. Какие?

ВАСЕНЬКА. Этого я никому не скажу.

ПИСАТЕЛЬ. Даже ей?

ВАСЕНЬКА. А ей тем более.

Появляется Директор.

ДИРЕКТОР. Вот вы где. (*Васеньке*). Ладно этот бездельник прохлаждается, ему не надо на сцену, а ты почему не репетируешь?

ВАСЕНЬКА. Твои репетиции мне вот где. (*Проводит рукой по горлу*). Я когда-нибудь соскочу с катушек и тебя прирежу.

ДИРЕКТОР. Юдифь не позволит.

ВАСЕНЬКА (*вставая, с угрозой*). Что, уже спелись?.. Я ей сейчас... (*Убегает*).

ДИРЕКТОР. Недоделок... (*Писателю*). Не опаздывай. Дениз здесь?

ПИСАТЕЛЬ (*вскакивая*). Дениз? Ты её видел?

ДИРЕКТОР. Я её отца видел.

ПИСАТЕЛЬ. Хорошо, я не опоздаю.

Директор уходит и по дороге чуть не сталкивается с Юпитером. Тот быстро идёт к Писателю и останавливается перед ним в воинственной позе.

ЮПИТЕР. Вот я тебя и разыскал.

ПИСАТЕЛЬ. Я и не скрывался.

ЮПИТЕ. Не лги. Ты убежал от меня. Ты прятался, зная, что сделал так, как поступают все носители временной совести... Или совсем не имеющие её.

ПИСАТЕЛЬ. Я никому ничего не сделал.

ЮПИТЕР. Она всё рассказала.

ПИСАТЕЛЬ. Кто она?

ЮПИТЕР. Я всегда чувствовал, что ты несёшь в себе опасность... Но как ты умудрился обвести вокруг пальца семейный совет?

ПИСАТЕЛЬ. Объяснитесь, наконец.

ЮПИТЕР. Вы разбили жизнь молодой и неопытной девушки... Мой юный коллега, табачный король, бросил к её ногам всё... Он обворожителен и богат как бог. Она не знала бы с ним горя... И какой-то проходимец, любитель гостиниц вмешивается и разрушает такой союз...

ПИСАТЕЛЬ. Любитель гостиниц - это я... А союз?.. Ваша дочь всё-таки отказала жениху?

ЮПИТЕР. Этот проходимец лишил её невинности!

ПИСАТЕЛЬ. Жених?

ЮПИТЕР. Не изображай из себя агнца. Вы отлично отблагодарили меня, человека, который ввёл вас в свой дом..

ПИСАТЕЛЬ. Я?

ЮПИТЕР. Какое лицемерие... Нет, не зря я никогда не уважал лицедеёв.

ПИСАТЕЛЬ. Какая... не знаю даже как назвать... Раньше за это вызывали на дуэль...

ЮПИТЕР. Какая наглость!.. А я не стану вызывать тебя на дуэль и ничего от тебя не требую. Меня только удивляет твоё лицедейство и то, что Дениз не призналась ему до венца...

ПИСАТЕЛЬ. В чём она ему призналась?.. И причём здесь я?

ЮПИТЕР. Я вижу, вы - не джентльмен, вы - не рыцарь... Вы - приказчик из галантерейной лавки...

ПИСАТЕЛЬ. Кто вам оболгал меня?.. Кто бы это не был, он мошенник... Как и вы...

Появляется Дениз. У неё прекрасное настроение. Она подходит к Писателю, целует его в щёку.

ДЕНИЗ. Теперь так легко... Долг, действительно, тяжёл и неприятен. Наверное делать всё как должно - это и есть самое жестокое наказание.

ЮПИТЕР. И ты его целуешь?

ДЕНИЗ. В благодарность. За избавление от долга.

ЮПИТЕР. Твой муж из благородной семьи.

ДЕНИЗ. У него прыщи и он пахнет молоком.

ЮПИТЕР. Это скоро пройдёт... А вот этот (*кивает на Писателя*) скоро запахнет козлом.

ДЕНИЗ. Ну и что...

ЮПИТЕР. Он тебя уже околдовал?.. Как ты могла именно ему подарить свою непорочность?

ПИСАТЕЛЬ (*Дениз*). Твой отец обвиняет меня в том, чего не было...

ДЕНИЗ. Почему не было?

ПИСАТЕЛЬ. Потому что... Ты ведь меня сегодня первый раз поцеловала... И мы никогда не обнимали друг друга...

ДЕНИЗ. Для этого необязательно прикасаться.

ЮПИТЕР (*Дениз*). Так... Но ты сказала, что не можешь обмануть своего жениха и войти в его спальню не девушкой.

ДЕНИЗ. Ну да, это правда... Я проигрывала будущую ситуацию...

ЮПИТЕР. Бедный юноша... Ему придётся курить свои сигары в одиночестве. (*Дениз*). Но ты меня не заговаривай... И оставь этого козла... Если тебе не нравится твой муж, я найду тебе другого. Хочешь парфюмерного короля?.. У него не будет прыщей и он не будет пахнуть молоком.

ДЕНИЗ. Мне не хочется бога. Мне нравится, когда пахнет грехом.

ЮПИТЕР. Это мы обсудим на семейном совете.

ПИСАТЕЛЬ. Похоже я здесь лишний...

ДЕНИЗ. Ну что ты (*берёт Писателя под руку*). Нам с тобой по пути... Ты ведь теперь счастлив, здесь в Испании так много солнца... Как у тебя на родине.

ПИСАТЕЛЬ. Да, как на родине.

ДЕНИЗ. И ты теперь научишь меня жить, когда много солнца и научишь быть счастливой?

ПИСАТЕЛЬ. Научу.

ЮПИТЕР. Не верь ему.

ДЕНИЗ. Я знаю, что мне делать.

ЮПИТЕР (*писателю*). Не верь ей.

ПИСАТЕЛЬ. Не могу.

ЮПИТЕР. Тогда попрошу оставить меня... (*Уходит*).

ПИСАТЕЛЬ (*после паузы*). Так у тебя есть муж или нет?

ДЕНИЗ. Это не имеет значения. Идём туда, где много солнца...

Появляется Человек.

ЧЕЛОВЕК. Буоно диес, синьор. Мне нужно с вами поговорить.

ПИСАТЕЛЬ. Со мной?

ЧЕЛОВЕК. Да, синьор. Но только с вами наедине.

ПИСАТЕЛЬ (*Дениз*). Иди, я тебя догоню.

ДЕНИЗ. Хорошо, милый. (*Уходит*).

ЧЕЛОВЕК. Вы меня не помните?

ПИСАТЕЛЬ. Нет.

ЧЕЛОВЕК. Ну как же... А те пять бутылок шампанского?

ПИСАТЕЛЬ. Пять бутылок?

ЧЕЛОВЕК. Ну да... Которые оставила ваша женщина для вас, а вы велели выпить их мне.

ПИСАТЕЛЬ. Это был Париж, а здесь Мадрид.

ЧЕЛОВЕК. Это неважно...

В это время слышится шум, похожий на шум возбуждённой толпы.

ЧЕЛОВЕК. Вы слышите?.. Что-то происходит на улице.

ПИСАТЕЛЬ. Вероятно, вырвались быки.

ЧЕЛОВЕК. А запах? Вы слышите этот запах, синьор?

ПИСАТЕЛЬ. Ничего особенного. У меня плохо с обонянием...

ЧЕЛОВЕК. Это же запах гари.

ПИСАТЕЛЬ. Значит палят свинью к обеду.

ЧЕЛОВЕК. Нет синьор, это горит монастырь.

ПИСАТЕЛЬ. Вот как... Это случайность или революция?

ЧЕЛОВЕК. Это революция.

Пауза.

ПИСАТЕЛЬ. Закрой окно...

ЧЕЛОВЕК. Я вас не понимаю, синьор.

ПИСАТЕЛЬ. Ещё бы ты мог понять меня, когда я говорю по русски.

ЧЕЛОВЕК. В наших школах не преподают русского языка. А жаль... Надо бы знать язык, который несёт свет всему миру.

ПИСАТЕЛЬ. Однако ты революционер.

ЧЕЛОВЕК. Я симпатизирую всем угнетённым.

ПИСАТЕЛЬ. И ради этого надо жечь монастыри?.. Ты об этом хотел поговорить со мной наедине?

ЧЕЛОВЕК. Нет, я к вам по делу... Он хочет дуэль...

ПИСАТЕЛЬ. Кто?

ЧЕЛОВЕК. Муж.

ПИСАТЕЛЬ. Прыщавый юнец?

ЧЕЛОВЕК. У него нет прыщей.

ПИСАТЕЛЬ. Он пахнет молоком.

ЧЕЛОВЕК. Он не терпит молока. А пахнет он исключительно сигарами. Он ведь табачный король.

ПИСАТЕЛЬ. У тебя плохое обоняние.

ЧЕЛОВЕК. Но запах гари я различил.

ПИСАТЕЛЬ. Это разные запахи. Это ощущается не обонянием.

ЧЕЛОВЕК. А чем же ещё?

ПИСАТЕЛЬ. Вы даже не почувствовали, что горит библиотека. Вам всё равно, если она тоже сгорит вместе с монастырём..

ЧЕЛОВЕК (*после паузы*). Да, всё равно...

ПИСАТЕЛЬ (*после паузы*). Вы правы... Пусть горят... Все книги, кроме одной... Даже не книги. Первой главы Бытия. В ней ключ.

ЧЕЛОВЕК. Ключ к чему?

ПИСАТЕЛЬ. Это вы никогда не поймёте...

ЧЕЛОВЕК. Но всё-таки, что ему сказать? Вы струсили?

ПИСАТЕЛЬ. О чём вы?

ЧЕЛОВЕК. О дуэли, естественно.

ПИСАТЕЛЬ. Хорошо. Пусть будет дуэль.

ЧЕЛОВЕК. Я не сомневался в вашей смелости.

Человек уходит. Писатель направляется туда, куда ушла Дениз, но сталкивается с удручённым и непривычно тихим Директором.

ПИСАТЕЛЬ. Я кажется уже везде опоздал?

ДИРЕКТОР. Уже некуда спешить

ПИСАТЕЛЬ. Предполагаешь, что огонь перекинется на театр?

ДИРЕКТОР. Чёрт с ним, с театром... Но вот костюмы, бутафория, реквизит...

ПИСАТЕЛЬ. Да, без них маскарад может не получиться... Но плюнь на это барахло, всё проходит.

ДИРЕКТОР. Ты не пьян?

ПИСАТЕЛЬ. Разве что от будущего.

ДИРЕКТОР. Может ты действительно влюблён?

ПИСАТЕЛЬ (*подумав*). Не знаю... Нет.

ДИРЕКТОР. Но ты же говорил?

ПИСАТЕЛЬ. Я люблю.

ДИРЕКТОР (*после паузы, с обидой*). Ну да, оттенки могучего... Тебе уже сорок пять. Из них половину срока ты его не слышишь... Что прилично Юпитеру, то неприлично быку.

ПИСАТЕЛЬ. Юпитер здесь не причём... Хотя, если разобраться... Но меня сейчас заботит другое. Мне нужен секундант.

ДИРЕКТОР. Я не ослышался?.. Повтори, кто тебе нужен, кроме Дениз?

ПИСАТЕЛЬ. Ты не ослышался.

ДИРЕКТОР. Ну да... А я последние ночи совсем не сплю и всё думаю, чего мне не хватает?.. Теперь понял, мне не хватает быть твоим секундантом... Между прочим, билетов на представление почти не продано, я не знаю, что завтра буду платить всем вам...

ПИСАТЕЛЬ. Врач не может отказать в помощи больному, священник - в последней молитве умирающему. Друг - в просьбе о секундантстве.

ДИРЕКТОР. Ну, а если после этого я останусь один на весь зверинец?.. Кто заменит тебя?

ПИСАТЕЛЬ. Ты. Всё равно же сборов не будет.

ДИРЕКТОР. Таких пророков, как ты, в Иудее побивали камнями...

ПИСАТЕЛЬ. Я знаю более близкие примеры.

ДИРЕКТОР. Где наш старик Юпитер? Он может уладить всё дело.

ПИСАТЕЛЬ. У него божественные заботы.

ДИРЕКТОР. А кто будет вторым секундантом? Их ведь должно быть два, насколько я помню.

ПИСАТЕЛЬ. Васенька.

ДИРЕКТОР. Карла?!. Рядом со мной? Ты соскочил с ума...

ПИСАТЕЛЬ. Тебе лучше быть рядом с ним.

ДИРЕКТОР. Почему?

ПИСАТЕЛЬ. Чтобы он не подумал, что в это время ты с Юдифь.

ДИРЕКТОР. Пусть думает, что с того.

ПИСАТЕЛЬ. Он тебя зарежет.

ДИРЕКТОР. Глупости. Это говорит твоё воспалённое воображение. Можно понять, дуэли не каждый день...

ПИСАТЕЛЬ. Это не воображение. Он заверил меня в этом. И я перестал сомневаться... Тореадоры тоже не велики по сравнению с быком, но они знают куда вонзить шпагу...

ДИРЕКТОР. Глупости...

Появляется Юпитер.

ДИРЕКТОР (*Юпитеру*). А он сказал, что вас нет.

ЮПИТЕР. Он как всегда лжёт. (*Писателю*). Где Дениз?

ПИСАТЕЛЬ. Я хотел спросить об этом вас.

ДИРЕКТОР (*писателю*). Так я больше тебе не нужен?.. У вас похоже семейный разговор, не буду мешать.

ЮПИТЕР (*писателю*). Это кто?

ПИСАТЕЛЬ. Он хочет, чтобы вы подарили ему театр.

ЮПИТЕР. Пусть обратится позже...

ДИРЕКТОР. Я не ослышался?

ЮПИТЕР. Если он ещё задержится здесь, я могу передумать.

ДИРЕКТОР. Исчезаю... Окрылённый...

ЮПИТЕР. Я повторяю свой вопрос, где Дениз?

ПИСАТЕЛЬ. У меня дуэль с её женихом-мужем.

ЮПИТЕР. Это меня не интересует. Дениз скрылась.

ПИСАТЕЛЬ. То есть, как скрылась?

ДИРЕКТОР. Очень просто. Как скрываются жены от мужей. Не делайте вид, что у вас нет опыта.

ПИСАТЕЛЬ. От меня они просто уходили.

ЮПИТЕР. Значит она ушла и от тебя. Это меня радует. (*Уходит*).

Писатель остаётся один. Опускается на ту скамейку, на которой сидел Васенька.

ПИСАТЕЛЬ. Я догадываюсь, что за секрет есть у этого карлы...

Появляется Дениз.

ПИСАТЕЛЬ (*поднимаясь навстречу*). Что всё это значит?

ДЕНИЗ. Я вижу только тебя и меня.

ПИСАТЕЛЬ. Зачем ты лгала?

ДЕНИЗ. Тебя я люблю и тебе лгать не буду. Можно лгать только тем, кого не любишь. Ложь убивает любовь.

ПИСАТЕЛЬ. Но зачем ты сказала, что я был твоим любовником?

ДЕНИЗ. Чтобы муж отвязался от меня.

ПИСАТЕЛЬ. И что же?

ДЕНИЗ. И он отвязался.

ПИСАТЕЛЬ (*негромко*). И привязался ко мне.

ДЕНИЗ. Ты будешь моим первым... Я выросла в тумане и всегда мечтала о солнце, которого не знала... А ты не дорожил тем, что у тебя было.

ПИСАТЕЛЬ. Я дорожил... Но это многим не нравилось... Мне не хочется говорить об этом.

ДЕНИЗ. Это будет разделять нас...

ПИСАТЕЛЬ. По Полярной звезде я отыскал Россию, но там только маленькая груда камней моего дома, моего театра... В моей комнате спит кто-то чужой, покойной ему ночи... А вот мой театр сегодня, как всегда, был, вероятно, полон...

ДЕНИЗ. Почему ты не любишь наши туманы?

ПИСАТЕЛЬ. Я не могу в них ориентироваться.

ДЕНИЗ. Это так просто. Их надо полюбить и всё.

ПИСАТЕЛЬ. Если ты хочешь...

ДЕНИЗ. Я поделюсь с тобой своим умением (*берёт его за руку*). Теперь тебе нетрудно это делать...

ПИСАТЕЛЬ. Ты уверена?

ДЕНИЗ. Да... Теперь ты сможешь найти меня... (*Уходит*).

ПИСАТЕЛЬ. Я найду... Интересно, когда будет дуэль, будет туман или солнце?.. Отчего вдруг я вижу грустный российский зимний день?.. Отчего в тот день, день похорон отца, моя старая заплаканная тётушка пришла ко мне в комнату, присела на диван и сказала: «Теперь ты влюбишься». «Почему?» - спросил я. «Потому что душа отца будет искать выхода» - сказала она... А я тогда ничего не понял, потому что писал свою пьесу и страдал от того, что пьеса, написанная для театра, - безнадежна, если в ней нет роли для зрителя...

Появляется Человек.

ЧЕЛОВЕК. Я пришёл за тобой.

ПИСАТЕЛЬ. Пора?

ЧЕЛОВЕК. Да.

ПИСАТЕЛЬ. А мои секунданты?

ЧЕЛОВЕК. Они уже на месте.

ПИСАТЕЛЬ. Вот как? Оба?

ЧЕЛОВЕК. Да.

ПИСАТЕЛЬ. А я вспоминал дом и отца.

ЧЕЛОВЕК. И то, о чём он тебя просил?

ПИСАТЕЛЬ. О чём, напомни...

ЧЕЛОВЕК. Неужели ты забыл?

ПИСАТЕЛЬ. Ах да... Я ещё не говорил об этом Дениз....

ЧЕЛОВЕК. Ты должен ей сказать.

ПИСАТЕЛЬ. Да, верно, должен... А может я лучше ей напишу?... О том, что если у неё родится сын, пусть она выучит его русскому языку. И воспитает в православной вере... А писать о том, как дядька вмешался?

ЧЕЛОВЕК. Твоё дело. А что он сказал, напомни?

ПИСАТЕЛЬ. Стоит ли... Столько всего произошло...

ЧЕЛОВЕК. Я буду мучиться. Это не гуманно.

ПИСАТЕЛЬ (*пристально глядит на него*). Это всё ваши туманы, отсутствие горизонта... Хорошо... Он сказал, что нерусская девка родит твоего сына. Смешиваешь кровь, дурак...

ЧЕЛОВЕК. А кто её сегодня не смешивает.

ПИСАТЕЛЬ. Так я напишу?

ЧЕЛОВЕК. Оно получится длинным, а у нас нет времени.

ПИСАТЕЛЬ. Да, надо идти... Хотя, любопытно, как новая жизнь будет строиться в ней, из сцепления двух кровей: антверпенской и российской... Но дано ли мне это узнать?..

Картина седьмая

И вновь возвращается прежняя декорация в кафе под вывеской «Ротонда». За столиками теперь расположились все действующие лица, включая Челове-

ка, который стоит с перекинутым полотенцем рядом с Женой Писателя. Нет только Писателя.

Жена Писателя снимает скатерть с цветами французского флага и застилает сшитую из двух флагов: русского и французского.

ЖЕНА ПИСАТЕЛЯ. Он не вернулся в Россию. Остался здесь, правда среди своих, таких же, тоскующих по родине. Я, когда позволяет здоровье, прихожу к нему. Мой последний муж упокоился в другом месте, но я прихожу только к нему. И всё пытаюсь разглядеть отчего-то совершенно стёртую дату его ухода... Дата рождения есть, она видна отчётливо, а почему нет даты ухода, никто из тех, кого я спрашивала, не знает... И если душа его отца искала выхода в нём, то в ком ищет теперь выхода его душа?.. Я не знаю, что с ним произошло после того, как мы расстались... Наверное, он был счастлив, ведь я так молилась за него...

ЧЕЛОВЕК (наклонившись). Мадам, я выпил все пять бутылок шампанского и навсегда разлюбил его вкус.

ДИРЕКТОР. Разве можно кого-нибудь из нас заменить?

ЮДИФЬ. Не следует торопиться забывать прошлое.

ГАСТОН. Всё-таки, самая замечательная еда - осетровая солянка.

ВАСЕНЬКА. Вы не представляете, как обижает, когда на тебя смотрят сверху вниз.

ЮПИТЕР. Богам надо бы почаще посещать эту землю...

ДЕНИЗ. Почему нельзя, чтобы было одновременно и солнце и туман?..

Все продолжают сидеть за столиками.

Занавес медленно закрывается.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ

Действующие лица:

Ленский Владимир Ильич - турист

Smirnoff Георгий Георгиевич - эмигрант

Евгений - представитель меньшинств нетрадиционной ориентации

Эльза (Лиза) - дочь Смирнова

Илья (Уильям) - муж Ээльзы.

Соотечественница

Картина первая.

Комната, в которой обстановка шестидесятых годов прошлого века: массивный чёрный диван, круглый стол, венские стулья, этажерка, комод, шкаф... Стены плотно завешены картинами с русскими пейзажами явно не мастеров кисти. Слышится голос: «Ну, а теперь я покажу тебе свою берлогу». Входят Smirnoff и Ленский. Первому лет шестьдесят, Ленский на десяток лет младше. Но внешне они не очень отличаются, разнятся одеждой и выражением лиц. В Ленском сразу виден приезжий и он не скрывает своего восторга.

SMIRNOFF. Входи, входи.

ЛЕНСКИЙ. Ну у тебя и особнячок, заблудиться можно. Я о таком только мечтать могу... Во сколько обошёлся?

SMIRNOFF. Недёшево... А остальное? *(Обводит руками и ожидает реакцию Ленского).*

ЛЕНСКИЙ. А это что?.. Музей?.. Кабинет деятеля советского периода? *(Оглядывается).* Явно, что не твой периода перестройки.

SMIRNOFF. Почти угадал. Дом-музей моего детства.

ЛЕНСКИЙ *(после паузы)*. Правда что ли? И ты в этом жил?

SMIRNOFF. А прошлого стыдиться не надо.

Ленский обходит комнату, дотрагиваясь до каждого предмета, останавливается возле этажерки.

ЛЕНСКИЙ. Этого не припомню. Для чего?

SMIRNOFF. Этажерка называется.

ЛЕНСКИЙ. Интересное название эта - жерка. Или от слова этаж... Раз, два, три, четыре этажа... По-видимому, что-то ставить.

SMIRNOFF. Интеллигенты книги ставили. Их было тогда мало и считались предметом роскоши.

ЛЕНСКИЙ. Сегодня тоже... роскошь... *(Разглядывая картины)*. Да у тебя тут галерея русской природы.

SMIRNOFF. Для релаксации.

ЛЕНСКИЙ. Понятно. Впечатляет... На сколько же это миллионов... фунтов?

SMIRNOFF. На любителя может и на миллионы, хотя шедевров здесь нет.

ЛЕНСКИЙ. А ты любитель?

SMIRNOFF. Слушай, тебе обязательно надо за границей пожить. Не неделю-две, как ты высказываешь в свои круизы, а хотя бы годик... Сезонный цикл.

ЛЕНСКИЙ. Да я бы совсем здесь остался! Наша рашка в печёнках уже сидит... Кстати, а как тут погода? Второй день солнце светит. А говорят, туманный Альбион?.. Да у нас дома туманов больше. Особенно осенью. Ты не знаешь, почему так называют?

SMIRNOFF. Чтобы сюда меньше стремились эмигранты.

ЛЕНСКИЙ. Но тебя же это не испугало. Так и остальных... Вон как рвутся, даже потопа не боятся...

SMIRNOFF. Я не из трусливых, ты не забыл?

ЛЕНСКИЙ. Я не о тебе. О нашей бурной юности как можно забыть...

SMIRNOFF. А я предлагал тебе рискнуть... Теперь бы жили рядом, по пятницам ходили в паб...

ЛЕНСКИЙ. Да, предлагал, но я не из рисковых... Да, признаться, и не понял тогда ещё, что воровать можно безнаказанно.

SMIRNOFF. Вот это честное признание, а то не рисковый... Я помню, как ты тогда под стволом не сдрейфил... Я сам тогда слабину дал... Так что вовек тебе благодарен...

ЛЕНСКИЙ. Ладно, чего вспоминать, было - прошло... К тому же иных уж нет, а кто, как ты, далече...

Смирнов проходит к комоду, выдвигает верхний ящик и достаёт несколько фотографий.

SMIRNOFF. Хорошие ребята были... Лёша Стаднюк, Кира Осин, Геныч...

ЛЕНСКИЙ (*разглядывая фотографии*). Да, такими мы были... И их уж нет... А мы с тобой в твоей берлоге...

Входит Илья (Уильям).

ИЛЬЯ (*Уильям*). Good day! Father, вам нужна вода в ванной?

SMIRNOFF. Что, опять не закрыл?

ИЛЬЯ (*Уильям*). Вы никак не привыкнете экономить.

SMIRNOFF. Что правда, то правда, никак не привыкну, зятьёк.

Илья (Уильям) мнётся, хочет что-то добавить, но потом, недовольно ворча по-английски, уходит.

ЛЕНСКИЙ *(с улыбкой)*. Значит ты так и не отвык от этой расточительной привычки... Ну да, у нас не Лондон, воды залейся.

SMIRNOFF. Не его деньги, но прижимистый. Его бы в своё время в ОБХСС - цены бы не было.

ЛЕНСКИЙ. Значит, это твой зять... Родня выходит, англицкая.

SMIRNOFF. Сам пока не пойму... Привела, папа, говорит, вот нагуляла от него, надо теперь содержать, как чистокровного европейского производителя.

ЛЕНСКИЙ. А что он такой неприветливый, ни здарсьте, ни до свидания.

SMIRNOFF. Он толерантный.

ЛЕНСКИЙ. Это что?

SMIRNOFF. А это значит, никого не вижу, ничего не слышу...

ЛЕНСКИЙ. А я думал - терпила.

SMIRNOFF. Ну да, и это тоже.

ЛЕНСКИЙ. Бизнесмен?

SMIRNOFF. Ага, бесштаный... Клерк в какой-то строительной конторе, каким-то абрамовичам-рабиновичам переводит.

ЛЕНСКИЙ. То-то шпарит по-русски не хуже меня.

SMIRNOFF. Это потому что часто эту фразу повторяет... Твой бизнес-то при нынешнем режиме ещё на плаву?

ЛЕНСКИЙ. Какой бизнес, так на поддержание штанов...

SMIRNOFF. На икорку-то хватает?

ЛЕНСКИЙ. На маслице. Икорка вприглядку. Масштабы уже не те... Да и налогами обложили, поборами разными, не продыхнуть... Ты же помнишь нашу систему, чем выше инстанция, тем больше ложка и в каждую накладывай... А за эти годы они ещё и размножились делением, как инфузории...

SMIRNOFF. Я тут на досуге историю страны родной в интернете почитываю и кое во что врубаться начинаю. Не будет тебе легче, не жди.

ЛЕНСКИЙ. Да вроде как сейчас борются за светлое будущее... У коммунистов не получилось, теперь вот чиновники с олигархами вместо них. А народный фронт у нас теперь вместо народного контроля...

SMIRNOFF. Ага, нанайские мальчики... Давай офшор устрою... Перестанешь бездельников кормить.

ЛЕНСКИЙ. Не те масштабы... У тебя-то как... Всё на мази?

SMIRNOFF. Проценты капают, хватает пока... Но скучно, ты знаешь... Тут всё пресно, скулы воротит... Иногда так хочется в Россию, на морды ненавистные посмотреть, адреналинчиком встряхнуться, молодость вспомнить... Всё-таки какие были времена... И какие мы в них...

ЛЕНСКИЙ. Стареешь, однако.

SMIRNOFF. Нет, от тоски вою... Между прочим, где-то и мы тут с тобой отдельно были. Когда на Кипр полетели... Сейчас найду. *(Достаёт ещё несколько фотографий, перебирает)*. Ага, вот они. *(Протягивает Ленскому)*.

ЛЕНСКИЙ. Да, лихо мы тогда вывернулись.

SMIRNOFF. Вовремя всё перевели.

ЛЕНСКИЙ. Зря я потом свою долю забрал.

SMIRNOFF. Надо было меня слушать. Я тебе говорил, лучшее враг хорошего. Но тебе же миллиона мало было, надо было десять...

ЛЕНСКИЙ. Ты прав, Жора. Но тебя обстоятельства вынудили, нельзя было тебе возвращаться, а так ведь вернулся бы. Я помню, ты тоже хотел больше, жалел, что не можешь вернуться.

SMIRNOFF. Ты прав, вернулся бы. И остался навсегда... На чужбине лучше родное понимаешь...

Если что, отсидел бы своё... Большое, действительно, видится на расстоянии.. Но не сложилось, а теперь даже в турпоездку съездить не могу...

ЛЕНСКИЙ. Ну и жалеть не о чем. За эти годы лучше не стало. Беспредела, правда, поубавилось, но чиновник всё также жаден и ненасытен... Так что нечего тебе там делать... А мне тут у вас так хорошо, спокойно... До наших пиявок далеко... Давай меняться... Я тебе свой бизнес, а ты мне - проценты... На вклады не претендую.

SMIRNOFF. Узнаю Ильича... Весь желанием в партийного предтечу социализма, мимо халявки не пройдет...

Входит Эльза (Лиза). Видно, что она беременна.

ЭЛЬЗА (Лиза). У тебя гость?

SMIRNOFF. Илюша доложил?

ЭЛЬЗА (Лиза). Почему доложил, сказал. *(Ленскому)*. Здравьте... Как там Москва?

ЛЕНСКИЙ. Я из провинции.

SMIRNOFF. Он из нашей провинции. Это Владимир Ильич. Он тебя вот такой знал *(показывает рост)*.

ЛЕНСКИЙ. Даже меньше. А вот имя забыл.

ЭЛЬЗА (Лиза). Эльза... Нет, если знали, лучше Лиза... А почему не Владимир Владимирович?

SMIRNOFF. Лиза, не обижай моего друга юности. Он из оппозиции. *(Ленскому)*. Ты же из оппозиции?

ЛЕНСКИЙ. Избави Бог.

SMIRNOFF. Он всегда был осторожным... Поэтому и настоящее французское шампанское не пьёт.

ЛЕНСКИЙ. Устриц тоже терпеть не могу.

ЭЛЬЗА (Лиза). Мы с Ильёй прогуляемся. К ужину придём.

SMIRNOFF. А мы в паб ходим...

ЭЛЬЗА (Лиза). Как всегда?

SMIRNOFF. Да, в свой.

ЭЛЬЗА (Лиза). Мы заглянем, если настроение будет.

Эльза (Лиза) уходит.

ЛЕНСКИЙ. Так я не понял, он что, русский, из эмигрантов?

SMIRNOFF. Кто?

ЛЕНСКИЙ. Твой зять.

SMIRNOFF. Англичанин. Чистокровный.

ЛЕНСКИЙ. А почему Илья?

SMIRNOFF. Перекрестили. Уильям он. Но язык ломать не хочется.

ЛЕНСКИЙ. И откликается?

SMIRNOFF. Куда денется. На содержании. Да что мы о пустяках. Ты мне лучше о родине... Я вот тут занялся историей... *(Выдвигает другой ящик комода и достаёт портреты российских императоров)*. И ты знаешь, весьма занимательно получается...

ЛЕНСКИЙ *(тыча пальцем в портрет)*. А это кто?

SMIRNOFF. Ну брат, чему тебя в школе и институте учили.

ЛЕНСКИЙ *(вглядываясь)*. Понял, цари-батюшки... А учил я то же, что и ты в своё время, историю СССР, потом историю КПСС, диамат... Забыл?

SMIRNOFF. Вон сколько лет уже землю топчешь и интернет есть, мог бы наверстать упущенное, поинтересоваться корнями.

ЛЕНСКИЙ. Зачем? Монархии у нас всё равно не будет.

SMIRNOFF *(забирая портреты)*. Это не монархи, это история... Которую ты и наши соотечественники ни черта не знают. Свою историю не знают.

ЛЕНСКИЙ. Отчего же: Иван Грозный - тиран. Пётр - реформатор. Александр, какой-то там по счёту, ну, который при Кутузове был, Освободитель. Кто там ещё... Николай - солдафон. А второй Николай, который последний царь - жертва революции и теперь святой...

SMIRNOFF. Да, познания - позавидуешь... Ты на сколько прикатил?

ЛЕНСКИЙ. Три дня ещё буду.

SMIRNOFF. За три дня не успею образовать тебя, всё-таки тысячелетняя история-то... А Иоанн Грозный тираном не был, он патриот истинный... Ты переписку его с Курбским читал?

ЛЕНСКИЙ. Слышал.

SMIRNOFF. Читать надо. А князь Курбский, сукин сын, хотя и эмигрант... Против Руси пошёл, с поляками... Пётр окно-то сюда прорубил, тут не поспоришь, но сколько народу сгубил... Александр Второй - либералом был...

ЛЕНСКИЙ. Да, ещё царицы у нас славные были. Особенно Екатерина, у которой Потёмкин любовником. Хотя и немка, а как Россию любила...

SMIRNOFF. Это ты по кино судишь?

ЛЕНСКИЙ. Ну да, интересный фильм.

SMIRNOFF. Только век от Екатерины Первой до Павла был гендерный... С переодеванием мужиков в женские платья и бабским непостоянством и интригами... После маменьки Павлу, сыну её, пришлось государство из этого гендерства да от фаворитов муштрой и дисциплиной отучивать. За что его и убили.

ЛЕНСКИЙ. А что ещё и Павел был?

SMIRNOFF. Н-да, Вова. У меня слов нет...

ЛЕНСКИЙ. Ладно, Жора, у меня другие учебники были, и заботы, сам знаешь, какие... Но ты заинтриговал. У меня где-то Карамзин лежит, приобрёл в годы дефицита, приеду, полистаю.... Не веришь?.. Пра-

вильно, читать некогда... Но в Википедии посмотрю и про Курбского и про Павла, это я тебе обещаю...

SMIRNOFF. Не любишь ты свою родину, не гордишься ею.

ЛЕНСКИЙ. А чем гордиться, Жора? Ты же в ней жил. Забыл, что ли, пустые магазины, очереди, талоны на закате социализма?.. Вот ты тут уже сколько лет живёшь?.. И ничего и никого не боишься, тебя закон охраняет. А у нас там, что ни закон, то против нас... Налоги непомерные... Всё на взятках, откатах, подкупках... В суде тебе сразу прејскурант на услуги...

SMIRNOFF. Что и по сей день так?

ЛЕНСКИЙ. А ты думал?.. Ты же глянь, кто у нас в думе, в правительстве... Всё те же, что и десять или даже двадцать лет назад... Что ты думаешь, они другими стали? Брать разучились? На американцев молиться перестали и к российскому народу повернулись? Да им Россия - вотчина с туземцами... Ты вот что, лучше не заводи меня, я отдыхать приехал... Давай лучше, по-англицки, о погоде... Правильная, всё-таки, традиция.

SMIRNOFF. Мы с тобой ещё в Гайд-парк ходим.

ЛЕНСКИЙ. Хочешь сказать, что у вас тут не так всё шоколадно?

SMIRNOFF. Посмотришь. (*Кладёт портреты в ящик и закрывает*). А историю своей страны знать надо. Без этого ни настоящего не поймёшь и не оценишь, ни будущего не провидешь.

ЛЕНСКИЙ. Чего-то я тебя не пойму, Жора. Ты какой-то другой стал... Ты что, нашу рашу любить начал? Ту, откуда бежать тебе пришлось?

SMIRNOFF. Я ненавижу. Но не рашу, не страну нашу с тобой, а власть вороватую и... Может быть и себя, того, прежнего... Ты знаешь, если так, попростому, то вся Россия - это половина Грозных и по-

ловина Курбских. Одна голова на запад вот уж сколько веков смотрит, другая на восток. Вот он, орёл-то российский, никак и не взлетит, эти две головы никак к согласию не придут, в какую сторону лететь...

ЛЕНСКИЙ. Давай о погоде, а... Или о бабах, что ли...

SMIRNOFF. О бабах нельзя... Тут официантку по заднице не хлопнешь... Тут, я тебе скажу, заповедник для бесполох и безмозглых...

ЛЕНСКИЙ. А может это и славно... Нет, то что не хлопнешь и не потискаешь, это плохо. А что для безмозглых, может и к лучшему...

SMIRNOFF. Ты это к чему?

ЛЕНСКИЙ. Да так, к слову... Слушай, а где Зинаида?.. Ты что-то говорил, но я так и не понял...

SMIRNOFF (*перебивает*). В Штатах...

ЛЕНСКИЙ. С новым, значит...

SMIRNOFF. Давай закроем тему.

ЛЕНСКИЙ. Хорошо, закроем.

SMIRNOFF. Ну вот, я тебе свою берлогу показал, пойдём дальше по ознакомительной программе...

Картина вторая

Уголок паба. За столом сидят Ленский и Smirnoff. Появляется Евгений.

ЕВГЕНИЙ. Георгий Георгиевич, добрый день. (*Кивает Ленскому*). Зашёл к вам, а вас нет. Догадался, что свой заповедный уголок вы не обойдёте. (*Смотрит на Ленского*). У вас разговор, я не помешаю?

SMIRNOFF. Садись, не церемонься... (*Ленскому*). Вот видишь, какие они здесь забытые... Нет, чтобы стул отодвинуть, сесть по-хозяйски... как мы в его годы... Вот гляди, на самый краешек примостился... Словно убежать уже собрался...

ЕВГЕНИЙ. Да ладно вам критиковать.

SMIRNOFF. А я не из вашей бедрастой шатиибратии. Я задом не вертел, не верчу и вертеть не буду.

ЕВГЕНИЙ (*глядя на Ленского*). Я на вас не обижаюсь.

SMIRNOFF. Попробовал бы... Ты вот что, погляди-ка лучше повнимательней на этого мужика. Что ты о нём можешь сказать?

ЕВГЕНИЙ. Что же я могу сказать... Я этого человека не знаю.

SMIRNOFF. Гляди лучше...

ЕВГЕНИЙ (*Ленскому*). Вы тоже эмигрант?

Ленский отрицательно качает головой.

SMIRNOFF. Какой эмигрант... Ты совсем нюх потерял в своём Париже. (*Ленскому*). Ладно, он не узнаёт, а ты-то, узнаёшь этого... Ну, по обличью если судить, всё-таки мужчину.

ЛЕНСКИЙ. Не припоминаю. Не встречались...

SMIRNOFF (*с довольным смешком*). Да нет, встречались вы, встречались...

ЛЕНСКИЙ. Жора, я пока на память не жалуюсь.

SMIRNOFF. Зато диалектику забыл... Ладно, я тебе подскажу. Он таким тогда, в прошлом, естественно, не был. Моложе был... Ну, напрягай извилины, циферблат открути...

ЛЕНСКИЙ. Да хоть убей... крути не крути...

SMIRNOFF (*Евгению*). И ты напряги... Только передние...

ЕВГЕНИЙ. А я не обижаюсь.

SMIRNOFF. Да ладно, что ты как попугай. Я твою ориентацию больше не трогаю. Ты вот вспомни, где видел этого мужика, и я тебе сам денег дам, просить не надо. Ты же опять за деньгами приехал?

Евгений молча наклоняет голову.

SMIRNOFF. Ну вот, опять твой гей-клуб себя не оправдал.

ЕВГЕНИЙ. Ну, это объяснимо, такие события...

SMIRNOFF. Погоди, ещё не то будет... Они скоро и тебя вместе с твоим грешным притоном сожгут.

ЕВГЕНИЙ. Не накликайте.

SMIRNOFF. А чего кликать-то. И так скоро побегите из своей республики. Допрыгались со своей свободой, которая превыше всего... Только куда? Таких как ты в России не уважают, а англичане скоро тоннель перекроют и Ла-Манш перегородят, чтоб никто не переплыл...

ЕВГЕНИЙ. Фантазируете.

SMIRNOFF. Предвижу... (*Ленскому*). Ну что, ты тоже не вспомнил?.. Ну, ладно, тебе простительно, он тогда ещё мальчиком настоящим был. (*Поворачивается к Евгению*). А вот ты почему дядю Вову не вспомнил?

ЕВГЕНИЙ. Какого дядю Вову...

ЛЕНСКИЙ. Мальчик... Женья... Евгений. Жека!.. Да неужели?

SMIRNOFF (*Евгению*). Ну а ты чего, без подсказки не можешь?

ЕВГЕНИЙ (*неуверенно*). Кажется, да, припоминаю что-то...

ЛЕНСКИЙ. Жека!.. Билеты продавал в наш видеосалон... Ну надо же... Ты смотри, вырос...

SMIRNOFF. Удивительно, но и такие растут...

ЕВГЕНИЙ. А я не обижаюсь.

SMIRNOFF. А чего ты будешь обижаться, если только благодаря мне и выживаешь...

ЕВГЕНИЙ. Я сам зарабатываю... И мне скоро ваша помощь не понадобится.

SMIRNOFF. Опять нашёл кобеля?

ЕВГЕНИЙ. Зачем вы так, он мой друг...

ЛЕНСКИЙ. Погодите вы... Кто чей друг совсем неважно... (*Евгению*). Это ж ты тогда из нашего подвала сутками не вылазил. Помню, ещё мамка прибежала, жаловалась, что школу забросил... (*Смирнову*). Это же он...

SMIRNOFF. Ага... Первый российский видеоман... Экспромтом обучался по ускоренной программе... Особенно, когда мы на порно деньги делать стали... Так что можно смело отнести к жертвам порноиндустрии... Я ему уже говорил... (*Евгению*). Говорил ведь, затей судебную тяжбу с производителями, не миллионером, миллиардером станешь. Говорил?... (*Тот кивает*). А всё равно ни черта бы не отсудил, характера не хватит...

ЛЕНСКИЙ. Слушай, а какая сумасшедшая прибыль у нас тогда была? Я больше и не помню, чтобы, как тогда, деньги в чемодан под кроватью, не считая, бросал... А твои комсомольцы, как пчёлы на мёд, несли их безостановочно... До сих пор не пойму, что за поветрие такое было, вроде с сексом у нас в стране тогда всё в порядке было, во всяком случае лучше, чем сейчас...

SMIRNOFF. Что, так и не понял?

ЛЕНСКИЙ. Запретный плод?

SMIRNOFF. Авторитет и рекомендации их начальника, первого секретаря...

ЛЕНСКИЙ. И чем же ты тогда их убеждал? Хоть теперь секрет узнаю.

SMIRNOFF. Необходимостью детально знать, чем нас загнивающий запад разлагать будет...

ЕВГЕНИЙ. Извините, я перебыл, но мне уже обратно надо... Георгий, так я могу на тебя рассчитывать?

SMIRNOFF. А что твой новый друг опять финансово не состоятельный?

ЕВГЕНИЙ. Я же не могу у него сразу просить.

SMIRNOFF. Ишь ты, какой щепетильный... (*Достаёт портмоне, начинает отсчитывать деньги*). Тысячу дам. Но, учти, теперь получишь только, когда на паперть выйдешь... Хотя что я говорю, на паперть ты вряд ли пойдёшь, скорее на панель...

Евгений неуверенно берёт деньги.

SMIRNOFF. Что, мало?.. А пиш тебе больше. (*Прячет портмоне*). Тем более, что осталось только за пиво рассчитаться.

Входит Эльза. При её появлении Евгений быстро поднимается.

ЕВГЕНИЙ. Спасибо, Георгий. (*Быстро уходит*).

ЭЛЬЗА (Лиза). Опять этот... Опять денег просил?

SMIRNOFF. Вот почему ты остальных всяких лесбиянок, извращенцев терпишь, а его нет?..

ЭЛЬЗА (Лиза). Потому что они в круг твоих знакомых не входят.

SMIRNOFF. А где твой нахлебник?

ЭЛЬЗА (Лиза). Папа...

SMIRNOFF. Ну хорошо, где отец твоего ребёнка, моего внука.

ЭЛЬЗА (Лиза). Он сейчас подойдёт.

ЛЕНСКИЙ. Так это, выходит, тот самый Жека... Такой мальчишка был шустрый, боевой... Но на девчонок он и тогда вроде внимания не обращал... А он-то тут как оказался?

SMIRNOFF. А у него, Вова, своя романтика, нам, мужикам, её не понять. Он в Европу за своим возлюбленным сиганул.

ЛЕНСКИЙ. За каким возлюбленным?

SMIRNOFF. Я же говорил, он - жертва порноиндустрии. Это мы с тобой в его возрасте через всякие щёлки за девками подглядывали. А он такого насмотрелся, что все мужские гормоны и сгорели до полного созревания. А через это обабился...

ЭЛЬЗА (Лиза). Папа... Потише.

SMIRNOFF. Ну я же не по-вашему... А русских тут нет. А были бы, порадовались вместе со мной живому русскому слову...

ЛЕНСКИЙ. А чем же он занимается?

SMIRNOFF. Сначала с хахалем в торговых центрах менеджерами работали, потом тот Жеку бросил... Слез было... И смех, и грех... Ну, я и пожалел, этот клуб ему и купил... А там женихов больше чем надо. Вот и пустился он во все тяжкие...

ЭЛЬЗА (Лиза). И как только ты с ним можешь общаться...

SMIRNOFF. Могу через не могу. Должен.

ЛЕНСКИЙ. Почему должен?

SMIRNOFF. А ты сам не догадываешься?

ЛЕНСКИЙ. А почему я должен догадываться?

SMIRNOFF. Потому что из-за нас с тобой он таким стал... И кроме того, мы с тобой, Вова, в своё время ему изрядно не доплатили... Эксплуатировали несовершеннолетнего, развратили этими видиками. Так что непосредственно приняли участие в сотворении греховной личности...

ЭЛЬЗА (Лиза). Папа, человек делает себя сам.

SMIRNOFF. Человека делает Бог. А совращают люди.

ЛЕНСКИЙ. Жора, ты никак верующим стал?

SMIRNOFF. А без веры грехов не замолишь...

ЭЛЬЗА (Лиза). Прятаться за какого-то Бога, это значит признаваться в собственном бессилии, несостоятельности.

SMIRNOFF. Это по вашей вере, в которой каждый сам себе бог. Погоди, придёт время и ты свои грехи отмаливать будешь, если Он вас порознь, или всех вместе, прежде не накажет.

ЭЛЬЗА (Лиза). А у меня грехов нет.

SMIRNOFF. Ты их ещё не осознаёшь? (*Ленскому*).
А ты осознаёшь?

Ленский задумывается.

SMIRNOFF. Ладно, можешь не отвечать и так видно, что они уже тянут тебя к земле...

ЭЛЬЗА (Лиза). Ну и тему вы нашли.

ЛЕНСКИЙ. Я предлагал о погоде поговорить...

ЭЛЬЗА (Лиза). Вы о себе лучше расскажите... Вы же с отцом вместе демократию отстаивали, бизнес начинали.

ЛЕНСКИЙ. А я сейчас вспомнил... Когда мы на наш первый пикник поехали, а ты в речку упала. Лет восемь тебе было...

SMIRNOFF (Лизе). А ты не помнишь, как дядя Вова тебя из реки доставал?

ЭЛЬЗА (Лиза) (*неуверенно*). Смутно.

ЛЕНСКИЙ. И потом со школы как-то забирал, отец не мог, важная встреча была, меня попросил...

ЭЛЬЗА (Лиза). А как вы там сейчас живёте при вашем беспределе?

SMIRNOFF. Видишь, ей ещё даже собственное прошлое неинтересно, не осознала ещё...

ЛЕНСКИЙ. А какой у нас беспредел?

ЭЛЬЗА (Лиза). Ну, законов нет, самоуправство везде... Потом этот ваш режим с вождём-чекистом ... Опять вооружаетесь, воевать собираетесь...

ЛЕНСКИЙ. Насчёт последнего точно не знаю...

SMIRNOFF. (*перебивает*). А почему не знаешь?.. Потому что истории своей страны не знаешь. А вот

если бы знал, сейчас бы ответил этой русской иностранке, что если Россия и объявляла кому войну, то только когда её союзники подзуживали. Или вступить за кого-то надо было.

ЭЛЬЗА (Лиза). Да Россия только и делала, что воевала...

SMIRNOFF. Лиза, мы с тобой разругаемся вдрызг... Ты тоже читай историю своей страны...

ЭЛЬЗА (Лиза). Моя страна там, где я живу.

SMIRNOFF. Лиза... Ладно я по нужде здесь, как Герцен в изгнании, а ты-то что от своей родины отрешиваешься?... Как же вас тут оболванивают... Напрасно я позволил твоей матери тебя сюда увезти... Надо было, чтобы доучилась там, где родилась.

ЭЛЬЗА (Лиза). Да ты сам говоришь, что ничего хорошего там нет.

SMIRNOFF. Я могу себе позволить, потому что я там большую часть своей жизни прожил... А ты что знаешь, если с десяти лет здесь... под чужим небом...

Появляется Илья.

ЭЛЬЗА (Лиза) (*Илье*). Ну что, всё хорошо?

ИЛЬЯ (Уильям). О кей... (*Стоит возле стола*).

SMIRNOFF. Присаживайся зятёк... в ногах правды нет...

ИЛЬЯ (Уильям). Правды да, нет... я слышал, в следах...

SMIRNOFF (*Ленскому*). Понял, как он наш язык знает.

ИЛЬЯ (Уильям). Нет, я не о кей, да, я не хвастаюсь.

ЭЛЬЗА (Лиза). Хвастаюсь... Правильно, хвастаюсь.

ИЛЬЯ (Уильям). Да-да, верно... наверно.... Сегодня не пятница...

SMIRNOFF. То есть пиво ты, даже на халявку, сегодня не пьёшь...

ИЛЬЯ (Уильям). На халявку... Я не слышал как это... На что пить... Или не пить...

ЛЕНСКИЙ. Ту би о нот ту би...

ИЛЬЯ (Уильям). Yes, yes...

Вопросительно смотрит на Эльзу. Та, поглаживая себя по животу, отрицательно качает головой.

ИЛЬЯ (Уильям) (со вздохом). Не пить...

SMIRNOFF (Ленскому). У них тут всё чётко, что и когда можно, а когда чего нельзя. Даже если хочется.

ЛЕНСКИЙ. Порядок.

SMIRNOFF. Такой, что в петлю лезть хочется...

ЛЕНСКИЙ. И миллиардеры тоже от этого вешаются?

SMIRNOFF. А они что, не люди? Из другого теста вылеплены?

ЛЕНСКИЙ. Замес разный.

SMIRNOFF. Конец одинаковый.

ИЛЬЯ (Уильям). А что, это ваш... земляк?..

SMIRNOFF. Партнёр... Но не по постели...

ЛЕНСКИЙ. Обязательное уточнение?

SMIRNOFF. Здесь, да.

ИЛЬЯ (Уильям). О, русский бизнес...

ЭЛЬЗА (Лиза). Был... У них был совместный бизнес там, в России. Когда там всё с ног на голову вставало...

ИЛЬЯ (Уильям). На голову... Как это?.. Я ничего не знаю... Но русский бизнес - фантастика... У вас так запросто стать богатым... Вот господин Абрамович... Он здесь да, он был совсем нищий в той вашей страшной стране... Или симпатичный господин Ходорков-

ский... Он такой богатый, его даже выслали на каторгу... Или вот father...

SMIRNOFF. Так, давай только котлеты отдельно, зятёк... Мух с ними соединять не надо...

ИЛЬЯ (Уильям). Как это котлет отдельно... Какие мухи?

SMIRNOFF. Это большие мухи... От которых черви заводятся, а из этих червей снова мухи рождаются...

ИЛЬЯ (Уильям). Я не понимаю хорошо русский...

SMIRNOFF. А тебе и не надо понимать.... Не прягайся, а то шарики за ролики зайдут, оставишь мою дочь вдовой.

ИЛЬЯ (Уильям). Я опять не понимаю.

ЭЛЬЗА (Лиза). Илюша, это у них шифр такой...

ИЛЬЯ (Уильям). О, это русский шифр... От кэгэ-бэ... Я понимаю...

SMIRNOFF. Да, велик и могуч... И непонятен прагматичным умам, непостижим... (*Ленскому*). Ты знаешь, я всё больше склоняюсь к тому, что вся наша сила исключительно в нашем языке.

ЭЛЬЗА (Лиза). Не обольщайся, папа, в каждом языке есть своя изюминка, свои секреты.

SMIRNOFF. Может быть... Но у всех по одной... ну по паре, а у нас один сплошной изюм и каждое слово - секрет...

ИЛЬЯ (Уильям, Эльзе). Это тоже шифр?

ЭЛЬЗА (Лиза). Шифр, шифр...

ИЛЬЯ (Уильям). Я тебе говариваю, вези меня Россия...

SMIRNOFF. Там Сибирь рядом.

ИЛЬЯ (Уильям). Сибирь - это хорошо. Это большой богатство. Бизнес, прибыль... Это, это...много-много капитала...

SMIRNOFF. Ну да, пока туда не попадёшь.

ИЛЬЯ (Уильям). Вы делали капитал разве не Сибирь?

SMIRNOFF. Там работать надо.

ИЛЬЯ. Но father, вы же есть очень обеспеченный человек...

SMIRNOFF. Да, обеспеченный... Только ... Да что там говорить... Но я хотя бы не воровал, общее не тащил... Но сознаюсь, было, использовал своё служебное положение.

ЭЛЬЗА (Лиза). Что-то ты не рассказывал об этом.

SMIRNOFF. А что рассказывать?... Вот мы с тоже нынче обеспеченным господином Ленским этот самый капитал и наживали... (*Уильяму*). А ты же знаешь, зятёк, был в нашей, не в вашей; в нашей истории господин-товарищ Ленин, прежде тоже Ленский и тоже Владимир Ильич, как вот мой партнёр... Толковый мужик был, между прочим, башковитый. Но вот словно дури перебрал, решил вдруг весь мир перевернуть... И что удивительно, у него это получилось...

ИЛЬЯ (Уильям). Ленин - это царь... Нет, после царя... Я знаю... СССР... Коммунизм... Это считается гений...

SMIRNOFF. Вот даже ты знаешь, что он гений. А его тёзка, мой партнёр по молодости, этого не знает.

ЛЕНСКИЙ. Я принципиально коммунистов не люблю.

SMIRNOFF. А их любить не надо, не краснощёкие красавицы. Но уважать следует. При них идеальная система справедливого тотального контроля была. Тотального, но справедливого, подчёркиваю. Без такого контроля любое государство распадётся. Здесь она тоже есть, но бездушная.

ЭЛЬЗА (Лиза). А там душевная была?

SMIRNOFF. Справедливая.

ЛЕНСКИЙ. Это в тебе сейчас комсомольский секретарь говорит.

SMIRNOFF. Советские чиновники взятки брать боялись... А что касается комсомола, то я не открещиваюсь от комсомольской юности. Я, между прочим, в день рождения комсомола всегда свечку ставлю в церкви.

ЛЕНСКИЙ. За упокой.

SMIRNOFF. Во здравие. Идеи бессмертны. А идея коммунизма вечна как мир. И заманчива.

ИЛЬЯ (Уильям). О, коммунизм - это будущее всей планеты.

SMIRNOFF. Во гляди, он и то понимает.

ЛЕНСКИЙ. Что же ты, Георгич, тогда бросил это будущее строить и начал обогащаться в первых рядах.

SMIRNOFF. А мы, комсомольские лидеры, всегда в первых рядах, всегда продвинутые были. Мы первые почувяли, куда ветер подул. Между прочим, ты недооцениваешь талант карьериста, он сродни предвидению.

ИЛЬЯ (Уильям). А вы, father, большой кредит в банке получали? Первоначальный капитал...

SMIRNOFF. Вот какой зятёк у меня праведный...

ЭЛЬЗА (Лиза). Он законопослушный с пелёнок. И это хорошо.

SMIRNOFF. Да уж, точно с пелёнок... Как запеленали, так и забыли распеленать... С остальными запелёнутыми вместе так и рос бок о бок... Понятное дело, что это за страна, переплюнуть можно... Это тебе не Россия...

ИЛЬЯ (Уильям). Я не понимаю ваш шифр... Я хочу посмотреть Россию. Хочу там делать бизнес...

ЛЕНСКИЙ (Смирнову). Вот поэтому он про наш стартовый капитал и интересуется.

SMIRNOFF. Ну ты-то что напоминаешь...

ИЛЬЯ (Уильям). Да-да, начало...бизнес...

SMIRNOFF. Ну да, кредит брал, кредит брал, только не в банке. Знаешь как на Руси издавна берут? Либо воровством, либо разбоем...

ИЛЬЯ (Уильям) Как это... Нельзя... Незаконно...

SMIRNOFF. А законы потом можно написать и амнистировать... (Ленскому). Ты считаешь, им всю правду знать надо?

ЛЕНСКИЙ. Ну у нас этим никого не удивишь.

ЭЛЬЗА (Лиза). Ладно, чего уж, не думаю, чтобы вы разбоем промышляли... Вон какие на вид благообразные и культурные.

SMIRNOFF. Это мы сейчас такие... Ладно, будем считать, что не грабили и не раздевали никого... А ведь так оно и было... Просто оказывали платные услуги и землю в хозяйские руки отдавали... Не безвозмездно, конечно, капитализм ведь прибавочную стоимость предполагает...

ИЛЬЯ (Уильям). О, я знаю, бесплатный сыр - это мышеловка...

ЭЛЬЗА (Лиза). Бесплатный сыр не мышеловка, он бывает только в мышеловке.

ИЛЬЯ (Уильям). А зачем он там ?

ЛЕНСКИЙ. Ты что, мышей не ловил?

ИЛЬЯ (Уильям). У нас нет мышь.

ЛЕНСКИЙ. Я не в прямом смысле... Ну нет так нет... А ты хоть их видел?

ИЛЬЯ (Уильям). Я посмотрю... Я иногда не очень понимаю... Вот если вы захотите что-то строить или вам нужны современные строительные материалы, а может захотите заключить договор...

SMIRNOFF. Видал, как шпарит, когда знает...

ЭЛЬЗА (Лиза). Ты бы чаще с ним говорил на отвлечённые темы.

SMIRNOFF. А ты для чего?

ЭЛЬЗА (Лиза). У нас с ним другие темы.

ИЛЬЯ (Уильям). О, да, у нас другие темы... (Эльзе). И, между прочим, нам уже пора...

ЭЛЬЗА (Лиза). Да, действительно...

SMIRNOFF. Мы тоже следом...

ЭЛЬЗА (Лиза). А твой... товарищ партнёр у нас будет ночевать?

ЛЕНСКИЙ. У себя. В гостинице.

SMIRNOFF. Не хочет. Или по девочкам собрался, но скрывает... А то может и я с ним...

ЭЛЬЗА (Лиза). Ладно, старички, пока...

Уходят.

SMIRNOFF (*после паузы*). Как она нас... Что мы с тобой, действительно, старики уже?

ЛЕНСКИЙ. Мне кажется, мы моложе их.

SMIRNOFF. И то верно.

Картина третья.

Гайд-парк. За столиком сидят Smirnoff и Ленский.

ЛЕНСКИЙ. Никого нет.

SMIRNOFF. Я же говорил, здесь всё по расписанию.

ЛЕНСКИЙ. Английский порядок.

SMIRNOFF. Застой хуже брежневского... А что ты хочешь? Здесь после Кромвеля ничего примечательного не произошло.

ЛЕНСКИЙ (*со вздохом*). Нам до такого порядка далеко.

SMIRNOFF. Значит долго ещё России стоять.

ЛЕНСКИЙ. Не понял.

SMIRNOFF. А чего непонятного?.. Здешние аборигены генетически уже старики. Вот эмигранты и

оттесняют их потихоньку в резервацию. При нашей жизни, конечно, это не произойдёт, а вот при внуке моём случиться может.

ЛЕНСКИЙ. А России это не грозит?

SMIRNOFF. Не грозит. В семнадцатом году произошла не только социалистическая революция, произошёл кардинальный слом русской генетической популяции. То, что называется белой косточкой - наиболее образованный, способный к управлению и к впитыванию культурных ценностей слой русского общества был либо выбит, не оставив потомства, как случилось с императором Николаем Вторым и его семьёй, либо выдавлен за границу. Малая часть сохранилась в эмиграции, но была обречена на вымирание или ассимиляцию, потому что в чужой стране никто не допускает чужаков к власти, а чужой культуре противостоять невозможно. Но самое главное произошло на российских просторах. Ты свою родословную знаешь?

ЛЕНСКИЙ. О дедах немного знаю. И прадед один вроде казаком был, в конвое императрицы Екатерины значился... Но это неточно...

SMIRNOFF. А о дедах?

ЛЕНСКИЙ. Один, по линии матери, я его почти помню, помер, когда я маленьким был, вроде не бедствовал, какая-то мастерская у него была, несколько домов, хутор... Хутор точно был, это мне дядька рассказал. А по отцовской линии я совсем деда не видел, он в губчека служил, погиб...

SMIRNOFF. Вот, что и требовалось доказать... - отец на стороне красных, а мать - на стороне белых. Не сомневаюсь, что семья твоей матери была зажиточной. А может и дворянских кровей. Ты бы покопался в родословной, это раньше скрывали такое происхождение, теперь им хвастают....

ЛЕНСКИЙ. Вряд ли из благородных. Из кулаков, скорее...

SMIRNOFF. А ты покопайся, покопайся, глядишь, в дворянское общество пропуск получишь... Другой статус будет... Вот по отцу я Смирнов, и прадед у меня из казённых крестьян, а прабабка Салтыкова. Пока до конца не разобрался, но, похоже, из обедневших дворян... Может из корня той самой Салтычихи... Так ты не задумывался, отчего у нас так: по мужской линии мы - красные, а по женской - белые?

ЛЕНСКИЙ. Как-то не заморачивался...

SMIRNOFF. А оттого, Вова, что комиссары о потомстве думали. Вот и хватали породистых, родовитых да знатных, кого могли... О самых верхах я не говорю, там и сами вожди не из простых были, и жён по масти подбирали... Вот и появилась новая популяция, с новой молодой кровью и нерастраченной энергией, которую мы с тобой и продолжаем...

Появляется женщина примерно такого же, как они, возраста. В нерешительности останавливается, потом подходит к ним.

СООТЕЧЕСТВЕННИЦА. Сори...

SMIRNOFF. Не извиняйся...

СООТЕЧЕСТВЕННИЦА. Батюшки, русский?

SMIRNOFF. Чего хочешь спросить?

СООТЕЧЕСТВЕННИЦА. Ой, как же приятно русскую речь услышать... А то в моей деревне не с кем и поболтать... Путешественники значит.

SMIRNOFF. Нет, беглецы мы...

СООТЕЧЕСТВЕННИЦА. Какие беглецы?

SMIRNOFF. Политические.

СООТЕЧЕСТВЕННИЦА. Да ладно вам...

SMIRNOFF (*Ленскому*). Вот видишь не верит, не похожи значит...

СООТЕЧЕСТВЕННИЦА. А может и похожи, я не разбираюсь, какие политические, какие экономические, мне всё едино... Главное, что соотечественники, так хоть душу отведу... А то с моим лордом ни о чём не поговоришь, о соседях ничего не знает, гостей не приглашает, сам никуда не ходит... У него всё по расписанию, пять дней работает, в пятницу набирается как свинья, в субботу и воскресенье в себя приходит... Вот у меня первый муж был, в России, Славик, так я его напрасно свиньёй-то обзывала, пил похлеще лорда, но никогда на бровях домой не приползал... А этот каждую пятницу...

SMIRNOFF. Стоп... Конкретно, чего от нас хочешь?

СООТЕЧЕСТВЕННИЦА. Я и говорю, сижу как затворница в четырёх стенах... Воду экономит, под душем мыться не разрешает, мол дорого, продукты только из супермаркета. ничего свежего... И по пятьдесят фунтов в день на всё про всё... А что мне эти пятьдесят фунтов?.. Только продуктов купить...

SMIRNOFF. Ладно, травы, выговориться тебе надо...

СООТЕЧЕСТВЕННИЦА. Но кое-что сэкономила, поднакопила, вот и приехала сюда, а вдруг что полезное для себя услышу, или сама расскажу про жизнь нашу российскую, когда под душем мойся сколько хочешь, пей по настроению, а не по расписанию и расходы в книжечку не записываем...

SMIRNOFF. Так ведь они по-русски не поймут...

СООТЕЧЕСТВЕННИЦА. Я по-английски, я же всю жизнь переводила... Как бы я с моим лордом сошлась: сопровождала, когда туристом приехал.

SMIRNOFF. А лорд-то молодой?

СООТЕЧЕСТВЕННИЦА. Да сойдёт. Не первой свежести, но и я не молодуха...

SMIRNOFF. Богатый?

СООТЕЧЕСТВЕННИЦА. Какое там... Вместо дворца домик в деревне... Правда, двухэтажный и комнат шесть... И денежка вроде водится, но жлоб...

SMIRNOFF. А дети у него есть? У вас, как я понимаю, совместных уже не будет.

СООТЕЧЕСТВЕННИЦА. Сын. И у меня тоже. От Славика.

SMIRNOFF. Женат?

СООТЕЧЕСТВЕННИЦА. Кто лорд? Ну да был женат, если сын...

SMIRNOFF. Да я про его сына. Сколько ему годиков-то?

СООТЕЧЕСТВЕННИЦА. Тридцать пять отметили. Не, не женат, гулящий...

SMIRNOFF. А что, лорд настоящий?

СООТЕЧЕСТВЕННИЦА. Бумаги имеются, а так кто его знает. У нас в России вон сколько князей и графьёв объявилось... Но уважают его в нашей деревне, это точно... А вы откуда-то сбежали?

ЛЕНСКИЙ. Да не сбежали, пошутил мой товарищ.

SMIRNOFF. Надо правду, Вова, говорить. Ты приехал, а я-то сбежал...

СООТЕЧЕСТВЕННИЦА. А я тоже сбежала... Думала, тут жить лучше. Хотя на старости лет поживу в своё удовольствие.

ЛЕНСКИЙ. Получается?

СООТЕЧЕСТВЕННИЦА. На пятьдесят фунтов в день?.. Надо, говорит, самой зарабатывать... Славик у меня в две смены пахал, чтобы я у него ни в чём не нуждалась.

SMIRNOFF. А нынче Славик где?

СООТЕЧЕСТВЕННИЦА. Не принял он перемен...

SMIRNOFF. Понятно, похоронила, значит.

СООТЕЧЕСТВЕННИЦА. Типун тебе на язык...

В монастыре он...

SMIRNOFF (*Ленскому с удивлением*). Во как быва-ет... (*Женщине*). А как же ты без него до лорда жила?

СООТЕЧЕСТВЕННИЦА. А я всю свою жизнь сама себя обеспечивала. И в Советском Союзе и потом, когда бардак наступил... Я и здесь смогу... Я своему лорду говорю, ты меня в свой круг введи, а я там найду на чём заработать. Не хочет...

ЛЕНСКИЙ. Или не может.

СООТЕЧЕСТВЕННИЦА. Хрен редьки не слаще... Хорошо, что я сегодня надумала сюда приехать, а то с тоски хоть вешайся... Поговорила вот с вами, как в ушах всё зазвучало, отпустило. Вот уж не думала, что так скучать по родной речи буду... Вы бы ещё поматерились, что ли, для полного перемещения во времени и пространстве...

ЛЕНСКИЙ. Вон там их полицейский маячит, а я уже знаю чего тут у вас стоит то, что у нас на каждом углу бесплатно...

Смирнов наклоняется к уху женщины и начинает ей что-то шептать. Она улыбается, потом прыскает, обхватывает Смирнова за шею. в изнеможении повисая на нём... Наконец он перестаёт шептать и она неохотно разжимает руки и отклоняется

СООТЕЧЕСТВЕННИЦА. Ну, обласкал ты меня как давно уже никто не ласкал. Не хуже Славика... Здешним лордам это не под силу...

SMIRNOFF. Засохнешь ты здесь, баба... Смортишься и никто вкус твоей ягодки не оценит... Или лорд ценит?

СООТЕЧЕСТВЕННИЦА. Ой, родненькие, похоже, любить кроме наших русских мужичков, никто настоящему не умеет...

SMIRNOFF. Вот и надо было Славика своего держать при себе...

СООТЕЧЕСТВЕННИЦА. Дура была... Как же иностранец, заграничный рай... Ладно, пойду шопингом насухую займусь..

SMIRNOFF. Ничего, ты баба не промах, найдёшь себе ещё развлечение...

СООТЕЧЕСТВЕННИЦА. И то верно... (*Уходит*).

Пауза.

ЛЕНСКИЙ. Мне тоже хотелось посмотреть на здешнюю демократию... А то говорят у нас она какая-то не такая...

SMIRNOFF. Ничего ты не потерял. У нас в девяностые круче было.

Появляются Лиза и Уильям.

ЭЛЬЗА (Лиза). Вот вы где... А мы вас ищем.

SMIRNOFF. Нашли. Что стряслось?

ЭЛЬЗА (Лиза). Папа, мы тут себе квартиру нашли и нам немножко не хватает.. Ты не мог бы нам одолжить?

ИЛЬЯ (Уильям). Да, father, я буду платить какой-то срок... Нам нужно очень быстро, немножко не хватает...

SMIRNOFF. Вам всегда всё быстро и всегда не хватает... Квартира в каком районе?

ЭЛЬЗА (Лиза). Почти в центре, три комнаты... Вид на Темзу...

SMIRNOFF. Недешёвое место. Сколько не хватает?

ЭЛЬЗА (Лиза). Двести тысяч...

SMIRNOFF (присвистнув). Так она столько всего стоит.

ЭЛЬЗА (Лиза). Ну что ты, почти в два раза больше.

SMIRNOFF. На кого оформляете?

ЭЛЬЗА (Лиза). Это накопления Ильи...

SMIRNOFF. Ему не дам. Пусть оформляет на тебя.

ЭЛЬЗА (Лиза). Папа, мы всё уже обговорили, я не хочу, чтобы наши отношения строились на деньгах.

SMIRNOFF. А я хочу, чтобы ваши отношения строились так, чтобы мой внук не остался ни с чем, когда вы промотаете то, что вам достанется после меня.

ЭЛЬЗА (Лиза). Твой внук ещё не родился, заботься о нём, когда он вырастет, и позволь нам жить так, как мы хотим, а не по твоим правилам.

SMIRNOFF. Ну вот что, дочь, я сказал своё слово. Или будет так, как сказал, я добавлю сколько не хватает. Если нет, живите, как прежде, со мной, я вас не гоню, дом большой...

ЭЛЬЗА (Лиза). Мы хотим жить отдельно, своей семьёй.

SMIRNOFF. Живите. Только тогда по одежке и ножки протягивайте...

ИЛЬЯ (Уильям). Я вас... мне нельзя с вами... Я - муж... Я - хозяин...

SMIRNOFF. Хорошо, что так считаешь. Так если муж и хозяин, вот и заботься о жене.

ИЛЬЯ (Уильям). Но я не хочу на улицах.

SMIRNOFF. А что она уже тебя выгоняет?

ИЛЬЯ (Уильям). Зачем вы так? Мы верны друг другу...

SMIRNOFF. Ну, а если не выгоняет и верны, вот и живи в квартире своей жены.

ЭЛЬЗА (Лиза). Значит мне ты дашь денег.

SMIRNOFF. Тебе для внука дам. А ему нет.

ИЛЬЯ (Уильям). Тогда, тогда... Я ухожу от ваша дочь.

SMIRNOFF. Ну и катись колбаской...

ИЛЬЯ (Уильям). Как это колбаской... Я ухожу... совсем...

SMIRNOFF. Проваливай...

ИЛЬЯ (Уильям). Это слово я знаю...

Поворачивается и чеканным шагом уходит.

ЭЛЬЗА (Лиза). Папа, что ты творишь... Мама права, ты самодур!.. (*Идёт следом за мужем*). Илья, пожди меня!

Пауза.

ЛЕНСКИЙ. Зачем ты так?

SMIRNOFF. Пусть знает своё место, нахлебник.

ЛЕНСКИЙ. Да он нормальный мужик.

SMIRNOFF. Ты его один день видел и уже разобрался.

ЛЕНСКИЙ. Ну у них же с Лизой всё нормально...

SMIRNOFF. Вова, откуда тебе знать все наши заморочки?.. Вот ты приехал, и мы перед тобой все свои души раскрыли... Это не Россия, Вова, это Европа, где каждый только свою выгоду ищет и ничего, запомни, ничего без этой выгоды не делает... Это мы там, в шалаше нашем социалистическом, тимуровцами были, бескорыстием кичились, скромность превозносили... Это всё для лузеров... Неужели это ещё до вас не дошло? Не поверю, Москва вон уже давно эту философию освоила.

ЛЕНСКИЙ. Значит до нашей провинции ещё не дошло. И я бы свою дочь не прогнал, кого бы она не привела.

SMIRNOFF. Вот приведёт, тогда посмотрим.

ЛЕНСКИЙ. Не приведёт, у меня трое пацанов.

SMIRNOFF. Во, видишь, какой ты богатый... Трое сынов, есть на кого опереться, для кого кубышку набивать... А у меня только на внука и надежда, чтобы он мои грехи замолил... Если хочешь знать, я даже рад буду, если они разбегутся... Тогда внук мою фамилию носить будет... А этот английский зятёк по миру всё пустит, он тут мой кабинет, пока я в Италию ездил, чуть не распродал... Для него, видите ли, это старьё с клопами... И кран я, знаете ли, не закрываю...

ЛЕНСКИЙ. Ладно, это ваши дела.

SMIRNOFF. Не только наши... Я вот что тебе ещё скажу, что никому не говорил: вырастет мой внук и если я доживу, а если не доживу, то в завещании укажу, чтобы вернулся домой в Россию и чтобы в неё капитал вкладывал... Это дочка у меня космополитка, её не перевоспитаешь, у неё атрофировано чувство родины... А он будет знать... Если сам не смогу возить его на родину, ты вместо меня... Поможешь же?

ЛЕНСКИЙ. Пусть сначала родится да подрастёт.

SMIRNOFF. Я тебе денег дам на все расходы. Чтob каждое лето по нашей с тобой земле ходил, в нашей речке купался, наше небо видел...

Появляется Евгений. Вид у него такой, что нет никаких сомнений: с ним что-то случилось.

SMIRNOFF. Ну вот и ещё один космополит... (*Евгению*). Неужели уже деньги промотал? Ни гроша больше не дам.

ЕВГЕНИЙ. Вот. (*Протягивает листок бумаги*).

SMIRNOFF (прочитав). Надо же, даже раньше, чем я предрекал. (*Ленскому*). Обещают сжечь рассадник

разврата, а его зарезать... (*Евгению*). Ну и правильно, коль грешны, так не выпячивайте грех...

ЕВГЕНИЙ. А убивать за что? Кому мы мешаем? Да, мы не такие как вы, что же нам, не жить как хотим?

SMIRNOFF. Вы главную заповедь божью нарушаете - плодиться и размножаться. И нет бы молча грешили, а то с понтами, манифестациями. Нечего своим примером растлевать общество.

ЕВГЕНИЙ (*вопросительно*). А могут убить?

SMIRNOFF. Могут.

ЕВГЕНИЙ. Я в полицию ходил, они тоже сказали, что не гарантируют, что смогут защитить... Что мне делать?

SMIRNOFF. Так у тебя же защитник появился...

ЕВГЕНИЙ (*после паузы*). Он испугался.

SMIRNOFF. И что?

ЕВГЕНИЙ. Он уехал.

SMIRNOFF (*Ленскому*). Вот и вся любовь... (*Евгению*). А деньги, что я тебе дал, где ?

Евгений молчит.

SMIRNOFF. Так... Значит, и денег нет... Это твой любовничек с деньгами и слинял... Господи, воистину справедливое наказание нам за грехи наши...

ЕВГЕНИЙ. Мне надо где-то спрятаться

SMIRNOFF. А вот поезжай с Ленским в Россию. Там до тебя никому дела не будет. (*Ленскому*). Или тоже у ваших нетрадиционщиков есть враги?

ЛЕНСКИЙ. Откуда я знаю, у меня нормальная ориентация.

SMIRNOFF. Я это не забыл... Хотя люди меняются...

ЛЕНСКИЙ. У нас их больше жалеют.

ЕВГЕНИЙ. Никогда.

SMIRNOFF. Что никогда ?

ЕВГЕНИЙ. Не поеду домой.

SMIRNOFF. (*Ленскому*). Ему стыдно... Ладно, не домой, в Москву, там таких хватает... Впишешься... Подставишься кому надо.

ЕВГЕНИЙ. Я не обижаюсь.

SMIRNOFF. Да что ты опять заныл... Не дрейфь, не отправлю, денег жалко. Будешь у меня жить. Я Лизе квартиру покупаю, всё одно один в домине... Но учти, никаких твоих партнёров чтоб за квартал не было.

ЕВГЕНИЙ. Я недолго...

SMIRNOFF. Как получится, не гоню... (*Ленскому*). Пойдём-ка в паб или куда покруче. А лучше ко мне, сядем по-русски, виски надерёмся...

ЛЕНСКИЙ. Мне завтра обратно лететь.

SMIRNOFF. Отоспишься.

ЛЕНСКИЙ. Да хотел ещё подарков пацанам прикупить...

SMIRNOFF. А знаешь что покупать?

ЛЕНСКИЙ. Не придумал... (*Машет рукой*). А ладно через интернет закажем, чего выберут... Пошли, вмажем по-русски... Только ты меня завтра домой всё-таки отправь... Что-то у вас тут мне как-то неуютно...

SMIRNOFF. Отправлю, Вова, отправляю. Ты мне ещё там нужен... На родной земле... Глядишь и мне ещё доведётся припасть к ней... (*Уходят*).

*«Крошка сын пришёл к отцу
и спросила кроха:
«Что такое хорошо
и что такое плохо?»
В. Маяковский.*

ГОД ПЕРЕД ВЫПУСКОМ

школьная пьеса

Действующие лица:

Софья

Настя

Надя

Никита

Ваня

Володя

Бэлла

Светлана Федоровна

ОСЕНЬ

Скверик, усеянный осенними листьями. Скамейка. На её спинке, поставив ноги на сиденье, устроился Никита. Он смотрит в планшет. Софья неторопливо прохаживается рядом, шурша листьями и прислушиваясь к этому шороху. Поглядывает то на Никиту, то вдаль. Она кого-то ждет.

НИКИТА. Глянь, приколы... (*Поворачивает к ней планшет*).

Софья мимоходом смотрит.

СОФЬЯ. Ну да... А ты мне послал?

НИКИТА. Ещё нет.

Софья отходит в сторону, достаёт телефон, набивает эсэмэску.

НИКИТА. А ты чего, уже..?

СОФЬЯ. А что мы с тобой эсэмэсимся, если поговорить можно.

НИКИТА. Говорить не прикольно.

СОФЬЯ. Если долго молчать, разучимся говорить.

НИКИТА. Ничтяк... Будем эсэмэски кидать.

СОФЬЯ. Неинтересно.

НИКИТА. А что тебе не нравится?

СОФЬЯ. Не хочу и всё.

НИКИТА. Ну и не хоти... А чего мы здесь ждём?..

СОФЬЯ. А ты не знаешь.

НИКИТА. Так их ждать устанешь. Что твою черепаху.

СОФЬЯ. Они не черепахи.

НИКИТА. Ну да, лани... Скачут где-то... О, ещё прикол. Посмотри...

СОФЬЯ. Не хочу.

НИКИТА. Как хочешь... Может, ну их...

СОФЬЯ. Как тебе новенький?

НИКИТА. Никак.

СОФЬЯ. Симпатичный.

НИКИТА. Ботаник.

СОФЬЯ. Ну уж, не унисекс, как ты...

НИКИТА. Ископаемое.

СОФЬЯ. Умненький. Слышал, что Светлана сказала?

НИКИТА. А мне по барабану... *(Отрывается от планшета)*. О, одна уже на горизонте...

Подходит Надя.

СОФЬЯ. А где Настя?

НАДЯ. Сейчас подойдёт. Она там с новеньким тормознулась.

НИКИТА. Нашла с кем баты тратить.

НАДЯ. А что, он симпатяга, а Настька сейчас свободна.

НИКИТА. Ничо. Ваня еще своего слова не сказал. А ты вот без бой-френда, могла бы...

НАДЯ. Ты что, забыл? Я - феминистка.

НИКИТА. Ой, уморила... В десятом классе сколько ты их поменяла?

НАДЯ. То было в десятом. У меня поменялась ориентация.

СОФЬЯ. Вот и Настя идет... с новеньким... Вовой, кажется...

НИКИТА. Полный улет.

СОФЬЯ. А чего, хорошая фигура, спортивный мальчик... А если к тому же говорить не разучился, как некоторые...

НИКИТА. Софи, о чём ты?

СОФЬЯ. Тебе не понять.

НИКИТА. Ну да, куда уж нам... Валенки изящным не бывает.

НАДЯ. Ты как всегда многозначительно-непонятен.

Подходят Настя и Вова.

НАСТЯ. Ну что, куда идём?.. Я вот Володю уговорила пойти с нами.

НИКИТА. А у него грины есть?

СОФЬЯ. Ник...

ВОЛОДЯ. Между прочим, когда человек сидит с ногами на скамейке, это свидетельствует о том, что у него проблемы с самооценкой.

НАДЯ. Проблемы?.. У Ника?.. Интересно... Он у нас, вообще-то, самый бесппроблемный.

НИКИТА. Проблемы не у меня, а у того, кто стоит перед сидящим.

ВОЛОДЯ. Психологи утверждают, что таким образом реализуется тайное желание возвыситься над остальными.

НАСТЯ. Кстати, у бабушки в деревне петух всегда на самой верхней жердочке сидит...

СОФЬЯ. Значит, у петухов комплекс неполноценности. А у некоторых людей петушиный комплекс...

НИКИТА. Не умничай...

Спрыгивает и встает напротив Володи.

НИКИТА. Ну, ростом ты тоже не вышел.

ВОЛОДЯ. Стремление унижить другого свидетельствует о собственной неуверенности...

НИКИТА. Слушай ты, психолог-любитель...

Появляется Светлана Федоровна.

СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА. А вы что же не с остальными?

НИКИТА. Да как-то отвыкли строем ходить.

СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА. А ты, Никита, не вырос за это лето.

НИКИТА. Вырос. На два сантиметра.

СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА. Я не это имела в виду.

НИКИТА. А в другом смысле расти некуда.

СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА. Не будь столь категоричен. Вам еще расти и расти, чтобы взрослыми стать...

СОФЬЯ. Да он шутит, Светлана Фёдоровна.

СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА. Смотрите, а то Володя не поймет...

НИКИТА. Кесарю - кесарево...

СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА. Ох, Никита... Между прочим, Володя пришел к нам с отличными оценками и победитель олимпиад...

ВОЛОДЯ. Вот это не к месту...

СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА. Отчего же, к месту. Не надо стесняться своих успехов... Никита, если бы захотел, тоже мог бы этим похвастаться... И не очень-то расслабляйтесь, завтра уже полный учебный день.

НИКИТА. Учем-с...

Светлана Федоровна уходит.

У Нади звонит мобильник.

НАДЯ. *(Не отвечая)*. О, Ванечка объявился...

СОФЬЯ. Так ответь...

НАДЯ. А чего он мне звонит? *(Смотрит на Настю)*. Я сейчас переадресую...

НИКИТА. Давай, сама скажи, пусть поторопится.

Надя выжидательно смотрит на Настю.

НАСТЯ. Если хочет, пусть приходит.

НАДЯ. Ладно... Вань, ну ты где?.. Где?.. А что ты там делаешь? Нас ждешь? *(Остальным)*. А он нас в кафе ждет...

НИКИТА. Это по-нашему. Скажи ему, не подведем, летим...

Надя смотрит на Настю.

НАСТЯ. Я пойду только с Володей.

НИКИТА. Не прикольно.

НАДЯ. *(Подносит трубку)*. А, ты слышал?.. Не возражаешь? *(Насте)*. Он не возражает.

ВОЛОДЯ. А мое мнение не интересуется?

НАДЯ. Ты же разумный мальчик и понимаешь, что в коллектив надо вливаться...

НАСТЯ. Володя, я тебя очень прошу...

ВОЛОДЯ. Не люблю интриг... Но и отказывать девушкам не могу.

Летняя веранда кафе в парке. За одним столиком сидит Ваня. За другим Бэлла. Он вертит в руках мобильник. Она что-то разглядывает на планшете. Иногда они поглядывают друг на друга, показывая при этом, что кого-то ждут. На веранде появляются Софья, Никита, Настя, Надя и Володя.

ВАНЯ. Наконец-то... Где вы застряли?

НИКИТА. Да, Светлана, тормознула... Что заказал?

ВАНЯ. Как всегда.

СОФЬЯ. Всем?

ВАНЯ. Кроме новенького.

СОФЬЯ. Отлично, я сладкого не хочу... А ты чего не был?

ВАНЯ. Да самолет задержался...

НАСТЯ. (Ване). Между прочим, нашего нового одноклассника зовут Володя.

ВАНЯ. Наслышан.

НИКИТА. Уточняю: пирожное-мороженое заказал?

ВАНЯ. И кофе.

НИКИТА. Гуляем... Кстати, а кто у нас должен проставляться?.. Вань, бабки еще не отдавал?

ВАНЯ. Нет.

НИКИТА. (Володе). Как, потянешь за всех?.. Или слабо?

ВОЛОДЯ. Почему же слабо, я заработал.

НИКИТА. Ну да, у папы с мамой...

ВОЛОДЯ. Тогда бы я сказал, что мне дали родители.

НАСТЯ. Ник, прекрати... Скинемся, как всегда.

НИКИТА. Ну что же вы зажимаете инициативу... Наш товарищ Вова сам, подчеркиваю, сам, изъявил

желание угостить новых одноклассников, а вы отвергаете этот искренний душевный порыв...

СОФЬЯ. Ник, надоело... (*Садится за стол. Ване*).
Я тебя все лето не видела, где пропадал?

ВАНЯ. Да в столице болтался.

НАСТЯ. В северной или главной?

ВАНЯ. И там, и там.

НИКИТА. Окультировался.

ВАНЯ. Ага... Оболванивался.

НИКИТА. А что так...

НАДЯ. Ой, девочки... И мальчики тоже... А турки такие мужчинки...

НИКИТА. Ты же феминистка...

ВАНЯ. Кто, она феминистка?.. Ой, уморили...

НАДЯ. (*Ване*). Если я тебе дала однажды потрогать мою грудь, это еще ни о чем не говорит...

ВОЛОДЯ. Так кого слушать будем?.. Ваню, о том, как он оболванивался в столице, или про турок?..

НИКИТА. Клик к месту. Пусть Надька впаривает... Узнаем, отчего после этого она феминисткой стала.

НАДЯ. А оттого, что настоящих мужчин и там нет.

НАСТЯ. А как же горячие смуглые мачо...

НАДЯ. Так вот я про них и хотела рассказать... Представляете, жара, горячее море, отель с кондиционером - рай настоящий, постель, в которой лежишь без ничего, млеешь...

НИКИТА. Одна?

НАДЯ. Что одна?

НИКИТА. Ну, млеешь... сама, наедине, по-феминистски...

НАДЯ. Какой ты извращенец...

СОФЬЯ. А где интрига?

НАДЯ. Вот, Софи все понимает... Так вот, лежу, в полном отпаде и неглиже, а тут заходит такой жгучий брюнет....

ВАНЯ. И он на тебя набросился с невиданной страстью...

НИКИТА. Наоборот, он в испуге перепутал двери и упал с балкона... (*Наде*). Ты на каком этаже млела?

НАДЯ. Да ну вас... Просто я успела накинуть халат...

НАСТЯ. Значит, ты отдыхала в Турции.

НАДЯ. Да.

НАСТЯ. Одна?

НАДЯ. (*со вздохом*). Если бы... Предки конвоировали.

ВОЛОДЯ. И что же тебе там не понравилось?

НАДЯ. А ты был в Турции в жару?

ВОЛОДЯ. Я за границей вообще не был.

НИКИТА. Ну ты сапог... Прямо нецивилизованный какой-то.

ВОЛОДЯ. Я был в более интересном месте.

СОФИЯ. Это где же?

НАДЯ. Так мне закончить повествование?

ВАНЯ. Так ты вроде уже закончила.

НАДЯ. Это было только начало, Ванечка...

ВАНЯ. Тогда, валяй, заверши...

НАДЯ. А потом мы с этим турком, между прочим, его зовут Ахмед, замечательно провели время...

НИКИТА. Напоминаю, ты же фе-ми-ни-стка...

НАДЯ. Я тогда еще ею не бы-ла...

НАСТЯ. А когда же стала?

НАДЯ. (*Вздыхает*). Это я вам потом, девочки, по секрету расскажу...

ВАНЯ. Ну вот, ничего интересного... Как всегда...

НАСТЯ. Конечно, Ванечка, у тебя было все гораздо интереснее. Столичные девочки...

СОФИЯ. Музеи, театры, вернисажи...

НИКИТА. Тусовки...

НАСТЯ. Где же ты оболванивался, поделись?..

ВАНЯ. Кофейня за углом, комп нон стоп... Там красотки на любой вкус в любое время...

ВОЛОДЯ. Тоска, действительно...

НИКИТА. Интересно, а как наш, так называемый одноклассник, провел лето?

ВОЛОДЯ. Я - работал. А ты?

НИКИТА. Работал?.. Вы слыхали?.. И он думает, что я, подобно ему, лошадь?.. Похоже, он совсем не умеет ценить отдых и наслаждаться...

СОФЬЯ. Не юродствуй, Ник. Ты, помню, говорил, что тебе надоело шляться по городу, в поход собирался...

НИКИТА. Ты знаешь, Софи, я поразмышлял на досуге и понял, что нет смысла куда-то тащиться, если все есть здесь. (*Похлопал по планшету*). Ничего нового я все равно не увижу.

ВОЛОДЯ. И не переживешь...

НИКИТА. Какие, все-таки, вы, ботаники, отсталые люди... Что, ты хочешь меня убедить, что тащиться с большим и тяжелым мешком за плечами приятно? А потом, высунув язык от усталости, ты еще будешь восторгаться красотами?.. Да чушь полная!.. Ты будешь в этот миг мечтать о диване и привычном компе, по которому можно путешествовать куда пожелаешь...

ВОЛОДЯ. Это несопоставимо...

НИКИТА. Что несопоставимо?

ВОЛОДЯ. На диване ты никогда не переживешь то, что на природе, в натуре.

НИКИТА. Глупости. Имея воображение...

НАСТЯ. (*перебивает*). А я, между прочим, месяц в деревне прожила, у бабушки...

НИКИТА. Вот... Это настоящая романтика...

НАСТЯ. Да, романтика...

ВАНЯ. Петухи поют.

ВОЛОДЯ. Кричат.

НАСТЯ. И петухи тоже... И коровы.

НИКИТА. Мукают...

НАСТЯ. Мычат... Гуси. Утки...

НИКИТА. Эти крикают, точно.

ВАНЯ. Дичь, одним словом...

НИКИТА. Точно.

НАСТЯ. Да, познаниями вы не блещете...

НИКИТА. Отчего же... Мы просто кратко...

ВАНЯ. Конспективно, так сказать...

НИКИТА. Отметим, так сказать... Да, кстати, еще одна деталь... Ваня, напомни.

ВАНЯ. Деталь?... Хм... Точно, еще хрюкают...

НИКИТА. Ну и это тоже... Но, главное, запах... Бодрящий запах целительного гуано...

НАСТЯ. Гораздо приятнее выхлопных газов...

ВОЛОДЯ. (*Никите*). Значит, ты все-таки в деревне бывал...

НИКИТА. Я же сказал, естествоиспытатель вы наш, в интернете все есть...

ВАНЯ. (*Насте*). В следующий раз возьми меня с собой...

НАСТЯ. После столиц тебе вряд ли там понравится...

ВАНЯ. После столиц мне обязательно надо окультуриться...

НАСТЯ. Если хорошо будешь себя вести...

ВОЛОДЯ. А вот Софья почему-то молчит...

СОФЬЯ. Я слушаю.

НИКИТА. Софи у нас мудрая, любит подслушивать.

СОФЬЯ. Ты на кого злишься, на Володю?

НИКИТА. Да чего на него злиться?... Ты же слышала, он, это, олимпиадами зашибленный...

НАДЯ. Ладно, кто еще где был?... Рассказывайте... Софья, твоя очередь.

СОФЬЯ. Я в Крым ездила.

ВОЛОДЯ. Отдыхать?.. Ну и как там в бывшей за-
границе?.. Тепло приняли?

НИКИТА. Главное, как пляжи, водичка, лучше
чем в Сочах?

СОФЬЯ. Мы в основном по историческим местам
ездили... Херсонес, Форос, Бахчисарай... Волошин-
ские места...

НИКИТА. Нет, чтобы как-то попроще с товари-
щами...

ВАНЯ. Понятно, искала поэтичкое вдохновение.
Ну и как, нашла?

НАСТЯ. В отличие от тебя, она реально окульту-
рилась.

*Появляется официант, расставляет тарелки с
пирожными и бокалы с мороженым. Затем приносит
кофе.*

ВАНЯ. (Насте). И отчего ты меня любить пере-
стала...

НАСТЯ. Я тебя... любила?..

ВАНЯ. А что, признаться слабо?.. Я вот приз-
наюсь.

ВОЛОДЯ. Интересные вы ребята, так запросто в
любви объясняетесь...

НИКИТА. Ну, пора уже и тебя на чистую воду вы-
вести. Ладно, про свои прежние заслуги не расска-
зывай, нам это неинтересно. А вот насчет того, что
сам заработал на мороженое, поясни... Очень инте-
ресно...

ВОЛОДЯ. А что пояснять? Работал в геологической
экспедиции на Алтае. Как ты говоришь, с рюкзаком
за плечами путешествовал. Таежными запахами на-
слаждался, горными вершинами любовался, птиц
слушал, рассветы встречал, закатами любовался...

НИКИТА. Комаров отгонял, потел, от усталости падал...

ВОЛОДЯ. И это, конечно, было...

НИКИТА. И ради чего?.. Исключительно ради ту-гриков. И, честно признайся, что больше тебя туда не манит.

ВОЛОДЯ. Не только ради денег... А вот насчет не манит, не угадал...

НАДЯ. Слушай, так ты у нас настоящий мачо... Ник, а слабо тебе с ним побороться? Или подраться?

НИКИТА. А отчего ты так решила?

НАДЯ. Не слабо?.. Или ты мышцы накачал по планшетнику путешествуя?

НИКИТА. Я всегда говорил, что феминистки по своей сути провокаторы.

НАДЯ. А ведь он тебя сильнее...

НИКИТА. Ты хочешь, чтобы мы подрались?

НАДЯ. Чтобы он тебя побил...

СОФИЯ. Надь, хватит, а... Что ты на Никиту взъелась?..

НАДЯ. Он знает...

НИКИТА. А что я знаю?..

НАДЯ. Тебе напомнить?..

ВАНЯ. Может вы потом, тет-а-тет... Интересно, а отчего эта девушка за соседним столом одна?..

Все это время Бэлла за столиком рядом пила кофе.

НАСТЯ. Ник, действительно, узнай...

НИКИТА. Я вам что, слуга...

ВАНЯ. А что ты обиделся?..

ВОЛОДЯ. Да ладно вам. Я сейчас все узнаю.

Садится за столик к Бэлле и скоро возвращается вместе с ней.

ВОЛОДЯ. Знакомьтесь. Это Бэлла.

НИКИТА. Надо же... Бэ-эл-ла... Одно эл или два?

БЭЛЛА. Как нравится.

НИКИТА. Поразительный либерализм...

ВОЛОДЯ. Слушай, кончай ты свои приколы. Ты можешь говорить по-человечески?..

НИКИТА. А это как?

ВОЛОДЯ. Без паясничания, серьезно... Вот Бэлла приехала к нам с Кавказа, поступила в институт. Будет учителем...

НИКИТА. Точно?.. У такой учительки я бы учился с удовольствием... На круглые пятерки...

СОФЬЯ. Никита... Успокойся, ты не Печорин.

НИКИТА. Все-то ты знаешь...

ВАНЯ. И откуда с Кавказа?

НАСТЯ. А ты не догадался?

ВАНЯ. Ах да... Неужели из тех же самых ущелий?

БЭЛЛА. Именно из тех... А еще, мальчики, у меня есть резвый жеребец...

ВАНЯ. И брат...

БЭЛЛА. Не один... Давайте знакомиться. Володю я уже знаю...

ВАНЯ. Позвольте начну я... У меня есть... А что же у меня есть?.. Ах да, дедушкина радиола, это такой... ящик с диском, на котором пластинки крутятся... И пластинки тоже есть... Много... Дед собирал. А зовут меня старым русским именем...

БЭЛЛА. Я догадалась, Иван.

ВАНЯ. Боже, какая интуиция...

НИКИТА. Что касается меня, то у меня есть... Ваня, подскажи... Хотя не надо... У меня есть настоящие боксерские перчатки. Отцовские... И сестра имеется... Довеском. Мелкая... А зовут меня Ник...

БЭЛЛА. Николай?

ВАНЯ. Он - Никитос...

ВОЛОДЯ. Никита.

БЭЛЛА. Я поняла.

НИКИТА. А что, я бы на лошади, если бы кто-то, конечно, взялся научить...

НАСТЯ. Ну, наши мальчики гребешки распустили... Я - Настя.

ВАНЯ. Моя девушка.

НАСТЯ. Он шутит.

НАДЯ. Надежда.

НИКИТА. Между прочим, она у нас лидер феминистского движения, если вас, конечно, это модное веяние интересует.

БЭЛЛА. Вот как?

НАДЯ. Не слушай его. (*Никите*). Ты не оригинален.

СОФЬЯ. А меня зовут Софья. И у меня нет лошади и брата.

НИКИТА. Она просто самая умная у нас.

БЭЛЛА. Вы так оживленно что-то обсуждали?

СОФЬЯ. Делились впечатлениями, кто как провел лето. Кстати, можешь присоединиться, рассказать...

БЭЛЛА. А мне нечего рассказывать. Сдала экзамены и поднялась к отцу на горные пастбища. Там у нас отара... А потом вот учиться приехала...

НИКИТА. У тебя что, действительно, есть конь?

БЭЛЛА. Ну, а как же я управлялась бы с отарой без него?

ВАНЯ. Вот она, настоящая героиня моего времени... Коня на скаку остановит...

НИКИТА. В горящую избу войдет... Нет, все-таки, странные люди есть... Один по тайге рюкзак таскает, потеет и радуется, другая на каких-то пастбищах отару пасет на коне...

БЭЛЛА. А что здесь необычного?

НИКИТА. Девушка, то есть Бэлла, а вы вот эту штуку видели? (*Показывает на планшетник*).

БЭЛЛА. Конечно. Я без интернета не могу.

ВАНЯ. Прокол, Ник...

НИКИТА. Так мы родственные души? Будем сим-ками обмениваться... *(Открывает планшетник)*. Диктуй свой емэйл...

БЭЛЛА. Не будем торопиться. И глупо противопоставлять. Виртуальный мир всего лишь дополнение к реальному... А мы живем в реальном мире... Я предпочитаю разговаривать вот так, глаза в глаза...

НАДЯ. А я не люблю умных разговоров... Ахмед, *(Бэлле)* - этой мой знакомый в Турции, тоже мне лапшу вешал, изображал интеллектуала... А платить за него мне приходилось...

НИКИТА. Так, теперь с твоим феминизмом все понятно...

НАДЯ. Ну и селфи вам... Пойду я... Настя, ты остаешься?

ВАНЯ. Настя остается.

НАСТЯ. А почему ты за меня решаешь?

ВАНЯ. Я не решаю, просто хочу с тобой поговорить.

НАДЯ. Ладно, разбирайтесь... Я пошла... Кто со мной?

НИКИТА. Если бы ты не была феминисткой, я бы с тобой пошел...

НАДЯ. А я бы с тобой не пошла... Пока девочки... *(Уходит)*.

НИКИТА. Скучно сидим. *(Бэлле)*. Единственный луч в скучном нашем царстве - это наша гостья... Расскажи, Бэллочка, о себе.

БЭЛЛА. Что рассказать?

НИКИТА. Почему ты одна?

БЭЛЛА. Я сейчас не одна, с вами.

НИКИТА. Была одна.

БЭЛЛА. Просто еще никого не знаю в этом городе.

НИКИТА. А можно я теперь буду составлять тебе компанию?

БЭЛЛА. Я думаю нам вдвоем будет неинтересно.

НИКИТА. Почему?

БЭЛЛА. Потому что ты не умеешь ездить верхом.

НИКИТА. Я научусь... Под твоим чутким руководством... Готов начать хоть сейчас... И, кстати, у нас никто не умеет.

ВОЛОДЯ. Отчего же, я умею...

НИКИТА. Наш пострел...

СОФЬЯ. *(Поднимаясь)*. Ладно, мне тоже пора. Пока ребята...

НИКИТА. Софи, ты куда?

СОФЬЯ. По делам...

НИКИТА. Погоди.

СОФЬЯ. Провожать меня не надо.

НАСТЯ. Я с тобой.

ВАНЯ. Ну, тогда я с вами...

Уходят.

НИКИТА *(после паузы)*. Остался классический треугольник...

БЭЛЛА. Мальчики, мне тоже пора.

НИКИТА. Подожди. Вот рассуди нас. Перед тобой сидят двое юных интеллектуалов. Понятно, что один из них более продвинутый, современный, приятный в общении, коммуникабельный... Ну, а другой тоже не дурак, но из естественников, от земли... И ты - дикая роза вольных степей и предгорий - кого выберешь?

БЭЛЛА. А надо выбирать?

ВОЛОДЯ. Я думаю, да...

БЭЛЛА. Тогда проводите меня вдвоем.

ЗИМА

Тот же сквер, только в снегу. Та же лавочка. На ней, на спинке, поставив ноги на сиденье, как осенью Никита, сидят он и Володя.

ВОЛОДЯ. Ты же с Софьей? Зачем тебе Бэлла?

НИКИТА. Ты что еще не понял? Мы с Софи просто друзья.

ВОЛОДЯ. А с Бэллой хочешь поиграть?

НИКИТА. Хочу отбить у тебя. Ты что, не видишь, ей больше нравлюсь я. И у нас здесь с ней свидание.

ВОЛОДЯ. Не вижу. И у меня с ней здесь свидание.

НИКИТА. Она просто не знает, как от тебя отвязаться.

ВОЛОДЯ. И ты выступаешь теперь в роли ее поверенного.

НИКИТА. Если хочешь, да.

ВОЛОДЯ. А если не хочу?

НИКИТА. Это твои проблемы.

ВОЛОДЯ. Почему ты не хочешь предоставить ей право выбора? Давай, признаемся оба, что она нам нравится и пусть решит с кем будет...

НИКИТА. Женщина не должна ничего решать. Женщина - это просто живой гаджет и не более. Ее никогда не надо спрашивать.

ВОЛОДЯ. Ты это серьезно?

НИКИТА. Я не лицемерю как ты. Сейчас прагматичное время. Мы не рыцари, а они не принцессы. И она, как женщина с гор, горянка, понимает, что выбор за мужчиной, а не за ней. Там еще крепки традиции. Ее дело рожать детей, следить за домом и ублажать мужа.

ВОЛОДЯ. Это что-то из средневековья... Ты не шутишь?

НИКИТА. А ты не так думаешь?... Ты за равенство во всем?... За то, чтобы мы жили при матриархате, который, кстати, сегодня уже просматривается?

ВОЛОДЯ. По Наде судишь?

НИКИТА. Нет... По тому, что нас окружает... С детского сада.

ВОЛОДЯ. Значит, ты боишься женщин...

НИКИТА. Ага, как увижу - трясусь...

ВОЛОДЯ. Так ты скажи сразу Бэлле, что ее ждет, если тебя выберет.

НИКИТА. Донесешь?

ВОЛОДЯ. Привычки не имею.

НИКИТА. А ты, конечно, будешь ее на руках носить...

ВОЛОДЯ. Зачем на руках, тяжело.

НИКИТА. Кофе в постель подавать...

ВОЛОДЯ. Киношный штамп.

НИКИТА. Дорогие подарки дарить...

ВОЛОДЯ. Ну, если буду располагать средствами...

НИКИТА. Значит, счастливым ее не сделаешь... Так что же не скажешь ей сразу об этом?..

ВОЛОДЯ. А счастье - это понятие сугубо индивидуальное. У каждого свое представление о нем...

НИКИТА. Слушай, ты меня притомил, умник... Может ты пойдешь?

ВОЛОДЯ. Нет, посижу.

Пауза.

ВОЛОДЯ. Значит, с Софьей ты просто дружишь...

НИКИТА. А тебе-то что?

ВОЛОДЯ. С глубокого детства...

НИКИТА. Тебе-то что?

ВОЛОДЯ. Ну да, ее влияние чувствуется...

НИКИТА. Это мое влияние чувствуется.

ВОЛОДЯ. А с Надей ты тоже дружишь?

НИКИТА. Что ты ко мне прицепился?.. Завидуешь?.. Так Надьку окучивай, мне не жалко...

ВОЛОДЯ. Щедрый ты... владелец виртуального гарема... Но она тебя не виртуально ревнует.

НИКИТА. Ее проблемы.

Володя спрыгивает со скамейки и встает напротив Никиты.

ВОЛОДЯ. Знаешь, Никита, а ты ведь на самом деле слабак... Тебе-то как раз матриархат и нужен...

НИКИТА *(после паузы)*. Это ты о себе?

ВОЛОДЯ. Да нет, в тебе разобрался за эти месяцы... Ты ведь так, понемногу, всего нахватался... А сам из себя ничего не представляешь. Поступать хочешь туда, куда все, пристроиться потом туда, где меньше работать и больше получать. Или в папин бизнес пойдешь?

НИКИТА. А не пошел бы ты... куда подальше... Тебя похоже из прошлого века к нам занесло.

ВОЛОДЯ. И своего у тебя за душой ничего нет. Вот поэтому и тянет к Софье, хотя как девчонка она тебе не нравится... Впрочем, тебе никто не нравится по-настоящему. Только ты сам себе. Ну и те, которыми ты, соответственно, нравишься... А может тебя к мужчинам тянет?

НИКИТА. Ты... примитив...

ВОЛОДЯ. Ты и физически слаб.

НИКИТА. Хочешь подраться?... *(Спрыгивает со скамейки)*. Только я ведь не стану как плебей кулаками махать. И стреляться с тобой не буду... Велика честь... Ты же из рабов... Из быдла.

ВОЛОДЯ. А я могу в морду тебе дать, но тоже не стану... Похоже, ты ведь голубых кровей, деградирующих, вырождающихся и вымирающих, прибить ненароком могу.

НИКИТА. Твои предки на моих батрачили... И будут батрачить.

ВОЛОДЯ. Ты созидать точно не способен... Надеешься на наследство?... Так папенька у тебя не от ума разбогател, и ты умом не блещешь... Промотаешь скоро, если даже он тебе что-нибудь и оставит.

НИКИТА. Ладно ты, умник штопанный... Посмотрим, куда ты со своими олимпиадами после школы поступишь, и куда я...

ВОЛОДЯ. Даже если денег хватит, ума ведь все равно не прибавится... Не в коня корм... И ты знаешь, я бы с тобой, если бы было можно, стрелялся... И убил бы... Чтобы других, тех, кому ты горе принесешь, от тебя оградить...

НИКИТА. Такие как ты, завистники, в свое время уже в нас стреляли, ну и что в итоге получилось?.. А я до тебя не снизойду... погоди, придешь еще ко мне, прикажу в шею гнать...

ВОЛОДЯ. В барчонка играешь?.. Кстати, в ролевые игры играют те, кто понимает свою неполноценность...

НИКИТА. Достал ты меня...

Никита делает шаг вперед. Володя тоже. Теперь они стоят по разные стороны скамейки, словно у барьеров.

Появляются Ваня и Настя.

ВАНЯ. О, други, по какой причине мерзнете?

НИКИТА. Выясняем отношения.

ВОЛОДЯ. Вспоминаем предков. Хвастаемся, кто каких кровей.

НАСТЯ. Ну, каких кровей Никита мы знаем. А ты тоже претендуешь на родословную с медалями?

ВОЛОДЯ. Породистых собак не держу.

ВАНЯ. Между прочим, это немаловажно сегодня, кто были твои предки. Миф о бедном беспородном мальчишке из Холмогор, выросшим в величину Михайло Ломоносова, как и миф о Золушке, соблазвившей принца, увы, не подтвердился... Но, вы заметьте, какой смысл в этой фамилии... Ломоносов... Лом

носов... Скольким основатель российской академии носы порасквасил за свою жизнь?..

НАСТЯ. Хорошо, что у нас в классе фамилий с таким смыслом нет...

ВОЛОДЯ. Почему хорошо?

НАСТЯ. Я не люблю, когда других калечат.

ВАНЯ. Это безальтернативный закон выживания. Либо ты, либо тебя...

НИКИТА. Почему же нет?.. Вот у Вани...

ВАНЯ. Обо мне не будем... У меня ведь их как бы две. Нет, даже три... А какую примерю, пока не решил.

НАСТЯ. Почему три?

ВАНЯ. По отцу, понятно, под которой сейчас значусь... По матери, которую вот собираюсь взять, все-таки мы с ней ближе... Ну и по ее бой-френду...

НАСТЯ. По бой-френду необязательно, он - величина непостоянная...

ВАНЯ. Вроде как узаконить отношения собираются. Так что скоро будет у меня вполне законный отчим. А вдруг захочет усыновить?.. Не отказываться же, у него фамилия звучная, двери открывающая...

НИКИТА. А чего тогда тянешь? Назови свой сезам...

ВАНЯ. Хотя мы с тобой с детских горшков друг друга знаем, прости, Никитос, не могу... Уж слишком известная... Вот снизойдет на меня, тогда сообщу...

ВОЛОДЯ. Не иначе из родовитых, столичных...

ВАНЯ. Да брось ты, на что они способны, вырожденцы?.. Он из тех крутых малиновых пиджаков, из девяностых прошловековых... А нынче уважаемый человек и общественный деятель.

НИКИТА. Так он уже старый?

ВАНЯ. Ну и мать у меня не девочка... Да и бой-френды старыми не бывают. Это порода такая, маль-

чиков без возраста. Этаким вечно озабоченный подросток-толстячок в подтяжках и с масляной мордой...

ВОЛОДЯ. Как же ты его фамилию носить будешь, при таком отношении к своему отчиму?

ВАНЯ. Пока потенциальному, замечу... Да нет ничего проще... Как пиджак... Кстати, я твою фамилию в «Бархатной книге» нашел. Твои предки отметились или однофамильцы?

НИКИТА. Что за бархатная книга?

ВАНЯ. Список именитых людей: бояр, дворян и прочих деятелей... При царе то ли в шестнадцатом, то ли в семнадцатом веке составили. Вроде как по заслугам увековечили для потомков.

НАСТЯ. Свою фамилию там искал?

ВАНЯ. Маман попросила о бой-френде разузнать, ну вот и нашарил.

НАСТЯ. И его фамилия там есть?

ВАНЯ. Увы. Ни его, ни моей... Не заслужили наши предки. Мамкина девичья есть... Только она считает, что это однофамильцы.

НИКИТА. А мою там видел?

ВАНЯ. Не попадалась. Но я не все смотрел, их там много, только бой-френда и свои искал. Просто Володькина на ту же букву, что и мамина...

НИКИТА. Да это наверняка его однофамильцы... А моя, я не сомневаюсь, там точно есть.

НАСТЯ. Как же, Никита, без тебя.

ВАНЯ. Ладно, все это фейк...

ВОЛОДЯ. Ну, не скажи. Кому-то это жизненно необходимо для самоутверждения... Как недоростку ходить, чтобы вровень с остальными быть...

ВАНЯ. Может и так, я в ходулях не нуждаюсь, а вы как хотите... Так все-таки, что мы здесь мерзнем? Пошли по кофейку, согреемся...

НИКИТА. Не получится... Вот его берите. (*Указывает на Володю*). А у меня свидание здесь.

ВОЛОДЯ. Свидание у меня.

НИКИТА. У меня свидание... А он нагло присоседился... Забирайте с собой.

НАСТЯ. Как интересно.

ВАНЯ. И загадочно.

НАСТЯ. А я сейчас угадаю... Софью ждете?..

ВОЛОДЯ. Ну, не совсем...

НИКИТА. Ну да, ее...

ВАНЯ. Вдвоем одну?

НИКИТА. Я же сказал, он присоседился.

ВОЛОДЯ. Он Софью ждет, а я другую...

НАСТЯ. Кого?

ВОЛОДЯ. Пока сказать не могу.

НАСТЯ. Как интересно... И оба на одном месте.

НИКИТА. Да, эта скамейка нам обоим понравилась.

НАСТЯ. Темните вы что-то...

ВАНЯ. Насть, не будем им мешать... Пошли...

Уводит ее.

Никита и Володя обходят несколько раз скамейку, стараясь не оказаться рядом, помахивая руками и притоптывая, чтобы согреться.

НИКИТА. Шел бы ты...

ВОЛОДЯ. А ведь ты боишься...

НИКИТА. Тебя что ли?

ВОЛОДЯ. Что она меня выберет.

НИКИТА. Если она действительно тебе назначила здесь, то мало ей не покажется...

ВОЛОДЯ. *(Смотрит на часы)*. Скоро уже выясним.

С той стороны куда ушли Ваня и Настя появляется Софья.

СОФЬЯ. Ну, и кому из вас я назначила свидание?

НИКИТА. Мы с тобой не договаривались, это точно.

ВОЛОДЯ. Мне ты тоже не назначала...

СОФЬЯ. Значит, Настя с Ваней решили разыграть... А я повелась... Думаю, как интересно, Ник и Володя, лед и пламя... Или наоборот, пламя и лед... Как правильно?

НИКИТА. Правильно, два в одном...

СОФЬЯ. Унисекс и ботаник?.. Адская смесь...

НИКИТА. А все-таки, тебя задело, что не тебя ждем...

СОФЬЯ. С чего ты взял?

НИКИТА. Обозвала потому что.

СОФЬЯ. Не обозвала, а констатировала. И, между прочим, зарубите себе на носу: можете не надеяться, свиданий ни с кем из вас у меня не будет. Только деловые встречи.

ВОЛОДЯ. Я не обиделся.

СОФЬЯ. Я уже заметила, что ты не из обидчивых. В отличие от Никиты.

НИКИТА. Да, обижаюсь... Потому что ничто человеческое мне не чуждо... (*Володе*). Только не говори о комплексе, мы с тобой только что оба на спинке скамейки сидели. Софи, помнишь, осенью он тут красно-речием пытался сразить... Так вот у него тоже петушиный комплекс...

ВОЛОДЯ. За компанию посидел...

СОФЬЯ. Ладно, продолжайте нести дозор, петушки... Не уважают вас ваши избранницы, если ждать так долго заставляют... Или у вас одна?.. Тогда совсем плохо... Кстати, Володя, ты к олимпиаде готовишься?.. Поможешь мне с некоторыми темами разобраться?

ВОЛОДЯ. Не вопрос.

СОФЬЯ. Ладно, пока кавалеры... Никитос, расскажешь потом, как прошло ваше полигамное свидание... (*Уходит*).

НИКИТА. Продолжим топтаться или оба уйдем? Уже полчаса ждем...

ВОЛОДЯ. Она не говорила точно, когда придет. И потом, позвонила, если бы передумала... Но ты можешь уходить, я ей скажу, что ты ждал, но не дождался, замерз...

НИКИТА. Нет, это уж ты проваливай...

Появляется Надя. Она явно расстроена, бежит никого не видя. Никита встает на ее пути. Она поднимает голову и неожиданно бьет Никиту по лицу.

НИКИТА. Ты что?

НАДЯ. Сволочь!

НИКИТА. Чокнулась?

НАДЯ. Подонок! Мразь!

Никита отталкивает ее. Надя падает в снег. Володя помогает ей подняться. Никита стоит в стороне, прижимая к щеке ладонь.

НИКИТА. Дура.

ВОЛОДЯ. (Наде). Ты чего на него набросилась?

НАДЯ. Он знает.

НИКИТА. Что я знаю?

НАДЯ. Ты все знаешь...

НИКИТА. Не знаю я ничего!

НАДЯ. Не знает кошка чье мясо съела... Убери из сети...

НИКИТА. Ах, это... Фу, дура... А что такого, топлес, сама просила...

НАДЯ. Я сказала, убери, сейчас же...

НИКИТА. Сейчас не убери... Холодно. А что ты вдруг?.. То сама просила, теперь я виноват...

НАДЯ. Убери!

НИКИТА. Да ладно, ладно, уберу. Истеричка... Доберусь до компа и уберу...

ВОЛОДЯ. Потребность самообнажения свидетельствует...

НАДЯ. Заткнись, умник... (*Никите*). Не уберешь, плохо будет... (*Уходит*).

НИКИТА. (*Вслед*). Угрожаешь?.. Своего турецкого хахалю выпишешь?

Надя останавливается.

ВОЛОДЯ. Он уберет... Уберет... Если что, я за тебя еще пощечину ему влеплю.

Надя уходит.

НИКИТА. А ты допрыгаешься...

ВОЛОДЯ. Вот и провели дипломатический раут. Нет, чтобы поблагодарить...

С другой стороны появляется Бэлла. Она празднично светится, ее лицо выражает полное счастье.

БЭЛЛА. Ой, мальчики, хорошо что вы меня дождались...

НИКИТА. Почти час, между прочим, на морозе...

БЭЛЛА. Ну, извини, Ник, задержалась в салоне... (*Подхватывает обоих под руки*).

А вы настоящие рыцари... Если бы не вы, я бы так скучала...

НИКИТА. А теперь не скучаешь?... Два рыцаря по бокам... Ты бы уж выбрала одного из нас.

БЭЛЛА. А зачем? Вы мне оба нравитесь. С вами интересно... Вот ты, Никита, веселый, остроумный... Все кафешки хорошие мне показал. Мы с тобой в фейсбуке здорово прикалываемся... А с Володей мы

весь город обошли... С бардами меня познакомил, на слэм сводил...

НИКИТА. А это что еще за секта?

БЭЛЛА. Какая секта?.. Ты что, Никита, не был ни разу?.. Володя, что же ты друга не сводил?..

ВОЛОДЯ. Он поэзию не понимает.

НИКИТА. А, так это мастера болтологии собираются...

БЭЛЛА. Ты что, там так интересно... Поэты свои стихи читают... Разные... И у каждого по-своему получается...

НИКИТА. Ну, тебе, будущему учителю литературы, это, конечно, может быть и интересно...

БЭЛЛА. Да это интересно любому интеллигентному человеку.

НИКИТА. Интеллигенция - это порождение тоталитарного советского общества. Ее больше нет.

ВОЛОДЯ. Интеллигенция - это ничье не порождение. Это просвещенная и деятельная прослойка любого общества. Тех же дворян, правда не всех, в какой-то мере можно считать интеллигентами...

НИКИТА. Дворяне - это дворяне...

БЭЛЛА. Не спорьте, мальчики. Я ведь не для выяснения значения этого слова вас позвала.

НИКИТА. Действительно. Интересно, для чего же?

ВОЛОДЯ. Мы тут гадаем...

БЭЛЛА. Я позвала вас... чтобы пригласить на мою свадьбу...

Никита и Володя убирают свои руки и отходят в стороны.

НИКИТА. Облом. Полный.

БЭЛЛА. Никит, ты что?.. Володя?..

НИКИТА. Уже на свадьбу?.. Обоих сразу?

БЭЛЛА. Ну да.

НИКИТА. В качестве кого?

ВОЛОДЯ. А жених кто?

БЭЛЛА. Мой одноклассник... Мы с ним проучились до девятого класса, а потом он уехал в Питер. И вот он меня нашел... И сделал предложение...

НИКИТА. Когда?

БЭЛЛА. Неделю назад...

ВОЛОДЯ. Нашел? По интернету?

БЭЛЛА. Нет, он приехал. Узнал у родителей, где я и приехал.

НИКИТА. И сразу же сделал предложение.

БЭЛЛА. Вчера.

НИКИТА. А я с тобой...

БЭЛЛА. Никита, ты славный. (*Целует его в щеку*). Мне правда было с тобой очень интересно. Ты хороший товарищ, и мы будем дружить, даже когда я перееду в Питер. Будем скайпиться...

НИКИТА. Ага.

БЭЛЛА. И Володечка будет самый лучший мой друг. Мой будущий муж хочет с тобой познакомиться, говорит, что я ему все уши прожужжала, Володечка то знает, Володечка это рассказал...

НИКИТА. А про меня... не жужжала?..

БЭЛЛА. И про тебя тоже... Я вас обязательно познакомлю с моим мужем и вы понравитесь друг другу.

НИКИТА. Сомневаюсь.

ВОЛОДЯ. Обязательно понравимся... Так он тебя сейчас ждет?

БЭЛЛА. Нет, он утром улетел,

ВОЛОДЯ. А свадьба когда? И где?

БЭЛЛА. Регистрация здесь, потом поедem к моим родителям, а потом полетим в Питер... Свадьба в марте. Я вам все-все подробно расскажу... И познакомлю со всеми...

НИКИТА. *(С иронией)*. Мы будем так счастливы...

ВОЛОДЯ. Давай мы тебя проводим...

НИКИТА. Это без меня... У меня масса дел.... Будь счастлива, обманщица... *(Убегает)*.

БЭЛЛА. Ник! *(Володе)*. Я не разобрала, что он сказал?

ВОЛОДЯ. Будь счастлива...

БЭЛЛА. Нет, в конце...

ВОЛОДЯ. И я не разобрал...

БЭЛЛА. Если бы у меня не было жениха, я бы влюбилась в Никиту...

ВОЛОДЯ. А в меня?

БЭЛЛА. В тебя?... Ты просто замечательный, как мой старший брат...

ВОЛОДЯ. Это лестно, конечно... Давай я тебя провожу...

Уходят, держась на расстоянии друг от друга.

ВЕСНА

Классная комната. За столами сидят Никита, Софья, Ваня, Настя, Володя. Перед ними стоит Светлана Федоровна.

СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА. Я попросила вас остаться, потому что вы друзья Нади. И нам с вами нужно помочь ей.

НИКИТА. Вот еще... Каждый сам должен выпутываться.

СОФЬЯ ФЕДОРОВНА. Никита, я тебя не понимаю... Вы что, поссорились?... Ты почему не хочешь подать руку помощи своему товарищу?

НИКИТА. Подают только нищим. Это унижает.

СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА. Не поняла... Объяснись...

НИКИТА. А нечего объяснять, все и так ясно.

СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА. Ты меня все больше удивляешь...

СОФЬЯ. Светлана Федоровна, да что вы его слушаете. Он просто треплется, не думая.

НИКИТА. (*Софье*). Все то ты знаешь... Я не треплюсь, а говорю то, что думаю. Кто ее заставлял свои селфи и прочее выставлять напоказ?.. Надо же думать было. А теперь будем виноватого искать, распищать всенародно...

ВОЛОДЯ. Там не только селфи были выставлены...

НИКИТА. А твое мнение меня вообще не интересует. Сама она виновата и нечего тут обсуждать.

СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА. Если ты что-то знаешь, поделись... Не могла ведь она выставить те, о которых вся школа говорит... Там ведь не селфи...

НИКИТА. Ну да, кто-то снял, а она даже не заметила...

СОФЬЯ. А кто снимал?

СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА. Об этом я хотела вас спросить. Вы же ее друзья... Софья?

СОФЬЯ. Последнее время мы почти не общаемся.

СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА. Никита?.. Вы ведь раньше симпатизировали друг другу...

НИКИТА. Да что обсуждать? Она все выкладывала сама... А чего стесняться? Не уродка же...

СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА. Значит ты не знаешь... Настя?

НАСТЯ. Она со мной не делилась... А парней знакомых у нее много.

НИКИТА. Турок даже есть. А что между ними было, мы знаем?... Чего искать виноватого... Если сама не говорит, значит не хочет. Что же мы насиловать ее будем все хором?

СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА. Никита...

НИКИТА. Я имел в виду насилие в психологическом плане...

НАСТЯ. Она с лета какая-то не своя...

ВАНЯ. Ничего, переболеет...

СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА. Значит вы мне ничего не хотите рассказать?

НИКИТА. А что рассказывать? Мы сами ничего не знаем. Она давно уже сама по себе...

СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА. Что значит сама по себе? Вы же все, кроме Володи, с первого класса вместе...

СОФЬЯ. Мы же все теперь сразу просле занятий разбегаемся по репетиторам... У каждого свои... А потом к экзаменам готовимся...

НАСТЯ. Не до общения...

ВАНЯ. Слушайте, а ведь точно, одиннадцатый год... Ну надо же?... Мои родители вместе семь лет выдержали, а мы терпим друг друга десять...

НАСТЯ. Скоро одиннадцать...

ВАНЯ. Ну да, одиннадцать... Светлана Федоровна, честно предупреждаю заранее, на выпускном обязательно напьюсь до хрюканья.

НАСТЯ. Тогда ко мне не подходи.

ВАНЯ. Подползу, не прогонишь?.. Пожалеешь, приголубишь...

СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА. Господи, какие вы еще дети... А ведь уже взрослые люди... Вам уже по восемнадцать...

СОФЬЯ. Мне семнадцать... Я самая маленькая...

ВАНЯ. Я помню, дедушка про какого-то Гайдара рассказывал, который в восемнадцать лет полком командовал...

НИКИТА. Гайдар не полком, страной руководил, и не в восемнадцать лет, а уже дядькой... Теперь его полоскают по случаю юбилеев...

ВАНЯ. Дедушка не мог перепутать, он у меня грамотный...

НИКИТА. А я точно знаю.

СОФЬЯ. Вы оба правы. Дедушка Гайдар в революцию полком командовал...

ВАНЯ. Точно. А потом книжки писал...

СОФЬЯ. А его внук был премьер-министром... А правнучка стала политическим деятелем...

ВАНЯ. Про нее можешь не рассказывать, в интернете прочтем.

НИКИТА. Крутая семейка...

СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА. Ну что, все?.. Разобрались, кто кому кем приходится?.. Мне кажется, важнее помочь своему товарищу, поддержать в трудную минуту. Я не ожидала от вас такой черствости...

ВОЛОДЯ. Можно мне, как недавно появившемуся и не знающему десятилетнюю историю отношений...

СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА. Ты знаешь, кто выставил эти фотографии?

ВОЛОДЯ. Я не об этом хотел сказать. О том, что вы напрасно тратите время. Здесь нет настоящих друзей Нади. Да и все мы не друзья друг другу.

НИКИТА. Ну, ты-то уж точно, чужой для нас.

ВОЛОДЯ. Да, я чужой. За этот год я не нашел в вас ничего для того, чтобы желать вашей дружбы.

ВАНЯ. И мы в тебе не нашли.

ВОЛОДЯ. Значит, взаимно... Никто не бросится ей на помощь, каждый думает только о себе. И смелости не хватит у того, кто выставил эти фото, признаться в этом. Да никто и не считает, что это плохо... Наоборот, столько лайков...

НИКИТА. Ты сейчас всех нас будешь выводить на чистую воду?.. Этакий благородный защитник... А ей может быть это в кайф...

СОФЬЯ. Никита, помолчи... Я знаю, что она очень расстроилась... (*Володе*). Значит, ты знаешь, кто, но сказать не хочешь. Почему?

ВОЛОДЯ. Я не доносчик.

СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА. Это не донос... Это...

НИКИТА. Это предательство.

СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА. Да, предательство по отношению к Наде. Если не сказать, кто это сделал.

НИКИТА. Это предательство по отношению к тому человеку, который доверил свою тайну другому. Любую.

СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА. Даже преступную?

НИКИТА. Если бы она хотела, она бы сама все рассказала... Значит это предательство и по отношению к ней.

СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА. Это казуистика.

НИКИТА. Это логика жизни.

СОФЬЯ. Действительно, Светлана Федоровна, разве хорошо выдавать чужую тайну, какая бы она не была?

СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА. Софочка, ты же умненькая, отзывчивая девочка... Разве ты не хочешь помочь своей подруге? Ты же знаешь, как к ней теперь относятся и в школе, и в городе...

СОФЬЯ. А что, разве на фотках не она? И почему это плохо, в таком виде... А если мы назовем, кто их выставил, что это изменит?

СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА. Это поможет этому человеку осознать низость своего поступка.

НИКИТА. А если она сама этого пожелала? А потом, когда на нее все ополчились, расстроилась...

СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА. Но этот человек должен был отдавать себе отчет, к чему это приведет. Она еще школьница.

НАСТЯ. Вы сами только что говорили, что мы уже взрослые.

СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА. Вы еще глупенькие...
НИКИТА. Да не глупее вашего поколения.

Пауза.

СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА. Да, не глупее, согласна. А назвала вас глупенькими, потому что переживаю, боюсь за вас. Вы только вступаете во взрослую жизнь, а в ней больше разочарований, чем вы думаете... И за ошибки приходится расплачиваться...

ВАНЯ. А вы не бойтесь... Мы сами за себя думаем... Правда, я вот еще и за Настю. *(Обнимает Настю).*

НАСТЯ. *(Убирая его руку).* А за меня, Ванечка, думать не надо, я сама.

ВАНЯ. Что ты сама?

НАСТЯ. Я сама все буду решать.

НИКИТА. Вот, пожалуйста, матриархат налицо... И я понять не могу, чего Надька так переживает, ей, феминистке, все фиолетово должно быть...

ВАНЯ. Матриархат - это иллюзия. Мужчины только делают вид, что позволяют что-то решать женщинам... На самом деле все решаем мы, сильный пол.

НАСТЯ. Это ты серьезно?

ВАНЯ. Конечно.

НАСТЯ. Так вы решаете все-все?

ВАНЯ. *(Неуверенно).* Конечно. Может и есть какие-то исключения, в силу половых различий, но я об этом не думал.

НАСТЯ. Тогда у тебя есть время подумать... *(Пересаживается за стол к Володе).* Но, учти, совсем немного.

СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА. Ну вот, дети и дети...

ВОЛОДЯ. Да нет, это уже взрослые игры.

СОФЬЯ. Какой ты умный, Володя... И такой рассудительный... Слушай, а ты ведь нам ничего о себе

не рассказал... Ты же тоже с кем-то вместе десять лет прожил...

ВОЛОДЯ. Это неважно. И вам не интересно.

НИКИТА. А его к нам заслали... Из другой галактики...

ВАНЯ. Но он ведь что-то хотел важное нам рассказать, а мы как-то не уважили... Что-то по поводу того, чего он в нас не нашел...

СОФЬЯ. Да, действительно, это нам интересно...

ВОЛОДЯ. В тебе, Софья, я многое нашел. Ты умна, много знаешь, умеешь. И не кичишься этим. Но тебе все твои одноклассники со своими проблемами безразличны. У тебя своя жизнь и свои интересы. И подруг у тебя нет... И никогда не было... Вот и делаешь вид, что тебе интересно дружить с Никитой, хотя это совсем не так...

НАСТЯ. Все-то ты знаешь...

ВОЛОДЯ. Нет, не все. Я еще не разобрался в тебе... Тебе ведь Ваня нисколько не нравится. Как, впрочем, и ты ему... Но вы усиленно создаете видимость влюбленных. Зачем?

ВАНЯ. Ну, прямо, оракул...

НИКИТА. Дельфийский...

НАСТЯ. Погодите... *(Поворачивается к Володе)*. А если это так и мы действительно создаем видимость? Что из этого?

ВОЛОДЯ. А из этого следует, что вы выдаете ложь за правду. Тем самым сбиваете с толку окружающих. Лживое выдаете за истинное. Обманываете всех и прежде всего себя. Ваши отношения - видимость, красивая упаковка, гламур, а содержимое в ней безлико и бесчувственно... Вы просто боитесь одиночества... А полюбить непросто, сделать вид легко...

ВАНЯ. А мне вот кажется, что вот ты сам и есть сплошной обман...

ВОЛОДЯ. С твоей точки зрения несомненно...

СОФЬЯ. А чем же плох Никита? Ты ведь его терпеть не можешь?

ВОЛОДЯ. Он всем настолько хорош, что его просто нет... В нем все наносное... Эмоции, отношения, чувства, мечты... Собственно, какие мечты, их у него нет... Есть конкретные прагматичные планы... И цель - жить развлекаясь...

НИКИТА. Мне этот бред надоел... (*Светлане Федоровне*). Мы что же остались, чтобы выслушать этого... непонятно кого? Слушай, с какой планеты ты упал?

ВАНЯ. Он из прошлого... По ошибке.

СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА. Действительно, я не ожидала... Мне трудно понять Володю, я знаю его также, как и вы, всего год. Но у него прекрасные характеристики из прежней школы, он умный и целеустремленный мальчик... Не сомневаюсь, что он поступит куда хочет...

НИКИТА. Очередной Лом носов...

СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА. Я не поняла...

НИКИТА. Это я к слову...

ВОЛОДЯ. Я понял... Может я нечетко все изложил... Но мне хватило года, чтобы понять: вы все живете в лживых координатах. У вас нет ясного представления, что хорошо, а что плохо... Светлана Федоровна, вы не получите от нас, в том числе и от меня, ответа на ваши вопросы. Мы все уже живем в другом, чем ваш, мире, а в нем другие критерии.

СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА. В другом. В каком?

ВОЛОДЯ. Там где центр всего - я сам...

СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА. Но ты ведь не такой?..

ВОЛОДЯ. Такой же... Это иллюзия, что я другой... Я просто все это осознаю...

НИКИТА. Надо же, умник...

СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА. Признаться, я не ожидала такого разговора... Вы меня все очень озадачили.

Мне казалось, я вас всех, за исключением Володи, хорошо знаю... Но вы уже не дети... И я не сомневалась, что Надя с вами делится своими проблемами... Дело вовсе не в фотографиях... Надя беременна. Я думала, что вы об этом знаете...

Пауза.

НАСТЯ. Как? Она ничего не говорила.

НИКИТА. Вот тебе и феминистка.

СОФЬЯ. Мы, действительно, не знали. Думали, что она просто приболела.

ВАНЯ. Неожиданно, конечно, но мы-то причем?

СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА. Вы же знаете с кем она дружит... Или дружила... Она не говорит, кто отец ее ребенка... А он мог выставить эти фотографии.

ВАНЯ. Ну, не я точно...

Настя садится обратно к Ване.

НИКИТА. Она из Турции приехала вся заведенная... Помните, про турка и неглиже что-то рассказывала...

НАСТЯ. Этого только не хватало... А с кем она последнее время встречалась?.. Софи?.. Ник?.. Вы же лучше знаете. Нам с Ваней не до нее было.

СОФЬЯ. Я ее видела или с Никитой или с Володи.

ВОЛОДЯ. Да, мы иногда разговаривали... Гуляли вместе...

НИКИТА. А что, она сама не знает, кто отец ее ребенка?

СВЕТЛАНА ФЕДОРОВНА. Я же сказала, она не говорит.

НИКИТА. Ну и правильно. Мы уже взрослые. Вот и она сама разберется, что ей делать... Я, конечно, с ней попробую поговорить...

ВОЛОДЯ. Вот этого как раз делать не надо... И аутодафе устраивать ни ей, ни отцу ее ребенка не надо. Сами разберемся...

Поднимается и уходит...

ЛЕТО.

Все тот же парк, та же скамейка. Только в окружении зеленых деревьев. Теперь на ее спинке сидят Софья, Никита, Ваня, Настя.

НИКИТА. Ох, с какой радостью я уеду наконец из этого города.

СОФЬЯ. От всех нас... Так мы тебе надоели.

ВАНЯ. А что, пора уже отдохнуть друг от друга. Это же надо одиннадцать лет вместе...

НАСТЯ. А через несколько лет будешь жалеть, что они пролетели...

ВАНЯ. Не буду... Если верить опыту старшего поколения, то самые счастливые годы - студенческие. А они еще впереди.

НАСТЯ. И что же, одноклассников вспоминать не будешь?

ВАНЯ. Не всех.

НИКИТА. И я не буду.

СОФЬЯ. Не захотите узнать, как у кого сложится жизнь?

НИКИТА. А что узнавать? И так все ясно. Вот Ваня с Настей пожениятся и начнут рожать детей. Штук пять...

НАСТЯ. Ага, разбежался...

НИКИТА. Выбьются в люди... Нет, выбиваться не будут, просто Ванькин отчим быстренько скovyрнет-ся, оставит пасынку свой бизнес, который будет приносить дивиденды. А свободные от материальных забот... как там у твоего отчима фамилия?

ВАНЯ. Неважно.

НИКИТА. Ну, в общем, неважно под чьей фамилией, они будут жечь, где хотят... Потом растолстеют оба, станут лениться, построят себе, нет, купят, особняк и будут там жить-поживать...

ВАНЯ. Надо же, как ты, Никитос, в несколько предложений всю нашу жизнь вложил... Но я не против, чтобы жечь... А вот насчет растолстеть, не согласен. У нас в доме тренажерный зал будет. И бассейн. И мы будем всегда стройными и молодыми...

НИКИТА. Ладно, согласен, пусть так будет.

НАСТЯ. А я не согласна.

ВАНЯ. Почему?

НАСТЯ. Потому что будет по-моему...

ВАНЯ. Ну-ка, ну-ка... Поделись.

НАСТЯ. А я не скажу... Я вот лучше про Ника... Ты, Никитос, станешь солидным, вальяжным, большим-большим начальником.

СОФЬЯ. Начальником-бюрократом.

НИКИТА. И будете вы все мне завидовать. Кроме Софи, естественно.

ВАНЯ. Почему кроме Софи?

НИКИТА. А она будет вредной ученой теткой, из-за книг ничего не видящей и ничем не интересующейся...

СОФЬЯ. Я буду симпатичной и энергичной... И любознательной всегда... Только зря мы так с вами походя о своем будущем ... Напророчим... Ведь прав в чем-то Володя... Мы еще не разобрались до конца, что хорошо, а что плохо...

НИКИТА. Чего ты его вспомнила...

Пауза.

НАСТЯ. А Надька скоро родит. И у нее будет одна забота...

ВАНЯ. Да, поступить она уже не сможет в этом году.

НИКИТА. А может и совсем не станет, начнет рожать одного за другим...

ВАНЯ. Интересно, если не от этого засланца, то от кого?..

НАСТЯ. А что это тебя так интересует?

ВАНЯ. Так, в тему... *(Обнимает Настю, но та уворачивается)*.

НАСТЯ. А может ты меня, действительно, не любишь, только делаешь вид?

ВАНЯ. А ты меня?

НИКИТА. Да ладно вам, вы уже давно в женихах и невестах ходите.

ВАНЯ. Но видишь, она уже сомневается, что меня любит.

НИКИТА. Ну и разбежитесь... А вот как у нашего ботаника жизнь сложится, интересно...

ВАНЯ. Поступит куда хочет, можешь не сомневаться. Вундеркинд.

НАСТЯ. С правильными ориентирами.

СОФЬЯ. Но и со своей червоточиной.

НИКИТА. С червячком, как яблоко.

ВАНЯ. Значит, без химии, натуральное...

НИКИТА. Что без химии?

ВАНЯ. Да яблоко. Не он же...

СОФЬЯ. А если он без червоточки, а мы с вами...

НИКИТА. Да бросьте вы комплексовать ... Нашли дон-кихота... У того крыша поехала, на мельницы стал бросаться, ну и у этого тоже... В наше время главное ни в чем себе не отказывать, жить в свое удовольствие...

СОФЬЯ. Только где оно, не рекламное, а то, что тебе, действительно, в удовольствие?.. Мы то с вами в этом разобрались?..

НИКИТА. Все, хватит самоедством заниматься, пора опять на эсэмэски переходить. Этот ботаник за год нас совсем в обезьян превратил, только и делаем, что болтаем, болтаем... Софи, я тебя сегодня начну засыпать эсэмэсками, не отмалчивайся...

СОФЬЯ. Подумаю... Пошли, действительно, по домам... Надо к экзаменам готовиться... *(Спрыгивает со скамейки)*.

ВАНЯ. А то может в кафешку зайдем, мне маман денежку подкинула. Насть, как ты?..

НАСТЯ. Мы с Софи идем учиться. *(Присоединяется к Софье)*.

НИКИТА. А я не откажусь...

ВАНЯ. Ну и пойдем с тобой вдвоем.

НИКИТА. Жечь и наслаждаться.

ВАНЯ. А они пусть пашут...

НИКИТА. Девчонки, пока!

НАСТЯ. До завтра, бездельники...

ВАНЯ. *(Никите, негромко)*. Нет, не умеют женщины отдыхать... Я вот думаю, пожалуй, не стоит мне торопиться с женитьбой... Да и тебе тоже.

НИКИТА. О, умная мысль... Мы с тобой ее сейчас обсудим...

Уходят. Остается опустевшая скамейка, ставшая безмолвным свидетелем всех этих событий.

СЦЕНКИ ДЛЯ ДОМАШНЕГО ТЕАТРА

ПОЗДНИЙ ЗАВТРАК

В этой сценке всего два персонажа, мужчина и женщина.

Кухня квартиры людей среднего достатка.

Появляется мужчина. Он в домашнем халате, видно что ещё до конца не проснулся. Ставит на плиту чайник, насыпает в стакан заварку. Зевая, садится за стол и, подперев голову руками, смотрит на чайник, ожидая пока тот закипит.

Появляется женщина. Она тоже в халате, но более презентабельном и такая же заспанная. Садится напротив мужчины, также положив голову на руки. Теперь они смотрят друг на друга, словно играют в кто кого пересмотрит.

ЖЕНЩИНА (*переводя взгляд на стакан с заваркой*). А почему не кофе?

МУЖЧИНА. Ты же знаешь...

ЖЕНЩИНА. А мне сделай кофе... Покрепче...

Мужчина берёт чашку, сыпет из банки в неё ложку кофе. Смотрит на женщину, добавляет ещё полложки. Ставит на стол рядом со стаканом.

Женщина начинает их придвигать друг к другу пока они не сталкиваются.

ЖЕНЩИНА. Ну как твоя Аэлита?

МУЖЧИНА. А как твой Грегор?

ЖЕНЩИНА. Ладно, пусть будет Лолита...

МУЖЧИНА. Тогда Ник...

ЖЕНЩИНА. Чего ты заводишься? Не получилось?

МУЖЧИНА. Почему же, у меня всегда всё ровно.

ЖЕНЩИНА. А у меня всё наперекосяк.

Свистит чайник. Мужчина наливает кипяток в стакан и в чашку.

ЖЕНЩИНА. Ты так стучишь... Это отвлекает...

МУЖЧИНА. Значит, ты не увлеклась до конца.

ЖЕНЩИНА. Да, наверное. У меня должен был быть момент истины, но увы.

МУЖЧИНА. Игра пошла не по правилам... А знаешь почему?

ЖЕНЩИНА. Поделись своей версией.

МУЖЧИНА. Потому что ты не любишь Грегора.

ЖЕНЩИНА. Он не Грегор.

МУЖЧИНА. Неважно. Важно, что ты не любишь его и пытаешься всё время принизить, сделать глупее.

ЖЕНЩИНА. Ну да, твоя Аэлита - типичная блондинка...

МУЖЧИНА. Ты же знаешь, что я не сторонник теории, что блондинки хороши только в постели. И моя, кстати, совсем не Аэлита, у неё не столь вычурное имя. Недооцениваешь ты мой вкус... Только вслушайся - Аэ-ли-та... Особенно вот это А-э... Она не героиня моего романа.

ЖЕНЩИНА. Ладно, я забыла её имя... Или ты не говорил?.. Ну да, ты не говорил, я бы запомнила.

МУЖЧИНА. У меня нет таких интрижек как у тебя.

ЖЕНЩИНА. Ну да, всё гладко и скучно.

МУЖЧИНА. Потому что я не кровожаден как ты.

ЖЕНЩИНА. Я только по необходимости...

МУЖЧИНА (*пододвигая к себе стакан*). Ладно, пей кофе.

В молчании делают несколько глотков.

ЖЕНЩИНА. И отчего мужики так любят поучать. Будто всё знают лучше ...

МУЖЧИНА. Вечный спор. С библейских времён.

ЖЕНЩИНА. Почему бы нам?.. (*Пауза*). Нет, не получится...

МУЖЧИНА. Почему же, возможно. Но только что-то спринтерское... Между мужчиной и женщиной гармония возможна только на краткий миг, как в соитии...

ЖЕНЩИНА. Тебя сейчас это волнует?

МУЖЧИНА. Что?.. Ах это? Отчасти... Мы уже эту стадию прошли...

ЖЕНЩИНА. Ну да. К тому же это немодно сегодня. Твоя, как там... да, не Лолита, я помню... Мог бы уже и рассекретить... Ладно, имя не суть. Понятно, что это неземное существо, озабоченное более важным, чем примитивная обыденная повседневность...

МУЖЧИНА. Да, философия мироздания, это более насущное. Но это постижимо лишь мизерным количеством людей. Большинство же, как твой Ник, останавливается на стадии нижнепоясного инстинкта...

ЖЕНЩИНА (*после паузы*). Ладно, пусть будет Ник... Слушай, а как ты хорошо выразился «стадия нижепоясного инстинкта»... Надо будет использовать... Я понимаю, это первая снизу. А сколько всего стадий?

МУЖЧИНА. Заимствуй, позволяю. Это вполне в твоём жанре.

ЖЕНЩИНА. Так сколько стадий?

МУЖЧИНА. А что даст тебе это знание?

ЖЕНЩИНА. Ну как, любопытно же... Удовлетворю своё женское любопытство...

МУЖЧИНА. Боюсь это тебе не пригодится. Не всё подвластно женскому уму... Тем более познание мужчины.

ЖЕНЩИНА. Уверена, свою блондинку ты тоже не знаешь.

Пауза.

ЖЕНЩИНА. А ты только меня не любишь или всех женщин?

МУЖЧИНА. Ты что, обиделась? Поспешила перевести меня в разряд женоненавистников?

ЖЕНЩИНА. Нисколько. Это мой Грегор задаёт тебе вопрос...

МУЖЧИНА. А, ну если Грегор... Вот как бы ему ответить, чтобы он смог понять...

ЖЕНЩИНА. Не напрягайся, он всё поймёт с полуслова. Ты его недооцениваешь.

МУЖЧИНА. Я не верю в интеллектуальную мощь подобных героев.

ЖЕНЩИНА. Как и в женский ум.

МУЖЧИНА. Если первое порождение второго... Тебе ещё?

ЖЕНЩИНА (*пододвигая чашку*). Да, горчит...

Мужчина доливает ей в чашку кипятка.

МУЖЧИНА. Нет, в чём-то вы, женщины, нам фору дадите. И за пояс заткнёте, спорить не стану. Но до определённой стадии, а дальше ни в какую... Героиня моего романа, к примеру, вроде интеллектуалка,

действительно, как ты угадала, неземного масштаба, а вот достигла своего потолка...

ЖЕНЩИНА. Погоди, не всё сразу... Моему умишку сразу всю конструкцию твоего творения не осилить. Начнём распутывать постепенно... В чём ты всё же признаёшь наше превосходство?

МУЖЧИНА. В интригах, естественно.

ЖЕНЩИНА. И всё?

МУЖЧИНА. Ещё кое в чём... Но я беру самое безобидное. То, что присуще и мужчинам-политикам. Большинство из них грезят о силе и охотно подчиняются более сильному...

ЖЕНЩИНА. Ну вот видишь, и мужчинам тоже.

МУЖЧИНА. Но эти взрослые мужи просто несмышлёные дети по сравнению с самой заурядной простушкой... Хотя среди женщин простушек не бывает. Это камуфляж.

ЖЕНЩИНА. Это комплимент?

МУЖЧИНА. Это констатация.

ЖЕНЩИНА. А, ну да... Хорошо, пусть так, констатировали.

МУЖЧИНА. Поэтому мужчины-политики женщин к власти и не допускают. Лишь в малых безвредных количествах.

ЖЕНЩИНА. Значит, женщина конкурентноспособна в политике. А мужчины боятся утратить свою монополию... (*Задумчиво*). Вообще-то, миф о сильном и слабом поле сотворили женщины...

МУЖЧИНА (*после паузы*). Я не стану с этим спорить. Он вам выгоден, это очевидно.

ЖЕНЩИНА. А кто осмелится спорить?..

Пауза.

ЖЕНЩИНА. Так что там с твоей интеллектуальной, на какой-то стадии?

МУЖЧИНА. Программа зависла.

ЖЕНЩИНА. Какая жалость.

МУЖЧИНА. Но самое прискорбное, что твой Грегор как мужчина, обладая априори более высоким уровнем постижения сути вещей, а это очевидно всем здравомыслящим, твоими усилиями низведён до уровня примитивной интриганки...

ЖЕНЩИНА. Ну, если тебе так важно ощутить свою значимость и вернуть ощущение полноценности...

МУЖЧИНА (*перебывая*). Вот видишь, ты, как представительница своего племени, не можешь без шпильки...

ЖЕНЩИНА. Сам понимаешь, это важный предмет в женском гардеробе.

МУЖЧИНА. Без... (*Замолкает*).

ЖЕНЩИНА (*выжидая*). Ну же?

МУЖЧИНА. А провоцировать не надо... И персонажик твой, Ник, с сугубо женским характером и мозгами...

ЖЕНЩИНА. Это ты в мой огород или в его?

МУЖЧИНА. Как тебе нравится.

ЖЕНЩИНА. Мне иногда нравятся наши интеллектуальные сражения...

Женщина ставит чайник на плиту, делает себе ещё одну чашку кофе.

ЖЕНЩИНА. Хочешь кофе?

МУЖЧИНА (*с раздражением*). Ты же знаешь...

ЖЕНЩИНА. Ах да... А я никак не проснусь.

МУЖЧИНА. Он тебя совсем вымотал. Полный кретин...

ЖЕНЩИНА. Нет, он у меня вменяемый, но сама коллизия, увы, вышла из-под контроля. У тебя такого не бывает?

МУЖЧИНА (*с воодушевлением*). Это самый лучший момент, когда всё развивается помимо твоей воли...

ЖЕНЩИНА (*в тон*). И ты отпускаешь на волю свою фантазию...

МУЖЧИНА. И я отпускаю на волю свою фантазию.

ЖЕНЩИНА. Которая склонна к хаосу и необъяснимому...

МУЖЧИНА. В отличие от прокрустова ложа бездушной интриги...

ЖЕНЩИНА. И это выдаётся за высший полёт мысли, хотя на самом деле это всего лишь творческая немочь.

МУЖЧИНА. Дух не может быть немочен, а фантазии есть порождение духа, в отличие от сугубо меркантильного копания в человеческих отношениях... и в тёмной стороне личности.

ЖЕНЩИНА. Но в этих витийствованиях духа так много нереального, неосязаемого и не вызывающего сильных чувств... Всего лишь бесчувственная игра ума... Может я всё же приготовлю тебе кофе?

МУЖЧИНА. Ты же знаешь, я его не терплю.

ЖЕНЩИНА. А я не предлагаю пить... Ты будешь нюхать. А его вкус просто вообразишь. Или нафантазируешь.

МУЖЧИНА. Мне неинтересен его вкус.

ЖЕНЩИНА. Потому что ты его не знаешь.

МУЖЧИНА. Потому что он мне неинтересен.

ЖЕНЩИНА. Ну да, земное вам не по вкусу.

МУЖЧИНА. Не обобщай... Хотя у нас действительно параллельные миры... (*Пауза*). А это ведь любопытная идея... Два непересекающихся мира в этой комнате...

ЖЕНЩИНА. Только не воспари.

МУЖЧИНА. Ты удержишь... Слушай, а есть хоть одна женщина-философ, имя которой осталось в истории?

ЖЕНЩИНА. Вероятно мужчины уничтожили все следы. В древнем мире они слушали жриц и преклонялись перед ними.

МУЖЧИНА. Не передёргивай. Жрица - это тот же политик.

ЖЕНЩИНА. Вот видишь, вы уже тогда боялись конкуренции.

МУЖЧИНА. Ни одной... философицы... А что, надо ввести это слово «философица» в оборот...

ЖЕНЩИНА. Аэлита-Лолита-философи... напрашивается та...

МУЖЧИНА. У неё другое имя.

ЖЕНЩИНА. Ты ощущаешь колебания весов?

МУЖЧИНА. В руках той самой, что всегда с завязанными глазами?... Я понимаю, тебе этот образ ближе. И если на одной чаше мужчина, а на другой женщина, очевидно, какая чаша опустится.

ЖЕНЩИНА. Вообще-то этот жанр основали мужчины.

МУЖЧИНА. По-женски склонные к интригам и страхам. А потом женщины перетянули одеяло на себя.

ЖЕНЩИНА. Ты, мой дорогой, плохо знаешь женщин. Женщина предпочитает не укрываться, а демонстрировать своё обнажённое тело.

МУЖЧИНА (*с интересом*). И ты тоже?... Я не замечал.

ЖЕНЩИНА. Я выросла в атмосфере пуританских нравов...

МУЖЧИНА. Ага, теперь я понял, почему твой Грегор-Ник извращенец... Он удовлетворяет нереализованные желания пуританского воспитания.

ЖЕНЩИНА. А ты говоришь, что в моём жанре нет философии.

МУЖЧИНА. Это я дофантазировал за тебя.

ЖЕНЩИНА. И позаимствовал у моего Грегора способность чуть-чуть понимать женщин.

МУЖЧИНА. Потому что твой Грегор-Ник просто измышление женщины, и в нём нет ни грана настоящего мужчины.

ЖЕНЩИНА. А в твоей Аэлите-Лолите исключительно мужские фантазии и ни грана истинной женщины.

МУЖЧИНА. И ты понимаешь это, поэтому и выбрала себе псевдоним Пит Крэг...И тем самым ещё более обманываешь читателя...

ЖЕНЩИНА. Но Кэтрин Стальс тоже фейк.

МУЖЧИНА. Мне навязал этот псевдоним издатель.

ЖЕНЩИНА. Между прочим, рядиться в женщину и даже менять пол стало модным среди мужчин.

МУЖЧИНА. У уродливого меньшинства так называемых мужчин.

ЖЕНЩИНА (*вздыхает*). А так хочется брутальности.

МУЖЧИНА. Оттого в твоих романах столько крови и трупов.

ЖЕНЩИНА. А в твоих сплошные романтические грёзы и нелепые фантазии.

МУЖЧИНА. Мы проектируем будущее.

ЖЕНЩИНА. Исходя из настоящего, вы не очень хорошие проектировщики.

МУЖЧИНА. Но нас хорошо читают.

ЖЕНЩИНА. Нас тоже.

МУЖЧИНА. Мы, между прочим, создаём привлекательный образ женщины. Можно сказать, выпе-

стовываем женщину будущего. Умную, трепетную, светлую...

ЖЕНЩИНА. Мы тоже пишем не совсем реальный образ мужчины. Которого, увы, нет в нашем настоящем...

МУЖЧИНА. Ты хочешь сказать, что я...

ЖЕНЩИНА. Мы же сейчас не о нас с тобой...

МУЖЧИНА. О Пите и Кэтрин...

ЖЕНЩИНА. Ну да, о них... И признаться, моему Питу этой ночью было совсем не до женщин.

МУЖЧИНА. А моя Кэтрин совсем не желала мужчин.

ЖЕНЩИНА. Но ведь это ненормально? Надеюсь в своих фантазиях вы, фантасты, ещё не дошли до гермофродитства как вершины развития человечества?

МУЖЧИНА. Между прочим, это интересная версия.

ЖЕНЩИНА (*подходит к мужчине*). Мой дорогой мужчина, ваши фантазии - из далёкого и, надеюсь, нереального будущего. (*Обнимает*). А я, между прочим, по тебе соскучилась. А ты?

МУЖЧИНА. Признаться, мне тоже надоела платоническая любовь... (*Поднимает её на руки*). Я думаю, тебе сейчас совсем не хочется тянуть одеяло на себя...

ЖЕНЩИНА. А тебе пытаться ощутить неосознаемое...

МУЖЧИНА. Нарушим закон параллельности...

ЖЕНЩИНА. ...и наши миры пересекутся...

Мужчина уносит женщину.

НАШЕСТВИЕ

Действующие лица:

Пришелец - просто пришелец.

Варькин Иван Евсеевич - простой человек.

Варькина Капитолина Апполинарьевна - жена простого человека.

Варькина Оля - дочь простых людей.

Пустовертова Эмилия - случайный человек.

Яговецкий Игорь Игоревич - пропащий человек.

Махарадзе Георг Оттович - подозреваемый сообщник пришельца.

Двухкомнатная квартира в многоэтажном доме. Здесь проживает семья Варькиных. Диван, стол, стулья, телевизор. Разбросанные по комнатам вещи свидетельствуют о том, что накануне здесь шли спешные поиски чего-то. И только огромная карта двух полушарий звездного неба несет в себе фундаментальность и незыблемость, свысока взирая на всё со стены.

Но вот кто-то пытается попасть ключом в замочную скважину. Дверь медленно открывается и входит Варькин, на ходу просматривая что-то на экране смартфона. Не отвлекаясь от этого увлекательного занятия, сбрасывает туфли, проходит к дивану. Ложится и продолжает листать... Потом с сожалением отвлекается от этого занятия и идет на кухню. Возвращается, жуя кусок вафельного торта, намазанного кабачковой икрой. Садится на диван и теперь весь в гаджете. От этого занятия его может оторвать только нечто из ряда вон выходя-

*щее. И оно происходит. От пинка ногой резко распа-
хивается дверь. Появляется Варькина, сгибающаяся
под тяжестью пакетов с покупками.*

ВАРЬКИНА. Варькин!.. Иди, возьми!

*Варькин не слышит, он увлечён поглощением ин-
формации.*

ВАРЬКИНА. Ты что, оглох!?

ВАРЬКИН *(испуганно вскакивая)*. А?.. Что слу-
чилось?.. Это ты, Капа. *(С сожалением откладывает
смартфон)*. Ты смотри, как в мире непросто... Если, ко-
нечно, это не фейк... Отоварились? *(Забирает пакеты,
сгибаясь под их тяжестью)*. Ты как к войне готовишься.

ВАРЬКИНА. Поменьше разговаривай... Где дети?

ВАРЬКИН *(уходя на кухню)*. Судя по всему, от-
сутствуют. А ужинать что мы будем? Что-нибудь
вкусенького принесла?

ВАРЬКИНА. Ну да, полуфабрикатами ещё не тра-
вились... Сам думай. У меня и так голова болит от
забот. Могу я позволить себе отдых... *(Садится на
диван, отодвигает в сторону смартфон, блаженно
разбрасывает руки)*.

ВАРЬКИН *(появляясь)*. Может тогда картошки...
В мундире...

ВАРЬКИНА. Господи, хоть бы в своём мобильнике
книгу рецептов завёл... Деньги на него переводишь, а
никакой практической пользы.

ВАРЬКИН *(неуверенно)*. Тогда яичницу...

ВАРЬКИНА. За шестнадцать лет мог бы чему-
нибудь, кроме яичницы, научиться. Картавин вон
какие блюда готовит... Елизавета горя не знает.

ВАРЬКИН. Лишний вес вреден. А Елизавету уже
не обхватишь, на диете теперь сидит...

ВАРЬКИНА. А с твоей яичницы - ноги протянешь. Что хочешь, то и делай, а я посижу.

ВАРЬКИН *(просительно)*. А может чего-нибудь вкусенького ты сварганишь?..

ВАРЬКИНА. Я, между прочим, также как и ты, пришла с работы. А еще магазины обошла, все руки оборвала... Не раздражай меня... Ладно, там колбаса есть, не мучайся, пожарь свою яичницу...

ВАРЬКИН. Понял. *(Уходит)*.

ВАРЬКИНА *(вслед)*. Уроки хоть сделали?

Голос Варькина: «Ты знаешь, я не в курсе...»

ВАРЬКИНА. Ты отец, или как... *(Снимает платье)*. Где мой халат?

Голос Варькина: «Не знаю, Капочка.»

ВАРЬКИНА. А кто должен знать... *(Ищет халат)*. В этом бардаке разве что найдёшь... Что я, голая должна ходить?!

Голос Варькина: «Капитолина, не порть мне настроение!»

ВАРЬКИНА. Кто бы о моём настроении позаботился.

Раздаётся певучая трель дверного звонка.

ВАРЬКИНА. Варькин! Где мой халат?... *(Берёт платье и идёт на кухню, по пути сталкиваясь с мужем)*. Я голая!.. Открой.

ВАРЬКИН *(протягивая ей нож)*. Дорежь, Капочка.

Варькин открывает дверь. Входит Пришелец - молодой, стройный мужчина с азиатским типом лица. Одет он в потёртые джинсы, неуловимого цвета рубашку с короткими рукавами, из кармашка которой торчит нечто блестящее, напоминающее толстый карандаш.

ПРИШЕЛЕЦ. Простите, здесь живут Варькины?

ВАРЬКИН. Да.

ПРИШЕЛЕЦ. Вы - Варькина?

ВАРЬКИН. Варькин...

ПРИШЕЛЕЦ. Учту... Значит, я попал точно. Благодарю... *(Проходит в комнату)*. Я к вам делаю работу.

ВАРЬКИН. Я вообще-то вас первый раз вижу. И не по понял, вы по делу или какую-то работу делать?

Голос Варькиной: «Кто там?»

ВАРЬКИН. Не знаю.

ВАРЬКИНА *(появляется, оправляя платье)*. Вы, господин-товарищ, откуда?... А, поняла, вы - газовик, листочек лежал... Вовремя, идите, пожарьте нам колбасу, если сможете...

ВАРЬКИН. Опять газа нет?

ВАРЬКИНА. Еле теплится... *(Пришельцу)*. У вас дома поди всё в порядке.

ПРИШЕЛЕЦ. В порядке... Но я не газовик... Хотя и у вас теперь всё в порядке.

ВАРЬКИНА. Знаете, не надо нас за лохов держать.

ПРИШЕЛЕЦ. За что держать?

ВАРЬКИН. Капочка, а что там шипит?

ВАРЬКИНА. Где?... *(Прислушивается)*. Я только... *(Быстро уходит на кухню. Слышится её го-*

лос). Да, что же это такое, всё сгорело! Что они там химичат; то еле теплится, то пламя под потолок...

ПРИШЕЛЕЦ. Ещё что-нибудь нужно... химичить?

ВАРЬКИН. А ты с юмором... Я понял из «Бюро добрых волшебников», рекламу мне присылали. Точно... Капа, это из бюро услуг!.. (*Пришельцу*). Слушай, у нас ещё телик барахлит... К соседу хожу футбол смотреть. Давай, валяй...

ПРИШЕЛЕЦ (*недоумённо*). Валять?..

ВАРЬКИН. Ну да, ремонтируй.

ПРИШЕЛЕЦ. Так валять или ремонтировать?

ВАРЬКИН. Ладно тебе грамотея корчить, делай.

ПРИШЕЛЕЦ. Хорошо.

Достаёт блестящий карандаш, касается экрана, тот вспыхивает, появляется изображение беседующих. Один вещает:

«Каждое чудо нуждается в скрупулезной подготовке. На мой взгляд, совершенно незаслуженно на ходятся в тени фокусников ассистенты, а ведь они сотворцы чуда...»

ВАРЬКИН. Ну ты даёшь... (*Ищет на диване пульт*). Капа, а где у нас пульт от ящика?

Пришелец в это время незаметно вставляет в розетку вилку.

ВАРЬКИНА (*появляясь*). И сколько все эти чудеса стоять будут?

ВАРЬКИН. Да, действительно...

ПРИШЕЛЕЦ. Всё учтено в программе как возможные неожиданности.

ВАРЬКИНА. Как там у вас классифицируется, нас не интересует, а вот цены очень даже... Мы не миллионеры какие-то, воровать не умеем.

ПРИШЕЛЕЦ. Это известно.

ВАРЬКИН. Ты не темни, во что обойдётся?

ПРИШЕЛЕЦ. Безвозмездно.

ВАРЬКИНА. Бесплатно, что ли?.. Ладно врать, потом придёт какой-нибудь счёт астрономический, как за ЖКХ...

ВАРЬКИН. Капа, вполне может быть, это рекламная акция... (*Пришельцу*). Скажи, это акция?

ПРИШЕЛЕЦ. Наверное так...

ВАРЬКИН. Тогда понятно... Так и надо, сначала делать хорошую рекламу, а потом цены заламывать... Расчёт тонкий и точный... Но грех не воспользоваться... Так, что тут у нас ещё... (*Оглядывается*). Ремонт, конечно, делать не станете, по мелочам... О, карниз вот прибить с той стороны надо, гремит, когда ветер... Давай, друг.

ПРИШЕЛЕЦ. Прибить?.. Обновить? (*Направляет предмет, похожий на карандаш, на окно*). Готово.

ВАРЬКИН. Не темни.

ПРИШЕЛЕЦ. Там светло, видно.

ВАРЬКИН. Ты хочешь сказать... (*Выглядывает*). О, покрасил, что ли?.. У тебя там что, на крыше кто сидит?

ПРИШЕЛЕЦ. Это не трудно.

ВАРЬКИН. Я понимаю...

ВАРЬКИНА (*подходит к окну и тоже выглядывает. Варькину*). Ты бы меньше в свои игрушки играл, а то память совсем отшибёт... Сам поди заказал, вот с утра и покрасили.

ВАРЬКИН. Да не заказывал...

ВАРЬКИНА. Значит, я дура... (*Поворачивается к Пришельцу*). А ты кто такой? И на каком основании вмешиваетесь в личную жизнь?!

ПРИШЕЛЕЦ. Вообще-то я... Вы называете нас пришельцами...

Пауза.

ВАРЬКИН. Так, ничего маркетинговый ход... Вы, значит, пришельцы. А мы?..

ПРИШЕЛЕЦ. Люди. Земляне.

ВАРЬКИНА. Варькин! Проводи этого...

Распахивается дверь и в комнату вбегает Оля. Ей лет четырнадцать-пятнадцать, но выглядит она вполне взрослой девушкой. Может быть, из-за макияжа и броской одежды. Но в общем, она обычный взрослый ребёнок.

ОЛЯ. Предки, приветик... *(Пришельцу)*. Вы что, гость?.. А что же стоите, садитесь. *(Подталкивает того к дивану)*. В ногах правды нет... Или коммивояжёр?.. А что впариваете? *(С акцентом)*. Самая свежая фрукта... Живая витамина... Эликсир молодости и сексуального счастья... *(Оглядывает Пришельца)*. Нет, скорее секонд-хенд известных лейблов с соседней улицы?.. Ну ладно, показывайте...

ПРИШЕЛЕЦ. Вы меня поймёте...

ВАРЬКИНА. Ольга, помоги этому... коммивояжёру найти выход.

ОЛЯ. Выход?.. Пожалуйста... Иа-а-а... *(Делает несколько движений каратэ. Пришелец продолжает сидеть)*. А мужчинка вроде ничего, не секонд-хенд...

ВАРЬКИН *(вздыхая)*. И это моя дочь...

ОЛЯ. Вполне возможно, что и не твоя.

ВАРЬКИНА. Ольга!

ВАРЬКИН. Капа, как это понимать?

ПРИШЕЛЕЦ *(глядя на карту)*. На этой карте моей родины нет.

Все медленно поворачиваются к карте, затем к Пришельцу.

ОЛЯ (*после паузы*). Чего нет?

ПРИШЕЛЕЦ. Родины.

ОЛЯ. Моей тоже... Не отмечена...

ПРИШЕЛЕЦ. Вы не поняли, это не моя галактика.

ОЛЯ (*после паузы, с пафосом*). Пришельчик... Родненький! (*Падает на колени, вскидывая руки*). Долгожданненький...

ВАРЬКИНА. Ольга, встань сейчас же! Как ты себя ведёшь... перед женщиной.

ОЛЯ (*негромко*). Ты мыслишь понятиями прошлой эпохи... Возможно - это не мужчина, а бесполое существо. Или транссексуал.

ПРИШЕЛЕЦ (*опускаясь на колени напротив*). Ну, если вам так удобнее... Мне кажется, мы с вами найдём язык...

ВАРЬКИНА (*неуклюже опускаясь на колени между ними*). Я - мать и не позволю! (*Варькину*). Что ты стоишь как истукан?! Какой-то проходимец пудрит мозги твоей дочери, а ты... Мямля! Феминизированный дурак!

ВАРЬКИН (*неожиданно твёрдо*). Прекрати, Капа! (*Оле*). А ты - встань! Сейчас же! (*Пришельцу*). А вы, из созвездия Кассиопеи...

ПРИШЕЛЕЦ (*удивлённо*). Вы знаете?

Варькин растерянно опускается на диван.

ОЛЯ (*вскакивает, хлопая в ладоши*). Чума!.. Мы - избранные, мы - избранные!.. (*Бросается на шею Пришельцу и целует его*). Есть контакт... Вы не врубаетесь, это историческая минута, предки: Земля (*театрально протягивает вперед руки*) - Кассиопея... (*Насильно вкладывает руки Пришельца в свои*). Где

овации?.. Где папарацци?.. Где... Я сейчас... (*Срывается с места*). Без меня - никуда! Ждите! И не волнуйтесь, психологически совмещайтесь... Я вас на всякий случай с той стороны закрою.

Убегает. Слышно, как запирается замок.

ВАРЬКИНА (*растерянно*). Я в таком виде... (*Варькину*). Ну, принимай решение, ты ведь мужчина...

ВАРЬКИН. Гм... Я, собственно, не готовился...

ПРИШЕЛЕЦ. Вы не напрягайтесь, всё будет, как вы говорите, в ажуре, согласно инструкции общения с простыми людьми...

ВАРЬКИНА (*настороженно*). В каком таком ажуре?.. И что значит, простые люди?

ПРИШЕЛЕЦ. Простые люди... (*Словно читая инструкцию*). К этой разновидности разумных белковых относятся существа, использующие незначительную часть своих умственных способностей, деятельность которых чётко делится на выполнение общественно-производственных обязанностей или функций удовлетворения собственных физических потребностей и поглощения примитивной информации. Контакт возможен на основе обсуждения вопросов, касающихся жизни этой разновидности и ее окружения, а также неудовлетворённых материальных запросов... Не рекомендуется затрагивать серьёзные философские и метафизические темы, а также... (*Осёкся*). Простите, не рекомендуется говорить на эту тему...

Пауза.

ВАРЬКИНА. Так... Значит, не рекомендуется... Умник.

Пришелец удивлённо смотрит на Варькину.

ВАРЬКИН *(неуверенно)*. Погоди, Капитолина, товарищ оказывается не из бюро и даже не с Земли... Понимаешь, у них там иное мышление... Ну, они не от мира сего. Проще, не в себе...

ВАРЬКИНА. А мне до лампочки их мышление! Тебя оскорбляют, а ты, суслик...

ВАРЬКИН. Капитолина!

ВАРЬКИНА. Что Капитолина? *(Пришельцу)*. Ска-тертью дорога... *(Проходит к двери, пытается от-крыть)*. Варькин, открой!

ПРИШЕЛЕЦ. Вы не расстраивайтесь. Дверь заперла ваша дочь, Варькина Оля... *(Поворачивается к Варьки-ну)*. А почему вы суслик?.. Это другая разновидность...

ВАРЬКИНА. А вас не спрашивают... Что же это делается, врывается в квартиру неизвестный, оскорбляет, а на него управы не найти... *(Варькину)*. Зво-ни в полицию... Нет, не им, от них никакого толку, в этот, в эмчээс...

ПРИШЕЛЕЦ. Простите, если вы хотите кого-то переместить сюда, пожалуйста... *(Достаёт из кар-мана рубашки предмет, похожий на карандаш)*.

ВАРЬКИНА. А это что ещё за штуковина? Опять какая-нибудь наноигрушка...

ПРИШЕЛЕЦ. Как вам сказать... Доставщик...

ВАРЬКИНА. Я сейчас сама достану. *(Вырывает у Варькина из рук смартфон)*. Я сейчас достану...

ПРИШЕЛЕЦ. Хорошо, как знаете...

Вдруг смартфон сам включается. Слышится го-лос: «Дежурный слушает...»

ВАРЬКИНА. Дежурный... А я же не набрала...

Голос: «Не хулигань...»

Отключается.

ВАРЬКИНА (*настороженно глядя на Пришельца*). Где-то я тебя видела...

ПРИШЕЛЕЦ. Возможно. Я могу уточнить. (*Опять достаёт предмет*).

ВАРЬКИНА. Варькин! Звони в полицию!

Трель дверного звонка.

ВАРЬКИН. Войдите!

ВАРЬКИНА. Куда войдите, Ольга нас заперла... (*Проходит к двери*). Кто там?

Голос Махарадзе: «Здесь живёт семья Варькиных?»

ВАРЬКИНА. Да, здесь. Что вы хотели?

Голос Махарадзе: «Видите ли, я ищу друга. Он должен быть у вас.»

ВАРЬКИНА. Какого друга?

Пауза.

ВАРЬКИНА (*шёпотом Пришельцу*). Тебя? Сообщник... Варькин, звони!

ВАРЬКИН. Что-то связи нет...

ПРИШЕЛЕЦ. Меня?.. Зачем? (*Идёт к двери*).

ВАРЬКИН (*опережая Пришельца*). Эй, кто там?! (*Тишина*). Ошибся кто-то. Ну и ладно.

Варькина в это время достаёт свой телефон, набирает... Но соединения нет. Смотрит на Пришельца, потом на Варькина, жестом выражает своё недоумение.

ВАРЬКИНА *(неожиданно ласково Пришельцу)*. Что же мы стоим, давайте присядем. *(Возвращается к дивану. Глядя на предмет в руке Пришельца)*. Надо же, чего только не изобретут...

ВАРЬКИН. Нанотехнологии...

ПРИШЕЛЕЦ. Это ключ к возможностям.

ВАРЬКИН. Далеко ушли...

ПРИШЕЛЕЦ. Нет, мы пришли.

ВАРЬКИН. Я фигурально, то есть, иносказательно, дескать, техника у вас на высоте.

ПРИШЕЛЕЦ. Мы перенесли коммуникации в Космос.

ВАРЬКИН. Н-да... *(Не зная, о чем говорить)*. Так вы спрашивайте, интересуйтесь, задавайте вопросы...

ВАРЬКИНА. А может поужинаем. Чаю попьем... *(Недоверчиво глядит на Пришельца)*. Ой, не нравится мне всё это... *(Уходит на кухню)*.

ВАРЬКИН. Не обращайтесь внимания, женщины наши все ворчат... Она у меня ещё ничего, есть такие зануды...

ПРИШЕЛЕЦ. Стараюсь понимать.

ВАРЬКИН. Понять... Не понимать, по нашему - понять... Вот-вот... Нас понять надо. Пусть мы простые люди, но нас ведь на Земле большинство. Мир, можно сказать, на нас держится, как на китах... На наших мозолистых, неприятных...

Пришелец неуверенно кивает.

ВАРЬКИН. Ну, что это всё я да я говорю. А как вы там, у себя, живете?

ПРИШЕЛЕЦ *(заученно)*. Живём хорошо, достигли высокой ступени развития, у нас нет проблем... *(После паузы)*. В отличие от землян...

ВАРЬКИН. Да, проблем у нас выше головы... *(Включает смартфон)*. Надо же, заработал... *(Пришельцу)*.

Вон, в нём одном сколько проблем, куда пальцем не ткни... А корень? Один наш земной философ говаривал: «Зри в корень...» Так вот, в нас, в людях, этот корень в человеческом факторе. Техника у нас тоже хорошая, а вот человеческий фактор подводит... Нам бы побольше ответственности на всех постах. И честности...

ВАРЬКИНА (*появляясь*). Опять ты про свою политику. Может, товарищу инопланетному это неинтересно.

ПРИШЕЛЕЦ (*неуверенно*). Почему же...

ВАРЬКИН. А, действительно, проблемы-то наши, земные, нам их и решать. Некоторые, правда, надеются, что вот, мол, спустятся ваши тарелки и всё решают. Но я лично...

ВАРЬКИНА. Пойдёмте, чайку попьем... (*Варькину, шёпотом*). Думай, что говоришь.

ВАРЬКИН (*шёпотом*). А что такого?

ВАРЬКИНА. Мало ли, откуда он... Брякнешь, что не надо.

ВАРЬКИН. Да я... Да они и так все знают. У них там все давно на нано...

ВАРЬКИНА. Всё равно лучше молчи. (*Пришельцу*). Милости просим к нашему столу.

ПРИШЕЛЕЦ. Вы знаете, я...

В это время в комнату влетает Оля. И тут же возвращается обратно, заталкивает сопротивляющуюся Пустовертову, модно одетую девушку, которая никак не производит впечатление робкой.

ОЛЯ. Я свидетеля привела!

ВАРЬКИН. Какого свидетеля?

ВАРЬКИНА. Ты чего это ещё выдумала?

ОЛЯ. Да ладно вам, всего пугаетесь... Обыкновенного. Случайного человека, который может беспри-

страстно засвидетельствовать эту нашу встречу цивилизаций. (*Игриво, глядя на Пришельца*). Вдруг наш миленький пришельчик вздумает исчезнуть, пока телевизионщики подъедут.

ВАРЬКИНА. Ты и их пригласила?

ОЛЯ. Мамуля, потом. Всё потом... (*Берёт Пришельца за руку, подводит к Пустовертовой*). Пришельчик, знакомься, это обыкновенная земная девушка, по имени... Она сейчас сама скажет.

Пустовертова протягивает руку. Пришелец двумя руками берет её ладонь. Оля, хлопает в ладоши, кричит:

- Есть контакт! Есть контакт!

ПУСТОВЕРТОВА (*кокетливо поправляя причёску*). Так вот ты... вы какой...

ПРИШЕЛЕЦ. Какой?

ПУСТОВЕРТОВА. Да так, вполне...

ПРИШЕЛЕЦ. И вы... Вполне...

Пустовертова и Пришелец стоят посреди комнаты. Остальные с любопытством и ожиданием наблюдают за ними.

ОЛЯ. Всё. (*Хлопает в ладоши*). Пора приступать к диалогу. (*Выдвигает стол на середину, расставляет вокруг стулья*). Рассаживайтесь. (*В это время в дверь звонят. Кричит.*) Входите, мы вас ждём!

Входит Яговецкий. Это явно опустившийся человек. Оглядывает всех, несколько разочаровывается, видя пустой стол, но надежды не теряет и робко и одновременно уверенно идёт к столу.

ЯГОВЕЦКИЙ. Добрый вечер, соседи.

ОЛЯ. Что, дядь Игорь, чутьё не подвело?

ЯГОВЕЦКИЙ. Да я, собственно, так заглянул...

ВАРЬКИНА. Трезвый ещё... Денег не дам. И не проси.

ВАРЬКИН (*Пришельцу*). Это наш сосед...

ЯГОВЕЦКИЙ. А у вас, я вижу, гости... Сударыня (*неловко целует руку Пустовертовой*). Сударь (*подаёт руку Пришельцу, но тот прячет свою*). Напрасно брезгуете, я интеллигентный человек... Правда, бывший, в связи с распадом державы. Яговецкий Игорь Игоревич, имею честь...

ПРИШЕЛЕЦ. Простите, вы чем больны? Ряд земных болезней очень опасны для нас.

ЯГОВЕЦКИЙ (*без обиды*). Понимаю, бывает... Но моя не заразная. (*Вытирает ладонь о штанину, снова протягивает*).

ВАРЬКИН (*встаёт между ними*). Обожди, сосед, я тебе объясню. Видишь ли...

ПУСТОВЕРТОВА (*решительно отодвигая Варькина*). Слышь, алкаш, это инопланетянин и мы тебе его заразить не позволим.

ЯГОВЕЦКИЙ (*растерянно*). Да я что... Не хочет, не надо. С кем только я не пил и ничего. С самим Грибоедом пил (*загибает пальцы*), с Джойсом, с Остроуховым пил, с Семён Ивановичем... (*Садится за стол*). Обидели... Расстроился жутко. Аж выпить хочется... Подлечиться.

ПРИШЕЛЕЦ. Это опасная болезнь?

ЯГОВЕЦКИЙ. Загнусь, если не полечусь... Вот прямо сейчас.

ПРИШЕЛЕЦ. Что значит загнусь?

ВАРЬКИН. Это значит - окочурится.

ПРИШЕЛЕЦ. Что значит, окоручится?

ВАРЬКИНА. Сейчас я его вылечу. (*Уходит и возвращается с наполовину наполненным стаканом*). На, болезный... (*Пришельцу*). Может тебе тоже налить?

ВАРЬКИН (*радостно*). Точно, мать, за встречу надо... Давайте обмоем это дело... Сейчас чего-нибудь на стол сообразим...

ОЛЯ. Ну вы, предки... (*Стучит себя по лбу*). У вас машинное масло есть?

ВАРЬКИН. Зачем?

ОЛЯ. Так они только масло пьют!

Все смотрят на Пришельца.

В это время появляется Махарадзе.

МАХАРАДЗЕ. А у вас не заперто...

ВАРЬКИН. Как не заперто?.. (*Проходит к двери и тут же возвращается*). Всё заперто.

ВАРЬКИНА. Так... Это что ещё за дела?.. (*Махарадзе*). Ну-ка, домужник, показывай отмычку!

МАХАРАДЗЕ. Что значит - отмычка?

ВАРЬКИНА. Не понимаешь... Ну-ка, выворачивай карманы, пока полицаев не вызвала...

МАХАРАДЗЕ. Что значит - выворачивай?

ОЛЯ. Дядь, чего это у тебя там в карманах, покажь?..

МАХАРАДЗЕ. Пожалуйста. (*Выворачивает пустые карманы*).

ВАРЬКИНА. Уже спрятал.

ВАРЬКИН. Сбросил инструмент. Народ увидел и сбросил. Сейчас найду... (*Уходит в прихожую*).

МАХАРАДЗЕ. Я... Там, действительно, было открыто, а я захлопнул...

ВАРЬКИН (*возвращаясь*). Ничего нет.

ОЛЯ. Ну, полный маразм...

МАХАРАДЗЕ. Я захлопнул...

ВАРЬКИНА. А что тебе надо в моём доме?

МАХАРАДЗЕ. Я хотел предложить...

ПРИШЕЛЕЦ (*перебивает*). Он будет вас обманывать...

МАХАРАДЗЕ. Как ты можешь?.. Ай-яй-яй... Не хорошо. Человек ещё слова не успел сказать.

ПРИШЕЛЕЦ. А зачем говорить. Всё и так ясно...

ЯГОВЕЦКИЙ. Интересное дело... Говорят, среди нас уже инопланетян хватает...

ВАРЬКИНА. Так. Ещё у одного крыша поехала...

ПРИШЕЛЕЦ. Крыша поехала... Крыша на доме, едет транспорт... Мне нужно передать... (*Закрывает глаза и замирает*).

ЯГОВЕЦКИЙ. У кого крыша поехала?.. У меня?

ВАРЬКИНА. Да сиди уж... (*Махарадзе*). А ты с какой планеты?

МАХАРАДЗЕ. Я тут, недалеко...

ВАРЬКИН. Тоже с Кассиопеи?

ОЛЯ (*Варькину*). Ничего больше не знаешь... Может этот, другой, с Центавра...

ВАРЬКИНА. Да хоть с Медведицы, я только с работы... Толком переодеться не успела. (*Звонок в дверь*). О, ещё кто-то прилетел... Прямо нашествие. (*Варькину*). Чего стоишь, открывай!

ВАРЬКИН (*выходит и тут же возвращается*). Ошиблись. Какую-то Эмилию Генриховну спрашивали.

ПУСТОВЕРТОВА. Это меня... А кто? Он ещё там?

ВАРЬКИН. Ушёл, чего ему стоять.

ПУСТОВЕРТОВА. Блондин?

ВАРЬКИН. Может и блондин... был... А так - бритый.

ПУСТОВЕРТОВА. Ладно, пусть поищет... А у вас тут отвязная компания, не скучно.

ОЛЯ. Я тебе говорила.

ПУСТОВЕРТОВА. Я вот тут даже стала задумываться, может и я с какой другой планеты...

ПРИШЕЛЕЦ (*открывая глаза*). Ты - нет... Ты - земная.

ОЛЯ. Жаль, такая жесть была бы... (*Пришельцу*). А может вы просто не пересекались.... А с этим (*показывает на Махарадзе*) с одной?

ПРИШЕЛЕЦ. Это тоже ваш... Сосед...

МАХАРАДЗЕ. Не надо меня впутывать. Я вот дамочку провожу (*подходит к Пустовертовой*). Нам по пути...

ЯГОВЕЦКИЙ. Простите, граждане инопланетяне, я могу пригласить вас к себе. Если у вас найдётся с чем. За компанию... И сударыню прихватим. Ежели что, я могу сбежать. Профинансируйте...

ПУСТОВЕРТОВА. Ох, уж этих пришельцев нынче развелось... Пришёл, ушёл... А нам, женщинам, потом дети в нагрузку остаются. Я вот тоже одного давно разыскиваю...

ОЛЯ. А может кто-нибудь из них? Операцию пластическую сделал. Замаскировался...

ПУСТОВЕРТОВА. Нет, не похожи... Я бы и замаскированного узнала, можно сказать, с ложечки кормила...

ОЛЯ. А может быть тот, бритый?

ПУСТОВЕРТОВА. Этого я как облупленного знаю.

МАХАРАДЗЕ. А я не сгожусь в заменители?

ПУСТОВЕРТОВА. А чем женщину можешь порадовать?

МАХАРАДЗЕ. Всем, чем пожелаешь.

ВАРЬКИНА. Ну, вот и сознался...

ПУСТОВЕРТОВА. В чём?

ВАРЬКИНА. А ты что, еще не сообразила? Они же на пару с этим...

ПУСТОВЕРТОВА. С кем?

ВАРЬКИНА. Да с пришельцем этим, с Кас-
сиопеи...

ЯГОВЕЦКИЙ. Соседушка, а у тебя ещё не найдёт-
ся? (*Поднимает стакан*).

ВАРЬКИНА. Хватит тебе... Варькин, ты чего мол-
чишь? Где твоё мужское слово?

ВАРЬКИН. О чём?

ВАРЬКИНА. Что мы будем с этими пришельцами
делать?

Пришелец и Махарадзе в голос: «Ничего не надо.»

ВАРЬКИНА. О, вот и раскрылись... (*Пустоверто-
вой*). Который из них твой?

ОЛЯ. Мам, ты всё всегда испортишь...

ПУСТОВЕРТОВА. А моего среди них нет, я же го-
ворила.

ЯГОВЕЦКИЙ. Как нет, а я? (*Пытается встать*).

ВАРЬКИНА. Сиди уж, сосед... Ну, инопланетяне,
а чего вам мой дом так приглянулся?

ПРИШЕЛЕЦ (*заученно*). Вы - самая обыкновен-
ная семья, поэтому было просчитано...

МАХАРАДЗЕ (негромко). Я пойду...

ВАРЬКИНА. Сидеть!..(Пришельцу). Продолжай,
голубь.

ПРИШЕЛЕЦ. Нужен контакт...

ОЛЯ. Есть контакт!.. (*Пустовертовой*). А это ваше
настоящее обличье или вы трансформер?

ПУСТОВЕРТОВА. Девочка, я тебя не понимаю.

ОЛЯ. Да, ладно... Вон у тебя хвост торчит... Как в
«Аватаре»...

ПУСТОВЕРТОВА (*оглядываясь*). Какой хвост?..
И вообще, куда я попала?

ЯГОВЕЦКИЙ. В обычный сумасшедший дом...

ПУСТОВЕРТОВА. Но я не хотела сюда...

ВАРЬКИН. А мы что ли хотели?.. Но в жёлтой прессе чего только не пишут, и по телевизору всякое показывают, вот крыша и едет...

МАХАРАДЗЕ. Извините... У вас была дверь открыта. А мне надо на родину...

ВАРЬКИНА. Понятное дело, поближе к мандаринам.

ОЛЯ. Мама, он имеет в виду свою планету.

ВАРЬКИНА. Я тоже имею в виду его родину.

ВАРЬКИН (*Пришельцу*). Слушай, а как у тебя с телевизором получилось? Он же уже давно не работает... Выбросить всё некогда.

ПРИШЕЛЕЦ. Вас, землян, трудно понять.

ОЛЯ. Это точно, пришельчик, я тоже самое предкам говорю, а они зависают...

ПУСТОВЕРТОВА. А у вас интересная компания. Отпадная. В ночной клуб ходить не надо.

ВАРЬКИНА (*глядя на неё, вздыхает*). Не от мира сего девка...

ПУСТОВЕРТОВА. Нет, я совершенно искренне. Все такие милые... (*Смотрит на Махарадзе*). Пожалуй, ты можешь мне подойти. Как говоришь, называется твоя цивилизация? (*Берёт Махарадзе под руку и они уходят*).

ВАРЬКИН (*вслед*). Не обольщайся, дорогая, там нет ничего привлекательного для такой особы...

ВАРЬКИНА. Дорогая? Так, значит, эта шлюха пришла к тебе?!

ВАРЬКИН. Перестаньте, Капитолина Апполинарьевна. Мы видели друг друга в первый раз. Но, если хотите, я могу продолжить знакомство.

ОЛЯ. Во, отпад... Батяня, а ты не промах...

ВАРЬКИНА. А ты куда свой пятак суёшь?

ОЛЯ. И ты, маманя, не теряйся, догоняй этого, с Кентавра... А я, так уж и быть, с этим кассиопейцем

прогуляюсь... (*Берёт Пришельца за руку и ведёт к двери*).

ЯГОВЕЦКИЙ. Э, а мне что?.. (*Машет стаканом*).
Ничего не осталось?

ВАРЬКИНА (*машет рукой*). А ну вас всех... Там на кухне, в бутылке...

ЯГОВЕЦКИЙ. Вот это другое дело... (*Идёт на кухню*).

ВАРЬКИН. Однако нашествие получается...

ВАРЬКИНА. Какое ещё нашествие?

ВАРЬКИН. Как какое, сама же говорила, инопланетное... А мы даже сопротивляться не захотели...

ВАРЬКИНА. Да сил уже нет никаких.

ВАРЬКИН. Потому что давно к нему готовы...
Я же говорю, в мире черт-те что делается. (*Глядя в сторону кухни*). Обмыть надо бы это дело...

ВАРЬКИНА. Да иди уж к своему собутыльнику.
Я хоть переоденусь наконец.

ИГРАЮЩИЙ С ТЕНЬЮ

хореографическая импровизация с двумя действующими лицами.

Скамейка в сквере. На ней сидит Олейников. Он читает и что-то подчёркивает карандашом в книге. На аллею выходит Играющий. Он одет как типичный бомж. Встаёт перед скамейкой в пятно света и начинает исполнять странный танец. Олейников поднимает голову, с любопытством наблюдает за ним. В это время к скамейке подходит Карцев, садится рядом.

КАРЦЕВ. Пробки... Город - шайбой перебросишь, а ездить стало невозможно. И что характерно, если пробка на перекрёстке, значит светофор заменили на гаишника... Сколько мы не виделись?.. А ты неплохо выглядишь... Не изменился.

ОЛЕЙНИКОВ. Это комплимент для женщины. Неизменность - это застой, топтание на месте, сигнал о деградации...

КАРЦЕВ. Я о внешности... То что ты стал опытнее, умнее, мудрее - я не сомневаюсь. Иногда почитываю либо твоё, либо о тебе ... Но кривить душой не буду, не часто. Как на глаза попадается... Суеты много нынче стало, нестабильности. Не знаешь за что хвататься в первую очередь...

ОЛЕЙНИКОВ (*разводит руками*). «Не дай вам Бог жить во время перемен...» Но Он нам как раз и предоставил эту возможность. Разве не об этом мы мечтали в юности, молили Господа, вот и вымолили.

КАРЦЕВ. Ты стал верующим?

ОЛЕЙНИКОВ. Я просто не был атеистом.

КАРЦЕВ. Ой, не скажи... Помню как ты в комсомольском патруле на Пасху у церкви стоял.

ОЛЕЙНИКОВ. И ты стоял.

КАРЦЕВ. А я атеистом и остался, и не скрываю.

ОЛЕЙНИКОВ. Свобода совести - выстраданное конституционное право, которого нас...

КАРЦЕВ (перебивая). Да какая там свобода? У нас культуры веры нет, есть просто часть населения, не устроившаяся в этой жизни, неспособная и прячущаяся за Богом.

ОЛЕЙНИКОВ. Я понимаю, что ты в этом не нуждаешься.

КАРЦЕВ. Я - сильный... Кстати, стал таким не без твоей помощи. Ты мне книжку как-то дал, я оттуда многое взял к руководству.

ОЛЕЙНИКОВ. Что именно?

КАРЦЕВ. Тебе ли не знать... А вот скажи, если ты мечтал жить во времена перемен, почему никак не можешь теперь никуда пристроиться?

ОЛЕЙНИКОВ. Зачем пристраиваться? Я живу.

КАРЦЕВ. Как?... Чуть лучше этого?

Кивает в сторону Играющего, продолжающего исполнять странный танец.

Пауза.

КАРЦЕВ. А что он делает?

ОЛЕЙНИКОВ. Думаю, играет с тенью...

КАРЦЕВ. Ясно. Крыша у мужика поехала... Может тебе чем помочь? Материально или ещё как...

ОЛЕЙНИКОВ. Ты считаешь, что я нуждаюсь в помощи?

Играющий, всё также продолжая танцевать, уходит.

КАРЦЕВ. Да брось ты, в самом деле, заноситься... Я вот этих самых перемен не особенно жаждал, у меня и в те времена всё на мази было... Помнишь, мою первую? Папаша у неё тогда в партийных органах работал. Он мне в карьере поспособствовал, скрывать не стану. Да и квартиру устроил, что по тем временам без блата не так просто было сделать... Так что перед всей этой чехардой жил вполне прилично, в очереди на машину стоял, вот-вот должен был получить. А ты в это время. насколько я помню, учительствовал в какой-то глуши, не помню, как там, Киренский или Кирюхин район...

ОЛЕЙНИКОВ. Краюхинский... Центр такой есть районный, Краюхино. Замечательное название. Сбоку, но хрустящее, аппетитное...

КАРЦЕВ (*задумчиво*). Ты вот из глуши опять в провинцию, а моя первая сейчас в Москве... Крутая стала, миллионами баксов ворочает... Сдурил я тогда малость. Когда Ельцин на танк полез, думал всё, приехала прежняя власть, слазь. Нам, тогдашним мэнээсам, сам понимаешь, всё равно было, кто куда лезет, мы были последние люди перед пробиркой...

ОЛЕЙНИКОВ. Первые от неё...

КАРЦЕВ. Что?.. А, ну да, можно и так... Но потом гляжу, одних сбрасывают, а другие уже лезут, свято место пусто не бывает... От пробирки оторвался, стал балласт скидывать. Квартиру - ей, машину, только купили, себе оставил. И промахнулся. Кто же тогда знал, что машины упадут в цене, а квартиры вырастут. Это сейчас меня ваучером не прокинешь, а тогда лопух был... (*Машет рукой*). Разбежались со скандалом. Она в больничку попала, от расстройства, а папаша, тесть мой прежний, как с работы сняли, в Москву подался. Я думал, правду искать, опять же дурак с мэнээсовскими мозгами, недооценил родственничка..., а

он «бабки» поехал делать. Ты представляешь? В стране - разруха, прохиндейство полное, а он «Мальборо» и виски торгует. Нацию травит. Помню, как Горбач сухой закон делал, он ярым трезвенником был, рейды организовывал, кого ловил - из членов партии безжалостно исключал. А тут, на тебе, перекрасился... И связи его я недооценил. Партийную спайку, так сказать... Одним словом, пожировал он тогда, в мутной водичке. Я в это время последнее колесо от своего «жигулёнка» доедал, а он там... Через годик, правда, шлёпнули его, да успел-таки доченьке, супружнице моей бывшей, капитал срубить. А ты говоришь, по Богу всё идёт, справедливо... Слышишь, нет?

ОЛЕЙНИКОВ. Слушаю.

КАРЦЕВ. Я тогда тоже выводы сделал, правильные. Поехал к ней, уже после похорон, мириться. Не приняла, сказала, что знать не знает. За своих амбалов спряталась, даже поговорить не захотела. Уж это урок мне был. Но совковые мэнээсовские мозги всё-таки недурно устроены, выкрутился, поднялся, живу - не жалуюсь. А вот у тебя что-то не ахти. Вроде мелькал где-то там, высоко, и по телику показывали, а потом вдруг пропал... Мощи не хватило или мощны? (*Смеётся, довольный сказанным*).

В это время вновь появляется Играющий . Теперь он - молодец-качок в спортивном костюме. И движения его напоминают уходы и выпады боксёров.

КАРЦЕВ. Чего это он? Что за тип?..

ОЛЕЙНИКОВ. Думаю, похожий на нас.

КАРЦЕВ. Ну да, ты всегда отличался оригинальностью. Если бы в мэнээсы пошёл сразу после университета, а не в свою задрипанную школу, раньше меня обо всём догадался бы... Нет, не зря тебя ещё на пер-

вом курсе белой вороной окрестили... И первую нашу красавицу ты тогда у всех увёл...

ОЛЕЙНИКОВ. Ну, во-первых, не увёл, она сама решала. А во вторых, от всех легче уйти, чем от одного. Вы слишком навязчиво за ней ухаживали.

КАРЦЕВ. Какое ухаживали? Мы её друг у друга вырывали. Ни одного вечера без контроля не оставляли, а тут всего на какой-то час... Никто и не подумал, что в такую грозу вы можете куда-то деться. Никто не думал, что она такая же чокнутая как и ты. И как ты тогда умудрился её уговорить, до сих пор не пойму. Слушай, хоть сейчас расскажи, интересно, ведь...

ОЛЕЙНИКОВ. Неужели интересно? Столько лет прошло. Такой опыт за плечами и не догадываешься?

КАРЦЕВ (*после паузы*). А, догадался... Женщины любят ушами. А ты и в юности лапшу на уши умел навешивать... Но тогда же дождь лил как из ведра, вы когда в клуб зашли, с вас ручьями вода стекала... Нет, в такую погоду просто уболтать ты её не мог. Понравиться тоже, ни фигуры у тебя не было, ни смазливой морды, ни бицепсов... (*Задумчиво*). Никак не пойму, почему сейчас, спустя столько лет, я вижу вас тогдашних так хорошо, вот как тебя сейчас... Мокрые волосы сосульками свисают, что у тебя, что у неё. Только у неё светлые, соломенно-золотые и длинные, у тебя чёрные, с крупными завитушками. И лица какие-то... неземные. Поэтому никто вам тогда даже слова не сказал. И бить тебя не стали. Как почувствовали, без толку... (*Глядит на Играющего*). Смотри, что с этим придурком опять?

В это время Играющий превращается в молодого человека, одетого по моде середины семидесятых годов двадцатого века. На его ногах кеды, брюки в обтяжку, батник. Движения становятся похожими на классические танцевальные.

КАРЦЕВ. Клоун какой-то... (*Поворачивается к Олейникову*). Почему-то мне важно знать и сегодня, чем ты её тогда соблазнил?

ОЛЕЙНИКОВ. Ты не можешь допустить, что я ей нравился?

КАРЦЕВ. Не могу... Ты ведь дохляк был, а она... Весь курс в неё был влюблён. Раскрой секрет. За давностью лет теперь можно.

ОЛЕЙНИКОВ. А секрета не было. Просто нам вдвоём вместе было хорошо. Знаешь, бывает иногда, двое или больше людей вдруг создают свой собственный мир и закрываются в нём, отгораживаются от остальных. И им там комфортно, души отдыхают...

КАРЦЕВ. Насчёт комфорта я понимаю. На рыбалку с ночёвкой когда вырываемся, просто замечательно. Вечерком ушницу сварганим, по сто грамм с прицепом опрокинем, расслабимся под звёздами и так хорошо становится...

ОЛЕЙНИКОВ. Ну, вот видишь, всё понял.

КАРЦЕВ. Да ладно, за лоха меня не держи. Не хочешь говорить, не надо. Буду дальше гадать... Интереснее жить... Но вот почему вы с ней расстались, если вам комфортно было? И мир, говоришь, какой-то у вас свой...

ОЛЕЙНИКОВ. А он был, в этом ты прав, недолговечным.

КАРЦЕВ. Слушай, а когда она нас со своим мужем знакомила, ты был, не помню?

ОЛЕЙНИКОВ. Нет.

КАРЦЕВ. Так ты его вообще не видел?

ОЛЕЙНИКОВ. Нет.

КАРЦЕВ. Не поверишь. Сморчок. Ещё хуже, чем ты тогда был. Правда, в каком-то романе я читал, как одна богатая баба, при муже-красавце, держала в любовниках какого-то забулдыгу. Извращенка была. Ей

обязательно надо было чувствовать себя сильнее мужика, жалеть его... А может и тебя жалеют?

ОЛЕЙНИКОВ. Может быть.

КАРЦЕВ (*оценивая, глядя на Олейникова, с сомнением*). Нет, это слишком простое объяснение...

Играющий, всё также танцуя, уходит.

ОЛЕЙНИКОВ. Ты с Инной так больше и не виделся?

КАРЦЕВ. С первой-то?.. Нет. Нас ведь ничто не связывает, детей нет, дел совместных тоже. Она здесь, в провинции, уже и не появляется.

ОЛЕЙНИКОВ. Иногда бывает.

КАРЦЕВ. А ты откуда знаешь?

ОЛЕЙНИКОВ. Она у меня останавливается.

КАРЦЕВ. Да ты что?.. (*Пристально смотрит на Олейникова*). Может вы... Я говорю, что-то в тебе такое есть, что бабы западают... У вас с ней что, этот самый мир, собственный, на двоих?..

ОЛЕЙНИКОВ. Не совсем, возраст уже не тот, сил не хватает на сооружение защиты... Но, ты правильно догадываешься, мы - не чужие люди.

КАРЦЕВ. А я дурак, решил тебе помочь, а у тебя баба - миллионерша...

ОЛЕЙНИКОВ. Это её деньги.

КАРЦЕВ. Да какая разница... Надо же, пожалел... Да она меня с потрохами, если захочет, купит...

ОЛЕЙНИКОВ. Не думал, что тебя это заденет. Столько лет прошло. У тебя сыну уже сколько? В школу ведь ходит...

КАРЦЕВ. Десять ему...

ОЛЕЙНИКОВ. Вот видишь, ты уже больше десяти лет со второй живёшь... А папа у неё кто?

КАРЦЕВ. Всё равно денег не даёт...

ОЛЕЙНИКОВ. Не переживай, придет время и все его твоим станет.

КАРЦЕВ (*смотрит на Олейникова*). Только не надо иронизировать... (*Тычет пальцем в грудь того*). Я всё-таки безгрешнее тебя. Я чужих жён не подбираю...

ОЛЕЙНИКОВ. Она не вещь, чтобы её подбирать.

КАРЦЕВ. Хочешь, я тебе морду набью?

ОЛЕЙНИКОВ. Задело.

КАРЦЕВ. Задело.

ОЛЕЙНИКОВ. Переживёшь.

Молча смотрят на вернувшегося в форме полицейского Играющего, неспешно вытанцовывающего перед ними нечто маршевое. Первым нарушает тишину Карцев.

КАРЦЕВ. И откуда этот мент взялся?.. Кого-то он мне напоминает...

ОЛЕЙНИКОВ. Может охранника?

КАРЦЕВ. Какого охранника?

ОЛЕЙНИКОВ. Лагерного.

КАРЦЕВ. Причём здесь лагерь?

ОЛЕЙНИКОВ. Он стоял на переходе... Каждую среду и субботу. Совсем пацан. Он старался никого не замечать и отводил глаза. Я думаю, он очень стыдился своей службы.

КАРЦЕВ. Откуда ты это знаешь?.. (*Догадливо*). Ты сидел?.. (*Олейников не отвечает*). Сидел, точно!.. Погоди, я сейчас соображу... Конечно, как раз перед этой самой перестройкой. Конец застойных... Я - в НИИ, ты - в сельской школе... Я видел в списках, ты же был в заочной аспирантуре... Заходил к Феофанову, хотел двух цыпочек, студенточек взять в помощницы и видел там твою работу... А защиты ведь не было, это я точно знаю... Выходит ты... И сколько же?

Играющий уходит.

ОЛЕЙНИКОВ. Пятилетку.

КАРЦЕВ. Пять лет? Слушай, как ты выдержал... Там ведь адские условия.

ОЛЕЙНИКОВ. Это неинтересно.

КАРЦЕВ. Не хочешь вспоминать? Не надо. Вольному - воля... Реабилитировали? Кажется так это звучит?

ОЛЕЙНИКОВ. Да.

КАРЦЕВ. Значит всё-таки за любовь к самиздату...

ОЛЕЙНИКОВ. И за неё тоже.

КАРЦЕВ. Меня, кстати, я сейчас вспомнил, допрашивали... Точно... Как свидетеля.

ОЛЕЙНИКОВ. И только?

КАРЦЕВ. Что ты хочешь этим сказать?

ОЛЕЙНИКОВ. Ты сам знаешь...

КАРЦЕВ. Считаешь, что я виноват в том, что с тобой случилось? Да я тебя тащил, как только мог... Да я защищал тебя!.. Нет, этот мент похож на следователя, который нас допрашивал, когда убили Мишку Игнатьева... Ты что, забыл?

ОЛЕЙНИКОВ. Почему же, помню.

КАРЦЕВ. Хороший был парень, Мишка... Так на всегда молодым и остался. А его убийцу не нашли, я справлялся, когда ещё первый тесть у власти был. Я вот тогда примерялся всё, заступился бы я за девушку, как он, один против троих...

ОЛЕЙНИКОВ. Ну и что?

КАРЦЕВ. Нет, не полез бы, с голыми руками - глупо... Вот сегодня у меня для таких случаев... *(Достает из кармана пистолет)*. Но случаев не было... *(Пряча пистолет, весело)*. Обходят хулиганы меня стороной.

В это время Играющий возвращается в арестантской робе и, заложив руки за спину, ходит перед ними по кругу.

ОЛЕЙНИКОВ. Боишься?

КАРЦЕВ. А ты нет?

ОЛЕЙНИКОВ. А зачем тебе жизнь?

КАРЦЕВ. Глупый вопрос.

ОЛЕЙНИКОВ. Оттого что ты не можешь на него ответить?

КАРЦЕВ. А кто может?.. *(Глядя в зал)*. Может быть он?.. Или он ?.. А может быть вот она ?.. *(Олейникову)*. Давай их всех спросим... А прежде тебя. Ты можешь на него ответить?

ОЛЕЙНИКОВ. Могу.

КАРЦЕВ. Так скажи.

ОЛЕЙНИКОВ. Это мой ответ. И только для меня. Он не устроит тебя.

КАРЦЕВ. А ты всё-таки ответь.

ОЛЕЙНИКОВ. Ищи свой ответ.

КАРЦЕВ *(после паузы)*. Ну да, тебе нечего сказать... Твой ответ, вон он... *(Показывает на арестанта)*.

ОЛЕЙНИКОВ. Отчасти ты прав. И это тоже.

Играющий уходит.

КАРЦЕВ. Что-то я тебя не пойму. Похоже ты перемудрел... Или, когда в верхах крутился, что-то с башкой стало...

ОЛЕЙНИКОВ. Думай как хочешь.

КАРЦЕВ *(после долгой паузы)*. Чего молчишь?.. Неужели тебе неинтересно?

ОЛЕЙНИКОВ. Что именно?

КАРЦЕВ. Ну, кем я стал, что имею...

ОЛЕЙНИКОВ. Это твоё... Твоим и останется.

КАРЦЕВ (с обидой) Ты всегда отличался изощрённым иезуитством...

Появляется Играющий в одеянии судьи и исполняет странный танец, в котором преобладают движения маятника.

КАРЦЕВ. Не делай вид, что не понимаешь... Да знаешь ли ты, какие люди сейчас почтут за честь быть со мной знакомы? Да у тебя никогда не было той власти, которая есть у меня, хотя тебя и читали, и слушали...

ОЛЕЙНИКОВ. Это правда.

КАРЦЕВ. И не делай вид, что не завидуешь мне!.. Ладно, деньги - это мусор, к тому же этого добра у моей бывшей и твоей нынешней хватает. Тут ты меня, можно сказать, косвенно догнал. Но вот власти-то... У меня - тысячи работяг... У меня штат услужливых лакеев... Хочу - обласкаю, хочу - выгоню...

ОЛЕЙНИКОВ. Я не рад за тебя.

КАРЦЕВ (огорошенно). Ты что говоришь?

ОЛЕЙНИКОВ. Соболезную.

Играющий уходит.

КАРЦЕВ. У меня никто не умер.

ОЛЕЙНИКОВ. Не сейчас... Давно...

КАРЦЕВ. Я похоронил родителей ещё до капитализма.

ОЛЕЙНИКОВ. Я не о них.

КАРЦЕВ (после паузы). Вот в этом и проявляется твоё иезуитское высокомерие...

ОЛЕЙНИКОВ. Я - о мечте, которую ты похоронил, когда ради звания отказался от призвания...

КАРЦЕВ. Да, я учёл конъюнктуру, это было тогда проходной темой... И, в отличие от тебя, защитил диссертацию. Не купил, как сейчас, а защитил... Да, этой науки сейчас нет, она оказалась никому не нужна. Но кому нужно многое из того, что прежде было ценным? И я не стесняюсь своего кандидатского звания. Пусть даже оно получено за заблуждение. Тем самым я тоже помог приблизиться к истине. А ты?.. Где твои научные открытия? Где твои звания, награды?

Появляется Играющий. Он представляет из себя нечто неуловимое, воздушное, стремительное...

ОЛЕЙНИКОВ. Во мне.

КАРЦЕВ. А где труды?

ОЛЕЙНИКОВ. В моей душе.

КАРЦЕВ. Ладно тебе юродствовать. Чем ты отличаешься от меня?.. Тем, что так и не дотянулся до того, что дано мне... Молчишь?.. Нечего возразить.

Играющий изображает юродивого.

ОЛЕЙНИКОВ. Мы тянулись в разные стороны.

КАРЦЕВ. Намекаешь, что мы противоположности? Антагонисты.

ОЛЕЙНИКОВ. Две стороны одного.

КАРЦЕВ. Ты, естественно, лицевая.

ОЛЕЙНИКОВ. Откуда смотреть.

КАРЦЕВ. Ну, хоть в этом наши взгляды совпадают. Но согласишься, ты в этой жизни проиграл. Ни звания, ни должности, ни собственного капитала. А книги твои?.. Кому они сейчас нужны? Мы живём в эпоху эсэмэсок и «бабла»... Читать некогда, да и не надо, от этого «бабла» больше не будет.

У Игряющего в руках появляется колода карт.

ОЛЕЙНИКОВ. Спорить глупо.

КАРЦЕВ. А чего спорить? Против лома нет приёма...

Игряющий с тенью уже не игрок, он некто с ломом и танец его более похож на пантомиму.

КАРЦЕВ (*глядя на Игряющего*). А хорошая у нас по жизни подтанцовка получилась... (*Поворачивается к Олейникову*). Я об этом клоуне... Ты заказал? (*Вопросительно смотрит на Олейникова*). Нет, ты не мог...

ОЛЕЙНИКОВ. Ты сам сказал, кому нужны нынче книги...

КАРЦЕВ. Так это всё-таки ты его нанял?

ОЛЕЙНИКОВ. Нет.

КАРЦЕВ. А кто?... (*Машет Танцующему*). Эй, клоун, ходи сюда! Давай, поспеши, я тебе чаевые выдам.... (*Достаёт портмоне*). Давай, давай, не набивай себе цену, всё равно он больше, чем я, не даст... Ну, чего не идёшь?.. Сейчас все продаётся и покупается, разница только в цене...

Игряющий надевает тёмные очки и закрывается тёмной тканью, превращаясь в тень, и медленно уходит...

КАРЦЕВ. Ты куда? Я же сказал, назови свою цену... (*Олейникову*). Слушай, он куда исчез? Я ему хотел «бабля» отвалить...

ОЛЕЙНИКОВ. Не всё продаётся.

КАРЦЕВ. Да брось ты... Он просто не врубился. А что не продаётся? Только не говори мне за любовь...

ОЛЕЙНИКОВ. Душа.

КАРЦЕВ. Чего?

ОЛЕЙНИКОВ. Мне пора.

КАРЦЕВ. Тебе?.. Это мне пора.

ОЛЕЙНИКОВ. Значит, нам пора.

КАРЦЕВ. Тебе-то, вообще, куда спешить?.. В какую сторону?.. Ах да, нам всё равно в разные... Ты вот только насчёт этого клоуна - проясни? Это что было?

ОЛЕЙНИКОВ. Мысли наши.

КАРЦЕВ. Чего?

ОЛЕЙНИКОВ. Эсэмэски... Оттуда. (*Воздевает палец вверх*). Так ты зачем хотел встретиться?

КАРЦЕВ. Я?... Да набрал сдуру номер. Столько лет не виделись. Думал, чего умного скажешь...

ОЛЕЙНИКОВ. Себя слушать надо... (*Уходит*).

КАРЦЕВ (*глядя ему вслед*). Ну, клоуны... (*Уходит в другую сторону*).

«БЫВШИЕ, НЕБОГАТЫЕ...», или «ПОТОМУ ЧТО БЕЗ ВЕРЫ...».

У известного прозаика, публициста, главного редактора журнала «Южная звезда» Виктора Николаевича Кустова вышла книга «Пьесы». Стало ли это неожиданным для читателей «Непраздного слова» и эпического повествования «Провинциалы», включающего пять романов, охватывающих пять десятилетий непростой истории нашей страны? Эпопея «Провинциалы» была удостоена губернаторской премии в области литературы имени А. Губина. А книга публицистики «Хроники эпохи перемен» вошла в длинный список номинантов на премию А. Дельвига. И вот появился сборник «Пьесы», в который включено шесть пьес... С одной стороны, явление этого автора в ипостаси драматурга неожиданно, но с другой, его пьеса «Время шутов» не осталась незамеченной, - именно с ней в 2011 году Виктор Николаевич стал победителем международного конкурса «Литературный Олимп» в разделе «драма», а сам драматург был награжден медалью имени А. С. Грибоедова.

Написанная в 2004 году, пьеса «Время шутов» была опубликована в журнале «Сура» (2005, № 2). А недавно автор принес мне прочитать еще одну пьесу, не вошедшую в книгу и написанную им очень давно - «Семь дней из жизни женщины».

Чем же так для него привлекательны драматургия, сцена, театр? Отметим, что вопросы социального надлома находятся и в центре внимания публицистических произведений В. Н. Кустова. Невольно вспоминается его философское эссе «Игра»:

«Мысль творит мир, окружающий человека...»

О нем было написано, что автор *«рассуждает на современные моральные темы, связанные со смещением шкалы ценностей»*.

А вот эта цитата вынесена автором на обложку книги *«Непраздное слово»*: *«Человечество вероятнее всего и существует лишь с единой целью - производить и выдавать в информационное поле (или ноосферу, по Вернадскому) единственный необходимый для Вселенной продукт человеческой деятельности: СЛОВО-МЫСЛЬ. И наши, плохие и хорошие, грязные и светлые, оптимистические и пессимистические мысли и слова уносятся, соединяются со множеством иных слово-мыслей, объединяясь по своему заряду, помыслу, и материализуются, возвращаясь к нам нашими же деяниями...»*

Но и в известных нам произведениях, и в творческой мастерской Виктора Николаевича вообще - не все так однозначно... Высказывание не ново, и даже уже с оттенком банальности, но оно дает представление о философских размышлениях автора.

Мне же больше импонирует другая его мысль:

«Я веровал в предназначение человечества помогать сохранять Мироздание, в котором Земля - лишь маленькая точка, а время жизни человека - кратчайший миг бессмертного существования его Души»

Удивляешься здесь не столько этому высказыванию как таковому, сколько тому обстоятельству, что подобное мировоззрение возможно для человека из «совка», общества, в котором о душах не очень-то беспокоились, но крушение которого советским человеком довольно болезненно переживается до сих пор.

То же самое относится и к героям пьесы *«Время шутов»*, ностальгирующим по распавшемуся Союзу, однако постоянно призывающих Господа к делам своим...

Итак, игра - это форма, позволяющая писателю устами своих героев сказать броско, красноречиво, так, чтобы это запомнилось читателю (будущему зрителю), свое мнение о времени и о себе, тем более, если это время перемен, социального и нравственного перелома. Поэтому пьеса наиболее подходящий, благодарный вид драматургии, помогающий высказаться, создать уникальный образ, показать характер человека и черты времени. Причем классификация жанровых разновидностей весьма условна...

«Время шутов» - период, когда дал свои результаты, говоря языком В.Н. Кустова, «неестественный отбор» девяностых, смутного времени, которое свергало одних и давало власть другим; это время разрушения, потери всяких нравственных ориентиров, - самое жестокое сито, через которое просеивалась человеческая душа. Наступили времена, неизвестные для человека советской эпохи, когда деньги стали самой мощной мифологемой, способы / методы заработка безразличны, а люди - бесчеловечны. Нравственное падение, уродство и преображение героев, шутовство (по необходимости или безысходности) - отражение времени перемен. Их диалоги и монологи - это часто комедийные, остроумные высказывания, в которых размышления автора о прошедшем - страна и люди, которых нет, о настоящем - страна и люди сейчас и в будущем - чего же ждать от свершившихся перемен вне и в человеке. Слова одного из героев - Каргополова словно клеймо: «Сейчас каждый желает жить за счет другого».

По мере прочтения пьесы мне вспомнилась давняя статья М. Дубновой «Театральная публика девяностых: бывшие, небогатые и немолодые», в которой как нельзя лучше сказано о философии и психологии социума девяностых: «как люди относились к происходящим переменам, чего ждали от будущего, каким

вспоминали свое прошлое, кого боялись и ненавидели, от кого ждали спасения». И мне подумалось, да ведь это они и есть, герои пьесы Виктора Николаевича, - бывшие, небогатые и немолодые... И не они шуты в сложившейся жизненной ситуации и конфликте сюжета, нет. Они просто уставшие люди.

Говоря о массовом зрителе и драматургии переломной эпохи, М. Дубнова пишет:

«Российский театральный масскульт избегает тем, которые болезненно отзываются у публики, - потому что его аудитория видимо и без того достаточно травмирована жизнью и происшедшими переменами». Таким образом, «Время шутов» принципиально отличается от театральных постановок 90-х и начала 2000-х, потому что в ней идет разговор на острые социальные и политические темы, к которым общество начинает ощущать интерес только сейчас.

В пьесе девять действующих лиц, шесть мужчин и три женщины, но главного героя среди них нет. Главный герой романов, повестей и рассказов Виктора Николаевича это сегодняшний день, настоящий момент. Человек во времени, время как миг, время как перспектива и время как парадигма. И каждый новый его виток создает свои социальные мифы. По другому поводу и в ином контексте сам драматург говорит так: *«Время - понятие субъективное и связано, прежде всего, с нашим внутренним миром. Чем больше мы живем заветами Духа, тем дольше проживаем...»*.

А его герои признают (Терехов): «в конечном итоге, все мы нынче вне игры... Время наше ушло, страна исчезла».

Да, но не закончилась жизнь...

Писалась пьеса параллельно с эпическим полотном «Провинциалов» и имеет с ним весьма тесные связи. Можно сказать, что некоторые характеры переключались из книги на сцену, где действие более динамич-

но, концентрированно, создается его полифония. Но объединяет их одно: у всех персонажей тогда, «в прошлом», жизнь изменилась - необратимо и внезапно, они не были готовы к этим переменам, никогда не задумывались, не предполагали их. Ведь прошлый коммунистический миф был таким... надежным. А читатель знакомится с ними уже постфактум, когда каждый участник событий (кроме Галактионова) убежден, что все - к худшему...

В пьесе три действия, и начинается она с того, что Галактионов покупает дом в деревне.

«Комната в новом деревенском доме. Деревянные стены, большие окна, высокие потолки, лестница на второй этаж. Пахнет смолой и деревом. Галактионов ходит по комнате, касаясь стен ладонями. Ему чуть больше пятидесяти, выглядит он бодро и молодо».

Как и в прозе В.Н. Кустова, провинция, здесь деревня, в которой живут бывшие горожане, выступает «проявителем» необходимых образов и центром завязки сюжета, действия. Галактионов не просто мечтает о новой счастливой жизни, он уверен, что долгожданное счастье наконец-то пришло к нему (таким образом, становится понятно, что тогда, «в прошлом», счастья не было, что немаловажно в понимании характера). Он счастлив, что сможет посадить сад, в котором будут трава и яблони, что будет смотреть на огонь в камине, как в детстве.

«Господи, благодарю тебя. Хотя почему-то все, чего я хочу, ты даешь мне запоздало. Но благодарю тебя и за поздние дары...»

Вдыхая запах дерева, расправляет руки, чтобы ощутить простор и свободу. Произносит знаковую фразу: *«Если закат напоминает рассвет, а старость - детство, мне опять понравится смотреть на огонь»*, то есть уют, тепло, покой были в детстве, а

лучшее в жизни можно если не вернуть, то повторить. Он находится в плену своей собственной идеи: «Мифология дома, очага, рода отражает основные ценности десятилетия».

Его новые соседи начинают подтягиваться к месту действия, заинтригованные личностью неизвестного покупателя дорогого и красивого дома.

Первым входит Каргополов, и как выясняется тут же, - старый знакомый, еще по советским, «тем» временам, по партийной работе. В начале второго действия Галактионов скажет о нем: *«Лерочка, этот старичок, было время, судьбы вершил. И, между прочим, в моей тоже участие немалое принял».*

Все действие строится на антитезе: «было» / «стало», «прошлое» / «настоящее». Тогда, в прошлом, все они были другими людьми. Во втором действии Каргополов говорит: *«В моей уже не короткой жизни и взлеты были, и падения, а в конечном итоге - все позади и все теперь будто из другой жизни, где все было другое и, самое главное, я другой. Другой человек... На свои старые фотографии смотрю, а соотнести, что это я, не могу...»*

Сухорукова («лет сорока, в облике есть нечто, говорящее о том, что она не сельская жительница») появляется после слов Галактионова: «Давай, Павел Николаевич, свою кошку...»

- *Хозяин?.. Купил, что ли... Городской? Чего спрашиваю, кто же из здешних за такие деньги возьмет... Да и край этот тупиковый, одни бывшие генералы да губернаторы на отшибе... А вы, дядь, тоже из них?...*

На вопрос «а телевизор здесь у вас показывает?» она отвечает:

- *Зачем телевизор?.. От дел отвлекать? Прежде, по глупости, глядела, а потом сломался, как раз последний коммунист с отметиной выступал с прощальной речью... Мы с Валерием Игнатьевичем моим,*

царство ему небесное (крестится), с кровати на него глядели. И тут, как замельтешил, замельтешил...

Нетрудно догадаться, это для нее точка отсчета, 1991 год, крах советского государства и начало политических и социальных перемен... Слова героини знаковые, - замельтешил не только телевизор, «замельтешило» время.

Её речь представляется утрированной, сложно поверить, что сорокалетняя женщина, пусть даже провинциалка, так далека от информационного мира, что не помнит имени «последнего коммуниста с отметиной» или правильного названия демократов. Но ее характер и роль в пьесе очень скоро определяются вошедшим Тереховым: *«Так ты, Сергей Иванович, не обижайся, она, как и народ, права».*

Прав ли народ в предлагаемой автором оценке событий 90-х - это вопрос еще нерешенный, так как мнений в нем столько же, сколько и у народа душ. Однако читателю ясно, что Терехов высказывает его точку зрения. Позиция Терехова четкая и незыблемая. Каргополов же, который на правах старого знакомого вводит Галактионова в курс деревенских дел, о ней говорит так: *«Госпожа Сухорукова у нас вроде местного ФБР, всегда все узнает первой».*

Терехов, военный в отставке, генерал, и его первые, грубые слова: *«Уже и здесь отметилась, сволочная баба»* произнесены не столько зло, сколько как дань обстоятельствам, ситуации, моменту. Себя же он характеризует сам, однако это еще и характеристика того прошлого, из которого родился «день сегодняшний», - советского государства с его стратегией саморазрушения:

«Да я сам генерал и знаю, что нас с первой портянки учили только одному делу, разрушать... Я вот инженер, сапер... Сам двадцать лет учил курсантов взрывать, уничтожать, да так, чтобы не восстано-

вить... Мы на мост глядим и сразу видим, где взрывчатку заложить, чтобы вдребезги, с грохотом... А тут губернатор... Созидатель... Детонатор он, а не созидатель... Лучше бы помидоры, как я, выращивал...».

Терехов - заправский военный, и как мы узнаем позже, отслуживший от лейтенанта до генерала, прямолинейный в своих высказываниях, представитель советского прошлого, что постоянно подчеркивается по ходу действия: *«А я, между прочим, деревенский, сибиряк, из той самой Зимы, где поэт Евтушенко родился... Слышал про такого?»*.

Появляется еще один неожиданный персонаж - Панков, талантливый фотохудожник, «по обличью он явно интеллигент не первого поколения», а сейчас мающийся от безделья местный пьяница... *«Честной компании мое почтение...»*

Он, как и Сухорукова, страдает странной потерей политической памяти:

«Забыл, как по имени... Клинтона помню, Билл, а Буша нет... О, Буш-младший... У них это принято... И еще Владимир Владимирович, помню, а фамилия выскочила из головы...»

Все рассказываются обмывать покупку дома («можно и пульку расписать») и желают новому хозяину счастья и благополучия. Так разворачивается первое действие.

«Приговор» всему звучит из уст Терехова: *«...шутовство это и все. Вот Жирика возьми... А ведь не дурак, иногда как выдаст правду-матку... Но чаще перевирает. А народ наш сказки любит. Да и шутов за блаженных почитает. Точно, досталось нам время шутов... Только царя нет. Шуты-то при царях должны быть. Шуты без царя - это страшное дело...»*.

Но знакомство неожиданно прерывается новостью: находят убитым Петровича, того самого, ко-

торый утром этого дня продал Галактионову дом... Становится известно это из уст Сухоруковой: *«А вот Петровича-то убитого нашли...»*

Начинается следствие - появляются участковый Шпагин и приезжий следователь Ловейко. По ходу этого расследования становится известно и прошлое, и настоящее героев. Вдруг выясняется, что Сухорукова совсем не сельский житель, а генеральская дочка... Больше всех удивлен, конечно, Терехов. Шпагин проясняет ситуацию: *«Генеральская, генеральская... А Валерий, ну мужик, батю её возил. Она молодая в него и втюрилась. Родители на дыбы, а она с норовом была. Одно слово - дочка генеральская. Вот тогда сюда и приехала с ним. Сначала хату снимали, она на почте работала, он - шофером в исполкоме. Потом уехал на заработки, на север... А началась эта кутерьма перестроечная, она к родителям вернулась, те простили, свадьбу играть хотели, внуков ждали. Да вот с детьми не получалось, вроде как он неспособный... Потом родители её померли, она его с кем-то застукала у себя на квартире генеральской, так в райотделе рассказывали. Его выгнала, квартиру продала, вернулась сюда. И Валерка этот следом прикатил... А она не приняла... Денег дала, он их все в райцентре и прогулял. И уехал... А тут вот объявился...»*

На вопрос «И когда же она вернулась?» дается знаковый ответ: *«Да уж давно... Как раз СССР не стало...»*

На самом деле все в жизни героини было по-другому, глубже, сложнее, болезненней. И любила она совсем другого человека... *«Так мало слов понадобилось, а вся жизнь...»*

А теперь все изменилось, все они стали другими людьми. Каргополов и говорит: *«Каких вывертов в судьбах только не бывает...»*

Заканчивается первое действие арестом генерала, а незадолго до этого Каргополов произносит тост:

«...давайте выпьем за присутствующих, за нас, за наши добрые отношения, невзирая на политические взгляды».

Второе действие - та же комната, но уже обжитая, с камином. Появляется Рысина, молодая жена Галактионова, которой он пытается рассказать о своих стараниях сделать этот дом уютным... Становится понятно, что дом покупался для нее... Автор говорит о сегодняшнем дне: новые жены, новые дома и власть денег - дань новому времени: «Нынче мода: что ни старее, то жена помоложе, а за шестьдесят так все норовят молодок обрюхатить» - слова Сухоруковой. Все размышления героев идут на фоне детективного разбирательства. Вырисовывается характер Рысиной как типический, в ней живет новый миф нового времени: *«люди хотят счастья и богатства, причем много и сразу, не заработанного, а выигранного, случайного. Так легче, проще, быстрее».*

Галактионову, воспитанному на советской мифологии труда, несмотря на то, что он тоже мечтает о счастье, угадать это в своей возлюбленной сложно. Все старания бесполезны, в конце концов, все рушится и у того, и у другого. Рысина предает его так легко, как будто это в порядке вещей, само собой подразумевалось. Заявление Галактионова - «Это моя жена... Оповестите всех, чтобы больше не задавали этого вопроса» - выглядит нелепо. Что же касается самого расследования убийства, то теперь арестован Панков, подобравший деньги и карточку Петровича на месте преступления (он рад, и ему тоже, наконец, улыбнулась удача; он не сомневается, что может увезти Рысину с собой, и она действительно легко соглашается уехать).

В диалогах героев драматург хорошо раскрывает все социальные механизмы советского государственного устройства.

«Льготы всевозможные, продвижение по службе, награды... Если попадал в эту номенклатуру, вниз уже не падал. И хотя я и был аполитичным, но по совету друзей, настоянию редактора написал заявление в партию. На собрании меня вне очереди принимали в кандидаты. Да, везде тогда очереди были и в партию самая длинная, интеллигенцию не очень-то принимали, пропорцию рабочих и крестьян сохраняли. Я работаю, стаж идет, все нормально. Тут перестройка началась, команду нам всем дали, критиковать, невзирая на лица, чтобы перестраивались быстрее. Вот я и написал один материал, критический, про начальника строительного управления. А начальник оказался хоть и дальним, но родственником Павла Николаевича. И хоть перестройка, и установка сверху была на критику, но родственник он всегда родственник... Скоро кандидатский срок кончается, а вокруг меня словно вакуум образовался. Понять ничего не могу. Даже редактор иначе стал относиться, прежде и в шахматы играли, и водочки порой выпивали... А тут словно избегает и ничего не говорит...»

Когда меня принимали в кандидаты, в порядке общественной нагрузки, и такое было, выбрали меня председателем первичной организации общества трезвости... Вот рассказываю, а самому кажется, что это из какой-то другой жизни...»

Или отражается сегодняшний день, мало отличавшийся от номенклатурного прошлого:

«Как первая волна истинных демократов прокатилась, все бывшие номенклатурищики друг друга отыскивали и на прежние, властные места и вернулись».

Многое в пьесе пронизано юмором, например, сцена с Галактионовым, неудачно попробовавшим наколоть дров и набившим синяк. Здесь Терехов за-

мечает: «Как же вы без бодяги с молодой женой...» или обращаясь к Рысиной, которую невзлюбил: «Почему в единственном?.. Что, Павел Николаевич прожил меньше вашего, глупее вас? Или Ольга Ивановна страшнее?».

Вместе с тем, есть и спорные моменты, когда героям выпадает право делать выводы масштабные. Например, достаточно часто и слишком уж открыто они высказывают, как мне думается, авторскую точку зрения, и в общей канве пьесы это выглядит чересчур откровенно. Таковой представляется вдохновенная речь Сухоруковой: *«Народ в целом мудрее тех, кто на нем паразитирует... Оболваниваются единицы... Мы страдаем, потому что нарушены законы естественного бытия. И самый главный из них - это рождение ребенка. От Адама и Евы в этот процесс не вмешивались. Женщина не должна предохраняться, делать аборты, потому что Бог регулирует плохих и хороших, несущих добро и зло в этот мир. Через это Он поддерживает равновесие. А мы возомнили, что вправе все изменить, вторглись и сюда, и теперь нам воздается бесплодием и детьми больными. И теми, кто несет зло...»*

Сказанное героиней представляется весьма неубедительным, если не наивным, ведь коли Бог - Бог, то и совершается все по его воле, и аборты в том числе. А как же тогда: «И волос с головы вашей не упадет без воли Отца Небесного»?

Позволим себе напомнить сказанное в Евангелии от Матфея: «Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего. У вас же и волосы на голове все сочтены».

Или: «Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть?».

Третье и последнее действие - тот же дом (все три действия пьесы в этом доме, главной идее Галактио-

нова), но уже год спустя... Галактионов его продает, огонь в камине, очаг, живое пламя жизни, в нем так и не загорелся. На вопрос Каргополова «Может зажечь?.. Хоть на прощанье» Галактионов отвечает:

«Не стоит... Тем более на прощанье... Так и сгорит мечта, в тоску превратится, а я еще надеюсь...»

С Рысиной он расстался, зато Терехов и Сухорукова находят свое счастье. Панков отпущен на свободу, убийцами оказались двое рабочих со стройки. Вспомним слова первого арестованного - прозорливого Терехова: «Свои из бригады и пришили».

Панков бредит дуэлью с Галактионовым - «У меня все по сюжету», «Я вызываю вас на дуэль». Он - артист и шут, но претендующий на роль врача, целителя «сумасшедшего дома», общества. Когда Панков узнает о разрыве Галактионова и Рысиной и понимает, что в дуэли нет необходимости, то произносит:

«Вот как... Жаль, красивый был бы кадр...»

Каргополов же не просто рассуждает о Создателе. Давно отрекшись от партийных своих дел, он становится глашатаем веры: *«А вот на досуге, без суеты, Библию почитал, поразмыслил, осознал, что хоть и по образу и подобию человек создан, но все-таки далеко не Бог. Не всё нам, смертным, дается... Смысл нашей жизни в другом. И дары и испытания нам свыше отпускаются. Только глупый считает, что сам всё получает... Э нет, Господь всё знает, всё ведает, следит, созрел ты для понимания сути мироздания или застрял в земном, запутался... Если застрял, значит не готов идти в следующий класс, вот тебе новое испытание...»*

И когда Галактионов говорит, что не понял знака, посланного Богом свыше, Каргополов отвечает: *«Да отнял у тебя всё, что тебе мешало. Одного оставил, на распутье, в смятении... Это испытание, Сережа, и за грехи наказание... Но это и подсказка, возмож-*

ность встать на путь истинный, для тебя предназначенный...»

А Галактионов о нем: *«Скажи лет двадцать назад, не поверил бы, что партийный функционер, атеист крестить будет...»*

Но автор показывает, что разрешение ситуации проще и, может быть, в чем-то банальней, чем представлялось его героям и читателям. Все возвращается на круги своя. И пришло ли на то время? *«Полжизни, даже больше, ждал, когда время мое придет, свободы ждал, возможности делать, что хочу... И вроде пришло это время, налетело резвым скакуном, вскочил в него, как в седло, даже вкус ветра ощутил, да вот почему-то свалился... Может оттого, что к скорости не привык?»*

Как и в начале, заканчивается пьеса рассуждениями Галактионова: *«Что мы тогда несли в мир, добро?.. зло? (...) Что мы творили добро или зло?»* и *«Помоги, Господи, разобраться, да направь нас всех на путь истинный»*.

Поиск истины и является целью и итогом пьесы Виктора Николаевича Кустова. И ответ автора в ней - *«Потому что без веры...»*

О самой пьесе Кустов однажды сказал: *«Пока она не нашла свой путь на сцену, своего театра, режиссера, иной нынче репертуар, пока в театр идут те, кто хочет беззаботно посмеяться над другими. Но уже наступило время, когда хочется осмыслить и новое общество и себя в нем»*.

О.В. Кравцова, кандидат филологических наук.
2017

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Я - кавказец.....	10
Две судьбы.....	32
Мой командир.....	82
Вам нужен Дон Кихот?.....	147
Земное и небесное.....	216
На веранде.....	267
Время шутов.....	331
Признание в любви.....	429
Год перед выпуском.....	502
Сценки для домашнего театра	
Поздний завтрак.....	544
Нашествие.....	554
Играющий с тенью.....	575
«Бывшие, небогатые...» (рецензия).....	589

